

Кронгауз Максим Анисимович – профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, директор Института лингвистики РГГУ. Автор научных монографий, учебников, статей по семантике, прагматике, культурологии, русистике.

СЕМАНТИКА

Издательский центр «Академия»

СЕМАНТИКА

Высшее профессиональное образование

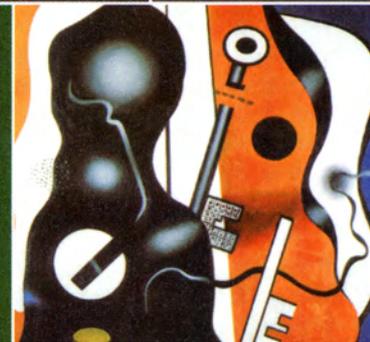
М. А. Кронгауз

СЕМАНТИКА

2-е издание

Учебник

Учебник

Языкознание

М. А. КРОНГАУЗ

СЕМАНТИКА

Допущено

*Министерством образования и науки Российской Федерации
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности «Теоретическая и прикладная
лингвистика» направления подготовки дипломированных специалистов
«Лингвистика и новые информационные технологии»*

2-е издание, исправленное и дополненное

Якуш В. А.

Москва

АКАДЕМИА
2005

УДК 800(075.8)
ББК 81я73
К834

Рецензенты:

кафедра теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова (зав. кафедрой — доктор филологических наук, профессор *А. Е. Кибрик*); доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела общего и теоретического языкознания Института языкознания РАН *Т. Е. Янко*

Кронгауз М. А.

К834 Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Максим Анисимович Кронгауз. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 352 с. ISBN 5-7695-2016-7

В учебнике семантика рассматривается как лингвистическая дисциплина, изучающая значения языковых единиц, их функционирование в языке и речи. Лингвистическая семантика обсуждается в контексте смежных с ней дисциплин: прагматики, теории речевых актов и др.

Наряду с основным адресатом — студентами-лингвистами — может быть рекомендован широкому кругу специалистов в области филологии и философии.

УДК 800(075.8)
ББК 81я73

Оригинал-макет данного издания является собственностью Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом без согласия правообладателя запрещается

© Кронгауз М. А., 2005
© Образовательно-издательский центр «Академия», 2005
ISBN 5-7695-2016-7 © Оформление. Издательский центр «Академия», 2005

Сестра Женя, которой было тогда двенадцать лет, катала меня, как куклу, в плетеной колясочке на деревянных колесах. В это время зашел котенок. Увидев его, я выпучил глаза, протянул руки и явственно произнес:

– Кыс, кыс!

По преданию, первое слово, сказанное Державиным, было — Бог. Это, конечно, не в пример величественней. Мне остается утешаться лишь тем, что вообще

есть же разность

между Державиным и мной, —

а еще тем, что в конце концов, выговаривая первое слово, я понимал, что говорю, а Державин — нет.

В. Ходасевич

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предполагаемый адресат этого учебника — студенты-лингвисты. Соответственно и основной предмет обсуждения в первую очередь лингвистическая семантика. В принципе можно было бы содержательно обосновать ее особое место и важность среди прочих «семантик», но достаточно ограничиться констатацией самого факта, подкрепив его лишь следующим рассуждением. Семантика — наука о значении, и поэтому, безусловно, часть науки о языке, о языке в узком, в широком, в каком угодно смысле этого слова. Открывая любую книгу о языке (например, книгу под названием «Язык»), читатель по умолчанию ожидает именно лингвистического исследования, хотя в действительности этот феномен интересует представителей разных наук, и такая книга могла бы быть, например, философской или психологической монографией или даже просто романом. Все это относится и к семантике. Иначе говоря, книга под названием «Семантика», оказавшись лингвистической по сути, по крайней мере, не обманет читательские ожидания.

Итак, **семантика** понимается в дальнейшем как лингвистическая дисциплина, изучающая план содержания языка в целом, значение различных языковых единиц, их функционирование в языке и речи.

В самой лингвистике семантика занимает совершенно особое место, поскольку, с одной стороны, пронизывает все языковые уровни, а с другой стороны, связывает лингвистику с такими науками, как философия, логика, психология, семиотика и др. Термин «семантика» существует в рамках разных наук и при этом

понимается всякий раз по-своему. Корректное его употребление предполагает достаточно широкое знакомство с этими науками и учет своеобразия философской, логической и прочих семантик. Таким образом, хотя в настоящем учебнике речь прежде всего идет о лингвистической семантике, с необходимостью затрагиваются и различные связанные с ней дисциплины, в том числе и из других областей знания.

Этот учебник написан при финансовой поддержке Института «Открытое общество», которому я выражаю искреннюю признательность. При поддержке данного Института в рамках программы «Высшее образование» в 1999—2001 гг. изданы и другие лингвистические учебники; некоторые из них можно рекомендовать при изучении семантики: «Введение в психолингвистику» А. А. Залевской (1999), «Основы психолингвистики» А. А. Леонтьева (1999), «Общая морфология. Введение в проблематику» В. А. Плунгяна (2000), «Лингвистическая семантика» И. М. Кобозевой (2000) и др.

В заключение я хочу сказать о близких, друзьях и коллегах, в той или иной степени способствовавших созданию этой книги. В процессе ее написания постоянную помощь и поддержку мне оказывала моя жена Мария Бурас. Я хочу поблагодарить рецензентов первого издания книги П. Б. Паршина и А. Д. Шмелёва за ценные замечания. Особой благодарности заслуживают Л. Л. Фёдорова, Н. Т. Валеева и В. В. Глебкин, внимательнейшим образом прочитавшие уже вышедшую книгу. Их дружеская критика помогла мне устранить как очевидные опечатки, так и содержательные недостатки первого издания. За техническую помощь в подготовке второго издания я хотел бы поблагодарить также Н. Т. Валееву (ее организовавшую) и моих студентов Ольгу Филипук, Александра Беляева и Алексея Товчигречко (ее осуществивших).

Основную работу по подготовке второго издания я провел, находясь в качестве приглашенного профессора на кафедре русского языка и славистики университета «Стендаль» г. Гренобля. В связи с этим хочу выразить свою признательность коллегам, создавшим мне благоприятные условия для работы и в разной мере помогавшим в ней: Александру Бурмейстеру, Изабелли Депре, Людмиле и Клоду Кастлерам.

Наконец, я хотел бы поблагодарить моих друзей и коллег, постоянное общение с которыми было и остается для меня важным стимулом для научной деятельности вообще и написания этой книги в частности: Т. В. Базжину, А. В. Дыбо, А. А. Зализняк, Г. Е. Крейдлина, Е. В. Муравенко, В. А. Плунгяна, В. И. Подлесскую, Е. В. Рахилину, Л. Л. Фёдорову, И. А. Шаронова, Е. Я. и А. Д. Шмелёвых, Т. Е. Янко.

ВВЕДЕНИЕ

0.1. О названии науки и ее истории

Семантика (от греческого *sēmaínō* ‘означать’ и *sēmanticós* ‘означающий’) — наука о значении. Сказать точно, когда она зародилась, как и про многие другие науки, невозможно. Размышления о значении и функции языка характерны для любого философского направления, вообще интересующегося языком. Поэтому часто истоки семантики находят в древнегреческой философии. Так, Х. Кронассер свой очерк истории семантики, наиболее подробный и по сей день, начинает с софистов и Платона, за которыми следует обязательный Аристотель (Kronasser 1952)¹. Однако с не меньшим основанием можно усмотреть семантические идеи и в китайской философии (моизм, минцзя и другие школы), принципиальное отличие которой от древнегреческой с точки зрения развития семантики состоит не столько в содержании, но прежде всего в степени влияния на европейскую традицию. Начало семантики как самостоятельной дисциплины Х. Кронассер связывает с появлением работ английского философа Дж. Локка и относит к середине XVII в. (Locke 1660). Становление же собственно лингвистической семантики, по общему мнению, относится к XIX в. В 1839 г. немецкий лингвист К. Райзиг предлагает новое имя для тогда еще просто «науки о значении» — семасиология (нем. *Semasiologie*, также от греческого *sēmaínō* ‘означать’ и *sēmasía* ‘значение’) и рассматривает ее как одну из грамматических дисциплин (Reisig 1839)².

В 1883 г. французский лингвист М. Бреаль предлагает новое название — семантика (от фр. *la sémantique*; Bréal 1883), однако еще в 1878 г. он упоминал его в частном письме к А. де Губернатису³. Через 14 лет выходит первое издание его знаменитой книги «*Essai de sémantique. Science des significations*» (Bréal 1897), еще более укрепляющей новое наименование. Тем не менее два эти термина — семасиология и семантика — сосуществуют и конкурируют

¹ Здесь и далее в скобках после фамилии автора указан год издания книги; ее полное название и номера страниц приводятся в списке литературы в конце каждой главы.

² Х. Кронассер указывает еще более ранний срок появления термина «семасиология» — около 1826 г., ссылаясь на в то время еще не опубликованные лекции К. Райзига.

³ Х. Кронассер отрицает приоритет М. Бреаля (Kronasser 1952, 29 прим.), однако никак не аргументирует свою позицию.

примерно до 60-х годов XX в.¹ Свидетельством этой конкуренции может служить почти одновременный выход двух обобщающих трудов по этой дисциплине, использующих разные ее названия: в 1951 г. на английском языке «The principles of semantics» С. Ульманна (Ullmann 1959) и в 1952 г. на немецком языке «Handbuch der Semasiologie» Х. Кронассера (Kronasser 1952). В 1957 г. появляется книга В. А. Звегинцева «Семасиология» (Звегинцев 1957). Только с 60-х годов термин «семантика» становится основным, а сейчас по существу и единственным названием науки.

Термин «семасиология», однако, сохранился в научном обиходе и используется в более узком смысле. Под ним подразумевается раздел семантики, изучающий значение слов и словосочетаний, которые используются для номинации, т. е. фактически изучающий переход от формы слова к мысли или предмету. В терминологическом плане семасиология противопоставлена ономасиологии, изучающей саму номинацию — переход от предмета или явления к их обозначению в языке, т. е. изучающей то, как происходит называние. Обе эти дисциплины являются в современном понимании составными частями семантики в целом.

В настоящем учебнике исторического очерка как такового нет, поскольку это учебник прежде всего теоретический. Следует также отметить, что лингвистическая семантика (или семасиология) в XIX и в начале XX в. представляла собой исключительно диахронную науку. Главной ее задачей было изучение изменения и развития значения отдельных слов. Современная же лингвистическая семантика — наука, почти исключительно синхронная. Поэтому в различных главах присутствуют элементы исторического обзора, однако речь идет прежде всего о XX в. и направлениях семантики (в рамках разных наук), представляющих синхронное изучение языка и во многом определяющих сегодняшнее состояние семантики. Любопытного читателя можно отослать к уже упоминавшимся книгам Kronasser 1952 и Ullmann 1959, а также к Cassirer 1923 и книгам на русском языке Звегинцев 1957 и Шафф 1963.

С учетом интересов читателя и учебной направленности настоящей книги во введении предлагается краткий обзор наиболее значительных обобщающих трудов по семантике теоретического, справочного или учебного характера, которые появились во второй половине XX в. и сохранили свою значимость. Сюда, за небольшим исключением, не входят исследовательские монографии, в которых излагаются или развиваются взгляды какого-либо одного лингвиста или лингвистического направления (например,

¹ Другие названия, произведенные от того же греческого корня — семология (предложение А. Норена) и сематология (предложение К. Коллина), никакого распространения не получили.

семантика в генеративной грамматике и т.д.). Многие из таких книг упоминаются в основном тексте, в частности в главах, посвященных отдельным теориям и моделям языка.

0.2. Книги о семантике

Бурное развитие синхронной семантики приходится прежде всего на вторую половину XX в.¹. Исключительную роль в этом развитии сыграл перелом, ставший во многом рубежом между старой (диахронной) и новой (синхронной) семантиками, который произошел в течение нескольких десятилетий именно в первой половине нашего века (по крайней мере, после появления «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра в 1916 г.). Попытку осмыслить достижения, с одной стороны, лингвистической семантики (развитой исторической и развивающейся синхронной) и, с другой стороны, семантик философской, логической и, в несколько меньшей степени, психологической предприняли сразу несколько ученых.

В течение немногим более десятилетия появилось пять обобщающих трудов по семантике, принадлежащих четырем авторам: С. Ульманну (1951, 1962), Х. Кронассеру (1952), В. А. Звегинцеву (1957) и А. Шаффу (польское издание вышло в 1960 г., русское — в 1963 г.). Но если В. А. Звегинцев явно тяготеет к диахронной семантике, а А. Шафф — к философской линии, то и Х. Кронассер, и С. Ульманн (по крайней мере, в первой книге 1951 г.) пытаются совместить различные понимания семантики и представить полную картину современной им науки. В своей второй книге С. Ульманн (1962) в основном говорит уже о лингвистической синхронной семантике.

В связи с бурным развитием этой лингвистической области многие теоретические главы обобщающих работ быстро устаревали, хотя и сейчас все названные монографии представляют значительный интерес. Наиболее устарела, по крайней мере на первый взгляд, книга А. Шаффа (но далеко не во всем): в основном из-за того, что она основывается на принципах марксизма, и многие пассажи (как можно предполагать, направленные в адрес «официальной и идеологически правильной» науки) кажутся сейчас наивными.

Из-за такого естественного устаревания (не связанного с собственно качеством продукции) в лингвистическом мире, прежде всего на английском языке, постоянно появляются новые обоб-

¹ Судить о темпах роста и объеме «семантической продукции» хотя бы в течение 20 лет (с 1965 по 1985 г.) можно по сборникам библиографии Gordon 1980, 1987.

щающие монографии по семантике теоретического, справочного и учебного характера. И судя по их количеству, спрос на семантику не ослабевает.

Наиболее продуктивно в этом жанре работает английский лингвист Дж. Лайонз. Достаточно назвать его знаменитый двухтомный труд 1977 г. и более поздние книги 1981 и 1995 гг. (Lyons 1977, 1981, 1995¹), хотя перу Лайонза принадлежат и другие книги о языке, лингвистике и лингвистах, включающие в том числе и информацию о семантике. Работы Дж. Лайонза предназначены в первую очередь для студентов-лингвистов. Среди других многочисленных учебных пособий по семантике следует отметить Palmer 1981; Hurford, Heasley 1983; Allan 1986; Frawley 1992; Hofmann 1993 и Saeed 1997, выделяющиеся объемом и широтой охвата семантических проблем. Количество же «тонких» учебников на разных языках, ориентированных на краткий обзор основных проблем, весьма велико, и, поскольку они не имеют научной ценности, нет смысла даже упоминать их.

Особый интерес представляют теоретические работы по семантике известных исследователей, среди которых можно выделить книги А. Греймаса, Дж. Катца и Дж. Лича (Greimas 1966; Katz 1972; Leech 1974), каждая из которых стала определенным этапом в развитии семантики.

В последние годы появились также справочные издания, либо целиком посвященные семантике, либо отводящие значительное место обсуждению семантических проблем. Так, в 1991 г. в серии HSK (*Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft*) выходит почти тысячестраничный справочник «Semantik». В 1995 г. появляется продолжающееся издание «Handbook of pragmatics». В этом же ряду можно назвать новое трехтомное издание «Encyclo-pedic dictionary of semiotics», вышедшее в свет в 1994 г. В 1997—2004 гг. в серии HSK вышло четыре тома справочника «Semiotik».

Из большого числа общелингвистических словарей и энциклопедий следует отметить однотомный энциклопедический словарь Ducrot, Todorov 1972, прекрасно структурированный и отражающий уровень лингвистической науки 70-х годов, а также двухтомное издание Greimas, Courtés 1979 (второй том, вышедший в 1986 г., содержит дополнения и обсуждение наиболее дискуссионных вопросов).

На фоне столь активной (особенно в 90-е годы) издательской деятельности в области учебной и справочной литературы на английском, немецком и французском языках особенно заметно отсутствие учебных пособий на русском языке. И хотя в российской лингвистике существуют книги, «покрывающие» отдельные раз-

¹ Русский перевод книги Lyons 1995 появился в 2003 г. — Лайонз 2003.

дела семантики (Апресян 1995, Арутюнова 1976, Городецкий 1969, Новиков 1982, Падучева 1985, Степанов 1985, Шмелев 1977 и др.), заменить отсутствующий современный учебник по семантике (в силу своего неучебного характера, а также времени появления — это в основном книги 70—80-х годов) они не могут. Учебный курс М. В. Никитина (1996) ориентирован в основном на лексическую семантику в ее традиционном аспекте. Следует отметить ряд книг на русском языке, посвященных исключительно логико-философской семантике, например Тондл 1975 (перевод с чешского), Павиленис 1983. К поколению новых учебников относится вышедшая в 2000 г. книга И. М. Кобозевой «Лингвистическая семантика».

Издание учебного пособия по семантике на русском языке, конечно же, необходимо, как оно было необходимо в 60—70-е, а затем и в 80-е и 90-е годы XX столетия. Но сейчас это фактически единственный способ хоть как-то ликвидировать все увеличивающийся разрыв (не хочется говорить «отставание», поскольку российская семантика развивается вполне успешно) между российской и западной наукой, который особенно болезненно отзывается в образовании. Причем разрыв этот взаимный: достаточно сказать, что в «*Handbook of pragmatics*» российская лингвистика представлена по существу лишь одной статьей «Марксистская лингвистика».

Сегодняшний учебник по семантике должен опираться на достижения российской семантики (так, можно говорить о существовании Московской семантической школы, направления логического анализа естественного языка, теории функциональной грамматики и других оригинальных российских семантических школ и подходов), но при этом не может не учитывать новейших и еще малоизвестных у нас направлений западной лингвистики (описанных, в частности, в указанных выше работах). Более того, задача состоит не только в том, чтобы все это учесть, но и в том, чтобы объединить это в некую единую (пусть развивающуюся и изменяющуюся) научную картину.

В связи с этим важно подчеркнуть, что даже отмеченные справочные издания неполны (не в смысле учета отдельных работ, а более глобально, т. е. структурно и композиционно). Такая неполнота, по-видимому, неизбежна и обусловлена свойствами самой семантики. Эта научная область необычайно сложна, неоднородна, аморфна и принципиально открыта, т. е. развивается в различных, иногда труднопредсказуемых направлениях. Перечисленные качества семантики делают недостаточным для ее адекватного освещения любой отдельно взятый подход. Именно поэтому предлагаемое учебное пособие строится на основании нескольких взаимодополняющих взглядов на семантику, что и отражено в его структуре.

0.3. Структура книги

Учебник состоит из предисловия, введения, 6 частей, состоящих из 23 глав, заключения, приложения и двух указателей (предметного и именованного).

Часть I посвящена уточнению понятия «семантика» в разных науках и областях человеческой деятельности, сравнению этих областей в общей картине человеческого знания.

В части II рассматриваются наиболее важные и общезначимые семантические проблемы и связанный с ними теоретический и понятийный аппарат.

В части III семантика представлена в чисто лингвистическом аспекте как достаточно строгая, ограниченная и структурированная (в соответствии с рангами языковых единиц) область. Объектом обсуждения становятся значения языковых единиц — от морфемы до текста, а также значения грамматических категорий. Именно в этой части привлекается основной конкретный языковой материал.

В части IV в центре внимания находится понятие семантической категории, единой при всем разнообразии способов ее выражения.

В части V рассматриваются семантические компоненты, уровни и разделы в наиболее известных и значительных теориях и моделях языка.

Наконец, часть VI показывает семантику в динамике ее развития и изменения. Здесь рассматриваются новые области лингвистического знания, зародившиеся в рамках семантической науки или же, наоборот, вошедшие в лингвистическую семантику сравнительно недавно и отчасти изменившие ее предмет и задачи.

Предложенная структура подразумевает частичное повторение некоторых тем и их обсуждение с разных точек зрения в составе разных разделов.

Задача данной книги состоит в том, чтобы дать ее основному адресату — студентам гуманитарных специальностей — возможность приобрести фундаментальные знания в области семантики и в смежных с ней областях, овладеть теоретическим и понятийным аппаратом семантики, уметь ориентироваться в различных проблемах, связанных со значением и его функционированием в человеческом общении. Но теоретические знания в семантике в значительной степени неполны (как и во многих других областях науки) без усвоения определенных навыков (особенно если речь идет о студентах-лингвистах) — техники семантического анализа, толкования различных языковых единиц (от морфемы до целого текста), умения синтезировать тексты заданного жанра и др.

С целью продемонстрировать направление развития практических навыков в Приложении вниманию читателя предлагаются оригинальные семантические задачи и разбор их решения.

Несколько слов нужно сказать и о структуре отдельных глав. В курсе семантики необходим разумный компромисс между изложением научных теорий и дискуссий и собственно семантическим анализом языкового материала. Предлагаемый учебник не является книгой по истории семантических учений, однако без изложения различных точек зрения и истории их развития обойтись не удастся. Этому, как уже сказано, частично посвящены части I и IV, а также историко-энциклопедические преамбулы в некоторых главах. После преамбулы разбираются конкретные понятия и проблемы данной области на основе анализа конкретного языкового материала. Каждая глава содержит список рекомендуемой литературы.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1995.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. — М., 1976.

Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии. — М., 1969.

Звегинцев В.А. Семасиология. — М., 1957.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. — М., 2000.

Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. — М., 2003.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. — СПб., 1996.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. — М., 1982.

Павиленис Р.И. Проблема смысла. — М., 1983.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). — М., 1985.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М., 1985.

Тондл Л. Проблемы семантики. — М., 1975.

Шафф А. Введение в семантику. — М., 1963.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. — М., 1977.

Allan K. Linguistic meaning. 2 vols. — London; New York, 1986.

Bréal M. Les lois intellectuelles du langage: fragment de sémantique // Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques. — 1883. 17. P. 132—142.

Bréal M. Essai de sémantique. Science des significations. — Paris, 1897.

Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. — Die Sprache. — Berlin, 1923. — Bd. 1.

Ducrot O., Todorov Tz. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage. — Paris, 1972.

Encyclopedic dictionary of semiotics. — 2nd edition revised and updated. 3 vols. — Berlin; New York, 1994.

Frawley W. Linguistic semantics. — Hillsdale, 1992.

Gordon W.T. Semantics: a bibliography. 1965—1978. — Metuchen; New York; London, 1980.

- Gordon W.T. *Semantics: a bibliography. 1979—1985.* — Metuchen; New York; London, 1987.
- Greimas A.-J. *Sémantique structural. Recherche de méthode.* — Paris, 1966.
- Greimas A.-J., Courtés J. *Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage.* — Paris, t. 1 — 1979, t. 2 — 1986.
- Handbook of pragmatics. Manual / Ed. by J. Verschueren, J.-O. Östman, J. Blommaert.* — Amsterdam; Philadelphia, 1995.
- Hofmann T.R. *Realms of meaning: an introduction to semantics.* — London; New York, 1993.
- Hurford J.R., Heasley B. *Semantics: a course-book.* — London; New York, 1983.
- Katz J.J. *Semantic theory.* — New York, 1972.
- Kronasser H. *Handbuch der Semasiologie: kurze Einführung in die Geschichte, Problematik und Terminologie der Bedeutungslehre.* — Heidelberg, 1952.
- Leech G.N. *Semantics.* — Harmondsworth, 1974.
- Locke J. *An essay concerning human understanding. Book 3.* — London, 1660.
- Lyons J. *Semantics. 2 vols.* — London; New York, 1977.
- Lyons J. *Language, meaning and context.* — London, 1981.
- Lyons J. *Linguistic semantics: an introduction.* — Cambridge, 1995. [рус. перевод — см. выше Лайонз 2003]
- Palmer F.R. *Semantics. 2nd ed.* — Cambridge, 1981.
- Reisig Ch.C. *Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft.* — Leipzig, 1839.
- Saeed J.I. *Semantics.* — Oxford, 1997.
- Semiotik: ein Handbuch zu den zeichentheoretischen Grundlagen von Natur und Kultur / Hrsg. von R. Posner, K. Robering, T.A. Sebeok. Bd. 1—4.* — Berlin; New York, 1997—2004.
- Semantik: ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / Hrsg. von A. von Stechow, D. Wunderlich.* — Berlin; New York, 1991.
- Ullmann S. *The principles of semantics. A linguistic approach to meaning.* — 2nd ed. (with additional material). — Glasgow; Oxford, 1959. [1st ed. 1951; 2nd ed. 1957]
- Ullmann S. *Semantics. An introduction to the science of meaning.* — Oxford, 1962.

ЧАСТЬ I

СЕМАНТИКА В РАМКАХ ДРУГИХ НАУК

Семантические проблемы и семантические понятия (в первую очередь понятие значения) обсуждаются в рамках разных наук. Однако только для четырех наук (включая лингвистику) можно говорить о семантике как о некоем самостоятельном разделе или области исследования.

Семантика является составной частью не только лингвистики, но и философии, логики и семиотики. Причем сам термин «семантика» понимается в рамках этих наук по-разному. Терминологическая путаница усиливается еще и тем, что понятие «семантика» и связанные с ним понятия: «значение», «семантические структуры» и подобные им — используются и в других науках, в частности в психологии и культурологии. Более того, термин «семантика» совершенно особым образом используется в рамках достаточно специфического направления человеческой деятельности, называемого общей семантикой.

Конечно, решение частных лингвистических задач возможно и без обращения к философским, логическим и другим проблемам семантики. Однако понять развитие и перспективу лингвистической семантики в целом без знания сопредельных областей едва ли возможно. Действительно, несмотря на все различия соответствующих областей и интерпретаций семантики, в них имеет место постоянная их взаимосвязь и взаимовлияние. Достаточно сказать, что такие разделы и ответвления лингвистической семантики, как теория референции и теория речевых актов, возникли под непосредственным влиянием философской и логической семантики, где обсуждение этих проблем началось значительно раньше, чем в лингвистике. Кроме того, метаязык современной лингвистической семантики во многом сложился на основе различных формальных языков математической логики. Даже такое не вполне безупречное с научной точки зрения течение, как общая семантика, многие свои идеи фактически реализовало именно в современной лингвистике.

Огромную роль для развития современной семантики и осознания ее как отдельной и важной науки сыграла семиотика, своего рода метанаука по отношению к лингвистике. Именно в рамках семиотики были впервые осмыслены и определены ос-

новые цели, задачи и рамки синхронного семантического исследования.

В самых общих словах можно сказать, что философская семантика является методологией семантики лингвистической, а логическая семантика разрабатывает для лингвистов формальные метаязыки и вообще формальный аппарат исследования и описания. В действительности идейные связи разных семантик иногда настолько сильны, что невозможно точно квалифицировать то или иное исследование как принадлежащее только к философии или только к лингвистике и т. д.

ГЛАВА I

СЕМИОТИКА

Семиотика — наука о знаках — появилась в начале XX в. Уже изначально она представляла собой метанауку, особого рода надстройку над рядом наук, оперирующих понятием знака. Несмотря на формальную институализацию семиотики (существуют семиотическая ассоциация, журналы, регулярно проводятся конференции и т. д.), статус ее как единой науки до сих пор остается дискуссионным.

Идея создания науки о знаках возникла почти одновременно и независимо у нескольких ученых. Основателем семиотики считается американский логик и философ Ч. С. Пирс (1839—1914), который и предложил ее название. Основные работы Ч. С. Пирса были опубликованы после его смерти в 30-е годы. Ч. С. Пирс, в частности, дал определение знака, первоначальную классификацию знаков (индексы, иконы, символы), установил задачи и рамки новой науки. Идеи Ч. С. Пирса развил в своем фундаментальном труде другой американский философ Ч. Моррис. Он, кроме всего прочего, определил и структуру самой семиотики.

Почти в это же время швейцарский лингвист Ф. де Соссюр (1857—1913) предложил основы семиологии, также науки о знаках. Знаменитый «Курс общей лингвистики» (курс лекций) был издан учениками после его смерти в 1916 г. Термин «семиология» и сейчас используется в некоторых традициях (прежде всего французской) как синоним семиотики.

В 1923 г. немецкий философ Э. Кассирер опубликовал трехтомный труд, посвященный философии символических форм, т. е. фактически тоже науке о знаках, или символах, в терминологии Э. Кассирера.

Несмотря на общую идею необходимости создания науки о знаках, представления о ее сущности, в частности, у Ч. С. Пирса

и Ф. де Соссюра значительно различались. Пирс рассматривал ее как «универсальную алгебру отношений», т. е., скорее, как раздел математики. Соссюр же говорил о семиологии как науке психологической, своего рода надстройке, прежде всего над гуманитарными науками.

Начало XX в. — время создания семиотики — послужило отправной точкой ее развития как в будущее, так и в прошлое (хотя это и звучит парадоксально). Так, современные ученые, обращаясь к работам мыслителей прошлого, открывали в них фрагменты семиотических исследований. Чтобы показать разброс семиотических трудов по различным областям человеческой мысли и духа, достаточно назвать, например, имена Блаженного Августина, Дж. Локка, В. фон Гумбольдта, К. Маркса или З. Фрейда. В XX в. семиотика развивалась в очень разных направлениях. В американской семиотике, развивающейся в русле работ Ч. С. Пирса и Ч. Морриса, объектом изучения были различные невербальные символные системы, например жесты или языки животных. В Европе, напротив, первоначально торжествовала языковая соссюровская традиция. Семиотику развивали прежде всего лингвисты Л. Ельмслев, С. О. Карцевский, Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон и др. и литературоведы В. Я. Пропп, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум. Лингвистические методы переносились и на другие области. Так, Я. Мукаржовский использовал методы, разработанные в Пражском лингвистическом кружке, для анализа искусства как знакового феномена. И позднее структурные методы при анализе социальных и культурных явлений применяли французские и итальянские структуралисты Р. Барт, А. Греймас, К. Леви-Строс, У. Эко и др.

В СССР взаимодействовали два основных семиотических центра — в Москве (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский и др.) и Тарту (Ю. М. Лотман, Б. М. Гаспаров и др.). В то же время с большим основанием говорят о единой Московско-тартуской (или Тартуско-московской) школе семиотики, объединившей исследователей на основе как содержательных, так и организационных принципов. Московско-тартуская школа оказала влияние не только на развитие советской и мировой науки, но и, кроме того, стала значительным культурным явлением в жизни советской интеллигенции. Ее можно рассматривать как своего рода идейную оппозицию марксистскому подходу в гуманитарных науках.

Первым крупным семиотическим мероприятием в стране стал симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Он был организован совместно Институтом славяноведения и Советом по кибернетике и проведен в Москве в 1962 г. В программу симпозиума были включены следующие секции: 1. Естественный язык как знаковая система. 2. Знаковые системы письма и дешифровка. 3. Неязыковые системы коммуникации. 4. Искусственные языки. 5. Моделирующие семиотические системы. 6. Искусство как семи-

отическая система. 7. Структурное и математическое изучение литературных произведений. На симпозиуме были сделаны доклады по машинному переводу, лингвистической и логической семиотике, семиотике искусства, мифологии, невербальных систем коммуникации, ритуала и пр. Первое заседание открыл акад. А. И. Берг. В симпозиуме участвовали П. Г. Богатырёв, А. К. Жолковский, А. А. Зализняк, Вяч. Вс. Иванов, Ю. С. Мартемьянов, Т. М. Николаева, Е. В. Падучева, А. М. Пятигорский, И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, Б. В. Сухотин, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский, Т. В. Цивьян и др.

В это время возник термин «вторичные моделирующие системы». Язык понимался как первичная знаковая система, надстроенные же над ним знаковые системы рассматривались как вторичные. Термин предложил В. А. Успенский, в частности и с целью избежать частого употребления термина «семиотика», поскольку он вызывал неприятие со стороны официальной идеологии.

В Тарту центром семиотики стала кафедра русской литературы, на которой работали Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, И. А. Чернов и др. В 1964 г. здесь вышел первый сборник «Труды по знаковым системам», и в этом же году состоялась первая летняя школа по вторичным знаковым системам, по существу объединившая два центра, а также ученых из других городов. В течение десяти лет было проведено пять летних школ. Школы в 1964, 1966 и 1968 гг. прошли в Кяэрику на спортивной базе Тартуского университета, школы в 1970 и 1974 гг. — в Тарту, причем последняя официально называлась Всесоюзным симпозиумом по вторичным моделирующим системам. Значительно позднее — в 1986 г. — состоялась еще одна, последняя, школа. Во второй летней школе принял участие приехавший в страну после долгого отсутствия Р. О. Якобсон.

В рамках Московско-тартуской школы семиотики объединились две традиции — московская лингвистическая и ленинградская литературоведческая, поскольку именно к последней принадлежали Ю. М. Лотман и З. Г. Минц.

В основе московской лингвистической традиции лежали методы структурной лингвистики, кибернетики и информатики (в частности, поэтому одним из основных стало понятие вторичной моделирующей системы). Для Ю. М. Лотмана же ключевым стало понятие текста (и прежде всего художественного), которое он распространил на описание культуры вообще.

В начале работы Московско-тартуской школы имело место чрезвычайно разнообразное охватываемой тематики, при этом достаточно хорошо было представлено исследование простых систем — дорожных знаков, карточных игр, гаданий и т. д. Постепенно, однако, интересы членов школы почти полностью сместились к сложным знаковым системам — мифологии, фольклору, литературе и искусству. Основной понятийной категорией, используемой в этих

исследованиях, был текст. К семиотическому анализу текстов в самом широком смысле слова относятся, например, исследования основного мифа (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров), фольклорных и авторских текстов (М. И. Лекомцева, Т. М. Николаева, Т. В. Цивьян и др.). Другое направление, связанное с этим понятием, представлено в первую очередь в работах Ю. М. Лотмана. В этом случае речь идет о тексте культуры, а само понятие культуры становится центральным, фактически вытесняя понятие языка.

Культура понимается как знаковая система, по существу являющаяся посредником между человеком и окружающим его миром. Она выполняет функцию отбора и структурирования информации о внешнем мире. Соответственно различные культуры могут по-разному производить такой отбор и структурирование.

В современной российской науке преобладает именно эта традиция, однако с активным использованием лингвистических методов. Так, можно говорить о семиотике истории и культуры, основанной на лингвистических принципах (Ю. И. Левин, Т. М. Николаева, Ю. С. Степанов, Н. И. Толстой, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский и др.). Важную роль для лингвистики играет исследование знаковых систем, непосредственно связанных с языком и речью, — жестов, мимики и поз (Г. Е. Крейдлин).

Особый интерес представляют рефлексии по поводу Московско-тартуской семиотической школы ее членов и осмысление ее как особого культурного и даже семиотического феномена. Основная масса публикаций (в том числе и мемуарного характера) приходится на конец 80-х и 90-е годы. Среди различных описаний и интерпретаций Московско-тартуской школы можно выделить статью Б. А. Успенского «К проблеме генезиса Тартуско-московской семиотической школы» (впервые опубликована в «Трудах по знаковым системам» в 1987 г.), основные положения которой, по-видимому, общепризнаны. Наиболее же дискуссионной оказалась статья Б. М. Гаспарова «Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен». Она была впервые опубликована в *Wiener Slawistischer Almanach* в 1989 г. и вызвала ряд откликов, уточняющих ее основные тезисы и спорящих с ними. Б. М. Гаспаров рассматривает школу как целостное явление (он почти не упоминает никаких имен), для которого характерна западническая ориентация, герметизм, эзотеризм и подчеркнутая усложненность языка, утопизм. Фактически он понимает ее как своего рода внутреннюю культурную эмиграцию из советского идеологизированного пространства.

Несмотря на различия, представленные в тематике и методах многочисленных направлений семиотики, можно говорить о ее общих теоретических основаниях. В основе понятийного аппарата семиотики лежит понятие **знака**, определяемого, впрочем, по-разному в различных традициях. В логико-философской традиции,

восходящей к Ч. Моррису и Р. Карнапу, знак понимается как некий материальный носитель, представляющий другую сущность (в частном, но наиболее важном случае — информацию). В лингвистической традиции, восходящей к Ф. де Соссюру и позднейшим работам Л. Ельмслева, знаком называется двусторонняя сущность. В этом случае вслед за Соссюром материальный носитель называется означающим, а то, что он представляет, — означаемым знака. Синонимом означающего являющегося термины «форма» и «выражение», а в качестве синонимов означаемого используются термины «содержание», «значение» и иногда «смысл». Следует упомянуть также менее распространенное понимание знака как трехсторонней сущности, предложенное И. А. Мельчуком. Третьей стороной знака объявляется его синтактика (не надо путать ее с «синтактикой», по Ч. Моррису, обозначающей раздел науки). Синтактикой знака, по Мельчуку, называется его сочетаемость с другими знаками, не обусловленная значением.

Существуют и более формальные определения знака. Так, сущность знака может быть выражена следующей формулой:

X понимает и использует **Y** в качестве представителя **Z**.

В этой формуле **X** — тот, кто использует знак (пользователь знака) и участвует в процессе коммуникации. В качестве **Y** и **Z** может выступать что угодно, однако **Y** должен быть воспринимаемым, т. е. должен являться материальным объектом.

Тогда под знаком в логико-философской традиции понимается **Y**, материальный носитель или представитель **Z**-а. В лингвистической же традиции знаком называется пара **Y/Z**, т. е. двусторонняя сущность. В этом случае **Y** называется означающим знака, а **Z** — его означаемым.

К знакам относятся, например, слова, дорожные знаки, деньги, награды, знаки различия, сигналы, жесты и т. д.

Другое ключевое понятие семиотики — знаковый процесс, или семиозис (см. рис. 1).

Семиозис определяется как некая динамическая ситуация, включающая определенный набор компонентов.

В основе семиозиса лежит намерение лица **A** передать лицу **B** сообщение **B**. Лицо **A** называется отправителем сообщения, лицо **B** — его получателем или адресатом. Отправитель выбирает среду **Г** (или канал связи), по которой будет передаваться сообщение, и код **Д**. Код **Д**, в частности, задает соответствие означаемых и означающих, т. е. набор знаков. Код должен быть выбран таким образом, чтобы с помощью соответствующих означающих можно было составить требуемое сообщение. Должны также подходить друг к другу среда и означающие кода. Код должен быть известен получателю, а среда такова, чтобы означающие были доступны

его восприятию. Таким образом, воспринимая означающие, посланные отправителем, получатель с помощью кода переводит их в означаемые и тем самым принимает сообщение.

Частным случаем семиозиса является речевое общение (или речевой акт), а частным случаем кода — естественный язык. Тогда отправитель называется говорящим, получатель — слушающим или также адресатом, а знаки — языковыми знаками. Код (и язык в том числе) представляет собой систему, которая состоит из структуры знаков и правил ее функционирования. Структура, в свою очередь, состоит из знаков и отношений между ними (иногда говорят также о правилах комбинирования).

Семиотика разделяется на три основные области: синтактику (или синтаксис), семантику и прагматику. **Синтактика** изучает отношения между знаками и их составляющими (речь идет в первую очередь об означающих). **Семантика** изучает отношение между означающим и означаемым. **Прагматика** изучает отношение между знаками и его пользователями.

Такое понимание семантики не вполне соответствует определению и задачам лингвистической семантики. Лингвистическая семантика изучает прежде всего отношения между различными означаемыми, но включает в себя также и прагматические задачи, и некоторые другие, которые трудно сформулировать в классических терминах семиотики (например, задачи теории речевых актов и т. д.). Тем не менее лингвистический семантический анализ основывается именно на базовых семиотических понятиях — знак и семиозис (или речевое общение). Лингвистическое значение в традиционном понимании — это именно означаемое знака: то, что сообщается при речевом общении.

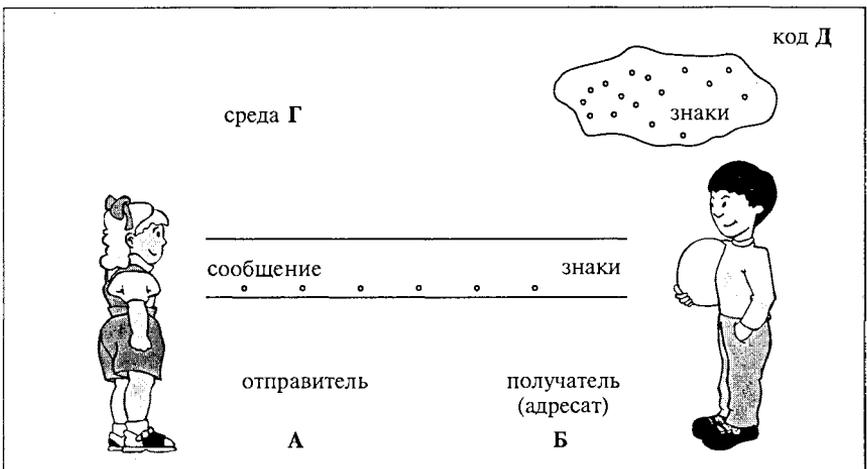

Рис. 1. Семиозис

Существует значительное число классификаций знаков, основанных на различиях формы, содержания, связи формы с содержанием, структуры и на других параметрах. До настоящего времени сохраняет свое значение классическое (введенное Ч. С. Пирсом) разбиение знаков на три группы — иконы, индексы и символы. Эта классификация основана на типологии соотношения формы и содержания.

Так, **иконами** (или иконическими знаками) называются знаки, чья форма и содержание сходны качественно или структурно. Например, батальное полотно или план сражения являются знаками-иконами, если считать их содержанием само сражение. **Индексами** (или индексальными знаками) называются знаки, чья форма и содержание смежны в пространстве или во времени. Следы на песке, позволяющие предположить, что ранее кто-то прошел по песку; дым, предполагающий наличие огня; симптомы болезни, подразумевающие саму болезнь, — все это индексальные знаки. По-видимому, правильнее говорить не о смежности формы и содержания, как это принято традиционно, а о наличии между ними определенных причинно-следственных связей.

Наконец, **символами** (или символическими знаками) называются знаки, для которых связь между формой и содержанием устанавливается произвольно, по соглашению, касающемуся именно данного знака. Для иконических и индексальных знаков форма позволяет догадаться о содержании знака даже незнакомому с ним адресату. Что же касается символических знаков, то их форма сама по себе, т. е. вне специального договора, не дает никакого представления о содержании. Ф. де Соссюр говорил в этом случае о немотивированности выбора означающего или отсутствии естественной связи между означаемым и означающим. Например, знак сложения «+» никак не связан с самой этой арифметической операцией — ни сходством, ни смежностью, ни причинно-следственными связями. Их связь произвольна в том смысле, что определяется особым соглашением, или конвенцией, обуславливающей использование соответствующего значка для передачи данного смысла.

Среди языковых знаков подавляющее большинство относится к символам. Это и позволило Ф. де Соссюру говорить о произвольности языкового знака. Между означающими русского, английского и немецкого языков *стол*, *table* и *Tisch* мало общего, хотя все они обозначают одно и то же. Произвольность означает, однако, не свободу выбора формы знака вообще — ведь в рамках одной знаковой системы этот выбор ограничен. По-английски соответствующий смысл выражается словом *table* и никаким другим. Произвольна, таким образом, сама связь между означаемым и означающим, устанавливаемая и определяемая языковой конвенцией, а не какими-то естественными причинами.

Впрочем, в языках имеются и слова, означающие которых похожи на соответствующие означаемые. Таковы звукоподражания, или идеофоны: *и-го-го, мяу-мяу, бр-р-р, апчи* и др. Иконическим знаком может быть не только слово. Так, по замечанию Р. О. Якобсона, иконическим является порядок слов во фразе *Пришел, увидел, победил*, поскольку линейный порядок слов повторяет последовательность соответствующих действий.

К индексальным языковым знакам традиционно относят личные и указательные местоимения и некоторые другие местоименные слова (*я, ты, это, здесь, сейчас* и др.). Делается это по аналогии с жестами, хотя едва ли здесь уместно говорить о смежности или причинно-следственных связях.

В соответствии с типом восприятия формы знаки делятся на **зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные и вкусовые**. В человеческой коммуникации используются в основном первые три типа. Так, языковые знаки относятся к первому или ко второму типу (письменная и устная формы). К зрительным знакам также относятся сигналы светофора, регулировщика, дорожные знаки, мимика, жесты, позы и т. д. Среди слуховых знаков можно отметить гудки и сирены, звонки (будильника, телефона и др.), выстрел стартового пистолета и т. п. К разряду осязательных знаков принадлежат, например, жесты-касания — похлопывания, пожатия, поглаживания и др. Для слепых и глухих людей этот вид знаков становится основным. В коммуникации многих видов животных особую роль играют обонятельные знаки. Например, медведи и другие дикие животные помечают место обитания клочьями шерсти, сохраняющей запах, чтобы отпугнуть чужака и показать, что данная территория уже занята.

По длительности существования формы знаки делятся на **моментальные** и **длительные** (стабильные). К моментальным, т. е. исчезающим сразу после использования, относятся, например, звучащие слова, в то время как написанные слова являются длительными знаками.

Среди классификаций, основанных на типологии содержания знаков, главным следует считать разбиение знаков на слова и предложения, особенно важное для естественного языка. В соответствии со строением различаются **простые** (элементарные) и **сложные** (неэлементарные) знаки.

Как правило, в коммуникации используются не отдельные знаки, а их объединения, которые называются **знаковыми системами**. Объединение знаков в систему основывается на нескольких критериях — общности функции, сходстве форм и подобии структур. Знаковая система состоит из набора элементарных знаков, отношений между ними, правил их комбинирования, а также правил функционирования. Так, естественный язык с некоторым огрублением можно рассматривать как набор слов, находящихся в оп-

ределенных отношениях между собой (словарь и грамматика) вместе с правилами комбинирования слов (синтаксис), а также правилами функционирования (например, различные прагматические и коммуникативные постулаты).

К знаковым системам относятся естественные языки, языки программирования, денежная система, язык жестов и т.д.

При коммуникации знаковые системы могут взаимодействовать. В процессе речевого общения обычно используется не только язык, но жесты и мимика, причем знаки разных знаковых систем коррелируют между собой.

Отношения, которые существуют между знаками в знаковой системе, называются **парадигматическими**. Среди важнейших парадигматических отношений — синонимия, омонимия и др.

Наряду с парадигматическими отношениями между знаками существует и другой тип отношений — **синтагматические**. Синтагматическими называются отношения между знаками, возникающие в процессе их комбинирования. Именно синтагматические отношения обеспечивают существование текста — результата действия знаковой системы в процессе коммуникации.

И семиотические классификации, и многие другие результаты семиотических исследований демонстрируют параллелизм семантики языка и других знаковых систем. Однако, поскольку естественный язык является наиболее сложной, мощной и универсальной знаковой системой, непосредственное перенесение семиотических методов в лингвистику малоэффективно. Скорее наоборот, методы лингвистики, и в том числе лингвистической семантики, активно влияют на развитие семиотики. Тем не менее можно сказать, что в лингвистической семантике огромную роль сыграли сам семиотический подход в целом и основные семиотические понятия, такие, как «знак», «коммуникация» и «семиозис».

Рекомендуемая литература

- Иванов Вяч. Вс. Очерки по истории семиотики в СССР. — М., 1976.
Из работ московского семиотического круга. — М., 1997.
Крейдлиן Г.Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или Азбука общения. — М., 1997. [2-е изд. — М., 2004]
Московско-гартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления. — М., 1998.
Семиотика. — М., 1983.
Степанов Ю.С. Семиотика. — М., 1971.
Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М., 1985.
Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. — М., 1998.
Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. 3 Bd. — Berlin, 1923.
Encyclopedic dictionary of semiotics. 2nd edition revised and updated. 3 vols. — Berlin; New York, 1994.

Greimas A.-J., Courtés J. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage. — Paris, t. 1 — 1979, t. 2 — 1986.

Morris Ch.W. Foundations of the theory of signs. — Chicago, 1938.

Peirce Ch.S. Collected papers. Vol. 1—6. — Cambridge, 1931—1935.

Saussure F. de. Cours de linguistique générale. — Paris, 1916. [рус. перевод в кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М., 1977]

Semiotik: ein Handbuch zu den zeichentheoretischen Grundlagen von Natur und Kultur / Hrsg. von R. Posner, K. Robering, T.A. Sebeok. Bd. 1—4. — Berlin; New York, 1997—2004.

ГЛАВА 2

ФИЛОСОФИЯ

На рубеже XIX и XX вв. и особенно в начале XX в. в философии произошел своего рода лингвистический переворот. По мнению многих авторитетных философов (Г. Фреге, Б. Рассел, Дж. Мур, Л. Витгенштейн, Р. Карнап и др.), именно язык следует считать основным объектом философии как науки. Для объединения весьма разнородных философских исследований языка этого периода использовались разные термины, в частности «неопозитивизм», который, впрочем, был вытеснен названием «аналитическая философия». Аналитическая философия подразумевает анализ употребления языковых знаков и выражений в качестве источника постановки и решения философских проблем; более того, философия как наука фактически сводится к такому анализу. Понятие анализа в этом смысле было введено в XX в. английскими философами Б. Расселом и Дж. Муром и развито Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате». Таким образом, произошел переход от одного объекта исследования к другому — от человека и мира к языку, на котором можно говорить о человеке и мире. Фактически главной задачей философии в таком понимании стало решение именно семантических проблем.

В рамках аналитической философии выделяются два основных направления — **философия логического анализа** и **лингвистическая философия**. Для философии логического анализа характерным является использование средств формальной математической логики. В ее основе лежит утверждение Б. Рассела о том, что любая научно осмысленная проблема есть по существу формально-логическая проблема. В рамках философии логического анализа ставится также задача исправления языка (прежде всего языка науки) в соответствии с определенными нормами «научности», задаваемыми логикой. Лингвистическая философия, напротив, концентрирует внимание на содержательном анализе обыденного языка с целью устранить неправомерное расширение нормального употребления. Среди основных представителей философии логического анализа — Б. Рассел, «ранний» Л. Витгенштейн (периода 1912—1918 гг., представленный его знаменитым «Логико-философским трактатом»), участники Венского кружка, последователи львовско-варшавской логической школы и некоторые др. Источниками лингвистической философии стали работы Дж. Мура и «позднего» Л. Витгенштейна (периода 1929—1951 гг., реализо-

вавшего свои идеи прежде всего в «Философских исследованиях»), поддержанные оксфордской и кембриджской школами в Великобритании.

Многие конкретные работы в первую очередь лингвистических философов (Дж. Остин, П. Ф. Стросон, Дж. Сёрл и др.) имеют совершенно очевидную лингвистическую ценность. Идеи логического анализа получили развитие в конкретных логических работах по созданию метаязыка и семантической интерпретации.

Следует более подробно остановиться на отдельных идеях и течениях аналитической философии.

Значительное влияние на возникновение аналитической философии оказала философская концепция, сформулированная в XVII—XVIII вв. немецким философом Г. Лейбницем. Он выдвинул тезис о сводимости математики к логике, ставший основой доктрины логицизма, и развил идеи Р. Декарта о создании философского языка. Это направление, связывающее рациональную критику естественного языка с лингвопроектированием, т. е. созданием «правильного» логического языка (философского языка или метаязыка), стало основным для философии логического анализа.

В полном объеме попытался свести понятия и законы арифметики и математического анализа к логике немецкий математик Г. Фреге. Этому посвящена его двухтомная фундаментальная работа «Grundgesetze der Arithmetik»¹ (1893—1903). Кроме того, Г. Фреге заложил основы логической, а по существу и лингвистической семантики. Противопоставив смысл и обозначаемый объект (денотат или референт), он использовал немецкие термины Sinn ‘смысл’ и Bedeutung ‘значение’, и по-видимому, здесь и берет начало принципиальное расхождение лингвистической и логической терминологии, поскольку в лингвистике смысл и значение обычно используются как синонимы. Г. Фреге исследовал отношение между объектом, понятием и объемом понятия (классом всех объектов, подпадающих под данное понятие), причем распространил свое исследование не только на имена, но и на высказывания. Так, денотатом высказывания, противопоставленным его смыслу, он называл истинностное значение. Г. Фреге выделил класс неэкстенциональных контекстов (например, контексты знания), в которых не выполняется сформулированный Г. Лейбницем принцип взаимозаменяемости тождественных по денотату имен («два выражения считаются одинаковыми, если они всегда могут подставляться одно вместо другого, причем истинность целого не изменяется»). Фактически именно Г. Фреге первым сказал об особом виде значения — пресуппозиции, хотя и не использовал соответствующего термина.

¹ «Основы арифметики» — самый простой и точный, хотя и не единственный, перевод на русский язык.

Можно с полным основанием утверждать, что именно Г. Фреге заложил основание аналитической философии (не говоря уже о логической семантике). Его идеи, а также реакция на них Б. Рассела и несколько позднее Л. Витгенштейна и послужили отправной точкой лингвистического переворота в философии.

После опубликования второго тома труда Г. Фреге Б. Рассел обнаружил в его системе парадокс, о чем написал немецкому логике в письме. Это парадокс о множестве множеств (т. е. множестве всех множеств), которые не включают себя в качестве элемента. Проблема состоит в том, включает ли себя само это множество. Если да, то оно не соответствует основному требованию — не включать себя — и не должно принадлежать себе. Если же нет, то оно как раз соответствует основному требованию и поэтому должно принадлежать себе.

Схож с этим парадоксом его несколько упрощенный и популяризированный вариант, известный как парадокс брадоброя. Он состоит в следующем. В городе есть брадобрей, который бреет всех тех и только тех мужчин, которые не бреются сами. Должен ли он брить себя сам? Если да, то получится, что он бреется сам, а такого мужчину он брить не должен. Если же нет, то это означает, что он не бреется сам, а как раз таких мужчин он должен брить.

Б. Рассел работал над устранением этих и некоторых других парадоксов, оставаясь в рамках аксиоматического построения логики. Вместе с А. Уайтхедом он написал трехтомный труд «Principia Mathematica», в котором давалось логическое обоснование математики и преодолевались различные парадоксы. Причины парадоксов заложены в определенных свойствах языка, в частности в смешении различных видов общностей. Соответственно устранение парадоксов заключалось в строгом разграничении классов понятий по степени их общности. Эта концепция получила название **теория типов**. В ней задается иерархия объектов и дефиниций, во многом превосходящая различные семантические классификации слов.

Б. Рассел создал оригинальную **теорию дескрипций**, в которой строго различил имена и дескрипции, а внутри последнего класса — определенные и неопределенные дескрипции. Нетождественность собственных имен и определенных дескрипций позволила объяснить невозможность их взаимной подстановки во фразах типа *Георг IV интересовался, является ли Вальтер Скотт автором романа «Уэверли»*. Имя *Вальтер Скотт* и определенная дескрипция *автор романа «Уэверли»* обозначают одного и того же человека, но при этом не тождественны. Именно поэтому подстановка собственного имени *Вальтер Скотт* на место дескрипции *автор романа «Уэверли»* с сохранением смысла и истинности высказывания невозможна (ср. *Георг IV интересовался, является ли Вальтер Скотт Вальтером Скоттом*).

Рассматривая аномальные фразы типа *Король Франции лыс* (при том, что ныне короля Франции не существует), Б. Рассел фактически исследовал ложную пресуппозицию и ее роль в семантике высказываний (подробнее об этом см. п. 12.3.1).

Б. Рассел был создателем концепции **логического атомизма**. Ее суть можно свести к следующему: в результате анализа языка в нем выделяется набор основных элементарных (атомарных) предложений. Этот набор атомарных предложений составляет основу нашего знания о мире, а сами предложения сообщают о фундаментальных фактах и объектах. Все остальные предложения могут быть проанализированы как состоящие из атомарных.

Идею о возможности разложения сложных форм знания и языка на простые и раскрытия, таким образом, истинной схемы знания, представляющей подлинную структуру мира, следует считать одной из ключевых не только для математики и аналитической философии, но и для лингвистических поисков единого метаязыка, столь характерных для лингвистики XX в. (А. Вежбицкая, Московская семантическая школа, когнитивная семантика и др.). Основные же философские и лингвистические вариации этой идеи заключаются в том, что именно принимается за основу в качестве самого простого и элементарного (атомарные предложения Б. Рассела, протокольный язык представителей Венского кружка, семантические примитивы А. Вежбицкой или нечто другое).

Идею логического атомизма принял ученик Б. Рассела австрийский философ Л. Витгенштейн и развил ее в «Логико-философском трактате» («*Logisch-philosophische Abhandlung*», 1922) — одной из самых замечательных философских книг XX в. Трактат написан в афористичном стиле и имеет строгую иерархическую структуру. Все тезисы пронумерованы, причем тезисы, развивающие какой-либо другой тезис, получают соответствующую и более дробную нумерацию. Максимальная глубина нумерации достигает шести цифр. Основных же тезисов семь (с нумерацией глубиной один, т. е. состоящей из одной цифры), и, чтобы дать представление о содержании трактата, имеет смысл привести некоторые из них: 1. Мир есть все, что происходит. 3. Мысль — логическая картина факта. 4. Мысль — осмысленное предложение. 5. Предложения — функции истинности элементарных предложений. 7. О чем невозможно говорить, о том следует молчать.

Задача трактата состоит в исследовании устройства «осмысленного» («правильного») языка и общей формы предложения. Л. Витгенштейн полагал, что предложения показывают, каково положение дел, благодаря своей логической структуре. И хотя обыденный язык не всегда дает нам возможность ясно видеть эту структуру, с помощью анализа можно вычленить элементарные предложения, которые соответствуют фактам. Между миром, состоящим из фактов, или событий, и языком, состоящим из предложений, может

быть установлено соответствие. Для этого прежде всего надо сопоставить элементарные факты и элементарные предложения. Далее по определенным формальным правилам исчисляются сложные предложения, которые являются истинностными функциями предложений элементарных. Таким образом, «осмысленный» язык общает о мире, об элементарных и сложных фактах.

В «Логико-философском трактате» содержится классическое определение понимания, т.е. тем самым фактически и смысла предложения, которое общепринято в логике, хотя и отличается от соответствующего лингвистического. Л. Витгенштейн писал, что «понимать предложение означает знать, что происходит, если оно истинно» (тезис 4.024).

Все предложения, которые лежат вне построенного таким образом языка, бессмысленны. Л. Витгенштейн настаивал на том, что предложения естественных наук осмысленны, в отличие от предложений математики и логики, с одной стороны, и предложений традиционной философии, с другой стороны. Предложения математики и логики следует считать тавтологиями: они всегда истинны, а следовательно, в соответствии с приведенным выше определением не имеют смысла (то же, кстати, относится и к противоречивым высказываниям). Предложения же традиционной философии бессмысленны и просто невозможны, поскольку нарушают границы правильного языка. Бессмысленность самого языка традиционной философии и обсуждения метафизических проблем автор по существу распространяет и на свой труд, заканчивая его знаменитой фразой: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать».

«Логико-философский трактат» оказал значительное влияние на современную ему философию и задал концепцию философии логического анализа. Наиболее полно и программно она реализовалась в работах представителей Венского кружка и близких к нему ученых. Взгляды же самого Л. Витгенштейна претерпели в дальнейшем значительные изменения и во многом легли в основу лингвистической философии, о чем будет сказано ниже.

В 1922 г. австрийский философ М. Шлик организовал семинар при кафедре философии индуктивных наук Венского университета, на основе которого в конце 20-х годов и возник Венский кружок — объединение философов, математиков и других ученых. В работе Венского кружка приняли участие Р. Карнап, О. Нейрат, Г. Ган, К. Гёдель и др. С Венским кружком тесно сотрудничали и ученые других стран, среди которых прежде всего надо назвать группу берлинских философов, включающую Х. Рейхенбаха, К. Гемпеля и др. В 1929 г. Р. Карнап, Г. Ган и О. Нейрат опубликовали манифест Венского кружка, а с 1930 по 1939 г. венские ученые вместе с берлинскими коллегами издавали журнал «Erkenntnis». В его первом номере была опубликована статья М. Шлика «Переворот в

философии». Позднее, в 30-е годы, многие из участников кружка эмигрировали в США, где продолжили осуществление своей программы, сотрудничая с такими американскими философами, как Ч. Моррис и Дж. Дьюи.

Философская доктрина Венского кружка получила название **логического позитивизма** или **логического эмпиризма**. Переворот в философии, декларируемый логическими позитивистами, заключался в постановке новых задач философского исследования и установлении его новых принципов. Философия интерпретировалась ими исключительно как логика науки, задача которой состоит в логическом анализе языка науки, т.е. ее суждений и понятий. Анализ направлен на устранение всего метафизического, а именно того, что свойственно традиционной философии. Кроме того, анализ выявляет структуру научного языка вообще, а в его рамках — набор базисных эмпирически проверяемых понятий и суждений, так называемый **протокольный язык** (язык записи непосредственных ощущений). Понятие протокольного языка развивает идею атомарных предложений Б. Рассела и Л. Витгенштейна.

Важную роль для построения «правильного» языка науки играют также понятия синтетических (эмпирически проверяемых) и аналитических (тавтологических) предложений, подробно рассмотренные в «Логико-философском трактате». Синтетические предложения относятся к компетенции конкретных эмпирических наук, и для установления истинности их следует подвергнуть эмпирической проверке — **верификации**. Верификация стала одним из основных понятий логического позитивизма. Согласно **принципу верификации** всякое научно осмысленное утверждение о мире сводимо к совокупности протокольных предложений, фиксирующих, как уже сказано, данные чистого опыта.

В связи с этим логические позитивисты говорят о создании единого языка для всех наук или, иначе говоря, для науки вообще. Унификация языка науки может строиться, по их мнению, на основе языка физики (так называемый **физикализм**). Так, О. Нейрат полагает, что социология «переводима» на физический язык и, в частности, поэтому является продолжением физики. Позднее, в 30-е годы, на основе идеи унифицированного языка науки возникает проект «Международной энциклопедии единой науки».

Еще один из основных принципов логического позитивизма — это **конвенционализм**. Конвенционализм означает, что научное познание опирается на произвольные соглашения (конвенции) между учеными, выбираемые с точки зрения удобства, целесообразности и т.д. Таким образом, выбор исследователем логического языка в принципе свободен, но после того, как он сделан, язык во многом определяет развитие научной теории. Наиболее последовательно развивали в своих работах конвенционализм Р. Карнап и представитель львовско-варшавской школы польский

логик К. Айдукевич. К. Айдукевич разрабатывал «радикальный конвенционализм», утверждая, что картина мира в науке полностью зависит от выбора понятийного аппарата. В отличие от участников Венского кружка он отрицал наличие нейтрального (независимого от понятийного аппарата) протокольного языка и, таким образом, приходил к взаимонепереводимости различных теорий.

Самый влиятельный и яркий представитель логического позитивизма Р. Карнап сформулировал в связи с этим **принцип толерантности** (терпимости). Он утверждал, что в логике нет моральных предписаний и каждый может строить собственную логику, т. е. в основу научной теории можно положить любую систему аксиом и синтаксических правил. Р. Карнап, будучи одним из идейных вдохновителей Венского кружка, прошел долгий и изменчивый философский путь. Эмигрировав в США, он отказался от многих взглядов, характерных для венского периода. Изменились и взгляды Р. Карнапа на семантику. Так, вначале он утверждал, что логика науки представляет собой анализ чисто синтаксических связей, и занимался теорией логического синтаксиса и созданием языка расширенного исчисления предикатов. Позднее под влиянием идей польского логика А. Тарского, также эмигрировавшего в США, он пришел к выводу о необходимости учета и исследования семантических отношений, т. е. отношений между языком и предметной областью, которую тот описывает. Р. Карнап разработал теоретический аппарат формальной семантики, основанный на понятиях «интенционал» и «экстенционал»¹, и предложил так называемые **постулаты значения** — особый способ описания значения слов.

В ряду многочисленных критиков логического эмпиризма следует отметить одного из самых авторитетных современных философов К. Поппера. Среди основных задач философии он называет различение научных и ненаучных высказываний в частности и научных и ненаучных теорий знания вообще. Он отверг предложенный логическими позитивистами принцип верификации, поскольку эмпирическая проверка в силу ее индуктивности в принципе не может служить окончательным доказательством (всегда могут найтись новые факты, опровергающие теорию). Вместо верификации К. Поппер предложил понятие **фальсификации**, или **принцип фальсифицируемости**. Согласно этому принципу утверждение или теория научны только в том случае, если они принци-

¹ Соответствующие английские термины «intensional» и «extensional», используемые в логической литературе, традиционно переводились на русский язык как «содержание» и «объем» какого-либо понятия. Именно при переводе книги Р. Карнапа «Значение и необходимость» (1959) были использованы новые термины «интенционал» и «экстенционал» там, где у автора имело место расширение и уточнение соответствующих английских терминов. В лингвистической литературе на русском языке используются только новые термины.

пильно опровержимы (фальсифицируемы). Если же в теории не заложен механизм такого возможного в принципе опровержения, она не научна. К подобным ненаучным теориям К. Поппер относил, например, марксизм и фрейдизм.

Подводя итог обсуждению философии логического анализа (и логического позитивизма, в частности), следует сказать, что она оказала огромное влияние не только на философию, но и на логику, и на лингвистику. Так, многие идеи структурной лингвистики — одного из самых значительных направлений лингвистики XX в., имеют истоки в рассмотренном философском подходе. Вместе с тем необходимо признать, что анализ как конкретная исследовательская программа, наиболее отчетливо проявленная в логическом позитивизме, и прежде всего в деятельности Венского кружка, так и не был доведен до конца. По-видимому, полная и окончательная реализация этой программы в принципе невозможна, на что указывают многочисленные критики логического анализа, иногда условно объединяемые в рамках **постпозитивизма** (К. Поппер, У. Куайн, Р. Рорти и др.). Условность и термина, и самого объединения заключается в том, что речь идет о совершенно разных теориях, общей частью которых является лишь критика и пересмотр принципов неопозитивизма.

Отход от логического анализа и его критика характерны и для работ «позднего» Л. Витгенштейна. Он по-прежнему рассматривает философию как деятельность, направленную на исследование языка, однако отказывается от задачи создания идеального языка. Основной целью объявляются изучение обыденного естественно-го языка и прояснение его семантики и механизмов употребления. Объектом изучения становится не столько система языка, сколько речевая коммуникация в различных обстоятельствах и социальных условиях. Философам приписываются особые «терапевтические» задачи, а именно устранение философских обобщений и подобных лингвистических злоупотреблений.

В «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн вводит понятие **языковой игры**, понимаемой им чрезвычайно широко: по сути просто как формы языкового взаимодействия по определенным правилам. Смысл же языковой единицы он отождествляет со множеством ее употреблений в рамках языкового взаимодействия. Идеи Л. Витгенштейна, преподававшего с 1929 г. до конца жизни в Кембридже, а также «философия здравого смысла» английского философа Дж. Мура легли в основу лингвистической философии. «Философия здравого смысла» подразумевает существование некоторых общих для большинства людей и достоверных знаний. Эти бесспорные истины фактически встроены в систему языка, так что их отрицанию препятствует не только здравый смысл, но и сам язык. Именно поэтому возникает, по Муру, парадоксальность утверждений типа *Идет дождь, но я в это не верю*.

Свое развитие лингвистическая философия получила в Кембриджском (Дж. Уисдом) и более всего в Оксфордском университетах (Г. Райл, Дж. Остин, П. Ф. Стросон, П. Грайс). Именно в рамках оксфордской школы были получены самые значительные лингвистические результаты.

По сравнению с логическим анализом в лингвистической философии изменились и цели, и методы. Основным объектом исследования вместо языка науки стал обыденный язык. Задача реформирования языка и устранения из него метафизики была фактически снята. Принципиально не ставилась также задача использования при анализе специальных формальных средств. С лингвистической же точки зрения особенно важно, что внимание исследователей переключилось с утверждений на другие типы высказываний.

Представитель оксфордской школы Дж. Остин считал, что главной задачей философии является прояснение выражений обыденного языка, подразумевающее, в частности, анализ неверного употребления языка. Он утверждал, что философия и лингвистика должны взаимодействовать, в результате чего станет возможным возникновение новой объединяющей их науки. Дж. Остин обратил внимание на особый тип языковых выражений, которые по существу являются действиями (а не описаниями действий), и назвал их перформативами. Обобщив понятие перформативности для всех высказываний (так называемая прагматическая рамка), Дж. Остин создал новый раздел лингвистики — **теорию речевых актов**. Это, безусловно, стало одним из самых крупных вкладов в теорию языка, который когда-либо делали философы.

Свое развитие теория речевых актов получила в работах американского философа Дж. Сёрла, который, впрочем, активно полемизировал с лингвистическими философами.

Еще один оксфордский философ П. Ф. Стросон в своих ранних работах критиковал семантическую теорию истины. По Стросону, истина субъективна и определяется относительно намерений говорящего. П. Ф. Стросон утверждал, что аппарат формальной логики недостаточен, чтобы выразить все свойства обыденного языка и речи. Одно из основных лингвистических достижений философа связано со строгим различением единиц языка и речи. На последовательном различении соответствующих единиц основывается лингвистическая теория референции. Наконец, П. Ф. Стросон развил рассмотренное Г. Фреге понятие пресуппозиции.

Более молодой представитель оксфордской школы П. Грайс противопоставил традиционным понятиям значения предложения или слова некое особое значение говорящего. Значение говорящего заключается в его намерении воздействовать на слушающего посредством раскрытия тому данного намерения. В своей знаменитой статье «Логика и языковое общение», опубликованной в 1975 г., ученый сформулировал понятие импликатуры (экс-

плицитно не сообщаемое, но подразумеваемое), а также принципа кооперации и коммуникативных постулатов. По существу, П. Грайс предложил новую концепцию прагматики и описал соотношение семантики и прагматики при речевом общении.

Наконец, одним из важнейших с точки зрения лингвистики достижений оксфордской школы является логико-семантическая классификация английских глаголов, предложенная З. Вендлером. Именно она легла в основу многочисленных классификаций предикатов и глаголов различных языков мира.

Постепенно наметилось ослабление противопоставления философии логического анализа и лингвистической философии. Так, пристальное внимание к обыденному языку вполне сочетается с разработкой формального логического языка, который, впрочем, рассматривается уже не как цель исследования, а, скорее, как инструмент описания. Конкретные формальные системы анализируются в следующей главе, посвященной логической семантике. Прежде чем перейти к ней, следует еще назвать представителей **аналитической философии**, отстоящих от указанных направлений.

Американский философ У. Куайн, представитель прагматизма, занимался как логическим анализом с использованием формального языка, так и проблемами обыденного языка. Именно он предложил различать слабую (теория смысла) и сильную (теория референции) семантики. Первая оперирует понятиями «смысл», «синонимия», «интенционал», а вторая — «именование», «истинность», «экстенционал» и т. д. У. Куайн критиковал многие положения логического позитивизма, в том числе разделение суждений на синтетические и аналитические. Он утверждал, что эмпирическим путем проверяется не отдельное предложение, а лишь теория или, более общо, система взаимосвязанных утверждений. Американский философ поднял важнейшую для лингвистики методологическую проблему — проблему непереводаемости естественных языков друг в друга. Идеи У. Куайна получили продолжение в работах других философов, например Д. Дейвидсона, совместившего их с несколько пересмотренной теорией А. Тарского.

Неверно было бы считать, что философские размышления о языке в XX в. сводятся к аналитической философии. Достаточно назвать таких философов, как Э. Гуссерль, Г. Гадамер, Ю. Хабермас, Ж. Деррида и др. Однако трудно сравнить их влияние на лингвистическую и логическую семантику с влиянием различных представителей и школ аналитической философии. Это и определило содержание данной главы.

Необходимо отметить основную тенденцию современной философии языка — ее движение по направлению к прагматике. Но и при этом расширении сферы интересов науки сохраняется по-

стоянное использование различных формальных языков. Формальные языки станут предметом рассмотрения в следующей главе, посвященной логической семантике. Однако, поскольку в основе того или иного формального подхода всегда лежит особая философская идея или методология, такое разделение на логику и философию весьма условно.

Рекомендуемая литература

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. — М., 1994. С. 1—73.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. — М., 1994. С. 73—319.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. — М., 1985. С. 217—237.

Карнап Р. Значение и необходимость. — М., 1959.

Козлова М. С. Аналитическая философия // История философии: Запад — Россия — Восток (Кн. 3. Философия XIX—XX вв.). — М., 1998. С. 212—246.

Куайн У. В. О. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 18. Логический анализ естественного языка. — М., 1986. С. 24—98.

Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. — М., 1986. С. 22—129.

Рассел Б. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Проблемы референции. — М., 1986. С. 41—54.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 35. Opera selecta. 1997. С. 351—380.

Фреге Г. Понятие и вещь // Семиотика и информатика. Вып. 35. Opera selecta. 1997. С. 380—396.

Sprachphilosophie: ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / Hrsg. von M. Dascal, D. Gerhardus, K. Lorenz, G. Meggle. — Berlin; New York, 1992 — 1. Halbbd., 1995 — 2. Halbbd.

Vendler Z. Linguistics in philosophy. — Ithaca; New York, 1967.

В этой главе кратко рассматривается развитие логической семантики и возможности использования ее результатов лингвистами. Однако прежде необходимо отметить два принципиальных терминологических расхождения между логикой и лингвистикой, которые иногда приводят к недоразумениям и взаимонепониманию между представителями этих наук. Речь идет об основных терминах семантики — «семантика», «смысл» и «значение». Уже говорилось о том, что лингвисты, как правило, используют термины «смысл» и «значение» как синонимы, если речь идет о смысле/значении какого-либо языкового знака. Это верно для обычного и общепризнанного употребления (при том, что существуют индивидуальные отличия и конкретные предложения по переопределению этих терминов). В логической же и семиотической традиции они различаются. Это различие восходит к работам Г. Фреге. Оно было развито и доопределено в классической статье американского логика И. Льюиса о видах значения (1943 г., рус. перевод в 1983 г.). В самом общем виде можно сказать, что лингвистическому пониманию соответствует логический термин «смысл», а логический термин «значение» близок к лингвистическим «денотату» или «референту»¹, т. е. обозначает объект или фрагмент реальности², называемый соответствующим языковым знаком.

Совершенно по-разному понимается в логике и лингвистике и термин «семантика». Логическое понимание этого термина совпадает с принятым в семиотике. Если же использовать предложенное У. Куайном разделение семантики на сильную и слабую (об этом говорилось в предыдущей главе), то логическая семантика — это сильная семантика, а лингвистическая — слабая. Для логиков семантика противопоставлена прежде всего синтаксису и связана с интерпретацией языка, т. е. с соотносением языковых выражений с объектами из предметной области, в частности с объектами действительности. Одной из главных задач логической семантики следует считать создание моделей (в логическом смысле) языка, и в том числе истинностную оценку высказываний языка.

¹ Именно термин «денотат» выбран переводчиком-лингвистом для перевода на русский язык фрегевского термина «Bedeutung» 'значение'.

² По Фреге, денотатом высказывания является его истинностное значение.

Для лингвистов основная задача семантики — описание смысла языковых выражений — заключается главным образом в сопоставлении данному выражению (слову, предложению и т. д.) его семантического представления, т. е. записи на некоем метаязыке. В частном случае в качестве метаязыка может фигурировать логический язык — язык первого порядка или же более мощные логические языки. Таким образом, лингвисты в своих семантических исследованиях иногда используют результаты деятельности логиков, однако прежде всего синтаксической деятельности, поскольку сам по себе логический язык (без интерпретации его в какой-либо предметной области) является результатом чисто синтаксических (с точки зрения логики) правил. Впрочем, чаще лингвисты пользуются лишь фрагментами логической записи, среди которых необходимо отметить в первую очередь стандартные логические связи: (отрицание, *не*); & (конъюнкция, *и*); V (дизъюнкция, *или*); (импликация, *если... то*), — а также кванторы: \forall (квантор всеобщности, *для всех*); \exists (квантор существования, *существует*)¹.

Итак, лингвистическая семантика — это по преимуществу слабая семантика (в смысле У. Куайна), даже если речь идет о лингвистической теории референции.

Несмотря на сказанное и определенную несовместимость логической (формальной) и лингвистической семантик, первая представляет для лингвистики большой интерес, особенно если речь идет о теории значения естественного языка.

Фундамент современной логической семантики, как уже сказано, был заложен работами Г. Фреге. Именно он заговорил об интерпретации формальных систем, о процедуре приписывания каждому предложению его истинностной оценки, основанной на условиях истинности данного предложения. Г. Фреге также сформулировал **принцип композициональности (композиционности)**, играющий огромную роль в истинностной оценке языков с бесконечным количеством предложений. Данный принцип позволяет построить интерпретацию сложных предложений, основываясь на интерпретации набора простых предложений и правил комбинирования (его формулировку см. в преамбуле к главе 10).

Решающий шаг в создании формальной семантики сделал польский логик А. Тарский, представитель львовско-варшавской школы, позднее эмигрировавший в США. Он сформулировал определение истинностной оценки, связанное с понятием условий истинности, следующим образом:

S истинно тогда и только тогда, когда P.

¹ Естественно, при этом используются и стандартные правила записи — скобки и т. д.

В формуле Тарского S — предложение интерпретируемого языка, а P — условия истинности, записанные на метаязыке¹. Так, фраза *Петербург — столица России* истинна тогда и только тогда, когда выполняются следующие условия истинности: Петербург является столицей России. Эти условия истинности выполнялись определенный период времени, а именно с 1712 по 1914 г. — до переименования города в Петроград. В настоящий момент они также не выполняются, так что суждение ложно. Некоторые проблемы возникают для всегда истинных и всегда ложных предложений. Так, можно сказать, что

Саратов — столица России истинно тогда и только тогда, когда Ливерпуль — столица Великобритании.

Поскольку сформулированные таким образом условия истинности никогда не соблюдаются, то и анализируемое предложение всегда ложно, что, собственно, и требуется. Напротив, всегда соблюдаются условия истинности в следующей формуле:

Пушкин — автор «Евгения Онегина» истинно тогда и только тогда, когда Достоевский — автор «Преступления и наказания».

Таким образом, анализируемое высказывание всегда истинно.

И все же, несмотря на то что, согласно этим формулам, всегда ложное предложение оценивается как всегда ложное, а всегда истинное как всегда истинное, совершенно очевидно, что такие условия истинности никак содержательно не связаны со значением самих предложений. Чтобы избежать подобной неадекватности, задаются определенные аксиомы, позволяющие конструировать условия истинности в соответствии со значением предложения.

Выделяются три типа аксиом. Аксиомы для имен соотносят имена с конкретными объектами (имя *Саратов* соотносится с городом Саратовом). Аксиомы для предикатов сообщают о том, какие объекты удовлетворяют каждому предикату (предикату *быть столицей России* удовлетворяют города, являющиеся столицей России). Третий тип — это аксиомы для синтаксических структур, которые связывают имена и предикаты, а также более сложные языковые единицы (высказывание вида $A — B$ истинно тогда и только тогда, когда объект, с которым соотносится A , удовлетворяет предикату B). Эти аксиомы и позволяют вывести конкретную формулу истинности для конкретного предложения:

¹ При этом в действительности, как видно из следующих примеров, может использоваться один и тот же язык, но это значит лишь то, что он выступает в разных функциях — языка-объекта и метаязыка.

Саратов — столица России истинно тогда и только тогда, когда Саратов — столица России.

Такой аксиоматический подход позволяет формализовать некоторые интуитивно ощущаемые связи между значениями разных предложений. Так, синонимичными следует считать предложения, у которых совпадают (соответствуют одному и тому же положению дел) условия истинности, например фразы *Петя — Машин муж* и *Маша — Петина жена*. Также формализуемы в этих рамках понятия противоречивости, аномальности и др.

Центральным понятием формальной семантики стало понятие условий истинности. Именно поэтому сам подход часто называется семантикой условий истинности (truth-conditional semantics), хотя более распространен русский термин **теоретико-истинностная семантика**. Сам А. Тарский занимался семантикой логических языков, однако, поскольку он ставил задачу описания языков с бесконечным множеством предложений (а именно такими свойствами обладает естественный язык) с помощью конечных средств, его подход стал прообразом формальной семантики естественного языка.

Семантика условий истинности для естественного языка на основе идей А. Тарского была построена Д. Дейвидсоном. На этой же основе с использованием понятия «модель» строится и теоретико-модельная семантика. Если говорить не вполне строго, то модель языка есть предписание, сопоставляющее символам языка объекты из предметной области, например из реального мира. Таким образом, модель задает истинностную оценку предложений языка и можно говорить об истинности того или иного предложения в данной модели. Можно также говорить о естественных моделях, т. е. очевидных и разделяемых всеми без специальных оговорок, так сказать «по умолчанию».

Так, приведенное выше предложение *Петербург — столица России* ложно в естественной для нас сегодня модели. Однако в естественной для девятнадцатого века модели оно было истинно. Следует отметить, что в любой модели тавтологии истинны, а противоречивые предложения ложны.

Среди расширений теоретико-модельной семантики нужно назвать **семантику возможных миров**. Развитие модальной логики и введение новых связок типа строгой импликации (*с необходимостью если... то*), операторов необходимости (*необходимо, что*) и возможности (*возможно, что*) потребовало развития и особой «модальной» семантики. Ключевым для этой логической теории стало понятие возможного мира. Оно восходит к работам Г. Лейбница. Р. Карнап уточнил это понятие, связав его с необходимостью: необходимым считается такое высказывание, которое истинно во всех возможных мирах. Окончательная интерпретация

возможного мира как термина современной логики принадлежит американскому ученому С. Крипке. Он первым заговорил о возможном мире не в абсолютном понимании, а по отношению к какому-либо другому миру. Так, для семантической интерпретации языка задается множество возможных миров и отношение достижимости одного из другого (или отношение связанности одного с другим).

Необходимость чего-либо в данном мире означает его присутствие во всех возможных мирах, достижимых из данного, а возможность чего-либо в данном мире — существование хотя бы одного мира, достижимого из данного, где это что-то присутствует. Если использовать эту семантику для естественного языка, то она позволяет объяснить различие между фразами *Доктор Ватсон — друг Шерлока Холмса* и *Доктор Ватсон — друг профессора Мориарти*, при том, что в реальном мире не существует ни доктора Ватсона, ни Шерлока Холмса, ни профессора Мориарти. Однако многим известен, по крайней мере, один возможный мир (мир произведений А. Конан Дойла), в котором эти люди существуют и в котором первое предложение истинно, а второе ложно. Точно так же можно говорить об определенных свойствах и действиях кентавров или сатиров, потому что всем известен мир древнегреческих мифов (или миры, если вспомнить о разных источниках, иногда противоречащих друг другу), в которых они существуют.

Ученик А. Тарского американский логик Р. Монтегю значительно усложнил и синтаксис, и семантику формального языка, с тем чтобы использовать его для описания естественного языка. Фактически Р. Монтегю совместил в единой теории синтаксис и семантику (или, если говорить с лингвистической точки зрения, синтаксис, слабую и сильную семантики), установив правила соответствия между ними и формализовав, в частности, понятия интенционала и экстенционала. Интенционал при этом определяется как функция от возможных миров к экстенционалам. Таким образом, интенционал некоего выражения является своего рода инструкцией, позволяющей в каждом возможном мире устанавливать экстенционал данного выражения. Из предшествующих попыток такого совмещения следует назвать работы Р. Карнапа, различавшего аналитическую и фактическую истины. Однако именно Р. Монтегю наиболее последовательно применил формальное описание к естественному языку в целом, а не только к его отдельным фрагментам, полагая, что по существенным свойствам естественные языки не отличаются от формальных. Так, одна из работ Р. Монтегю называется «English as a formal language» («Английский как формальный язык»). Применение принципа соответствия синтаксических и семантических правил к описанию естественного языка называют подходом «правило-на-правило» (англ. «rule-by-rule» или «rule-to-rule»).

Работы Р. Монтегю, опубликованные в 60-х и самом начале 70-х годов XX века (он умер в 1971 г.), предлагают новый подход к формальному описанию естественного языка, который получил название грамматики Монтегю. Грамматика Монтегю стала отправной точкой для развития чрезвычайно плодотворного междисциплинарного направления исследований, объединившего математиков, лингвистов и философов. Именно это направление в первую очередь и называют сегодня **формальной семантикой** (иногда, впрочем, данное название используют несколько шире: по существу, как синоним вообще логической семантики, применяющей формальные методы). Среди наиболее известных ученых, работающих в области формальной семантики, можно назвать М. Крессвелла, Л. Карттунена, Д. Льюиса, Б. Парти.

Особый интерес представляют и такие виды логических семантик, как ситуационная и теоретико-игровая.

Ситуационная семантика основное развитие получила в работах Дж. Барвайса. Ее методологической основой стала идея о том, что значение языковых выражений зависит от контекста в самом широком смысле этого слова, т.е. не только от собственно контекста, но и от ситуации, в которой происходит речевое общение. Прежде всего это касается индексальных слов и выражений типа *Я пришел сюда только сейчас*. Это предложение обозначает совершенно разные события в зависимости от того, кто, когда и где это произносит. Индексальные знаки *я*, *здесь* и *сейчас* принимают свои значения (в логическом смысле) в зависимости от реальной ситуации общения. Однако зависимость от контекста (в широком смысле слова) характерна не только для индексальных языковых знаков — в той или иной степени она затрагивает все языковые выражения. Ситуационная семантика ставит задачу формализовать это свойство языка с помощью связывания предложений с ситуациями, причем под последними имеются в виду и ситуации общения, и собственно описываемые ситуации. Таким образом, при этом подходе центральным в описании стало понятие ситуации и его различные модификации.

Принципиальное отличие ситуационной семантики от рассмотренных выше формальных теорий состоит в том, что предложениям языка сопоставляются не условия истинности и истинностная оценка, а ситуации или различные их аналоги.

Можно сказать также, что значением предложения признается отношение между употреблением предложения и ситуацией, которую оно описывает.

Несколько в стороне от предложенных подходов находится **теоретико-игровая семантика**, разработанная финским логиком Я. Хинтикой. Для него языковые игры — это деятельность, которая типично окружает слово и из которой слово получает свое значение. Фактически в этой модели формализуется понятие игры,

введенное Л. Витгенштейном. Я. Хинтиikka основывается на идеях операционализма, состоящих в том, что высказать некоторое утверждение означает сделать предсказание относительно результата операций, связанных со словами данного утверждения. Следовательно, словам нужно приписать определенные операции.

Чтобы выяснить, какие языковые игры связывают язык с миром, Я. Хинтиikka обращается к интерпретации кванторов всеобщности и существования. С этими кванторами связана деятельность, передаваемая глаголами *искать* и *находить* и выражениями типа *данное*. Так, утверждение, что все лебеди белые, фактически означает, что нельзя *найти* небелого лебедя. Утверждение же, что существуют черные лебеди, означает, что можно *найти* черного лебедя. Интерпретация кванторов представляется как игра, в которой участвуют два игрока — Я и Природа. В том случае, если удастся верифицировать соответствующее языковое выражение, выигравшим считается Я. Если же оно оказывается фальсифицированным, то выигрывает Природа. Игровая интерпретация распространяется и на другие логические связи. Таким образом, каждому предложению сопоставляются не условия истинности, а игра между Я и Природой. Существенно также, что семантический анализ в рамках теоретико-игровой семантики происходит не от простого к сложному, а от сложного к простому.

В этом кратком обзоре наиболее известных направлений логической семантики не ставилась задача продемонстрировать их формальный аппарат. В большинстве случаев (особенно в грамматике Монтегю) он достаточно сложен и требует определенных предварительных знаний. Поэтому речь шла лишь об основных содержательных принципах и методологических рамках. Нужно понимать также, что в основе любого логико-семантического подхода лежит определенная философская концепция языка и речи, иногда подчеркивание и даже абсолютизирование каких-то определенных черт речевого общения. Некоторые из наиболее плодотворных идей и философских систем упоминались в предыдущей главе. Среди ученых, оказавших наибольшее влияние на современную логику, — Г. Фреге, Б. Рассел, Р. Карнап и А. Тарский.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что логическая семантика, будучи сильной семантикой, описывает интерпретацию не языка как системы, а непосредственно употребления языка, т. е. задает интерпретацию речевой деятельности. Еще одно важное противопоставление логики и лингвистики связано с тем, что предметом классической лингвистической семантики всегда было слово, в логике же в центре внимания находится предложение (точнее сказать, высказывание, т. е. предложение, произнесенное в определенной речевой ситуации). Именно поэтому влияние логической семантики на лингвистику происходит прежде всего в области прагматики и теории референции, а не в классических

исследованиях по лексической семантике (в них, как уже сказано, используются, скорее, результаты логического синтаксиса). Активное проникновение идей философской и логической семантики в лингвистику фактически способствовало расширению лингвистических интересов и созданию таких новых лингвистических областей, как теория референции, прагматика и теория речевых актов.

Рекомендуемая литература

- Карнап Р. Значение и необходимость. — М., 1959.
- Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Проблемы референции. — М., 1982. С. 340—376.
- Льюис К. И. Виды значения // Семиотика. — М., 1983. С. 211—224.
- Павиленис Р. И. Проблема смысла. — М., 1983.
- Тондл Л. Проблемы семантики. — М., 1975.
- Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 35. Opera selecta. 1997. С. 351—380.
- Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. — М., 1980.
- Черч А. Введение в математическую логику. — М., 1960.
- Санн R. Formal semantics. — Cambridge, 1993.
- Formal semantics: the essential reading / Ed. by P. Portner, B. H. Partee. — Oxford, 2002.
- Handbook of contemporary semantic theory / Ed. by S. Lappin. — Oxford, 1996.

ГЛАВА 4

ОБЩАЯ СЕМАНТИКА

Термин «общая семантика» часто используется для обозначения лингвистической семантики языка вообще, в отличие от «конкретных семантик», т. е. семантических теорий отдельных языков. Однако этот термин уже зарезервирован в истории человеческой мысли за одним философским и социальным движением, декларирующим в качестве своих целей оздоровление человека и общества путем определенных изменений в использовании языка. Едва ли можно говорить о принадлежности общей семантики к какой-либо науке. Она не предлагает никакой общей теории значения и языка, а, скорее, обращает внимание на отдельные черты употребления языка, приводящие к возникновению всевозможных индивидуальных и социальных проблем — от болезней до революций и других социальных катаклизмов. Общая семантика, по словам ее основателя американского ученого А. Кожибского, занимается нейросемантическими и нейролингвистическими реакциями конкретных людей и фактически представляет собой психотерапевтическую технику, направленную на улучшение использования естественного языка. Началом общей семантики можно считать публикацию в 1933 г. книги А. Кожибского «Science and sanity». Среди наиболее авторитетных представителей этого направления — А. Рапопорт, С. Хаякава, С. Чейз.

Общая семантика соединила в себе элементы различных учений. Так, А. Кожибский объявлял, что использует и развивает теорию условных рефлексов русского физиолога И. П. Павлова. Установка на верификацию высказываний сближает представителей общей семантики с неопозитивистами. То же можно сказать и об основной идее общей семантики — исправлении естественного языка.

Главная «семантическая» опасность, на которую указывали представители общей семантики, заключается в том, что навязываемая языком картина мира искажает реальность и подменяет ее. По мнению А. Кожибского, система языка навязывает двухвалентную (аристотелевскую) систему оценок: *либо X, либо не X*. В некоторых ситуациях это способствует формированию неврозов (например, *либо коммунист, либо не коммунист* — третьего не дано). Таким образом, для решения проблемы необходим переход к бесконечной шкале оценок. Другие принципы общей семантики, связанные с исправлением недостатков языка и его использованием, заключаются в следующем.

Во-первых, слово не тождественно вещи, которую оно называет. Поэтому нужно по возможности избегать употребления бытийной связки *есть* или хотя бы осознать ее условность.

Во-вторых, «карта не есть территория», т. е. языковой знак не может полностью и адекватно представить соответствующий объект. Иначе говоря, языковое выражение не дает полной картины реального явления.

В-третьих, «карта карты также не есть первоначальная карта», т. е. метаязык не равен языку-объекту. Другими словами, анализируя естественный язык, мы еще более удаляемся от реальности. Передать реальность с помощью языка невозможно. А. Кожибский говорит, что достичь истинной объективности можно, лишь в молчании указывая пальцем на конкретные объекты, и тем самым почти повторяет высказывания Ф. И. Тютчева («Мысль изреченная есть ложь») и Л. Витгенштейна («О чем невозможно говорить, о том следует молчать»).

Тем не менее А. Кожибский предлагает конкретные приемы устранения недостатков языка и достижения так называемой экстенционализации — перехода от абстрактных понятий к конкретным объектам. Среди этих приемов — добавление к именам индексов и дат, а к языковым выражениям — *etc.* Английское сокращение *etc.*, восходящее к латинскому *et cetera*, соответствует русскому *и т. д.* (*и так далее*) и призвано напоминать о неполноценности языковых выражений («карта не есть территория»). Это сокращение дало название печатному органу Международного общества общей семантики — журналу «ЕТС», издаваемому с 1943 г. в Чикаго.

Использование индексов способствует освобождению носителей языка от многих предрассудков и проблем¹. Так, присоединение индексов к слову *еврей* решит проблему антисемитизма, а к слову *негр* — расизма и т. д. Нацисты, называя А. Эйнштейна евреем, пренебрегали его индивидуальными свойствами. Использование же слов *еврей₁*, *еврей₂*, *еврей₃* и так далее даст возможность говорить о конкретных людях, например называть А. Эйнштейна «евреем₁», и учитывать его конкретные свойства, а не то единственное, которое подразумевается соответствующим словом.

Еще более конкретным сделают язык даты, приписываемые словам. Так, *Эйнштейн_(1880 г.)* и *Эйнштейн_(1933 г.)* — совершенно разные объекты реальности с разными свойствами.

Наряду с этими тремя приемами А. Кожибский рекомендовал особое использование знаков препинания, прежде всего кавычек. Кавычки, по Кожибскому, показывают, что мы отходим от использования слов для называния конкретных объектов и говорим об общих и абстрактных понятиях.

¹ Не следует путать эти индексы (своего рода технический прием) со знаками-индексами, рассмотренными в главе 1.

В целях той же экстенционализации А. Кожибский изобрел техническое средство, названное им структурным дифференциалом или лестницей абстракций. А. Кожибский занимался, в частности, лечением больных шизофренией в одной из вашингтонских больниц.

Последователи А. Кожибского много сделали для того, чтобы его теория стала более ясной и научной. В рамках общей семантики поставлена проблема взаимоотношения человека и языка, причем подчеркивается, что не только люди используют слова, но и слова используют людей. В 1954 г., в период маккартизма и борьбы с коммунистами в США, С. Чейз публикует книгу «The power of words», где в том числе показывает, насколько произвольно используется слово *communist* 'коммунист' и насколько плохо и поразному понимают американцы, что оно значит. Среди 197 опрошенных 123 человека вообще не знали его значения, другие же давали и такие определения, как «тот, кто хочет войны», и т.п. Название первой книги С. Чейза, вышедшей в 1938 г., также весьма красноречиво — «The tyranny of words» («Тирания слов»). Объектом исследования общей семантики стал язык как средство убеждения и манипулирования. Работы С. Чейза, С. Хаякавы и других представителей общей семантики во многом открыли новые исследовательские области, позднее освоенные представителями таких направлений, как критическая лингвистика и критический анализ дискурса (см. главу 9). Современная прагматика также имеет корни в общей семантике. И хотя о влиянии общей семантики на современную лингвистику надо говорить с большой осторожностью, очевидно, что многие ныне популярные темы и проблемы были затронуты А. Кожибским и его последователями.

Рекомендуемая литература

Chase S. The tyranny of words. — New York, 1938.

Chase S. The power of words. — New York, 1954.

Hayakawa S. I. Language in thought and action. — New York, 1949.

Korzybski A. Science and sanity: an introduction to non-Aristotelian systems and general semantics. — Lancaster, 1933.

ЧАСТЬ II

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ПРОБЛЕМЫ

В части I было показано, что термин «семантика» по-разному понимается в разных науках и областях человеческого знания. Но даже в рамках одной науки — лингвистики — он интерпретируется в двух различных смыслах.

Во-первых, этот термин обозначает смысл какого-то языкового знака или систему значений языка в целом. В таких сочетаниях, как *семантика слова*, *семантика предложения*, он близок термину «значение» (в основном из его значений!), правда, с более узкой сферой употребления¹. В употреблениях же типа *семантика английского языка*, *исследовать языковую семантику* и подобных им он фактически синонимичен терминологическому обороту «план содержания», который использовал датский лингвист Л. Ельмслев.

Во-вторых, термин «семантика» используется как название науки, изучающей семантику в первом смысле. Это значение присутствует в таких выражениях, как *лингвистическая семантика*, *ничего не понимать в семантике*, *учебник по семантике* и т. д.

Впрочем, наличие двух значений характерно для термина «семантика» и в рамках других наук (например, в логике) и по существу никогда не приводит к недоразумениям, поскольку из контекста очевидно, какое значение имеется в виду. Такое раздвоение значений наблюдается и у некоторых других терминов — названий разделов лингвистики — *грамматика*, *синтаксис* и т. д.

Перед лингвистической семантикой стоят как конкретные, так и достаточно общие задачи. Как уже было сказано, одна из основных семантических задач заключается в приписывании различным единицам языка их семантического представления. Иначе говоря, эту деятельность можно назвать экспликацией значения или переводом естественного языка на метаязык.

¹ Так, нельзя сказать *главная* или *вторая семантика этого слова* (ср.: *главное* или *второе значение*). Иначе говоря, термин «семантика» используется только по отношению к цельному и нечленимому на отдельные элементы значению языкового знака (цельному фрагменту плана содержания, соответствующего одному знаку). Таким образом, употребление данного термина больше похоже на употребление термина «смысл».

Но, кроме этой важнейшей и вполне конкретной задачи (она рассматривается в третьей части учебника), существуют общие и методологические задачи. Среди них — осмысление методов науки и ее теоретического и понятийного аппарата. Это также подразумевает исследование связи семантики в первом смысле с различными феноменами и понятиями.

Именно общие проблемы и рассматриваются в предлагаемой читателю части. Главы 6 и 7 посвящены главным понятиям семантики — «значение» и «метаязык». В главе 5 обсуждаются функции языка и изменение роли семантики в зависимости от использования языка в той или иной функции. Глава 8 представляет собой обзор основных методов лингвистической семантики. Наконец, в главе 9 рассматривается важнейшая метапроблема — связь семантики языка с «внешними» явлениями: культурой и мышлением.

Все эти проблемы относятся к разряду «вечных», т. е. не имеют окончательного и «правильного» (общепризнанного) решения. Л. Витгенштейн назвал бы их метафизическими, а К. Поппер — ненаучными, и тем не менее дискуссия по их поводу необходима для развития лингвистики. Кроме методологического и «вечного» обсуждения этих проблем, существует практическое и вполне «научное» к ним отношение. Ведь для реализации основной задачи — семантического описания единиц языка и речи — по многим из этих проблем приходится принимать совершенно конкретные (можно сказать, «рабочие») решения. Несмотря на неокончателность и необщепризнанность таких решений, они часто оказывают огромное влияние на развитие лингвистики и представляют значительный интерес.

ГЛАВА 5

ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

Понятие функций языка, т. е. то, для чего мы используем язык, с философской точки зрения чрезвычайно важно. С точки зрения лингвистической семантики оно важно прежде всего постольку, поскольку роль семантики может довольно значительно меняться в зависимости от цели, с которой используется язык.

Действительно, совершенно разную роль играют значения слов, например, в газетном репортаже о футбольном матче, в такой игре, как «балда» (где значение вообще несущественно), или в стихах.

Едва ли четверостишие В. Маяковского можно понять (и пере- сказать своими словами!) в том же смысле, как мы понимаем газетную статью:

Я вышел на площадь,
выжженный квартал
надел на голову, как рыжий парик.
Людам страшно — у меня изо рта
шевелит ногами непрожеванный крик.

Этот текст по его «асемантической», по крайней мере, не уступает различным искусственным примерам семантически неправильных фраз типа *Colorless green ideas sleep furiously* — *Бесцветные зеленые идеи яростно спят* (цит. по Н. Хомскому) или *Улыбка попрекала космос чернилами* (И. А. Мельчук). Тем не менее вряд ли можно спорить с тем, что стихи В. Маяковского представляют собой текст на русском языке, вполне нормальный с поэтической точки зрения. И этот текст, безусловно, может быть интерпретирован.

Естественная сложность обсуждения функций языка состоит в том, что способы использования языка столь разнообразны и многочисленны, что ни одна классификация не может считаться полной и удовлетворительной. Совершенно очевидно, что в некоторых классификациях разные функции могут сочетаться друг с другом, т. е. одновременно реализоваться в одном и том же речевом акте. Отдельные же функции строго противопоставлены друг другу и никогда не совмещаются.

Эта тема часто привлекает внимание ученых, поэтому общее количество функций языка, выделенных в разных работах, весьма велико. Однако не всегда удается даже отождествить две сходные функции, упомянутые в разных работах и названные по-разному, поскольку не всегда очевидны основания той или иной классификации. Простое перечисление описанных разными авторами функций создает впечатление хаоса и скорее приведет к путанице, чем к пониманию проблемы. Именно поэтому в настоящей главе упоминаются лишь несколько основных и общепризнанных функций, а также приводятся несколько очень разных по своим основаниям, но достаточно ясных в этом отношении классификаций. Надо подчеркнуть, что речь идет о функциях языка, а не отдельных единиц, поэтому вне рассмотрения остаются функциональная грамматика и некоторые другие направления, использующие в названии слова «функция» или «функциональный». Не обсуждается в этой главе и функционализм — противопоставленный формализму подход к языку, в основе которого действительно лежит понятие функции языка. Функционализм подчеркивает первичность и важность понятия функции языка, которая влияет в том числе и на саму систему. Дискуссия между функционалистами и формалистами — одно из самых напряженных и интересных противостояний в лингвистике XX в. (см. по этому поводу главу 17), однако ее рассмотрение увело бы нас слишком далеко от темы.

Основной и наиболее общепризнанной функцией языка является **коммуникативная**, т.е. использование языка для коммуникации, общения людей между собой. Более того, во многих направлениях и даже науках язык рассматривается исключительно с этой точки зрения. В качестве ярких примеров можно привести структурный и семиотический подходы. Именно поэтому классическая семантика ориентирована практически только на коммуникативную функцию. Причем обычно речевая коммуникация понимается достаточно узко — как передача информации от говорящего к слушающему.

Еще две функции — **когнитивная** и **эмоциональная** (экспрессивная) — основываются на понимании языка как инструмента самовыражения. В когнитивной функции язык выражает ментальную деятельность, т.е. деятельность сознания, а в эмоциональной — чувства и эмоции человека. Приходится, однако, признать, что эти функции не всегда легко различимы, а кроме того, обе они, по-видимому, в принципе совместимы с коммуникативной функцией. Тем не менее именно эти три функции языка различал В. фон Гумбольдт. Когнитивная функция, по Гумбольдту, состоит в оформлении мыслей и представлении фактов, экспрессивная — в выражении эмоциональных побуждений и ощущений, а коммуникативная реализуется в общении, полемике и взаимопонимании.

Обычно выделяются и некоторые другие функции не вполне с четким статусом, например **метаязыковая**, **контактоустанавливающая** (фатическая) и др.

Более строгие классификации построены на основе семиотического подхода вообще и исходя из структуры семиозиса (см. об этом в главе 1) в частности. Так, немецкий психолог и лингвист К. Бюлер выделил три функции языка, с обязательностью проявляющиеся в каждом акте речи: **экспрессивную**, которая соотносится с говорящим; **апеллятивную**, которая соотносится со слушающим; **репрезентативную**, которая соотносится с обсуждаемым предметом.

Наиболее последовательно интерес к проблеме функций проявляли представители Пражской лингвистической школы. В «Тезисах Пражского лингвистического кружка» в 1929 г. русские лингвисты С. О. Карцевский, Р. О. Якобсон и Н. С. Трубецкой выдвинули телеологический принцип, согласно которому язык понимался как целенаправленная функциональная система. Позднее Р. О. Якобсон, основываясь на составных частях семиозиса, определил шесть функций языка. При установке на отправителя сообщения (говорящего) реализуется **эмотивная** функция; установке на адресата (стремлению вызвать у него определенное состояние) отвечает **конативная** функция; установке на сообщение (его форму) — **поэтическая** функция; установке на систему языка — **мета-**

языковая функция; установке на действительность — **референтивная** функция (также называемая денотативной или когнитивной); установке на контакт — **фатическая** функция.

Другой семиотический принцип использует Ю. С. Степанов, а именно членение семиотики на синтаксис, семантику и прагматику. Он различает три функции языка — **синтаксическую, номинативную и прагматическую**.

Совершенно иной подход к языковым функциям реализуется в рамках трансакционного анализа американского психолога Э. Берна. Он выделяет такие типы взаимодействия, как **времяпрепровождение, ритуал, игра и процедура**. Речевое взаимодействие является частным случаем взаимодействия вообще и, следовательно, может быть классифицировано таким же образом. Правда, не все функции языка обязательно связаны со взаимодействием, тем самым данная классификация заведомо не претендует на полноту. Впрочем, полнота не достигнута и ни в одной из других существующих классификаций.

Времяпрепровождение, по Берну, бесцельно и служит лишь для структурирования (заполнения) времени. Типичным времяпрепровождением можно считать случайный разговор со знакомым по дороге на работу (чтобы не молчать, поскольку это невежливо), разговоры о погоде за чашкой чая и т. д. По-видимому, если проводить параллели с другими классификациями, здесь реализуется фатическая функция: язык служит только для установления и поддержания контакта.

В речевых ритуалах, например при обмене приветствиями (*Привет! — Привет! — Как дела? — Ничего. А у тебя? — Нормально. Привет семье. — Спасибо. Будь здоров!*), собеседники, как правило, имеют какую-либо общую цель и жестко подчиняются существующим правилам обмена репликами. Так, нестандартный ответ на вопрос «*Как дела?*» — «*Плохо*» с последующим подробным объяснением по сути дела разрушает ритуал. Ритуал также, хотя и не обязательно, может быть связан с установлением контакта.

Игры невозможны без хотя бы минимального конфликта (впрочем, необязательно серьезного) между собеседниками, точнее, между их целями в разговоре¹. Для них характерен набор правил, необходимых, чтобы конфликт разрешился с каким-то результатом и речевое взаимодействие не забуксовало, например по причине упрямства собеседников. Вместе с тем, подчиняясь правилам, участники взаимодействия сохраняют в рамках этих правил полную свободу выбора реплик, что принципиально отличает игру от ритуала.

¹ Игра в таком понимании отличается от языковой игры, по Витгенштейну. Л. Витгенштейн понимал языковую игру значительно более широко.

В качестве примеров речевых игр можно привести следующие типы взаимодействия.

ФЛИРТ

(Любовная шуточная игра)

Он атакует. Она защищается. Он настаивает. Она отказывается. Он отступает. Она провоцирует его на новую атаку. Реплики должны быть остроумны и приятны. Грубость не допускается. Цель во флирте отступает обычно на второй план: важнее всего сам процесс игры.

ТОРГОВЛЯ

(Азартная денежная игра)

Продавец набавляет цену. Покупатель ее сбивает.

— Почему редиска?

— Пучок — 80 копеек.

— Нет, нет, это слишком дорого.

— На всем рынке нет лучшей редиски!

— Да у вас и не редиска вовсе, так, мелочь какая-то.

— Где вы видите мелочь, все редиски размером с бульжник.

— Ну хорошо, беру два пучка, но за полтора рубля).

Грубость, как и во флирте, запрещается. Кроме того, участники время от времени должны идти на компромисс.

К разряду логических языковых игр относятся богословский и научный диспуты.

Вообще, сравнение языка и речи с игрой имеет давнюю традицию. Кроме Л. Витгенштейна, его использовали Ф. де Соссюр, Р. Карнап и др. Формализованный вариант представлен в теоретико-игровой семантике Я. Хинтикки.

Наконец, четвертый тип взаимодействия — процедура. Это полезное взаимодействие, которое подразумевает сотрудничество собеседников для достижения общей цели, например для передачи информации. Процедурой можно считать рассказ о событиях, интересных для слушателей, и т. п. Как правило, при процедуре реализуется коммуникативная функция языка.

В принципе текстуально совпадающие речевые взаимодействия могут интерпретироваться по-разному в зависимости от целей и намерений участников. Урок в школе можно рассматривать как времяпрепровождение в том случае, если и учитель, и ученики участвуют в нем лишь потому, что обязаны это делать. При этом ученики ничему не учатся, а учитель ничему не учит. Урок является ритуалом, если его участники соблюдают определенные правила и подают вполне ожидаемые и стандартные реплики. Если ритуал соблюден, его результатом становится положительная оценка. Урок становится игрой, если учитель и ученики вступают в определенный конфликт, например если учитель ставит целью не научить

учеников, а показать им, что они ничего не знают. Однако наиболее желательной и для учителя, и для учеников была бы интерпретация урока как процедуры. В этом случае речь идет о действительном обучении, о передаче знаний от учителя к ученикам.

Очевидно, что роль семантики во всех этих четырех видах взаимодействия различна. Она варьирует от минимальной во время препровождения до максимальной в процедурах. Действительно, во время препровождения важен лишь сам факт речи, а не ее содержание. Говорить можно что угодно, поскольку собеседник, скорее всего, даже не слушает речь и не воспринимает смысла. Процедура же представляет собой нормальную коммуникацию, при которой осуществляется семиозис.

Сравнительно незначительную роль играет семантика при ритуале. Выбор реплик в ритуале весьма ограничен, и задача собеседников состоит по существу в повторе стандартных речевых ситуаций. Тем не менее в ритуале, как правило, допускаются синонимические замены, перифразирование и т. п., т. е. некоторые ограниченные семантические операции. Игры с семантической точки зрения близки к процедурам. Однако в играх могут поощряться различные семантические «неправильности»: каламбуры, двусмысленности и т. д., поскольку основная задача состоит не в передаче информации, а в достижении своего рода речевой победы над собеседником. Таким образом, классическая семантика, безусловно, ориентирована на изучение значения в условиях процедурно-взаимодействия.

Иногда, говоря о функциях языка, обращаются к теории речевых актов. И хотя теория речевых актов исследует функции отдельных высказываний, а не языка в целом, такой подход имеет право на существование. Ведь говоря о функциях, имеют в виду употребление языка, т. е. речь. А высказывание, или, более общо, речевой акт, как раз и является единицей речи. Поэтому его назначение, его функции можно распространять и на весь язык. При таком подходе функциями языка считаются различные иллокутивные цели высказываний. Более подробно об этом рассказывается в главе 22, посвященной теории речевых актов.

Рекомендуемая литература

- Берн Э. Игры, в которые играют люди. — М., 1988.
Бюлер К. Теория языка. — М., 1993.
Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М., 1975. С. 193—230.

ГЛАВА 6

ЗНАЧЕНИЕ

Основной вопрос, связанный со значением, звучит следующим образом: «Что такое значение?» Он в полной мере относится к разряду вечных и, несмотря на многовековую историю, до сих пор не получил не только общепризнанного, но даже хотя бы достаточно ясного ответа. Более того, в рамках современной лингвистики в такой общей форме он по существу вообще не рассматривается. Обычно его заменяют другим: «Что понимается под значением?» Но и этот вопрос достаточно сложен. Для английского языка на него дается ответ в знаменитой книге американских философов Ч. Огдена и А. Ричардса «The meaning of meaning» (1923). Авторы выделили около 16 типов употребления слов *mean* и *meaning*, причем некоторые из них можно членить и далее.

В чем же состоят основные трудности, если попытаться отвлечься от многочисленных индивидуальных и достаточно произвольных отклонений?

Во-первых, значения различных языковых единиц представляют собой совершенно разные объекты. При этом очевидно, что различаются между собой не только значения морфем, слов, предложений и целых текстов, но и значения, например, таких лексем, как существительное *стол* и частица *же*. Кроме того, значением обладают также порядок слов, интонация, грамматические категории и многое другое. Даже нарушение языковой правильности (сознательное или бессознательное) может иметь определенное значение. Не менее важно различать значение единиц языка и единиц речи, например значение слова *ручка* в языке или в конкретном заданном вопросе *Куда ты дел мою ручку?* Различают также значения говорящего и слушающего и некоторые другие. Многообразие анализируемых объектов не всегда позволяет найти для них семантический инвариант.

Во-вторых, процедура определения значения очень сильно зависит от научного контекста, хотя бы просто от того, в рамках какой науки оно определяется и какие критерии считаются главными. Существенно, в частности, идет ли речь о реальных психологических процессах, о логической или лингвистической модели.

Из всего разнообразия взглядов на эту тему можно все же выделить несколько принципиально разных направлений, которые, впрочем, могут и комбинироваться, и сближаться в реальных теориях.

При одном из этих подходов значением языковых единиц считаются фрагменты действительного мира, которые им соответствуют. Это понимание восходит к Платону и имеет продолжение прежде всего в логике и философии. Чтобы распространить такое понимание за пределы конкретной лексики, Платону пришлось постулировать существование в мире абстрактных вещей. Значением, таким образом, могут быть предметы, факты, ситуации и т. д. В своем крайнем и абсурдном проявлении этот подход высмеял Дж. Свифт в романе «Путешествие Гулливера», описывая мудрецов, которые общаются между собой не с помощью слов, а с помощью предметов. Эти предметы они постоянно таскают с собой в мешках. Можно сказать, что эти мудрецы общаются без посредства знаков, иначе говоря, непосредственно значениями. Конечно, в действительности такое общение невозможно, и не только по причине тяжести мешков.

При другом подходе значение определяется как понятие, концепт (мысль или идея), которому (которой), как правило, приписывается психологическая реальность. Его развивал, в частности, английский философ Дж. Локк, современное же свое продолжение этот подход нашел в традиционной лингвистике. Наибольшую критику в этом случае вызывает неопределенность самого понятия «понятие». Оно ненаблюдаемо и является научным конструктом. Именно поэтому в современной науке осуществляются попытки на основе такого понимания значения создать его операциональное определение. Так, Р. О. Якобсон интерпретировал значение как то, что понимается, или то, что переводится, т. е. определял значение через процедуру перевода. Значение как инвариант перекодирования рассматривается и в работах по созданию искусственного интеллекта (К. Шеннон и др.). Наконец, интерпретация значения как инварианта синонимического перифразирования была предложена А. К. Жолковским, Н. Н. Леонтьевой и Ю. С. Мартемьяновым.

Плодотворным оказалось совмещение двух подходов. Такова, например, позиция Г. Фреге, рассмотренная выше. Приведем хотя бы один пример из его работы. Показывая различие между смыслом и денотатом (соответственно понятием и вещью), он рассмотрел имена *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда*. Их денотаты совпадают, оба они обозначают планету Венеру. Однако смысл у них разный, поскольку эти имена выделяют разные свойства одного и того же объекта — «появляться на небе утром» и «появляться на небе вечером». Именно поэтому они не всегда взаимозаменяемы. Понимание фраз с этими именами подразумевает знание и денотата, и смысла. Таким образом, и денотат, и смысл являются как бы составными частями значения.

Понимание значения как сложного целого, состоящего из обозначаемого предмета и понятия об этом предмете, часто выражалось

с помощью схематического изображения, а именно треугольников, незначительно различающихся между собой (схема 1). Наибольшую известность получил треугольник Огдена — Ричардса, приведенный в их упомянутой выше книге «The meaning of meaning».

Пунктирная сторона соединяет символ (или знак, т. е. слово) с референтом (т. е. объектом действительности). Это означает, что связь между ними опосредованна. Непосредственно же символ связан с мыслью (т. е. понятием) и только уже через нее с референтом. В логической традиции совмещение двух подходов реализовано в грамматике Монтегю — формальной логической семантике естественного языка. В лингвистике же такое понимание значения окончательно сформировалось в рамках лингвистической теории референции, более подробно рассматриваемой в главе 21.

Возможно и другое сочетание двух описанных подходов, которое заключается не в их постоянном совмещении, а в распределении по различным типам языковых единиц. В частности, если говорить о лексике, то следует различать слова, которые удобно определять через их связи с другими словами и понятиями (например, абстрактные слова типа *ирония*, *логика*, *иллюзия* и т. д.), и слова, которые проще всего определить через указание, или демонстрацию соответствующих объектов. Такое определение называется **остенсивным**: *Это собака*. *Это красный цвет* и подобные. По-видимому, эти два типа определений соответствуют двум способам усвоения значения слов ребенком.

Следует отметить еще два подхода к описанию значения. Первый характерен для бихевиоризма — одного из главных направлений американской психологии. Его лингвистическая разновидность отражена в книге американского лингвиста Л. Блумфилда «Language» (1933). Вместо понятий и вещей Л. Блумфилд рассматривает практические события, предшествующие акту речи и следующие за ним. Значение, таким образом, складывается из практических со-

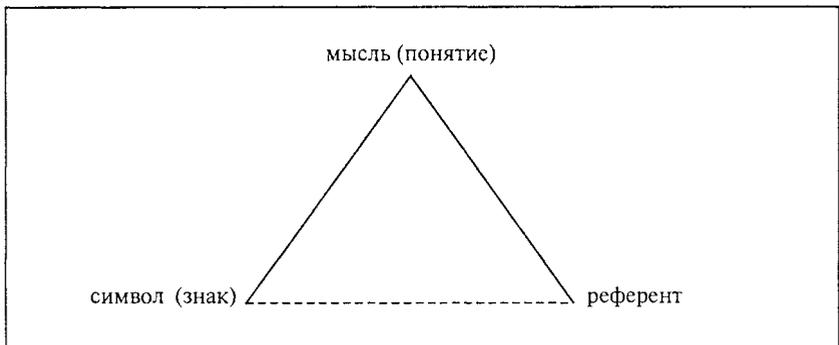

Схема 1. Треугольник Огдена — Ричардса

бытий, т.е. из поведения людей, участвующих в акте речи. Для описания их поведения используются понятия стимула (S) и реакции (R), в том числе речевого стимула (s) и речевой реакции (r) (схема 2).

Эту теоретическую схему Л. Блумфилд объясняет с помощью следующего примера — общения некоего Джека с некой Джилл. Джек и Джилл гуляют. Джилл видит яблоко на дереве. Она хочет получить его и издает определенный звук, в образовании которого участвуют гортань, язык и губы. Джек срывает яблоко и отдает его Джилл. Джилл съедает яблоко. Иначе говоря, практический стимул (желание яблока) порождает у Джилл речевую реакцию, а речевой стимул (слова Джилл) порождает у Джека практическую реакцию.

Достоинства бихевиористского подхода очевидны. Вместо ненаблюдаемого и достаточно абстрактного конструкта в качестве значения рассматриваются наблюдаемые и совершенно конкретные действия. Серьезнейшая проблема состоит, однако, в том, что реальная реакция на речевой стимул определяется не одним только речевым стимулом, а многочисленными факторами, не имеющими отношения к языку и далеко не всегда предсказуемыми (например, отношением Джека к Джилл, его физическим состоянием и т. п.). Бихевиористское понимание значения не получило распространения вне бихевиоризма, но определенным образом повлияло на развитие лингвистической прагматики, поскольку способствовало рассмотрению речевой деятельности в контексте деятельности вообще.

Некоторым образом сравним с бихевиоризмом и подход, наиболее ярко и афористично выраженный Л. Витгенштейном и связанный с его пониманием языковой игры. Он утверждал, что значение слова — это его употребление. По существу данная идея, призывающая к наблюдению за словом в речевом и деятельностном контексте, стала одним из основных положений современной прагматики. Таким образом, с некоторым огрублением можно говорить о некоем общем третьем подходе, когда ненаблюдаемая сущность — значение — интерпретируется через наблюдаемые явления: множество контекстов, множество употреблений, множество ситуаций.

Для отражения названных интерпретаций значения в лингвистической семантике используется определенный терминологичес-

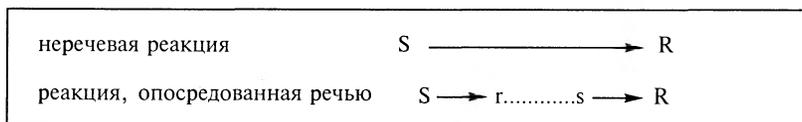

Схема 2. Значение в бихевиоризме

кий аппарат. Поскольку различные термины возникали в различных теориях языка, существуют пересечения и несоответствия в их употреблении. Некоторые термины используются только в определенных сочетаниях, поэтому можно говорить об определенных терминологических подсистемах.

Самым общим термином, как уже ясно, является термин «значение». Вслед за Ф. де Соссюром используется также термин «означаемое» (*signifié*). Его употребляют, как правило, в противопоставлении термину «означающее» (*signifiant*), называющему вторую материальную сторону знака. В семиотической традиции для этого же понятийного противопоставления используются также пары терминов «содержание» и «форма» и вслед за датским лингвистом Л. Ельмслевом «содержание» и «выражение». Реже используется пара «сигнификат» и «сигнификант», восходящая к схоластической логике. Из этой пары значительно чаще используется первый термин, синонимичный термину «значение». Все термины, кроме термина «значение», характеризуют прежде всего знак, а в собственно лингвистическом употреблении — слово. Равноупотребителен по отношению ко всем языковым знакам из перечисленных лишь термин «значение». Также достаточно широко употребляются его синонимы «смысл» и «семантика» (см. также сноску 1 на с. 46).

Правда, для последних двух терминов существуют свои ограничения. В отличие от знаков других семиотических систем языковой знак имеет значение с определенной (иногда весьма сложной) структурой. В простейшем случае она состоит из простого набора отдельных элементов, связанных между собой. Такие элементы, представленные, например, в словаре, также называются значением. В этом смысле, как уже говорилось, термины «семантика» и «смысл» не употребляются. Так, можно сказать *У этого слова два значения* (или *первое значение слова*), хуже *У этого слова два смысла* (**первый смысл слова*)¹ и совершенно невозможно **У этого слова две семантики* (** первая семантика слова*).

Термин «сигнификат» иногда используется в другом смысле, и тогда он противопоставлен термину «денотат». Однако обычно термин «денотат» составляет пару-противопоставление с термином «десигнат». При этом «десигнат» (или «сигнификат» во втором понимании) означает понятийное содержание знака, а «денотат» — предметное (точнее говоря, предмет, который обозначается данным знаком, а если же речь идет о языке — словом). Вместе они составляют значение в целом и отражают два рассмотренных выше способа его интерпретации.

Логическое влияние на лингвистическую терминологию привело к появлению более точных понятий. Так, вместо не всегда

¹ Такое употребление возможно, по-видимому, только как нетерминологическое. Лингвист в этом контексте всегда выберет термин «значение».

четко определяемого термина «денотат» используется термин «референт», который обозначает конкретный объект, соответствующий слову (точнее, имени), употребленному в тексте.

Из логики в лингвистику пришла также пара «интенционал» и «экстенционал» (впрочем, в русской логической традиции раньше использовались термины «содержание» и «объем» понятия). Интенционалом имени называют свойство, данным именем выражаемое, его же экстенционалом называется множество объектов, которые могут данным именем обозначаться. Термин «интенционал» фактически является синонимом термина «десигнат» (или «смысл», по Фреге), с тем только отличием, что используется он в лингвистической литературе, ориентированной на логическую традицию. Экстенционал же является множеством потенциальных референтов.

Можно сказать, что слово как единица языка имеет интенционал и экстенционал. Слово же как единица речи (слово, употребленное в тексте, или актуализованное слово) называет конкретный референт. В связи с четким разграничением понятий референта и экстенционала, обозначающих объекты внешнего мира, произошло и уточнение понятия **денотат**. В современной литературе оно все чаще используется в двух новых смыслах. Во-первых, как синоним термина «экстенционал». Во-вторых, как синоним термина «референт». Таким образом, классическое противопоставление смысла и денотата, введенное Г.Фреге (нем. Sinn и

Таблица 1

Термины для двух сторон языкового знака

Содержательная сторона знака			Материальный носитель
понятийное содержание	предметное содержание		
	объект	множество	
значение, смысл, семантика			—
означаемое			означающее
содержание			форма, выражение
сигнификат ¹			сигнификант
сигнификат ²	денотат ¹		
десигнат	денотат ¹		
	денотат ²	денотат ³	
интенционал	референт	экстенционал	

Bedeutung), в современной терминологии точнее всего выражается терминами «интенционал» и «референт». Все эти противопоставления можно выразить в виде таблицы 1.

Возвращаясь к традиционной лингвистике, можно сказать, что значение понимается все-таки прежде всего как понятие, а это означает, что основной становится задача представления этого понятия, или, иначе говоря, его записи. Таким образом, перед лингвистом, занимающимся семантикой, стоит в первую очередь не вопрос, что такое значение, а вопрос, как представить значение, как его записать. Именно поэтому одной из основных проблем в лингвистической семантике считается проблема метаязыка, которая и рассматривается в следующей главе.

Следует также заметить, что с семантическим представлением знакомы не только лингвисты, но и обычные носители языка. Ведь именно с семантическим представлением сталкивается человек, читающий словарь, поскольку толкования слов в словаре и есть один из возможных способов представления значения. И каждый носитель языка может оценить (для слов, с которыми он знаком), хорошо или плохо, с его точки зрения, толкуется то или иное слово.

Рекомендуемая литература

Блумфилд Л. Язык. — М., 1968.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 35. Opera selecta. 1997. С. 351—380.

Фреге Г. Понятие и вещь // Семиотика и информатика. Вып. 35. Opera selecta. 1997. С. 380—396.

Ogden Ch.K., Richards I.A. The meaning of meaning. — London, 1923.

ГЛАВА 7

МЕТАЯЗЫК

Метаязыком называется язык описания какого-либо языка. В этом случае можно также говорить о языке второго (а иногда и более высокого) порядка. В лингвистическом описании объектом является естественный язык. Существует метаязык лингвистики в целом и метаязыки ее отдельных разделов. В этой главе речь пойдет о метаязыке семантического описания естественного языка. Такой метаязык называется также семантическим языком и служит для представления значений различных языковых единиц.

Часто в одном семантическом описании присутствуют сразу три языка. Так, предположим, что значение фразы *Все звери боятся огня* мы представляем с помощью логических символов:

$$\forall x (\text{зверь}(x) \supset \text{бояться}(x, \text{огонь})).$$

Толкуемая фраза относится к языку-объекту (в данном случае русскому языку), соответствующая формула — к семантическому языку, т. е. к метаязыку, или языку второго порядка. Однако в семантическом описании должно также присутствовать объяснение значений и употребления слов и прочих символов семантического языка и, возможно, правила сопоставления фраз и формул. Это объяснение должно быть сделано на новом метаязыке, языке третьего порядка, который, как правило, уже не называют семантическим языком. В качестве такого метаязыка обычно используется естественный язык. В дальнейшем же речь пойдет именно о семантических языках, т. е. языках второго порядка.

Разнообразие метаязыков, используемых для описания семантики, основывается на нескольких существенных противопоставлениях. Прежде всего метаязыки подразделяются на **вербальные** и **невербальные** (точнее — не вербальные, поскольку речь идет о языках смешанного типа). Невербальными являются языки, в которых, наряду со словами и другими языковыми единицами, используются рисунки, схемы и различного рода математические конструкции (графы, деревья и т. д.). Фразу на таком языке нельзя прочесть, хотя она в принципе, как и любое изображение, может быть описана на естественном языке. Вот два примера невербальных языков.

Первый пример, принадлежащий И. А. Мельчуку, относится к семантическому языку, используемому в модели «Смысл \leftrightarrow Текст».

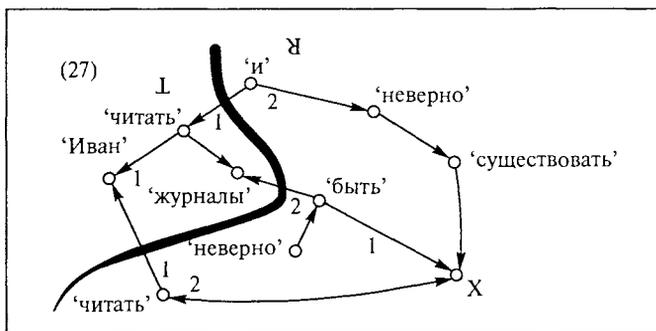

Схема 3. Метаязык в модели «Смысл ↔ Текст»

Это так называемый СемП (семантическое представление), который с формальной точки зрения является графом, множеством точек, соединенных стрелками (точкам соответствуют простейшие смыслы, а стрелкам — семантические отношения, их связывающие). Этот граф также разделен на коммуникативные области темы и ремы (схема 3). Такое семантическое представление отвечает, в частности, фразе *Иван читает только журналы*.

Другой пример принадлежит американской лингвистке Л. Янде и относится к семантическому языку когнитивной модели языка (схема 4). На схеме изображено так называемое прототипическое значение русской глагольной приставки *за-*.

Значения приставки описываются с помощью пространственных конфигураций. Такое «когнитивное» пространство может состоять из одного, двух или трех измерений; кроме того, когнитивное пространство может быть метафорически соотнесено с непространственным концептом, например концептом времени, существования или эмоции.

Конфигурация состоит из ориентира (landmark, LM) и движущегося относительно него объекта (trajector, TR). Траекторией

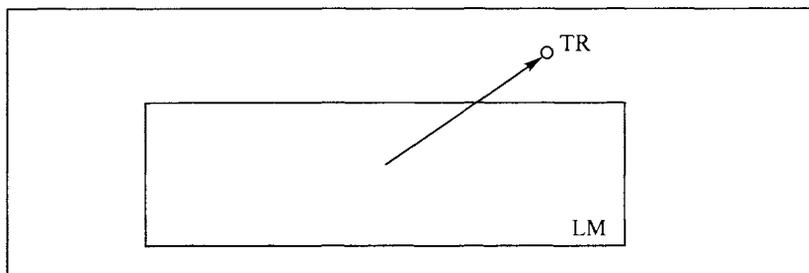

Схема 4. Метаязык в когнитивной лингвистике

называется отображение этого движения, как правило, соотношенное со временем.

Каждой приставке соответствует одна или несколько конфигураций, а каждой конфигурации, в свою очередь, одно или несколько подзначений. Если конфигурации соответствует более одного подзначения, то обычно одно из них — пространственное, а остальные являются его метафорическими переносами, возникающими в результате вариаций природы ориентира или движущегося объекта.

В изображенной на схеме 4 конфигурации ориентир представляет собой пространство, свойства которого отличны от остального пространства. При этом свойства внутренней области полагаются нормальными и/или естественными, а свойства внешней области — аномальными и/или неестественными. Движущийся объект пересекает одну из боковых границ внутренней области и переходит во внешнюю область.

Этой конфигурации соответствует, например, значение приставки *за-* во фразе *По дороге домой мы зашли в магазин*.

Невербальные языки столь различны, что плохо поддаются классификации. Следует заметить, что они должны сопровождаться вербальным комментарием или вербальной интерпретацией, т. е. введением языка третьего порядка.

Вербальные языки делятся на **естественные** и **искусственные**. Искусственные, как правило, содержат слова естественного языка, но наряду с ними включают также логические символы, слова логического языка и др. Для искусственных языков важную роль играют способ их построения и степень формализации. С некоторой долей условности их можно разделить на **формальные** (логические) и **неформальные** языки. Для последних характерно, в частности, использование слов (типа *норма*, *ориентир* и т. д.) в значении, отличном от их значения в естественном языке. Фактически эти слова используются в более узких, по сравнению с естественным языком, значениях в строго фиксированных употреблениях. Происходит своего рода терминологизация слова. Такое сужение значений и употребления слов называется **регламентацией** языка.

В случае естественных метаязыков (метаязыком является естественный язык) следует различать **совпадение** и **несовпадение метаязыка и языка-объекта**. Примером совпадения может служить язык толкований в толковом словаре любого конкретного языка: *охота*— ‘поиски, выслеживание зверей, птиц с целью умерщвления или ловли’¹. Примеры несовпадения представляют различные двуязычные словари, в которых слову одного языка сопоставляется

¹ Используемое здесь оформление языкового примера является одним из самых распространенных. Текст языка-объекта выделяется курсивом, а текст на метаязыке заключается в специальные значки ‘...’.

его перевод на другой — слово или развернутая формула: *охота* — нем. *Jagd*.

Возможность совпадения метаязыка и языка-объекта является весьма нетривиальным фактом. Именно естественный язык обладает этим уникальным свойством. Он способен выступать в качестве метаязыка для описания самого себя. В этом случае, как правило, говорят о двух его функциях — функции языка-объекта и метафункции. Р. О. Якобсон придал этому явлению особый статус, введя метаязыковую функцию языка в набор его основных функций (см. главу 5).

Совпадение языка-объекта с метаязыком может привести к определенным проблемам в толковании слов, самой очевидной из которых является возникновение замкнутого (порочного) круга, или тавтологии. Замкнутый круг часто возникает в обычных толковых словарях, когда какие-нибудь слова, входящие в толкование данного, сами толкуются через него. Иногда такой круг появляется не при первом раскрытии толкований, а при последующих.

Вот несколько примеров из существующих толковых словарей русского языка (СРЯ и др.). *Всякий* — ‘каждый, любой’, *каждый* — ‘всякий, любой’, *любой* — ‘всякий, каждый’. Для этих трех местоимений порочный круг возникает на первом шаге. Очевидно, что информационная и объяснительная ценность таких толкований невелика. Фактически, они лишь устанавливают отношение семантического тождества (для данного примера к тому же не вполне верного) толкуемого слова и толкования.

В следующем примере замкнутый круг возникает в результате подстановки целой цепочки толкований. *Жена* — ‘замужняя женщина’, *замужняя* — ‘состоящая в браке’, *брак* — ‘семейный союз мужчины и женщины’, *семейный* — ‘относящийся к семье’, *семья* — ‘группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе’. Итак, слово *жена* толкуется с помощью слова *замужней*, то, в свою очередь, — через *брак*, *брак* — через *семейный*, *семейный* — через *семья*, а *семья* — через *жена*. Таким образом, чтобы понять слово *жена* нужно изначально знать его значение. Тем не менее с помощью таких толкований семантически связывается ряд слов русского языка. Цепочка толкований задает набор семантических отношений между приведенными словами. Иначе говоря, однозначно негативная оценка замкнутых кругов едва ли возможна (более подробно принципы построения толкований и аргументы за и против тавтологий изложены в п. 10.3).

И все же исследователи, интерпретирующие метаязык в духе аналитической философии как идеальный и правильный, настаивают на устранении тавтологий. Чтобы избежать кругов в толковании и подобных проблем, на естественный язык в метафунк-

ции (точнее, на сами толкования) накладываются определенные ограничения. Предполагается, что толкование должно состоять из более простых понятий, чем толкуемое, так что процедура толкования фактически становится процедурой разложения значения на более простые компоненты. В идеале мы и должны прийти к простейшим и далее нетолкуемым смыслам (атомарным, если использовать терминологию Б. Рассела и Л. Витгенштейна). Однако в действительности в лингвистических работах идеал этот почти никогда не достигается. Среди исключений — *Lingua mentalis* (язык семантических примитивов), о котором будет сказано ниже.

Метаязык, как и любой язык вообще, состоит из отдельных знаков и правил их комбинирования, т. е. фактически из лексики и синтаксиса. Классификация метаязыков должна основываться не только на лексических различиях, но и на противопоставлении синтаксического устройства толкований. На противоположных полюсах находятся, с одной стороны, традиционное толкование с естественным синтаксисом и, с другой стороны, набор семантических компонентов (их простая сумма). Если рассматривать семантические языки с синтаксической точки зрения, то следует говорить о трех основных типах представления значения: 1) **толкование**; 2) **семантические компоненты**; 3) **постулаты значения**. Все они используются в первую очередь для описания значения слов. Кроме того, если в качестве метаязыка используется другой естественный язык, можно говорить о четвертом типе — переводе. Переводу подвергаются как слова, так и более сложные единицы.

Из трех названных способов наиболее традиционным является толкование. Толкование используется прежде всего в лексикографии, т. е. в толковых словарях. Толкования могут очень отличаться друг от друга в зависимости от типа словаря, его целей, от того, кому он предназначен. Чтобы проиллюстрировать различия, достаточно взять примеры из Словаря русского языка С. И. Ожегова, адресованного самому широкому кругу читателей, и Толково-комбинаторного словаря, разработанного в рамках модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» и предназначенного в первую очередь для лингвистов.

В словаре Ожегова слово *ветер* толкуется следующим образом: ‘движение потока воздуха в горизонтальном направлении’. В Толково-комбинаторном словаре оно толкуется несколько иначе: *Ветер с Y в сторону Z -а* — ‘достаточно интенсивное горизонтальное перемещение газа X , обычно воздуха, в направлении от Y к Z , происходящее вблизи поверхности небесного тела, обычно Земли, захватывающее достаточно широкое пространство и вызванное либо атмосферными явлениями, либо быстрым движением каких-либо тел’ (авторы толкования Ю. Д. Апресян, Л. А. Гончар, И. А. Мельчук). Последнее толкование включает в себя латинские буквы, обозначающие переменные, т. е. относится к искусствен-

ному (смешанному) типу — естественный язык с элементами логического языка.

Принципиально важно, однако, что в любом толковании используется синтаксис естественного языка: многие семантические связи присутствуют в нем имплицитно, в неявной форме, поскольку синтаксические конструкции естественного языка имеют определенное значение, которое участвует в толковании, но так и не раскрывается.

Попытка эксплицировать все релевантные компоненты значения была предпринята в компонентном анализе. Семантика слова разлагается в нем на компоненты, никак не взаимодействующие между собой. Такой тип связи называется конкатенацией или соположением. Составляя значение слова, компоненты просто суммируются, например *мать* — ‘женский’ + ‘родитель’. В качестве компонентов выступает ограниченный набор атомарных значений (впрочем, это тоже идеальная, так и не реализованная для всего языка конструкция). Такой метаязык максимально эксплицитен, однако с его помощью достаточно трудно описать сложные значения и всевозможные нюансы смыслов. Именно поэтому в процессе развития языка семантических компонентов в него вводились определенные отношения. Наиболее активно разрабатывали компонентный анализ американские лингвисты Дж. Катц, Дж. Фодор и П. М. Постал, последователи Н. Хомского и его генеративной грамматики.

Так называемые постулаты значения, предложенные Р. Карнапом, также представляют собой метаязык описания семантики слов. Однако с его помощью слова не толкуются, а связываются определенными логическими связями. Так, толкование слова *муравей* должно включать в себя смысловой компонент ‘насекомое’: *муравей* — ‘такое насекомое, у которого...’. В логическом же языке Р. Карнапа формулируется некий постулат, связывающий значение слов *муравей* и *насекомое*: ‘муравей’ \supset ‘насекомое’ («если муравей, то насекомое»). Толкованию каждого отдельного слова фактически соответствует набор постулатов, в которых участвует его значение. Мощностъ и адекватность такого языка определяются тем, насколько выразимы различные семантические отношения с помощью логических связок. Набор используемых логических связок формирует синтаксис данного метаязыка.

Существенной «внешней» характеристикой метаязыка является его **универсальность**, т. е. используется ли он в рамках универсальной теории языка или же только для описания какого-либо отдельного языкового фрагмента.

Один из немногих универсальных лингвистических языков, основой которого является ограниченный набор элементарных смыслов, — это упомянутый выше *Lingua mentalis*, называемый также языком семантических примитивов, разработанный польско-

австралийской лингвисткой А. Вежбицкой. Этот язык используется для толкования слов и выражений естественных языков, причем по замыслу автора его применимость распространяется на все языки мира, иначе говоря, он универсален и с типологической точки зрения.

Одна из самых последних версий семантического языка А. Вежбицкой выглядит следующим образом. Для удобства семантические примитивы разбиты на классы, каждый из которых получил свое наименование. Хотя речь идет о метаязыке, который в принципе независим от конкретных естественных языков, автор представляет его с помощью английских слов. Оказывается, что при переводе их на русский язык возникают определенные проблемы (ср. хотя бы пару *someone* и 'кто-то' или же соответствия одному английскому слову двух русских, и наоборот). Поэтому ниже все примитивы записаны и по-русски, и по-английски.

Субстантивы: я I, ты you, *кто-то* someone, *кто-то* something, люди people.

Детерминаторы и кванторы: *этот* this, *тот же самый* the same, *другой* other, *один* one, *два* two, *много* many/much, *все/весь* all.

Ментальные предикаты: *думать* (о) think (about), *говорить* say, *знать* (о) know (about), *чувствовать* feel, *хотеть* want.

Действия и события: *делать* (do), *происходить/случаться* happen (to).

Оценки: *хороший* good, *плохой* bad.

Дескрипторы: *большой* big, *маленький* small.

Время и место: *когда* when, *где* where, *после* after, *до* before, *под* under, *над* above.

Метапредикаты: *не/нет/отрицание* no, *потому что/из-за* because, *если* if/would, *мочь* can.

Интенсификатор: *очень* very.

Таксономия и партономия: *вид/разновидность* kind of, *часть* part of.

Прототип: *подобный/как* like.

А. Вежбицкая комментирует этот список и правила использования представленных в нем слов следующим образом. В толкованиях в ряде контекстов некоторые из примитивов могут обозначаться разными словами. Это делается для облегчения чтения и восприятия толкований. Варианты зависят от того, на каком естественном языке сформулировано толкование. Так, для английского языка возможны следующие упрощения и замены. Если в толковании встречаются элементы *this* и *someone*, сочетание которых звучит по-английски странно «*this someone*», то они заменяются сочетанием *this person*. Таким образом, на концептуальном уровне присутствует сочетание семантических примитивов *this someone*, а для английского читателя оно представлено в виде *this person*. Последнее передает то же понятие, но с грамматической точки

зрения более естественно. Такая аллолексия (наличие двух или более форм, обозначающих одно и то же понятие) допускается в определенных контекстах и для других понятий: someone выступает в виде person, something в виде thing, what или anything, then в виде at a time или sometimes, I в виде me, отрицание может иметь вид not, don't или -n't. Возможны и другие замены, направленные на своего рода адаптацию метаязыка к правилам английской грамматики. Так, сочетание двух понятий может быть заменено одним английским словом с соответствующим значением, например вместо all something — everything.

Эти и некоторые другие незначительные расширения предложенного словаря семантических примитивов и отклонения от него направлены на облегчение чтения толкований, записанных на семантическом языке, приближение их к правильному английскому языку. Такого же рода изменения должны производиться в случае использования какого-либо другого естественного языка для записи семантических примитивов.

Кроме словаря семантических примитивов, существуют также синтаксические правила их сочетаемости. С некоторым огрублением можно сказать, что для самих семантических примитивов они совпадают с естественным синтаксисом (точнее, адаптируются к нему). Впрочем, определенную синтаксическую функцию выполняет и пространственное расположение фрагментов толкования.

Существование словаря и синтаксических правил позволяет строить толкования отдельных слов и даже целых фраз. Вот как, например, толкуется на языке семантических примитивов русское слово *счастлив* (присутствие в толковании новых слов объясняется уже упомянутыми правилами адаптации метаязыка):

X счастлив

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

со мной произошло что-то очень хорошее

я хотел этого

все хорошо

я не могу хотеть ничего другого

поэтому этот человек чувствует что-то хорошее

X чувствует что-то похожее

Интересны не только сами составляющие языка семантических примитивов, но и исследовательская процедура, позволяющая признать тот или иной смысл в качестве примитива. А. Вежицкая указывает два критерия пригодности какого-либо смысла на эту роль или два направления поиска семантических примитивов. По ее мнению, надо учитывать, во-первых, внутриязыковой критерий, а именно роль, которую играет данное понятие в толковании других понятий, а во-вторых, внешний критерий — мно-

жество языков, в которых данное понятие лексикализовано (т.е. существует в виде отдельного слова). Так, понятие, выражаемое английским словом *say* 'говорить', используется в толковании многих английских глаголов, кроме того, оно имеет точные семантические эквиваленты во всех языках мира. Тем самым это понятие должно быть признано семантическим примитивом. Именно соединение двух независимых критериев (объяснительной силы и универсальности), с точки зрения автора, обеспечивает объективный и эмпирический характер исследования.

Теория А. Вежбицкой имеет теоретические истоки в философских системах Р. Декарта и Г. Лейбница и соотносится с их предположениями о создании философского языка (см. также главу 2).

Так, Р. Декарт, говоря о врожденных идеях, которые и должны были, по его мнению, лечь в основу создаваемого языка, предлагал два критерия их идентификации:

1) эти понятия должны быть интуитивно очевидны и самообъясняющи;

2) их невозможно определить.

Г. Лейбниц, обсуждая элементы алфавита человеческих мыслей, использовал, кроме тех же двух критериев, еще и третий:

3) самые простые элементы должны участвовать в построении других понятий.

По существу А. Вежбицкая принимает эти критерии и делает всю систему отбора атомарных смыслов более жесткой, добавляя еще два критерия:

4) предполагаемые врожденные и универсальные понятия должны выявляться во многих (если не во всех) языках мира, генетически и культурно различных;

5) эти понятия должны быть лексическими универсалиями, т.е. иметь свои собственные имена во всех языках мира.

Lingua mentalis А. Вежбицкой является наиболее ярким лингвистическим воплощением философской идеи создания правильного языка. Причем А. Вежбицкая, используя семантический язык в качестве метаязыка, тем самым утверждает переводимость любого языка на язык семантических примитивов.

Помимо толкования, семантическое описание слова может включать и некоторые другие элементы. Так, в Толково-комбинаторном словаре, основы которого были заложены в работах Ю. Д. Апресяна, А. К. Жолковского и И. А. Мельчука, а статьи разрабатывались коллективом авторов, предусматривались различные зоны, содержащие информацию разного типа (морфологическую, синтаксическую, семантическую). Семантическую информацию содержала не только зона толкования, но и некоторые другие. По сходному принципу построен и так называемый интегральный словарь, проект которого разрабатывается под руководством Ю. Д. Апресяна.

Совершенно очевидно, что формат (или структура) семантического описания есть компонент метаязыка в более широком смысле. Среди особых форматов следует назвать прототипическое описание в смысле Э. Рош (подробнее об этом см. в п. 10.3), при котором значение слова представляется не как необходимая и достаточная для номинации характеристика, а как структурированный набор признаков, каждый из которых, как правило, не является абсолютным, но имеет определенный вес, благодаря которому и занимает фиксированное место в иерархии признаков. Кроме того, описание значения включает описание **прототипа** (эталонного представителя данной категории) и **периферии** (различных допустимых отклонений от прототипа).

Особую организацию и особый статус имеют описание значений в таких терминах, как фрейм, схема, сценарий¹, скрипт, слот, сцена и некоторые другие. Они используются в когнитивной психологии и лингвистике, а также в работах по искусственному интеллекту (Ф. Бартлетт, Т. Виноград, М. Минский, Ч. Филлмор, Р. Шенк и др.) и подчеркивают претензию на соответствие некоторой реальности (в памяти) — либо психологической (человеческий мозг), либо технологической (искусственный интеллект). Наиболее популярный термин «**фрейм**» имеет несколько значений. Важнейшим является понимание фрейма как организации знания в памяти человека или в программе определенным образом. Фрейм является структурой данных о стандартных (стереотипных) ситуациях. Эта структура формально состоит из узлов и отношений между ними. Вершинные уровни фрейма (его ядро) соответствуют постоянным для данной ситуации понятиям. Особую роль играют терминальные узлы, называемые **слотами**. Слот задает определенный параметр, своего рода позицию, которая может заполняться конкретной информацией. Понятие фрейма подразумевает также возможность проведения над ним различных операций, т. е. организации знания соответствует организация способов его обработки.

Аналогом фрейма можно считать **схему**, термин, введенный в 1930-е годы Ф. Бартлеттом и используемый в когнитивных науках. Схема также является способом представления операциональной информации.

В принципе фреймы (или схемы) могут использоваться для описания различных языковых единиц. Ч. Филлмор предложил рассматривать теорию фреймов в качестве особого инструмента лексической семантики. Говоря о фреймах целых групп слов, Ч. Филлмор фактически сближает теорию фреймов с более традиционной теорией семантических полей (см. п. 10.7).

¹ Русский термин «сценарий» может быть переводом и англ. *scenario*, и англ. *script*, последний из которых переводится на русский язык еще и как *скрипт*.

Различное понимание перечисленных выше терминов затрудняет построение единой понятийной системы. Одним из важных моментов, характеризующих эти термины, является элемент статичности или динамичности. Так, понятие **сцены** характеризуется статичностью. Сцена — это структура памяти, организующая действия и состояния, связанные единой целью и единой обстановкой, заданной во времени и в пространстве. Напротив, **сценарий** и **скрипт** характеризуются динамичностью. Являясь разновидностью фрейма, они организуют знания о стереотипных сменах событий, т. е. представляют собой ряды сменяющих друг друга ситуаций.

Наконец, стоит вернуться к узкой интерпретации метаязыка. Если под метаязыком понимать только семантический язык, на который «переводится» язык-объект, то в этом случае собственно формат толкования никак не учитывается (и толкования, и фреймы, и прототипы могут в принципе использовать сходные семантические языки). И здесь мы возвращаемся к той проблеме, с обсуждения которой начинается данная глава.

Кроме самого семантического языка, конечно, в том случае, если это не естественный язык, семантическое описание предполагает различного рода комментарии, в частности интерпретацию семантического языка, описание его лексики и синтаксиса, описание структуры толкований и т. п. Комментарий делается на естественном языке, однако может включать лингвистическую терминологию, обращение к другим научным языкам (языку логики и др.). Иначе говоря, это естественный, но, как правило, не обыденный язык, а язык науки (одной или нескольких). Как отмечено выше, это тоже метаязык, имеющий другую функцию, нежели семантический язык.

Как уже сказано, семантический язык — это язык, на котором записывается семантическое представление единиц естественного языка. Слова и другие выражения естественного языка по существу переводятся на семантический язык, который во многих отношениях является более правильным и эксплицитным, чем естественный. Вместе с тем и сам семантический язык (его структура, лексика, синтаксис, критерии построения и т. д.), и процедура перевода требуют объяснения и комментария, которые и осуществляются на новом метаязыке. Его можно было бы считать метаметаязыком, поскольку он является языком третьего порядка. От него требуются не столько логическая правильность и эксплицитность (как от семантического языка), сколько понятность и наличие большой объяснительной силы. Этим же критериям лучше всего удовлетворяет естественный язык.

Таким образом, естественный язык, как правило, присутствует в той или иной метафункции в лингвистическом описании. С этим связана еще одна, пожалуй главная, методологическая проблема. Являясь одновременно и объектом и инструментом исследования,

естественный язык в процессе этого исследования неизбежно изменяется. Если исследователь опирается только на свою собственную семантическую интуицию, он начинает смешивать язык-объект и язык-инструмент, уже изменившийся в процессе исследования. Это означает, что в семантике объект исследования в результате исследования изменяется.

Наконец, надо сказать, что обилие метаязыков и серьезные отличия их друг от друга сильно затрудняют сравнение различных подходов. В действительности же иногда за видимыми различиями (например, вербальной или рисуночной формой интерпретации значения) скрываются структурно близкие подходы.

Рекомендуемая литература

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1996.

Карнап Р. Значение и необходимость. — М., 1959.

Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996.

Семиотика и информатика. Вып. 32. — М., 1991.

Толково-комбинаторный словарь русского языка. — Вена, 1984.

ГЛАВА 8

МЕТОДЫ СЕМАНТИКИ

8.1. Источник и оценка языкового материала

Лингвистика вообще и лингвистическая семантика в частности являются эмпирическими науками, основанными на исследовании языкового материала. В ходе семантического исследования языковой материал подвергается различного рода оценкам. Оцениваться может правильность текста, семантическая тождественность двух языковых выражений, наличие тех или иных семантических отношений (например, причинно-следственной связи) и многое другое. Именно поэтому для методов семантики наиболее общими оказываются проблемы источника языкового материала и критериев его оценки.

Основным способом пополнения языкового материала и одновременно его оценки с различных точек зрения является **интроспекция**, т. е. самонаблюдение. Интроспекция означает обращение к собственной языковой интуиции. Исследователь сам порождает языковой материал и сам его оценивает. Метод интроспекции хорош тем, что исследователь, зная выдвинутую им самим гипотезу, может целенаправленно порождать материал, ее верифицирующий или же фальсифицирующий. Важно отметить, что при этом с помощью интроспекции можно порождать как правильные, так и неправильные языковые выражения.

Отрицательный языковой материал (т. е. такой языковой материал, который оценивается как неправильный), как отмечал Л. В. Щерба, также может оказаться очень полезен при проверке лингвистической гипотезы, а его порождение и использование в исследовании является **лингвистическим экспериментом**, т. е. также лингвистическим методом, хотя и более частным. Так, эксперимент, по Щербе, может заключаться в погружении слова в различные контексты, в результате чего получают правильные и неправильные фразы. Отрицательный языковой материал помогает выделить типы контекстов, которые плохо совместимы с данным словом, и соответственно те компоненты значения слова, которые мешают погружению слова в соответствующий контекст, вступают с ним в противоречие.

В предыдущей главе цитировалась статья о слове *ветер* из Толково-комбинаторного словаря. Толкование 'достаточно интенсивное горизонтальное перемещение газа X, обычно воздуха, в направлении от Y к Z, происходящее вблизи поверхности небесного тела, обычно Земли, захватывающее достаточно широкое про-

странство и вызванное либо атмосферными явлениями, либо быстрым движением каких-либо тел' сопровождается комментарием о том, что компонент 'быстрым движением каких-либо тел' нужен, поскольку, по мнению авторов, сильная струя воздуха из насоса не может быть названа ветром. Фактически словосочетание *ветер от насоса* или соответствующее обозначение ситуации они признали неправильным. Отрицательный языковой материал обычно помечается спереди звездочкой **ветер от насоса*, а сомнительный — спереди же знаком вопроса (?).

Возвращаясь к интроспекции, можно сказать, что этот метод следует признать кратчайшим путем к проверке той или иной гипотезы. Но у него есть и определенные недостатки. Хотя в принципе нельзя говорить о совершенно объективной оценке языкового материала, интроспективная оценка считается в наибольшей степени субъективной. Исследователь, опирающийся только на собственную языковую интуицию, рискует получить неверные с точки зрения других носителей языка результаты. Это может обуславливаться, по крайней мере, тремя причинами. Во-первых, его идиолект (индивидуальный вариант языка) несколько отличается от других идиолектов именно в интересующем его аспекте. Во-вторых, языковая интуиция вообще плохо работает *in vitro*, т. е. в искусственно сконструированных условиях вне реального общения. Наконец, в-третьих, интуиция лингвиста могла претерпеть в процессе исследования изменения.

Третья причина достаточно распространена и требует комментария. Дело в том, что языковая интуиция не есть нечто статичное, постоянное. Она изменяется в течение времени, зависит от речевой ситуации и других параметров. В частности, на нее может влиять сам процесс исследования. Выдвинутая исследователем гипотеза способствует бессознательной «подгонке» под нее оценки правильности/неправильности языкового материала. Исследователь как бы попадает под влияние собственной теории и воспринимает языковой материал через ее призму. Более того, при продолжительном размышлении, например над семантической правильностью одной и той же фразы, языковая интуиция вообще утрачивается. Происходит своеобразное привыкание к фразе, когда ее неправильность перестает ощущаться. Ведь в большой степени правильным считается то, что присутствует в нашем языковом опыте, то, что отмечено, услышано, зафиксировано. В лабораторной работе с речью происходит нечто подобное, отрицательный языковой материал отчасти закрепляется в сознании исследователя и тем самым превращается в позитивный.

Наконец, последнее принципиальное и естественное ограничение использования интроспекции связано с отсутствием языковой интуиции или нечеткой языковой интуицией. Это означает, что интроспекцией не может пользоваться лингвист, изучаю-

щий семантику неродного языка. Особенно это касается так называемых полевых исследований, когда лингвист изучает язык непосредственно в среде его носителей (Кибрик 1972).

Вообще же интроспекции как самонаблюдению, обращению к собственной интуиции противопоставлены различные методы обращения к чужой интуиции. Среди них в первую очередь следует выделить **наблюдение**, т.е. исследование письменных и устных текстов в условиях реальной коммуникации, и такие экспериментальные методы, как **анкетирование**, **интервьюирование** и пр.

Обращение к существующим, «отмеченным» текстам многие исследователи и лингвистические школы осознают как важнейший метод лингвистики. В качестве примера можно назвать такие разные направления и подходы, как дескриптивизм, исследование разговорной речи (Е.А. Земская в России, К. Бланш-Бенвенист во Франции и др.), японскую школу языкового существования (М. Нисио, Т. Сибата и др., в центре внимания представителей этого направления находится речевая деятельность, конкретная обстановка, в которой происходит коммуникация, ее социальные условия и т.д.), корпусная лингвистика и др. Для подобных «эмпирических» подходов, основанных на наблюдении функционирования языка, характерно стремление к максимально полному сбору речевого, или текстового, материала и использование особых методов сбора и обработки материала. В частности, среди методов обработки материала следует упомянуть **статистические**.

Корпусную лингвистику, достаточно активно развивающееся в последнее время направление и метод исследования, стоит рассмотреть подробнее. На первый взгляд кажется, что интроспекции как самому субъективному методу противопоставлен самый объективный метод — **корпусный анализ**, или, точнее, корпусная лингвистика. Корпусная лингвистика как таковая появилась сравнительно недавно — в конце 70-х — начале 80-х годов, заведомо после того как началось формирование корпусов текстов на различных языках. Ее возникновение и расцвет в конце XX в. обусловлены развитием компьютеров и возможностью полной компьютеризации как самих текстов, так и работы с ними, прежде всего процедуры поиска. Во многом она является продолжением и развитием дескриптивных методов, характерных для американского направления структурной лингвистики. Основным принцип современной корпусной лингвистики существовал задолго до появления компьютерных корпусов и вообще корпусов текстов. Этот принцип заключается в том, что объектом исследования является отмеченный в реальной коммуникации языковой материал — написанные тексты, произнесенные фразы и т.д. Абсолютизация этого принципа означает по сути, что только такой материал и должен служить объектом лингвистического исследования. Однако при небольшом количестве языкового материала он служит

скорее иллюстрацией научной гипотезы или аргументом в ее поддержку, чем ее основой или реальным объектом исследования.

Таким образом, именно сейчас, учитывая объем введенного в компьютер корпуса текстов, можно говорить о семантических исследованиях, основанных на корпусном анализе. Чтобы изучить семантику слова, следует найти все контексты, в которых оно зафиксировано. Так реализуется идея Л. Витгенштейна о том, что значение языковой единицы — это ее употребление. При достаточно большом корпусе текстов невстречаемость слова в определенном контексте также значима. Она свидетельствует хотя и не об абсолютном запрете, но об определенных ограничениях, по крайней мере статистических. Вообще при корпусном анализе статистические закономерности приобретают особую значимость и могут играть роль своего рода эмпирической реальности, интерпретируемой с семантической точки зрения.

Корпусный анализ кажется максимально объективным — ведь языковой материал отчужден от исследователя и не зависит от него. При корпусном анализе исходные позиции лингвиста, изучающего семантику родного языка, и лингвиста, изучающего семантику чужого языка, уравниваются. Значение языковой интуиции и связанные с ней искажения сводятся на нет. Кроме того, речь идет об изучении языка *in vivo*, а не *in vitro*, т.е. в условиях реальной коммуникации (хотя большей частью речь идет о письменных текстах). Интроспективная оценка правильности фактически заменяется фиксацией отмеченности языкового выражения в корпусе текстов. Иначе говоря, если некое явление отмечено, то оно и правильно. Но именно этот тезис и является одновременно и самым сильным, и самым слабым местом в корпусном анализе. Такой подход упрощает обработку языкового материала и вместе с тем огрубляет ее.

Совершенно очевидно, что не все сказанное и не все написанное является правильным с точки зрения языковой интуиции, или, если выразиться более корректно, не весь отмеченный языковой материал имеет равный вес для построения лингвистической теории. Некоторые фразы, даже будучи приемлемыми, вызывают дополнительный семантический или прагматический эффект, никак не отмеченный в корпусе текстов.

Все вышесказанное означает, что эффективность корпусной лингвистики, безусловно, увеличивается в сочетании с другими методами, например экспериментальными, в том числе уже упомянутым конструированием отрицательного материала.

Надо сказать, что объективность семантической оценки может повышаться, если дополнить интроспективную оценку обращением к чужой интуиции. Опрос информантов позволяет учесть различные идиолекты и различные языковые интуиции, а также избежать опасности искажения интуиции под влиянием выдвину-

той теории. По этой причине лучшими языковыми информантами являются носители языка, не имеющие лингвистического образования и не строящие собственной теории, а непосредственно отвечающие на вопросы лингвистической анкеты.

Итак, по критерию происхождения лингвистического материала противопоставляются **внутренний** (интроспекция) и **внешний** (наблюдение, анкетирование, интервьюирование) методы. Можно также говорить о противопоставлении методов **in vitro** и **in vivo**. Первый — метод эксперимента, когда исследователь, обращаясь к собственной или чужой интуиции, строит сам или стимулирует носителей языка к строительству различных языковых фрагментов и подвергает их лабораторной оценке (интроспекция, анкетирование, интервьюирование). Второй — метод наблюдения, когда лингвист наблюдает естественную коммуникацию или ее результаты. Следует отметить, что интроспекция, по-видимому, всегда экспериментальна. Едва ли можно объективно наблюдать и анализировать собственную речь. Противопоставление названных методов показано в таблице 2.

Для семантической оценки языкового материала лингвист также может использовать метод интроспекции, т.е. собственную интуицию, собственное мнение (таблица 3). Ей в этом случае про-

Таблица 2

Методы семантики

Позиция исследователя \ Источник материала	Внутренний	Внешний
Эксперимент	интроспекция	анкетирование, интервьюирование
Наблюдение		корпусный анализ, дескриптивные методы

Таблица 3

Семантическая оценка языкового материала

Позиция исследователя \ Оценка	Внутренняя	Внешняя
Опрос	интроспекция: собственная оценка	анкетирование, интервьюирование: чужая оценка
Наблюдение		фиксация речевого факта: отмеченность/неотмеченность

тивопоставлены метод опроса других носителей языка, опирающийся тем самым на чужую или усредненную интуицию, а также снова метод фиксации речевого факта, используемый, в частности, в корпусном анализе, несколько более грубый, различающий только отмеченное (читай — правильное) и неотмеченное (при очень большом корпусе текстов, т. е. корпусе, стремящемся к бесконечности, — с большой вероятностью неправильное).

8.2. Методы и приемы

Кроме основных методов, существует множество более частных, выделяемых на разных основаниях. Некоторые из них в силу их частности, возможно, следует называть исследовательскими приемами. Выше был рассмотрен метод (или прием), заключающийся в использовании отрицательного языкового материала. Перечислить все лингвистические методы невозможно просто в силу условности этого понятия. Так, классифицирование языкового материала следует считать методом достижения некоторой семантической истины, но очень часто классификация является окончательной целью лингвистического исследования. Иначе говоря, в зависимости от того, предполагается или нет дальнейшая ее семантическая интерпретация, классификацию можно квалифицировать то как метод, то как цель исследования.

Важно отметить, что лингвистические методы постоянно обновляются и развиваются. Примером этого может служить хотя бы корпусный анализ, являющийся развитием дескриптивного метода. Так что достаточно сложно провести четкую границу между различными методами.

Рассмотрим наиболее популярные из частных методов семантического анализа: таксономию (категоризация, классифицирование, или классификация); сопоставление, осуществляемое с помощью семантических полей, семантических пропорций и т. д.; перифразирование, разложение на более простые составляющие; деконструкцию.

Таксономией называется совокупность принципов и правил классификации лингвистических объектов. Классификация — это разбиение множества объектов на подмножества (классы). При этом выполняются следующие условия: каждый объект множества попадает в какой-нибудь класс; каждый объект множества попадает не более чем в один класс. В основе содержательной классификации всегда лежит понятие категории. **Категория**, или **признак**, является набором значений и определяется для некоторого множества объектов (например, слов) так, что каждому объекту соответствует одно и только одно значение. Фактически это означает, что значения одной категории несовместимы друг с другом.

Категоризацией называется процесс отнесения объектов к соответствующим классам. Примерами естественных категорий являются «ЦВЕТ» со значениями ('белый', 'желтый', 'зеленый' и т. д.), «ПОЛ» со значениями ('женский' и 'мужской') и под. К сожалению, классификации реальных объектов почти никогда не соответствуют заявленному идеалу. Так, существуют переходные цвета (например, между красным и желтым — оранжевый) или разноцветные объекты. Существуют гермафродиты, имеющие признаки сразу двух полов, или люди, изменившие пол, и т. д. Реальные классификации, как правило, допускают попадание некоторых объектов в несколько классов и, кроме того, обычно не охватывают все множество объектов.

Остроумную и одновременно глубокую пародию на научную классификацию предлагает аргентинский писатель Х. Л. Борхес под видом «древнекитайской» классификации, которая построена с многочисленными нарушениями как научных принципов, так и просто здравого смысла (читателю предоставляется возможность самому установить эти неправильности):

«Все животные делятся на:

- а) принадлежащих императору;
- б) бальзамированных;
- в) прирученных;
- г) сосунков;
- д) сирен;
- е) сказочных;
- ж) бродячих собак;
- з) включенных в эту классификацию;
- и) бегающих, как сумасшедшие;
- к) бесчисленных;
- л) нарисованных очень тонкой кистью из верблюжьей шерсти;
- м) прочих;
- н) разбивших цветочную вазу;
- о) похожих издали на мух».

Несмотря на все названные проблемы, классификации постоянно используются в лингвистике. Как уже сказано, лингвистические классификации являются не только методом, но и часто главной задачей, целью исследования. В семантике существуют два основных типа классификаций: классификация языковых единиц с помощью семантических категорий и классификация языковых единиц по какому-либо формальному признаку с последующей семантической интерпретацией. В качестве примера классификации первого типа можно привести многочисленные семантические классификации предикатов. Для русского языка эту задачу решали Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, В. В. Виноградов, Е. В. Падучева, О. Н. Селиверстова, Ю. С. Степанов, Л. В. Щерба и др. Так, Л. В. Щерба выделял в русском языке три типа предикатов: дей-

ствия, состояния и качества. На схеме 5 приводится более подробная классификация, автором которой является Т. В. Булыгина.

Примером второго типа классификаций может служить исследование Ю. Д. Апресяна, в котором классификация русских глаголов по формальному признаку — участию в различных синтаксических конструкциях — подвергается семантической интерпретации, т. е. каждому типу глаголов ставится в соответствие определенное значение, которое и определяет характерное синтаксическое поведение.

Семантика языковых единиц описывается, как правило, не независимо, а в **сопоставлении** с другими языковыми единицами, как правило, близкими по значению. Существующее между ними семантическое сходство представляет собой базу для сравнения. В результате такого сопоставления выделяются прежде всего компоненты смысла, различающие данные языковые единицы. Так, естественно, описывая значение слова *стул*, сравнить его со словами *табуретка* и *кресло*, в результате чего выясняется, что в значении слова *стул* должен присутствовать компонент 'спинка' (в отличие от *табуретки*) и отсутствовать компонент 'ручки' (в отличие от *кресла*). Пары *стул* — *табуретка* и *стул* — *кресло* являются своего рода минимальными семантическими парами, т. е. словами, которые различаются только данным компонентом значения. Выделение компонентов значения стало основой **компонентного анализа** (о нем подробнее см. в главе 10).

Сопоставление больших групп слов с единой семантической базой сравнения привело к созданию **теории семантических полей** (см. п. 10.7) и особых методов их исследования.

В том случае, если семантическое различие между двумя языковыми единицами регулярно, т. е. повторяется и для других пар, можно говорить о семантических пропорциях. Впрочем, **семантические пропорции** могут состоять не только из пар, но и из троек и вообще любых наборов языковых единиц с одинаковыми различиями между членами наборов:

- 1) $\frac{\text{пить}}{\text{поить}} = \frac{\text{есть}}{\text{кормить}} = \frac{\text{сидеть}}{\text{сажать}} = \dots$
- 2) $\frac{\text{мальчик}}{\text{девочка}} = \frac{\text{мужчина}}{\text{женщина}} = \frac{\text{гусак}}{\text{гусыня}} = \dots$
- 3) $\frac{\text{дом}}{\text{домик}} = \frac{\text{пароход}}{\text{пароходик}} = \dots$
 $\frac{\text{домище}}{\text{пароходище}}$

Для всех членов пропорции повторяются различия, а общая часть значения у каждой пары (или тройки) своя.

В первой пропорции повторяющимся компонентом является каузативное значение. Слово из семантического языка «каузировать»

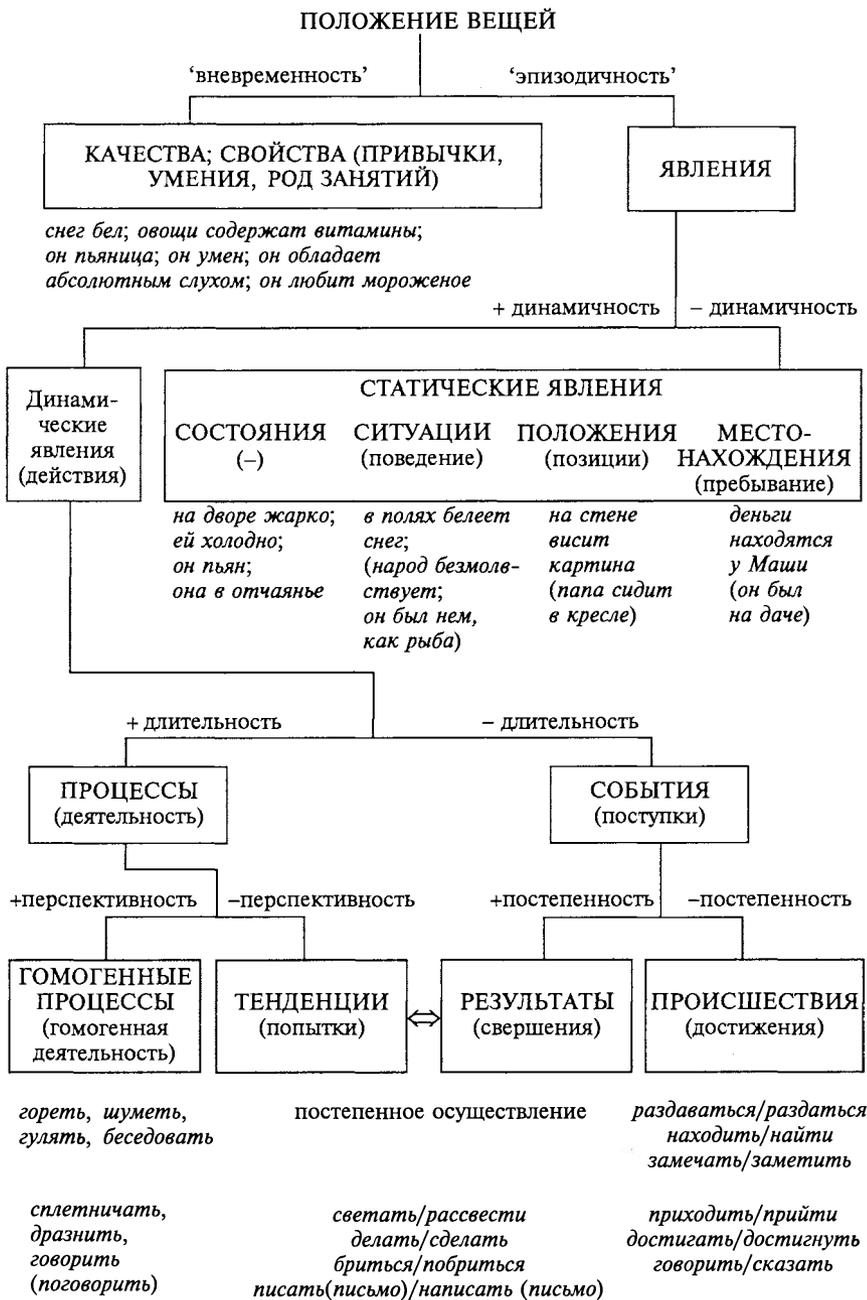

Схема 5. Классификация предикатов в русском языке

является сокращением выражения 'сделать так, чтобы'. У числителей каждой пары, в отличие от знаменателя, этот компонент есть.

Числитель и знаменатель второй пропорции различаются полом. В значении числителя присутствует компонент 'мужской', а в значении знаменателя — 'женский'.

Наконец, в третьей пропорции мы имеем дело с тройками, так что слова «числитель» и «знаменатель» уже не годятся. У второго члена каждого набора имеется компонент значения 'маленький', у третьего — 'большой', а у первого нет ни того ни другого.

Семантические пропорции легли в основу различных методов и понятий. Кроме уже упомянутого компонентного анализа, следует назвать и понятие лексической функции, введенное в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» (см. главу 19).

Как видно из приведенных примеров, в результате семантического сопоставления языковых единиц выделяются определенные семантические единицы, иногда называемые **семами**. Именно поэтому такой анализ называют не только компонентным, но и **семным**. Последовательное выделение всех семантических составляющих значения приводит к **разложению** значения на компоненты, или семы. Разложение значения на составляющие является целью сопоставления и само по себе представляет достаточно важный и распространенный метод семантического анализа. Разложением значения являются и традиционные толкования слов, и коммуникативное членение предложения, и выделение иллокутивной силы речевых актов, и многое другое. Фактически любой семантический анализ подразумевает, в той или иной степени, разложение значения на более простые компоненты. В некоторых случаях ставится сверхзадача разложения значения на простейшие, далее не членимые элементы (программа аналитической философии, *Lingua mentalis* и под.), иногда же, как в случае толкования слов, речь об этом не идет.

Еще одним, хотя и значительно менее универсальным, методом семантики является **перифразирование**. Этот метод во многом опирается на приведенное в главе 6 операциональное понимание значения как инварианта синонимического перифразирования. При таком подходе **перифразирование как процедура становится главным критерием понимания**. Таким образом, **моделирование способности по-разному выражать одно и то же значение оказывается по существу моделированием владения семантикой языка**. Так, одним из основных компонентов модели «Смысл \Leftrightarrow Текст», опирающейся на операциональное определение значения, является система перифразирования. Кроме того, **очевидная польза данного метода состоит в прояснении смысла выражения**. **Выражение той же мысли другими словами используется и как стандартный**

прием в обыденном общении в том случае, если собеседник не понял смысла сказанного. По существу перифразами являются и традиционные толкования слов (если они сделаны на том же самом языке). В этой связи следует упомянуть и о таком способе проверки адекватности подобных толкований-перифраз, как **подстановка**: толкование адекватно в том случае, если, будучи подставлено вместо толкуемого в обычном контексте (существуют особые типы контекстов, где подстановка равнозначных выражений невозможна), не изменяет значения целого.

Кроме перифразирования, возможны и другие методы, опирающиеся на операциональные критерии. Методом семантики может быть **перевод** на другой язык (значение как инвариант перевода) в том случае, если он направлен на анализ или прояснение значения. В этом смысле двуязычные словари являются в такой же степени «семантическими», как и толковые. В толковых словарях в качестве методов описания значения используются перифразирование и разложение на более простые составляющие, а в двуязычных — перевод.

Среди новых методов имеет смысл упомянуть метод **деконструкции**, более значительно популярный в литературоведении, чем в лингвистике. Его предложил и развил в своих работах французский структуралист Ж. Деррида. Деконструкцию можно определить как особую стратегию прочтения текста, направленную на вскрытие его имплицитного содержания, не обязательно осознаваемого самим автором. В литературоведческой и философской традиции деконструкцию отчасти можно считать продолжением психоаналитического подхода к анализу текста и в еще большей степени развитием взглядов немецкого философа М. Хайдеггера, утверждавшего, что не люди говорят с помощью языка, а сам язык говорит людям и посредством людей. Поэтому в качестве основной М. Хайдеггером ставится задача «прислушивания» к языку.

В лингвистическом аспекте деконструкция интересна тем, что этот метод подразумевает некую новую задачу, а по существу сверхзадачу анализа текста. В соответствии с ней текст не столько порождается говорящим, сколько рождается при его участии и даже помимо него, так что семантика текста определяется, по крайней мере, не только говорящим, но и многими другими факторами. В частности, речь может развивать сама себя, и потому простой переход от смысла к тексту является упрощенной моделью речепроизводства.

Наконец, последнее замечание о методах в семантике касается того, что в конкретном исследовании лингвист, как правило, использует разные (в том числе взаимодополняющие) методы, и именно такой подход к методологии, по-видимому, следует считать наиболее продуктивным.

Рекомендуемая литература

Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. — М., 1966.

Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. — М., 1967.

Кибрик А.Е. Методика полевых исследований (К постановке проблемы). — М., 1972.

Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. — М., 1975.

Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. — М., 1984.

Фрумкина Р.М. и др. Семантика и категоризация. — М., 1991.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974.

Harris Z. Methods in structural linguistics. — Chicago, 1951.

ГЛАВА 9

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА И МЫШЛЕНИЕ

9.1. Концептуализация мира языком, или Языковая картина мира

Проблема связи языка с мышлением является многоаспектной и исследуется в рамках разных наук, прежде всего в психологии, лингвистике и философии. В лингвистике вся данная проблематика играет роль методологической рамки, в разной степени важной для различных лингвистических школ и направлений. Почти незаметна эта тема, например, у структуралистов, а вот в генеративной грамматике и в когнитивной лингвистике она, безусловно, лежит в основании лингвистической теории. Крупнейший американский лингвист Н. Хомский посвящает ей книгу «Язык и мышление» («Language and mind»), название которой перекликается с названиями трудов таких российских психологов, как Л. С. Выготский («Мышление и речь») и А. Р. Лурия («Язык и сознание»), и российского филолога XIX в. А. А. Потебни («Мысль и язык»). Н. Хомский во многом развивает идеи Р. Декарта, в частности о творческом характере языка, о врожденности мыслительных структур, и в том числе языка, и др. В когнитивной же лингвистике связь языка и мышления рассматривается уже не только в качестве методологической рамки, фактически она эксплицируется в понятийном аппарате, семантика языковых единиц описывается в терминах, характеризующих именно мышление.

Хотя связь языка и мышления никем не подвергается сомнению, многие основные вопросы так и не имеют однозначного ответа. Это касается и врожденности языковых структур, и более общей проблемы — как овладевает языком ребенок, и даже самого, пожалуй, принципиального вопроса — возможности мышления вне языка. В рамках лингвистической семантики получить ответы на эти вопросы, по-видимому, невозможно. Они в гораздо большей степени относятся к ведению психологии и психолингвистики.

Тем не менее связи языка и сознания, как индивидуального, так и общественного, изучаются и в семантике. Этот комплекс проблем также можно рассматривать в различных аспектах, но все же основными можно считать два направления взаимосвязи языка с внешними феноменами. Во-первых, исследование того, как общественное сознание, а если говорить подробнее, культура, цивилизация, власть, общественные движения, влияют на язык. Не менее важно и второе направление — как язык, влияет на мышление отдельного человека или на общественное сознание.

Поэтому одной из основных задач современной лингвистической семантики стало исследование **концептуализации мира языком**, его лексикой и грамматикой, т. е. исследование того, как язык членит мир и как он этот мир представляет. Так, само присутствие слова *дерево* в русском языке по существу означает, что мы умеем вычленять соответствующие объекты и отождествлять их между собой.

В этом случае говорят также о **языковой картине мира**, иначе говоря, о том представлении мира, которое стоит за языком, а если говорить точнее, за каждым конкретным языком. Исследование языковой семантики становится в рамках такой задачи первым шагом к восстановлению языковой картины мира или, по крайней мере, ее фрагментов. Наряду с описанием языковой картины мира принципиально важной считается задача сравнения картин мира, стоящих за разными естественными языками. Разные языки по-разному концептуализируют мир. Это видно хотя бы из того, что в любом языке есть слова, которые невозможно перевести на другие языки одним словом и которые вообще трудно переводятся. В русском языке к числу таких слов относятся, например, *тоска* или *авось*.

Однако психологический статус такой концептуализации, статус языковой картины мира не вполне определен, и, следовательно, однозначно ответить на вопрос, как воздействует язык на мышление и познание действительности, невозможно. Тем не менее **гипотеза лингвистической относительности** (гипотеза Сепира — Уорфа), согласно которой логический строй мышления и познание определяются соответствующим языком, оказала огромное влияние на современную семантику. Прежде чем перейти к конкретным лингвистическим исследованиям, следует обратиться к историческому развитию рассматриваемой проблематики.

9.2. В. фон Гумбольдт и неогумбольдтианство

Традиция изучения связей языка с мышлением, культурой и вообще духовной жизнью восходит к работам немецкого философа и лингвиста В. фон Гумбольдта. Он писал о том, что мышление человека и представления его о мире определяются конкретным языком. Различное членение мира языками проявляется, в частности, в том, что для выражения одних и тех же понятий один язык использует отдельные слова, а другой — описательные средства. В. фон Гумбольдт понимал язык как деятельность человеческого духа, обозначая ее греческим термином *Energiea* и противопоставляя вещи, или продукту деятельности (*Ergon*). В языке, по его мнению, заключена энергия, дух народа. Он призывал к философски обоснованному сравнению языков и раскрытию различных способов видения мира. Язык, по выражению В. фон Гум-

больдта, описывает вокруг народа круг, выйти из которого человек может, лишь вступив в другой круг, описываемый другим языком. В связи с этим возможны два способа овладения другим языком: когда мы осваиваем новый способ видения мира или когда распространяем старый способ видения на изучаемый язык.

Идеи Гумбольдта оказали влияние на развитие лингвистической методологии во всем мире. Так, в XIX в. в России А. А. Потебня развивал концепцию творческого характера языка. Язык не просто выражает готовую мысль, а создает ее. А. А. Потебня переосмыслил важное, но не вполне ясное понятие внутренней формы языка, которую В. фон Гумбольдт противопоставлял внешней (звуковой, грамматической и т. д.). А. А. Потебня перенес идею внутренней формы на слово и конкретизировал ее. Внутренней формой слова он называет его этимологическое значение, представление о котором сохраняют носители языка. Позднее под внутренней формой слова стали понимать семантическую мотивировку, способ изображения данного значения в слове (Ю. С. Маслов). Например, в слове *подснежник* внутренняя форма означает 'то, что находится под снегом', а реальное значение есть сужение, конкретизация внутренней формы (подробнее об этом см. в п. 10.3).

Продолжением философии В. фон Гумбольдта в XX в. стало так называемое **неогумбольдтианство**, особое направление в лингвистике и философии языка, распространенное в основном в Германии. Его философской основой было учение Э. Кассирера о символах и символьном познании, а наиболее ярким представителем — немецкий лингвист Л. Вайсгербер. В соответствии с неогумбольдтианством картина мира создается человеческим сознанием с помощью человеческого языка, т. е. по существу определяется им. Таким образом, можно говорить о лингвистическом агностицизме, утверждающем ограниченность человеческого познания рамками того конкретного языка, на котором говорит и думает человек. Нельзя не отметить близости этих идей рассуждениям логических позитивистов о конвенционализме и выборе начальной логической системы, определяющем развитие научной теории (см. главу 2).

Неогумбольдтианцы утверждают, что язык определяет мышление и познание, а тем самым и картину мира, и культуру, и цивилизацию. В результате этого носители разных языков создают разные картины мира, культуры и цивилизации.

9.3. Гипотеза Сепира — Уорфа (на примере понятий времени и цвета)

Независимо от европейской традиции сходное лингвистическое направление сложилось в Америке и получило название этнолингвистики. Этнолингвистика опиралась в первую очередь на

исследование индейских языков Северной и Центральной Америки. Первоначально чисто описательные работы Ф. Боаса и его учеников становятся замечательной базой для лингво-культурологического сравнения с английским и другими европейскими языками. Э. Сепир формулирует утверждение о влиянии языка на жизнь общества, этим языком пользующегося. Он говорит о невозможности осознания действительности без помощи языка и о том, что так называемый реальный мир строится на основе языковых норм. Восприятие различных явлений основывается на том, что соответствующие языковые нормы предполагают данную форму выражения. Ученик Э. Сепира Б. Уорф формирует из этих постулатов особую теорию и подтверждает ее сравнением индейских языков и того, что он называет среднеевропейским стандартом, т. е. некоторых общих для ряда европейских языков грамматических черт, отражающих западную, или европейскую, культуру. Эта концепция получила название гипотезы Сепира — Уорфа или гипотезы лингвистической относительности.

В силу некоторой неопределенности формулировок гипотеза Сепира — Уорфа имела различные интерпретации. Однако независимо от этого она породила ряд лингвистических исследований, заключающихся в сравнении двух и более языков с культурологической точки зрения. Это означает, что лингвистические различия, выделенные при таком контрастивном анализе, получают дальнейшую интерпретацию как различия, связанные с особенностями культуры и мышления. Таким образом, познание мира зависит от языка, которым пользуется субъект познания — человек. Сходные языки задают сходные картины мира, а сильно различающиеся языки, напротив, весьма непохожие. В построении картин мира могут, конечно, быть и универсалии, связанные с основополагающими чертами человеческой психологии, функциями языка и т. д. Французский лингвист Ж. Вандриес утверждал, например, что во всех языках гораздо больше аффективных средств для передачи тяжелого и неприятного, чем легкого и радостного. Но тотальная проверка подобных универсалий достаточно сложна, поэтому семантическое сравнение языков в основном направлено на выделение различий.

Объектом такого сравнения, как правило, оказываются не целые языковые системы, а их отдельные фрагменты. Наиболее часто анализируются системы родства, семантика времени и цвета в различных языках. Выбор этих и некоторых других фрагментов не случаен. Совершенно сознательно исследователи предпочитают те системные явления языка, которым соответствуют реальные культурные или психологические системы.

Именно «время» как одну из важнейших категорий языка и мышления выбрал в качестве объекта сравнения Б. Уорф в своей классической работе об отношении норм поведения и мышления

к языку (1939). Он сравнил реализацию этой категории в языке хопи и в уже упомянутом среднеевропейском стандарте.

В среднеевропейском стандарте слова, обозначающие отрезки времени, могут быть существительными, например *лето, зима, сентябрь, утро, полдень* и т. д. Они практически не отличаются по своему синтаксическому поведению от прочих существительных, могут быть подлежащими, дополнениями и сочетаются с предлогами: *в это лето, на следующую утро* и пр. Они образуют множественное число и поддаются счету, как и существительные, которые обозначают вещи: *Последние два лета я отдыхал в Подмосковье*. Таким образом, явления, обозначаемые этими словами, объективируются. Это означает, что мы представляем некоторую субстанцию, материю, но только не пространственную, а темпоральную, из которой и состоят подобные объекты. Для называния этой субстанции в языках среднеевропейского стандарта существует специальное слово *время*.

В языке хопи все темпоральные слова являются не существительными, а принадлежат к особой части речи, которая наиболее близка нашим наречиям. Впрочем, они отличаются и от других наречий языка хопи. Семантически они означают что-то вроде 'когда...': 'когда лето', 'когда вечер'. Эти слова не могут выступать в синтаксических ролях существительного — не могут быть ни подлежащим, ни дополнением, не сочетаются ни с предлогами, ни с определениями. В языке хопи совершенно отсутствует объективация, и поэтому нет нужды в достаточно абстрактном термине типа *время*.

Иначе устроена в хопи и глагольная система времен. В среднеевропейском стандарте существует система, состоящая из трех глагольных времен, и это влияет на наше восприятие времени. Время воспринимается как ряд сменяющих друг друга событий. При этом настоящее — это то, что мы непосредственно ощущаем. Прошлое (прошедшее) — это то, что относится к области памяти. Будущее — это то, что относится к области веры и интуиции. Все вместе это существует в нашем сознании.

В языке хопи глаголы не имеют временных форм в чистом виде. Однако у глагола существуют категории утверждения, аспекта и наклонения. Категория утверждения связана со статусом события. Аспектуальная характеристика уточняет тип и степень длительности события. Наконец, наклонение характеризует отношение между двумя предложениями с точки зрения последовательности обозначенных в них событий. Таким образом, вместо трехчленной системы глагольных времен в хопи присутствует иная характеристика событий, подчеркивающая и выделяющая другие темпоральные свойства.

Особую роль в хопи играет длительность события. В языках среднеевропейского стандарта длительность описывается, как прави-

ло, с помощью пространственных метафор: *длинный, короткий, большой* и т.д. Время интерпретируется по существу как особое воображаемое пространство. События в нем *идут, текут, летят*, короче говоря, перемещаются. Это тоже объективация как событий, так и их временных характеристик. Собственно темпоральных слов, не имеющих пространственных ассоциаций, крайне мало. В хопи же, напротив, пространственные метафоры полностью отсутствуют. Длительность и ее характеристики выражаются разнообразными способами, как грамматически, так и лексически. Существует даже особая часть речи (интенсификаторы), выражающая интенсивность, длительность и последовательность. При этом никакого сходства и аналогии с пространством и движением нет. Таким образом, язык хопи, будучи весьма конкретным в темпоральной лексике, демонстрирует высокую степень абстракции в данной категории.

Б. Уорф интерпретирует описанные различия темпоральных форм и систем с помощью понятий «мыслительный мир», или «микрокосм», а также посредством поведенческих норм. По Уорфу, микрокосм средневропейского стандарта делится на два основных компонента — дискретные предметы и бесформенная недискретная субстанция. Явления, не обладающие пространственными признаками, мыслятся по аналогии с пространством и соответственно членятся на дискретное и непрерывное. Так, фазы события могут восприниматься как отдельные независимые объекты со своими объектными характеристиками.

В микрокосме хопи явления рассматриваются как выражение невидимых факторов, единых и цельных. Развитие события предопределено и подготовлено его ранними стадиями, которые, в свою очередь, невычленимы и не могут быть объективированы. Это сказывается и в нормах поведения, свойственных хопи. Особую роль играет подготовка к событию. Любое событие состоит из его объявления, внешней и внутренней подготовки, скрытого участия или поддержки и настойчивого проведения его в жизнь. В обществе даже существует должность Главного глашатая, объявляющего о событии. События не могут быть расчленимы на отдельные и независимые стадии, представимые как самостоятельные объекты.

Основные понятия двух культур — средневропейского стандарта и хопи — это время и длительность соответственно. Наше «время» очень сильно отличается от «длительности» у хопи, и эти отличия существуют и в языке, и в мышлении, и в нормах поведения. Интерпретируя язык с помощью понятий мыслительного мира и поведенческих норм, Б. Уорф предостерегал от установления прямых соответствий и выводов. По его мнению, невозможно непосредственно вывести существование Главного глашатая из того факта, что в языке хопи отсутствует категория времени, хотя связь между этими фактами есть.

Большой интерес исследователей вызывают с точки зрения гипотезы Сепира—Уорфа, системы цветообозначений в разных языках. Различие лексики разных языков в этой области очевидно. Так, русским словам *голубой* и *синий* соответствует лишь одно английское слово *blue*. Напротив, русскому слову *красный* соответствуют два венгерских слова *voros* и *piros*. Польские слова *niebieski* и *granatowy* также соответствуют английскому *blue*, но при этом членят область синего цвета не так, как два русских слова. В языке навахо не различаются синий и зеленый, зато существует два слова, соответствующих черному: условно говоря, ‘черный, как тьма’ и ‘черный, как уголь’. В латыни не различаются коричневый и серый. Встречаются языки, в которых вообще существуют только два или три «основных» цветообозначения. Например, в некоторых языках Австралии и Новой Гвинеи исследователи выделяют только два слова со значениями ‘черный’ и ‘белый’.

Означает ли это, что носители английского языка не могут различить соответствующие цвета, или же хотя бы то, что они обычно их не различают? Насколько важно, что при «точном» переводе слова *синий* на английский язык приходится использовать целое словосочетание *dark blue*? Переводимы ли в принципе цветообозначения одного языка на другой?

Классической точкой отсчета в этой области стала работа американских ученых Б. Берлина и П. Кея, посвященная поиску цветовых универсалий (1969). При обследовании носителей разных языков ученые использовали стандартные цветные пластинки — своего рода эталоны цвета. Значением цветообозначений, таким образом, стали считаться определенные зоны цветовой таблицы. Изучив системы цветообозначений около сотни различных языков, ученые выделили универсальный набор из 11 основных цветов. Во всех языках используется либо весь этот набор, либо его часть. Так, в английском языке используется весь набор: *black, blue, brown, green, grey, orange, pink, purple, red, white, yellow*. Основными считались в языке цветообозначения, соответствующие четырем критериям:

1) в них используется одна морфема (например, не годится *светло-зеленый*);

2) их употребление вполне обыденно (не *ультрамарин*);

3) они употребляются по отношению к различным объектам (не *русый* или *гнедой*);

4) они не входят полностью в зону другого цветообозначения (как *алый* находится в зоне *красного*).

В результате исследования были получены универсалии, касающиеся присутствия того или иного цвета в системе лексикализованных цветообозначений. Например, если в языке есть только два основных цветообозначения, то это названия белого и черного цветов, если же три, то третьим цветом должен быть красный.

Исследователи построили следующую иерархию 11 основных цветов:

{black, white} → {red} → {green, yellow} → {blue} → {brown} → {grey, orange, pink, purple}.

Если в языке используются основные цвета из какой-либо группы, объединенной фигурными скобками {}, то заведомо в этом языке встречаются цвета из групп, расположенных левее.

Подход Б. Берлина и П. Кея вызвал волну критики и обвинения в объективизме и физиологизме в то время, как цветообозначения коррелируют с другими важными для человека понятиями в языке. Например, А. Вежбицкая, используя язык семантических примитивов, связала цвета с такими прототипическими понятиями, как 'растение', 'небо', 'солнце', 'огонь' и др. Она показала, что в каждом языке имеется своя система семантических противопоставлений, не связанных с такими объективными понятиями, как длина световой волны и под. Вот, например, толкование русского слова *зеленый*:

X — зеленый

в некоторых местах есть вещи, которые растут на земле

когда люди видят что-то подобное X, они могут подумать о таких вещах

Продолжая традиции Э. Сепира и Б. Уорфа, А. Вежбицкая разработала концепции **этносинтаксиса** и **этнограмматики**. Вслед за сравнением лексических систем разных языков она обратилась к контрастивному анализу синтаксических конструкций, грамматических категорий и даже словообразовательных возможностей языков мира. Языковые особенности получают семантическую и более глубинную интерпретацию. С помощью семантического метаязыка строятся фрагменты картины мира, стоящей за каждым языком.

А. Вежбицкой принадлежит и идея более глобального применения семантических примитивов. Она предлагает с их помощью описывать не только значение отдельных слов, фраз или синтаксических конструкций, но и культурные сценарии, т. е. типичные для той или иной культуры ментальные, эмоциональные, поведенческие и прочие стереотипы. По мнению А. Вежбицкой, они должны лечь в основу новой, только зарождающейся науки — психологии культуры. Одним из краеугольных камней этой науки стала гипотеза Сепира — Уорфа, а точнее, весь комплекс идей, с ней связанных.

В связи с этими проблемами встает вопрос о сравнении семантических систем разных языков и о переводимости их друг в друга. Одна из радикальных позиций по этому вопросу предполагает полную переводимость всех языков друг в друга и универсаль-

ность семантического уровня. Эта идея характерна для многих направлений структурной лингвистики, в частности об этом подробно писал Р. О. Якобсон.

Противоположная позиция заключается в признании непереводимости и наличии множества несовместимых семантик разных конкретных языков. Как уже сказано выше, эта позиция аналогична позиции конвенционализма относительно логических семантик.

Существуют, однако, и попытки сближения данных позиций или компромисса между ними. Так, А. Вежбицкая, говоря о принципиальном различии картин мира, стоящих за разными языками, тем не менее предполагает возможность универсального описания различных систем с помощью семантических примитивов. Таким образом, язык семантических примитивов оказывается, по мнению А. Вежбицкой, единственным универсальным средством перевода, фактически языком-посредником между всеми естественными языками.

9.4. «Правка» языка

Особый интерес представляет своеобразное практическое «приложение» гипотезы Сепира — Уорфа. Речь идет о признании роли языка в процессе познания и его значения для индивидуального и общественного мышления.

Одним из главных практических следствий такого признания стали многочисленные попытки изменить язык с тем, чтобы опосредованно воздействовать на мышление. При этом почти всегда декларировалась цель исправления естественного языка. Такую правку в корректной форме и только в рамках языка науки предлагали Л. Витгенштейн, представители Венского кружка — Р. Карнап, М. Шлик и др. — и многие близкие к неопозитивизму философы. Претензией на общезначимость (излечение болезней, предотвращение социальных катастроф) отмечены усилия другого философского направления — общей семантики (А. Кожибский и его последователи). Несмотря на заявленную претензию, результаты подобной правки языка с общечеловеческой точки зрения крайне незначительны.

Однако в истории человечества, и особенно в XX в., имели место и гораздо более успешные попытки изменения языка¹. Их

¹ Речь идет именно о целенаправленном «семантическом» воздействии, а не о создании или возрождении литературного языка, просветительской или нормативной деятельности. Но четкую границу провести невозможно, и, например, лингвистическая деятельность миссионеров или перевод Кириллом и Мефодием священных текстов на старославянский язык также являются примерами «семантического» воздействия.

можно подразделить на два типа, которые, несмотря на принципиальные отличия, связывает то, что мотивом изменений оказывается не научная, а политическая или социальная идея. К первому типу относятся изменения в естественных языках, происходящие в тоталитарных государствах (среди них явные и скрытые, спонтанные и инспирированные властью), а ко второму — изменения, открыто и как бы законодательно проводимые в языке под нажимом различных социальных течений (прежде всего феминизма). Различные вариации второго типа изменений могут быть объединены под общим названием «политическая корректность».

Преследуемые при этом цели, а иногда и методы внедрения таких «поправок» находятся вне сферы лингвистики. Лингвистической же задачей можно считать описание изменений, происходящих в языке, а также изучение связи языковых и речевых механизмов с прагматическими и социальными факторами, в том числе анализ и ограниченное предсказание возможных социальных и психологических последствий изменений языка.

Можно назвать направления и школы современной лингвистики, главной задачей которых является исследование взаимодействия языка с социальными феноменами и концептами, такими, как «власть», «история», «идеология» и под. В первую очередь следует назвать критическую лингвистику и критический анализ дискурса, связанные с именами Т. ван Дейка, Н. Фэрклоу, Р. Водак и др. «Критические» подходы основываются на философских идеях Ю. Хабермаса и почти всегда включены в междисциплинарные исследования. Среди характерных тем можно назвать социолингвистические исследования связи языка (или, точнее, дискурса) и расизма, языка и антисемитизма и др.

В этой же связи нужно упомянуть и крайне активно развивающуюся гендерную (или феминистскую) лингвистику. Ее целью является обнаружение и исследование асимметричности функционирования концептов «мужское» и «женское» в языках мира, а также выработка рекомендаций по устранению этой асимметричности.

В случае исследования языковой ситуации в тоталитарных государствах лингвистический анализ является в первую очередь инструментом описания «новояза», поскольку, в отличие от ситуации, описанной в романе Дж. Оруэлла (который и придумал термин *newspeak* — новояз), его реальное формирование происходит достаточно стихийно, и сознательное «творческое» вмешательство власти представляет собой лишь один из факторов. Исследование немецкого языка Германии времен Третьего рейха, русского языка СССР и языков других социалистических стран обнаруживает как удивительные параллели даже на самых поверхностных уровнях, так и специфические черты в развитии каждого языка.

Течение политической корректности использует лингвистику для поиска тех черт обыденного языка и речевого поведения, ко-

торы сложились под влиянием традиционной культуры и навязывают современным носителям языка различные представления, связанные с неравенством и несправедливостью. Дальнейшей задачей считается устранение этих черт (в этом смысле наиболее типичным научным инструментом является упомянутая выше гендерная лингвистика). Иначе говоря, речь идет о контроле над языком, его улучшении (или порче — в зависимости от точки зрения), т.е. фактически о создании нового языка. Таким образом, можно говорить о лингвистическом анализе, основанном на гипотезе Сепира — Уорфа, и о «нелингвистических» приложениях этого анализа. Естественно, что наиболее успешные приемы изменения языка основаны на понимании его законов.

Чтобы идея правки языка стала более понятной, имеет смысл проиллюстрировать ее примерами. Особенно хорошо видны изменения в современных языках, касающиеся форм обращений. Обращения подвергаются правке и общественными течениями, и властью в тоталитарных государствах. Причем часто при революционной и подобных сменах власти, претендующей на изменение языка, обращения изменяются едва ли не в первую очередь.

Обращения очевидным образом культурно и социально обусловлены. Именно поэтому возникают трудности с переводом обращений как в языке (словаре), так и в речи (конкретном тексте). Отсюда вытекают многочисленные заимствования иноязычных обращений для описания чужой культуры и чужой коммуникации. Обращения в таких случаях принято просто транслитерировать, а не переводить.

Так, при описании советских реалий русское слово *товарищ* точнее транслитерировать латинскими буквами, чем переводить, например, на английский язык словом *comrade*, поскольку у этих слов свои особенности употребления и свои коннотации. В английском «Словаре эпитетов и обращений» (Dunkling L. A dictionary of epithets and terms of address, 1990) слово *comrade* описывается следующим образом: «Это слово похоже на *chum* в различных отношениях. Оба слова изначально означали ‘chumber-mate’ — ‘сосед по комнате’, и оба приобрели общее значение ‘друг’. *Comrade*, однако, ранее ассоциировался с товарищами по оружию, солдатами, делившими одну палатку. Поэтому оно в основном использовалось при обращении мужчин к мужчинам, особенно если они вместе служили... В 1880 г. обращение *comrade* позаимствовали коммунисты и социалисты как наименование, которое уничтожает социальные и сексуальные различия. Такое специализированное использование слова при обращении к соратникам по союзу или партии привело к тому, что обычное употребление стало значительно менее вероятно. Для «политического обращения» характерно использование его в препозиции к фамилии...»

Плохо переводимы даже самые нейтральные обращения. В русских словарях можно найти такие слова, как *сэр, мистер, фрау* и т. д.

Обращения живут и изменяются в языке и речи по своим собственным законам. Причем часто эти законы обусловлены, скорее, внешними социальными событиями, чем естественным внутренним развитием языка, особенно если речь идет об официальных публичных обращениях, «партийных» обращениях или даже нейтральных обращениях к незнакомым людям (одному или группе).

Например, после Французской революции специальным декретом Конвента было введено в качестве обязательного обращение *citoyen/citoyenne* 'гражданин/гражданка'. Впрочем, в посттермидорский период с исчезновением прежнего режима оно бесследно исчезло.

Примером современного социального влияния на язык может служить постепенное вытеснение из немецкого языка обращения к незамужней женщине *Fräulein* (похожим образом, хотя не в точности так же, обстоит дело с французским обращением *mademoiselle*). Сильное феминистическое давление в этом направлении основывается на следующих доводах: во-первых, обращения к мужчинам и женщинам должны быть симметричны, во-вторых, различие при обращении замужних и незамужних женщин является вторжением в их личную сферу и, следовательно, дискриминацией.

Еще более сильным было влияние и на язык в целом, и на формы обращения в частности социалистической системы. Социалистические отношения накладывались на всевозможные — порой очень разные — социально-культурные отношения в различных странах. Отсюда, с одной стороны, сходство языковых изменений, а с другой стороны, их различия. Вместе с тем в области формальных, официальных обращений в бывших социалистических государствах было много общего. Они были идеологически маркированы и потому выделялись на фоне традиционной системы обращений. Например, в румынском языке в качестве формального обращения вообще использовалось заимствованное славянское слово. Позднее эти обращения почти мгновенно исчезли из языка вместе с исчезновением соответствующих политических режимов. Такова, например, судьба немецкого слова *Genosse* и других обращений, бытовавших в социалистических странах.

История России и СССР (в первую очередь история развития русского языка в XX в.) предоставляет исключительно интересный материал для изучения влияния власти и социальных перемен на обращение. Именно обращения и оказались в центре двух социально-лингвистических переворотов — революционного и перестроечного.

После революции принципиальные изменения коснулись очень частотных обращений: *сударь/сударыня, господин/госпожа, товарищ,*

гражданин/гражданка и обращений типа *Ваше превосходительство* (если ограничиться устной речью). Из речи почти исчезли обращения *сударь/сударыня* и обращения типа *Ваше превосходительство*. Постепенно вытеснялись обращения *господин/госпожа* и *дамы и господа*, так что сфера их применения чрезвычайно сузилась (в позднее советское время они сохранились лишь как обращения к иностранцам из несоциалистических стран). Одновременно стали активно использоваться обращения *товарищ* и *гражданин/гражданка*. Правила их употребления значительно отличались от правил употребления дореволюционных «нейтральных» обращений. Поэтому следует говорить не о замене одних обращений другими, а о замене одной системы обращений на другую.

Сравним обращения *господин/госпожа* и пришедшее им на смену *товарищ*. Дореволюционные обращения различают пол адресата, подразумевают определенный и достаточно высокий социальный статус последнего и обычно используются вместе с фамилией, профессией, званием и т. д. Новая власть ввела новое обращение *товарищ* с претензией на устранение всех отмеченных противопоставлений. Во-первых, *товарищ* называет лицо независимо от его пола. Во-вторых, *товарищ* может употребляться как в сочетании с фамилией (профессией или званием), так и без нее (*товарищ Иванова; товарищ майор; Товарищ, подождите*). С идеологической точки зрения слово *товарищ* имело очевидные преимущества: исходя из его обычной семантики, его использование в качестве обращения подразумевало прагматическое равенство говорящего и адресата, и кроме того, для него была характерна сниженность статуса адресата по сравнению со старыми обращениями (ср.: *товарищ проводник* и невозможно *господин проводник*).

Препятствием для широкого распространения обращения *товарищ* стали его идеологические коннотации. Поначалу существовало противопоставление двух классов — «господ» и «товарищей», т. е. людей, употребляющих соответствующие обращения. Обращение *товарищ* для части носителей языка было оскорбительным, для другой же части обращение *господин* свидетельствовало о принадлежности собеседника к идеологически враждебному классу.

Психологический эффект «неправильного» употребления описывает русский славист А. М. Селищев, автор книги «Язык революционной эпохи»: «*Господин*. Это слово употребляется коммунистическими деятелями в ироническом значении по отношению к своим противникам. — Но довольно! Надо бы написать особую брошюру, чтобы перебрать все перлы ренегатства у подлого ренегата Каутского. На «интернационализме» *господина* Каутского нельзя не остановиться (Лен. XV, стр. 427)».

Именно в этот период в русском языке появились новые значения слов *господа* и *товарищи*. Эти слова стали обозначать соответствующие классы в обществе. Весьма красноречивым было иног-

да встречавшееся обращение к новым чиновникам *господин товарищ*. *Господин* выполняет свою привычную функцию вежливого официального обращения, а *товарищ* обозначает принадлежность к классу.

После вытеснения старых обращений отмеченное «классовое» противопоставление носителей языка отчасти переросло в противопоставление людей, употреблявших и не употреблявших обращение *товарищ*. Его использование как бы подчеркивало включенность говорящего в советскую систему, и поэтому даже в позднюю советскую эпоху оно, несмотря на то что постоянно было на слуху, избегалось некоторыми носителями русского языка.

Современные же перемены ни в коем случае не являются возвращением к старой дореволюционной системе. Скорее имеет место попытка простой замены обращения *товарищ* (в единственном и множественном числе в сочетаниях с фамилией, профессией и званием, а также во множественном числе при адресате — безымянной группе людей) на *господин/госпожа*. Так, возможны обращения типа *господин дворник*, абсолютно недопустимые в дореволюционный период. Не кажется удачным и встречающееся иногда обращение *господа* вместо дореволюционного *дамы и господа* к разнополой аудитории (по аналогии с неизменяемым по роду *товарищи*).

Если опираться на дореволюционную норму, то обращение *господин/госпожа* употребляется неправильно. Условия его употребления близки к условиям употребления слова *товарищ* в советский период, а сфера употребления — бюрократический и газетный языки. В нашу речь вернулся не дореволюционный *господин*, а переодетый *товарищ*.

Рекомендуемая литература

Блэк М. Лингвистическая относительность (Теоретические воззрения Бенджамена Л. Уорфа) // Новое в лингвистике. Вып. 1. — М., 1960. С. 199—212.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М., 1997.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1996.

Карцевский С. И. Язык, война и революция. Всеобщая библиотека. № 47. — Берлин, 1923.

Селищев А. М. Труды по русскому языку. Язык и общество. Т. I. — М., 2003. (См. также первое издание: Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). — М., 1928.)

Спир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993.

Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. — М., 1960. С. 135—168.

Уорф Б.Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Новое в лингвистике. Вып. 1. — М., 1960. С. 169—182.

Уорф Б.Л. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. Вып. 1. — М., 1960. С. 183—198.

Хомский Н. Язык и мышление. — М., 1972.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). — М., 1994.

Berlin W., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. — Berkeley, 1969.

Language in culture. — Chicago, 1956.

ЧАСТЬ III

ЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Существуют разные способы членения лингвистической семантики на разделы. Можно, например, говорить о лексической семантике, противопоставленной семантике грамматической. Иногда как самостоятельный раздел рассматривается и семантика синтаксиса (при этом подразумевается противопоставление синтаксиса и грамматики в узком смысле). В действительности задать единую и исчерпывающую классификацию разделов семантики едва ли возможно. Дело в том, что значение присуще разным элементам языка и речи, например словам и морфемам, предложениям и текстам, порядку слов и интонации, логическому ударению и повтору слов, словообразовательной операции и грамматической категории, и т. д. Иногда даже говорят о семантике звуков, так называемом звукосимволизме или фоносемантике¹. Сами эти элементы имеют различную природу и выделяются на разных основаниях. Именно поэтому любая классификация, построенная на одном основании, т. е. с помощью одного признака, всегда будет недостаточна. В такую понятийную сетку просто не попадут некоторые языковые знаки или явления, имеющие семантическую интерпретацию.

В этой части речь пойдет о семантике основных языковых знаков — морфемы, слова, предложения, текста — и о семантике грамматической категории. При этом вместе с предложением рассматривается и его актуализованное воплощение — высказывание, т. е. предложение, употребленное в реальной коммуникации и соответственно вместе с текстом, — дискурс. Именно начиная с уровня предложения противопоставление неактуализованного и актуализованного знака (или знака в языке и знака в речи) становится основополагающим. Впрочем, и на уровне слова это противопоставление весьма важно. (Кроме соответствующих глав этой части данное различие подробно обсуждается в главе 21, посвященной теории референции.)

Следует отметить, что такая композиция не универсальна, она соответствует наиболее распространенной европейской лингвис-

¹ Эта область в учебнике не обсуждается, а заинтересованного читателя можно отослать к книгам: С. В. Воронин «Основы фоносемантики». — Л., 1982; А. П. Журавлев «Фонетическое значение». — Л., 1974.

тической традиции и отражает устройство большинства известных и хорошо описанных языков, в первую очередь европейских. В тех же языках, где слово не вполне отчетливо противопоставлено морфеме (например, древнекитайский, вьетнамский, йоруба и др.), речь может идти о семантике трех основных единиц.

В целом такое членение на разделы достаточно удобно, поскольку позволяет охватить все основные языковые единицы, а фрагменты семантики синтаксиса распределить между главой о семантике предложения и главой о семантике грамматических категорий. Так, категория падежа должна рассматриваться и в разделе семантики предложения (если речь идет о падежной рамке и т. д.), и в разделе семантики грамматических морфем. Конечно, и на этом пути неизбежны упущения, особенно если говорить не об идеальной структуре, а о конкретной книге. Разнообразие семантических структур настолько велико даже на одном и том же уровне, что рамки данной книги не позволяют, например, последовательно рассмотреть семантическое устройство разных типов слов (имен и глаголов, предлогов и междометий, и т. д.) или разных типов морфем (окончаний и корней, приставок и суффиксов). А поскольку без иллюстративного материала теория едва ли была бы полностью понятна, приходится сосредоточить внимание на отдельных типах единиц. Выбор в таком случае, как правило, поясняется.

Необходимо еще раз напомнить, что классическая лингвистическая семантика складывалась прежде всего как семантика лексическая. В логике же и философии основное внимание уделялось другой единице языка — высказыванию. Современная лингвистическая семантика совместила эти два направления, так что большинство работ по семантике посвящено либо семантике лексем, либо семантике высказываний (предложений). В последние десятилетия, однако, интересы лингвистов во многом смещаются в направлении текста и дискурса. Намного менее подробно описано значение морфем, хотя определенный сдвиг произошел и в этой области.

ГЛАВА 10

СЛОВО

В европейской лингвистической традиции слово считается основной единицей языка. Под этим обычно подразумевается и то, что на нем основана реальная языковая компетенция, и то, что слово находится в центре лингвистических описаний. Проверка первого предположения относится к ведению психолингвистики

и нейролингвистики, поэтому имеет смысл сосредоточиться на втором. Большинство лингвистических описаний ориентировано на слово. Именно списки слов, называемые словарями, считаются основой описания языка. Другие единицы порождаются с помощью особых процедур либо разложения слов, либо их комбинирования. Так, морфемы появляются в результате анализа слова, называемого морфологическим, а предложения — в результате правил комбинирования, которые и представляют собой грамматику (в широком смысле слова) данного языка. Можно сказать, что слово существует изначально, а остальные языковые знаки порождаются с его помощью¹.

Все сказанное по отношению к слову как знаку может быть распространено и на его значение. Так, значение морфемы мы устанавливаем в результате семантического анализа слов, содержащих данную морфему. Значение же предложений получается в результате использования специальных правил семантического комбинирования. Последний тезис эксплицитно выражен в упомянутом в главе 3 принципе композициональности (композиционности)². Суть его состоит в следующем:

|| значение сложного выражения есть функция значений его частей и синтаксических правил, их соединяющих (или функция значений его частей и способа их синтаксической связи).

Исходя из этого принципа описание языка может быть сведено к описанию словаря и грамматики в широком смысле слова.

Особую роль лексика играет и в построении языковой картины мира. **Лексикализация** понятия (т. е. выражение понятия в языке с помощью отдельного слова), как уже говорилось, свидетельствует о его особой значимости (ценности) и фундаментальности для данной культуры. Так, большое количество отдельных слов для разных видов снега в эскимосском языке означает важность понятия 'снег' и его разновидностей для эскимосов. В целом можно сказать, что членение внешнего мира, осуществляемое с помощью языка, отражается прежде всего в лексике.

Лексическая семантика ставит перед собой две основные задачи. Первой является задача семантического представления всех слов данного языка. Ее решают, в частности, толковые словари. Вторая

¹ Справедливость этого тезиса относительна. Он может считаться лишь статистически верным. Подробнее о его границах пойдет речь в главе 11, посвященной семантике морфем.

² Этот принцип также называется принципом Фреге, хотя авторство Г. Фреге и оспаривается, например, Дж. Лайонзом. Как утверждает А. фон Штехов, ответственный редактор немецкого энциклопедического труда по семантике (см. Введение, п. 0.2), Г. Фреге никогда эксплицитно не формулировал этот принцип, однако имплицитно он содержится в его работах.

задача состоит в установлении семантических отношений между словами или, иначе говоря, в описании системы лексических значений. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению этих задач, необходимо прояснить главное, а именно то, что же имеется в виду под термином «слово». В зависимости от различного понимания этого термина весьма ощутимо изменяется и интерпретация понятия «значение слова».

10.1. Лексема и словоформа

В лингвистической литературе часто отмечается, что за термином «слово» скрываются разные понятия. Одним из самых важных следует считать противопоставление лексемы и словоформы. Оно актуально для частей речи, имеющих словоизменительную парадигму. Противопоставление лексемы и словоформы, основанное на грамматическом признаке, имеет важные следствия на семантическом уровне.

Лексема, являясь по существу множеством словоформ, обладает лексическим значением (собственным специфическим значением). Кроме того, лексема обладает некоторыми грамматическими значениями, прежде всего так называемым частеречным значением, т. е. грамматическим значением, характеризующим в целом часть речи, к которой принадлежит данная лексема, а также, возможно, обладает значениями различных более частных словоклассифицирующих категорий, например совершенного или несовершенного вида для русского глагола или же «качественности» или «относительности» для русского прилагательного. Лексическое значение характеризует собственно данную лексему, а различные грамматические значения характеризуют целые классы слов, к которым данная лексема принадлежит и которые выделены по некоему грамматическому (а не по чисто семантическому) принципу. Такова семантическая характеристика лексемы.

Можно считать, что словоформа наследует все семантические характеристики лексемы, к которой она относится. Но при этом словоформа характеризуется еще одним типом грамматического значения — словоизменительным, например значением категории падежа и числа для существительного в русском языке. Разные словоформы одной и той же лексемы имеют разные словоизменительные характеристики и соответственно разные словоизменительные значения. Носителями этих значений при морфологическом (не-аналитическом) словоизменении служат специальные грамматические морфемы — флексии (окончания).

В самом общем виде можно сказать, что лексическое значение, как правило, более конкретно, а грамматическое значение более

абстрактно, поскольку характеризует множество слов, часто достаточно разнородных по лексическому значению. Однако семантический критерий различения лексического и грамматического значений не является строгим. Таким образом, различаются они в первую очередь тем, какой языковой объект характеризуют — лексему или же некоторое множество словоформ или лексем, выделенных по грамматическому принципу. Следует также оговорить, что термин «грамматическое значение» в стандартном лингвистическом словоупотреблении может характеризовать не только класс слов, но и класс синтаксических конструкций, порядок слов и т. д., а именно все то, что может получить в лингвистическом описании грамматический статус.

В этой главе слово понимается исключительно как лексема и рассматриваются соответственно только лексические значения¹. Впрочем, и лексические значения настолько разнообразны, что приходится задавать определенные ограничения. Так, принципиально различаются между собой значения служебных и знаменательных слов, но даже и внутри этих классов семантические различия огромны. Достаточно сравнить значения имен и глаголов среди знаменательной лексики или предлогов, частиц и междометий среди служебной. Наиболее традиционными и одновременно продвинутыми являются семантические описания имен (прежде всего существительных) и глаголов. Особый интерес, в том числе с точки зрения теории референции и прагматики, представляет семантическое исследование такой разнородной по грамматическим характеристикам группы слов, как местоимения в широком смысле слова (включая местоименные слова типа *где*, *когда*, *настолько* и т. д.).

Семантика слов, относящихся к упомянутым частям речи, рассматривается в дальнейшем наиболее подробно.

10.2. Значение в речи и в языке

Другое противопоставление, связанное с термином «слово», касается его актуализованности или, иными словами, того, какое слово становится предметом исследования: слово, употребленное в процессе коммуникации, или слово как элемент языковой системы.

В главах 6 и 21 подробно обсуждается двойная природа значения. Наиболее наглядно она отражена в треугольнике Огдена — Ричардса. Слово как языковой знак, т. е. знак, относящийся к системе естественного языка, обладает определенным значением. Это значение может по-разному проявляться в речи и вступать в раз-

¹ О грамматическом значении подробнее см. в главе 14.

личные отношения со значениями других слов. Кроме того, в речи слово или словосочетание (прежде всего имя существительное или именная группа), как правило, соотносится с объектами внешнего мира. Знание этого соотношения, т. е. референциальных характеристик, может существенным образом повлиять на понимание текста. Так, чтобы понять, истинна или ложна фраза *Твои друзья любят тебя*, необходимо знать, кто имеется в виду, кого обозначают именные группы *тебя* и *твои друзья*.

В главе 21 анализируются трудности, возникающие при интерпретации фраз типа *Банк ищет кассира* и др. Для понимания этого высказывания необходимо знать, что скрывается за существительным *кассир*. Это может быть конкретное лицо, по-видимому, сбежавшее с деньгами банка, или кто-либо неопределенный, точнее, кто угодно, имеющий соответствующую профессию. Очевидно, что словарное толкование слова *кассир* не должно отражать эти различные возможности хотя бы потому, что они в принципе есть почти у любого существительного с предметным значением; ср.: *Я ищу камень, часы, жену, уют* и т. д.

Тем самым можно утверждать, что полная референциальная характеристика есть только у слова в речи, но никак не у слова в языке. Слово в языке может иметь лишь определенный потенциал, позволяющий приобретать ту или иную референциальную характеристику. Для описания референции слова в речи (актуализованного слова) используются термины **референт** и **тип референции** (реже **денотативный статус**).

Референтом имени называется объект внешнего мира, который соотносится с этим именем, употребленным в речи. Так, референтом слова *старик* из фразы *В комнату вошел старик* будет конкретный человек, поведение которого описывается в высказывании. При наличии у имени референта можно говорить о конкретной референции. Однако существуют и другие типы соотношения. Например, имя может соотноситься со свойством: *Я — старик*. В этом случае можно говорить о предикатной референции. Для описания различных типов соотношения имен с внешними по отношению к языку объектами вводится понятие «тип референции». Кроме уже упомянутых типов референции (конкретного и предикатного), существуют и другие, например автонимный, когда слово соотносится с самим собой: *Старик — имя существительное*. Более подробно типы референции и различные их классификации описываются в главе 21.

Для описания семантики слова в языке (неактуализованного слова) используются разные термины (подробнее об этом в главе 6). Чтобы избежать многозначности, заложенной в словах «значение», «смысл» и подобных им, можно использовать логические термины, сравнительно недавно пришедшие в лингвистику, — «интенционал» и «экстенционал». **Интенционал** — это свойство,

выражаемое именем, а **экстенционал** — это множество объектов, которые могут обозначаться именной группой.

Референты актуализованных имен являются элементами экстенционала. Так, референт имени *старик* во фразе *В комнату вошел старик* принадлежит экстенционалу этого имени, т. е. множеству объектов, которые могут быть названы *стариком*.

Знание интенционала и экстенционала имен необходимо для понимания их в речи, или, говоря более конкретно, для соотношения актуализованных имен с объектами внешнего мира. Интенционал может пониматься как своего рода инструкция для определения экстенционала. Референты, экстенционалы и интенционалы определяются не только для имен существительных, но и более широко — для именных групп. Так, экстенционал и интенционал есть не только у существительного *лошадь*, но и у именных групп *белая лошадь* или *большая лошадь*.

Экстенционалы и интенционалы именных групп представляют собой функцию экстенционалов и интенционалов их составляющих (частный случай правила композициональности, рассмотренного выше). Иногда правила комбинирования достаточно просты, как, например, в случае именной группы *белая лошадь*. Экстенционалом данной именной группы — множеством белых лошадей является пересечение двух множеств — множества лошадей и множества объектов белого цвета. Интенционал *белой лошади* включает в себя интенционал *лошади*, уточненный специальным образом: *белая лошадь* — это ‘лошадь белого цвета’, т. е. ‘лошадь’ + ‘белый’.

Принципиально иначе, причем сложнее, устроены экстенционал и интенционал именной группы *большая лошадь*. Неверно было бы утверждать, что экстенционал данной именной группы является пересечением множества лошадей и множества больших объектов, хотя бы потому, что последнее множество определено недостаточно четко. Больших объектов вообще, по-видимому, просто не существует. Бывают большие лошади, люди, жирафы и так далее, но всякий раз реальный размер меняется, поскольку он определяется относительно некоей нормы, значительно различающейся для людей, лошадей, жирафов и т. д. Так же ведут себя и другие оценочные прилагательные *высокий*, *хороший* и т. п.

Те правила, которые использовались при построении экстенционала именной группы *белая лошадь*, оказываются неприменимы к именным группам типа *большая лошадь*, *большая мышь*, *маленький слон* и т. д. В соответствии с такими правилами объект, попадающий в пересечение множества больших объектов с множеством мышей, попадал бы в пересечение этого множества с множеством животных, так как оно включает в себя множество мышей. Точно так же маленький слон должен был бы попасть в пересечение маленьких объектов с множеством животных. Иначе говоря, большая мышь являлась бы большим животным, а ма-

ленький слон — маленьким, но ни то ни другое неверно. Более того, и это совершенно очевидно, маленький слон больше большой мыши. Это объясняется тем, что нормы величины у мышей, слонов и просто животных различаются.

Но независимо от того, по каким правилам строятся интенционал и экстенционал сложной именной группы, сохраняются определенные соотношения между ними и интенционалом и экстенционалом вершинного для данной именной группы имени существительного (или вершинной именной группы). Так, экстенционалы *белой лошади* и *большой мыши* включены в экстенционалы имен *лошадь* и *мышь* соответственно. И напротив, их интенционалы включают в себя интенционалы имен *лошадь* и *мышь*.

Таким образом, существует простой логический закон, который связывает соотношение интенционалов и экстенционалов именных групп. Его можно сформулировать следующим образом.

Если интенционал именной группы А включает в себя интенционал именной группы Б, то их экстенционалы соотносятся обратным образом, т.е. экстенционал именной группы Б включает в себя экстенционал именной группы А.

Действие этого закона можно продемонстрировать еще на одном примере. Сравним слова *муравей* и *насекомое*. Интенционал слова *муравей* включает в себя интенционал слова *насекомое*, т.е. *муравей* — это ‘такое насекомое, которое...’. С их экстенционалами имеет место совершенно обратная ситуация. Если некое существо относится к множеству муравьев, то оно относится и к множеству насекомых, но далеко не все насекомые являются муравьями.

Лингвистическое описание семантики имен касается прежде всего, если не исключительно, интенционала. Таким образом, главные задачи в описании именной семантики состоят в представлении интенциональной части значения и включении этих представлений в общую систему.

Лексическая семантика вообще по преимуществу интенциональна, она описывает не отношения слов с внешним миром, а, скорее, свойства, ими выражаемые. Иначе говоря, лексическую семантику как раздел семантики интересует в первую очередь то, что слова значат, а не то, что они обозначают во внешнем мире. Более того, если речь идет не о существительных и именных группах, говорить о референции часто оказывается затруднительно. Так, еще можно говорить о референции глаголов, т.е. соотношении глагола, употребленного в речи, с некоторой ситуацией. Соответственно можно говорить и о своего рода экстенционале глагола или глагольной группы, т.е. множестве ситуаций, которые данный глагол может обозначать. Но уже расширять понятие рефе-

ренции на множество служебных слов, по-видимому, не имеет смысла.

Впрочем, даже среди существительных понятие референции оказывается недостаточно четким, если мы выходим за границы множества существительных с предметным значением. Достаточно трудно определить, что является референтом и экстенсионалом абстрактных имен или же отглагольных существительных, например слов *гнев*, *любовь*, *бег* и т. д.

Основной областью использования понятий теории референции являются конкретные имена существительные. Однако, кроме этой группы слов, теория референции необходима и для описания артиклей и местоименных слов, поскольку многие из них являются маркерами различных типов референции, и в том числе операторами над экстенсионалами имен. Например, именная группа *все собаки* означает, что имеются в виду все элементы экстенсионала слова *собака*, а именная группа *эта собака* означает, что речь идет об одном определенном элементе экстенсионала или, иначе говоря, конкретном референте. Таким образом, представление семантики артиклей и многих местоимений требует обращения к понятиям теории референции, таким, как экстенсионал и референт.

10.3. Формы представления значения

Поскольку далее речь пойдет только об интенциональной составляющей значения, можно вернуться к более распространенным, чем «интенционал», терминам, а именно к терминам «значение» и «смысл», которые в лингвистической традиции, как правило, используются именно в этом понимании.

Семантическое описание лексики подразумевает фиксированный метаязык и стандартную форму описания конкретного слова. Только при наличии единого метаязыка и указанной формы можно говорить о сравнении значений разных слов и установлении системности лексических значений. Классификация метаязыков и форм представления значения приводится в главе 7. Здесь же более подробно рассматриваются лишь такие основные формы представления лексического значения, как набор семантических компонентов, толкование и прототипическое описание. Представление значения слова в виде набора семантических компонентов достаточно традиционно. Таков, в частности, наиболее стандартный способ представления семантики близких по значению слов. Разложение значения слова на простейшие составляющие восходит к идеям Л. Ельмслева и Р. О. Якобсона и структурной лингвистики в целом. Наиболее ярко и последовательно этот способ семантического описания реализовался в рамках подхода, называемого **компонентным анализом**.

Компонентный анализ развивался в работах таких европейских и американских лингвистов, как А. Греймас, Дж. Лайонз, Ю. Наида, Б. Поттье. Особую роль в истории компонентного анализа сыграло его включение в рамки порождающей грамматики. Наиболее значительный вклад в интеграцию формального синтаксиса и лексической семантики, а также в создание теоретической концепции внесли Дж. Катц, автор так называемой теории Катца, а также его соавторы Дж. Фодор и П. М. Постал (иногда их также упоминают в названии теории). Компонентный анализ первоначально использовался в генеративной грамматике для семантической интерпретации грамматически правильных предложений, в более поздней версии теории, называемой порождающей семантикой, компонентный анализ получает более высокий статус. Правила компонентного анализа встраиваются в порождающую модель языка и являются основной составляющей по сути особого семантического компонента (подробнее см. главу 18).

Компонентный анализ не только один из методов лингвистики, о чем говорилось в главе 8. Он предполагает также существование особого метаязыка. Процедура разложения смысла слов на более простые составляющие подразумевает определенный заранее заданный набор семантических компонентов. Как правило, предполагается, что в основе такого описания лежит набор элементарных, далее неразложимых элементов смысла. Такие минимальные и элементарные смыслы называют также **семантическими множителями** или **семами**. Из минимальных компонентов составляются более сложные. Различные компоненты связываются между собой семантическими отношениями, которые, по сути, являются фрагментом системы постулатов значения, предложенных Р. Карнапом (см. также главу 7). Однако в рамках компонентного анализа в этом случае говорят о **правилах избыточности**:

‘человек’ → ‘живой’

‘состоящий в браке’ → ‘взрослый’

‘живой’ → ‘физический объект’

Правила избыточности позволяют, в частности, упрощать и сокращать представления значения одного отдельного слова. Так, компонент ‘состоящий в браке’ подразумевает наличие компонента ‘взрослый’, поэтому в сокращенной записи последний можно опустить.

В другой разновидности компонентного анализа используются бинарные признаки типа [+мужской пол] — [–мужской пол]; [+человек] — [–человек]; [+взрослый] — [–взрослый] и т. д.

Сами компоненты лучше всего выделяются при сопоставлении слов, значения которых различаются тем или иным простейшим смыслом. Таковы, например, пары *женщина* — *мужчина*, *жена* — *вдова*, *муж* — *холостяк*, *отец* — *сын* и т. п. Такие пары являются своего рода минимальными парами для выделения элементарного

компонента значения. Сопоставление слова со всеми возможными минимальными парами позволяет представить его значение достаточно полно. Впрочем, говорить об абсолютной полноте, достигнутой в результате такого метода, для всех слов не приходится, поскольку нет никаких гарантий, что минимальная пара найдется для каждого компонента значения данного слова.

В качестве примеров простых и в то же время полных представлений значения можно привести следующие:

холостяк — [мужской пол] [взрослый] [человек] [не состоящий в браке]

жена — [женский пол] [взрослый] [человек] [состоящий в браке]

женщина — [женский пол] [взрослый] [человек]

Одно из самых знаменитых семантических описаний в рамках компонентного анализа принадлежит Дж. Катцу и Дж. Фодору. Они предложили следующее семантическое представление многозначного английского существительного *bachelor*:

1) [физический объект] [живой] [мужской пол] [взрослый] [человек] [никогда не состоял в браке] — ‘холостяк’;

2) [физический объект] [живой] [мужской пол] [молодой] [человек] [рыцарь] [служащий в подчинении другого рыцаря] — ‘молодой рыцарь-вассал’;

3) [физический объект] [живой] [человек] [окончивший четыре курса колледжа] — ‘бакалавр’;

4) [физический объект] [живой] [мужской пол] [молодой] [животное] [котик] [не имеющий пары в период спаривания] — ‘молодой самец котика, не имеющий пары в период спаривания’.

Другим, еще более традиционным, способом представления значения слова является **толкование**. Термин «толкование» используется в семантике по-разному и, как правило, без строгого определения. В самом широком смысле слова толкованием называется любое семантическое представление слова. При таком понимании термина набор элементарных компонентов также следует считать толкованием. В более узком смысле толкованием называют прежде всего традиционные лексикографические описания слов на естественном языке, а также другие описания, достаточно похожие на них. Степень этой похожести, впрочем, обычно никак не определяется. Все же одной из главных характеристик «узкого» понимания толкования следует считать использование не столько естественного языка (в некоторых типах толкований вводятся элементы, нехарактерные для естественного языка), сколько естественного синтаксиса, т.е. тем самым неэксплицитность семантических отношений между фрагментами толкования.

К толкованиям предъявляются определенные требования, которые, впрочем, выполняются далеко не всегда.

И. А. Мельчук пишет о четырех требованиях:

1. В толкованиях не должно быть круга — толкования А через В, а В через А. Все толкования сводятся в конечном счете к комбинациям простейших (неопределяемых) смысловых единиц.

2. Каждое толкование должно строиться не непосредственно из простейших единиц, а из максимально крупных, какие только есть в словаре, т. е. из семантических «непосредственных составляющих».

3. Толкуемое слово и толкование должны быть тождественны по смыслу. Это значит, что все элементы толкования должны быть необходимы и достаточны. Тогда толкования будут обеспечивать различение любых двух интуитивно различных слов и отождествление любых двух интуитивно синонимичных слов.

4. В случае слов с «предикатным» значением толкуется не просто заглавное слово, а предикатное выражение, или сентенционная форма, в которую оно входит.

В отличие от первых трех требований четвертое является значительно более частным, так как касается не толкования вообще, а толкования определенной, хотя и важной, группы слов.

О четырех требованиях к толкованию (или признакам толкования) говорит и Ю. Д. Апресян, называя их: 1) нетавтологичность; 2) необходимость и достаточность; 3) ступенчатость; 4) эксплицитность.

1. Нетавтологичность означает, что толкуемое значение должно определяться через более простые значения и тем самым в конечном счете сводиться к небольшому набору элементарных (неопределяемых) значений — слов семантического языка, что позволяет избегать тавтологического круга в толкованиях. Таким образом, определяемое слово должно истолковываться не менее чем через два других слова, каждое из которых должно быть семантически содержательно. Это требование совпадает с первым требованием И. А. Мельчука.

2. Необходимость и достаточность означает, что определяющие значения должны быть необходимы и достаточны для определяемого значения, т. е. должны быть перечислены все семантические компоненты толкуемого слова, и только они. Это требование совпадает с третьим признаком И. А. Мельчука.

3. Требование ступенчатости означает, что толкуемая единица должна быть представлена в виде возможно более крупных семантических блоков, и совпадает со вторым признаком И. А. Мельчука.

4. Наконец, требование эксплицитности отличается от четвертого признака И. А. Мельчука, поскольку оно универсально и распространяется на любое толкование. Это требование означает, что толкование должно непосредственно содержать все семантические компоненты, с которыми взаимодействуют значения других лексических и грамматических единиц высказывания. Оно может противоречить требованию ступенчатости и имеет приоритет над ним.

Сформулированные требования не только часто нарушаются в конкретных лексикографических описаниях, но и подвергаются сомнению с теоретической точки зрения. Особую теоретическую дискуссию вызывает требование нетавтологичности. Так, И. Б. Шатуновский полагает, что логический круг в описании не только неизбежен, но и необходим. Это вытекает из того факта, что описывается система — совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Нельзя закончить описание такой системы, пока круг не замкнут, так как не все элементы связаны друг с другом. И. Б. Шатуновский отмечает, что, как бы подробно ни описывались внешний вид и расположение уха, толкование останется принципиально неполным, пока не будет указано, что уха является органом, которым слышат. Но точно так же определение слова *слышать* не будет полным без указания на то, что существуют специальные органы слуха, т.е. на то, что слышат именно ушами.

Таким образом, можно сформулировать две принципиально противопоставленные позиции. Согласно одной, восходящей к философам аналитической школы (Б. Рассел, Л. Витгенштейн и др.), лексическая семантика, а в действительности и семантика языка вообще, сводима к относительно небольшому множеству атомарных (далее неразложимых) единиц, а все многообразие значений получается благодаря различного рода комбинированию этих единиц. Соответственно семантическое представление лексики должно отражать эту конструкцию. Согласно другой точке зрения дело обстоит не так. Системность семантики заключается не в том, что все значения, кроме атомарных, разложимы на более простые и в конечном счете сводимы к атомарным, а в том, что любое значение существует не изолированно, а находится в определенных отношениях с другими значениями. При этом далеко не всегда имеет смысл говорить о направленности этих отношений и большей простоте одного значения по отношению к другому. Толкуемость одного слова через другое не запрещает и обратную процедуру. При таком взгляде целью семантического представления оказывается не сведение семантики слов к конечному набору значений, а максимальное отражение существующих в языке семантических отношений.

Другая проблема, не имеющая однозначного решения, связана с гипотезой о единственности толкования. Так, в рамках Московской семантической школы (Ю. Д. Апресян, И. А. Мельчук и др.) по существу утверждается принцип единственности толкования. Точнее говоря, из-за наличия в метаязыке промежуточных (неэлементарных) слов допускается наличие альтернативных толкований, но при этом утверждается, что они всегда синонимичны. Однако, поскольку строгих методов «выведения» единственного толкования нет и, по-видимому, не может быть, остается доволь-

ствоваться сравнением толкований с точки зрения их адекватности, полноты, экономичности и т. д.

Специального комментария требует четвертый пункт в приведенном выше списке И. А. Мельчука. Речь идет о толковании не всех слов, а только о толковании слов с предикатным значением. Практически этот пункт означает введение в толкование особых переменных — семантических валентностей. **Семантической валентностью** слова называется переменная в толковании слова, отражающая его способность вступать в семантические отношения с другими словами. Таким образом, семантические валентности являются способом описания семантического взаимодействия слов. (Подробнее об этом говорится в п. 10.9.)

Необходимо отметить, что толкование в узком смысле слова не дает исчерпывающего представления о значении слова и не определяет все его возможные употребления. Именно поэтому толкование дополняется другими способами описания значения. Это приводит к тому, что семантическое описание слова состоит из нескольких частей (иногда называемых зонами). Толкование в узком смысле является лишь одной, хотя и главной частью полного семантического описания.

Из остальных частей отметим **коннотацию**, или **семантическую ассоциацию**. Существует множество различных определений коннотации (в том числе и в относительно недавних работах Ю. Д. Апресяна, Е. Бартминьского, Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука, Г. Е. Крейдлина, В. Н. Телии и др.). Обычно коннотацией называются дополнительные элементы значения определенного типа — экспрессивные, стилистические, оценочные. В соответствии с таким пониманием выражением коннотации можно считать стилистические пометы, используемые в толковых словарях. В этом определении ключевым оказывается слово *дополнительный*, которое может интерпретироваться как 'дополнительный по отношению к предметно-понятийному значению, а по существу модальный' или как 'необязательный и потому не входящий в основное значение'. Понятие коннотации близко к понятию стереотипа представлений, связанных с данным словом. Термин «стереотип» в данном смысле использует Дж. Лакофф, а Е. Бартминьский с его помощью строит определение коннотации. Формальное определение коннотации было предложено Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчуком: «Лексическая коннотация лексической единицы L есть некоторая характеристика, которую L приписывает своему референту и которая не входит в его толкование». Определение сопровождается двумя тестами, позволяющими различить лексическое значение и коннотацию:

- Тест 1. У лексемы L есть гипотетическая коннотация C. Если присоединение к лексеме L элемента со смыслом 'не C' не порождает противоречия, то C действительно коннотация. По этому

тесту смысл ‘глупость’ оказывается коннотацией слова *осел* со значением ‘животное’, поскольку словосочетание *умный осел* непротиворечиво.

• Тест 2. Гипотетическая коннотация *С* называет функцию объекта, обозначенного лексемой *L*. Если из того, что этот объект находится не в порядке, естественно заключить, что он плохо выполняет функцию *С*, то *С* — элемент лексического значения *L*, в противном случае *С* — коннотация. По этому тесту ‘думать’ для *головы* часть значения, а ‘чувствовать’ для *сердца* — коннотация.

Оба эти теста, однако, имеют весьма ограниченное применение. Исходя из различных теоретических подходов, приходится признать, что строгой границы между толкованием (предметно-понятийным, или, в другой терминологии, лексическим значением) и коннотацией не существует.

Тем не менее коннотация является полезным инструментом для описания употребления слов и механизма образования новых значений. Наличие коннотации может быть никак не связано с основным значением. Так, слова *ишак* и *осел*, обозначающие одно и то же животное, имеют разные коннотации. Для *ишака* — это ‘готовность безропотно трудиться на благо другого’, а для *осла* — это ‘упрямство’ и ‘глупость’. Наличие этих коннотаций позволяет объяснить естественность и понятность таких употреблений этих слов, как *работать как ишак* или *упрямый как осел*. Эти же коннотации позволяют объяснить и образование разных переносных значений у этих слов.

Коннотации и соответствующие им вторичные переносные значения вообще характерны для названий животных. Ср. употребление по отношению к людям таких слов, как *баран*, *кобель*, *козел*, *корова*, *лиса*, *лошадь*, *медведь*, *слон* и др. Наличие коннотации характерно также и для названий профессий (*мясник*, *пастушка* и т. п.), терминов родства (*брат*, *мать*, *сестра* и т. п.) и некоторых других семантических групп. Существование коннотации не обязательно приводит к образованию соответствующего значения. Так, у слова *волк* есть коннотация ‘злость’ и ‘одинокость’, однако его употребление по отношению к человеку считается окказиональным (не конвенциализованным) и не выделяется как отдельный лексико-семантический вариант.

Коннотация обусловлена также языковой и культурной спецификой. Так, очень яркие коннотации есть у русского слова *тёща*. Они отсутствуют у переводов этого слова на английский, немецкий, французский и другие языки. Именно коннотация удерживает слово *тёща* в активном лексическом запасе. Оно значительно более часто, чем близкие по смыслу слова *тесть*, *свёкор*, *свекровь*, часто заменяемые на соответствующие словосочетания *отец жены* и т. д. Вообще, отношения между тещей и зятем, их душевные свойства и прочее настолько подробно отражены в языке:

в пословицах и поговорках, анекдотах и шире — в фольклоре и культуре, — что достаточно трудно выразить это в качестве компонента толкования. Для подобных трудно формализуемых представлений используются не только термины коннотация или стереотип (чаще культурный стереотип). Чтобы подчеркнуть трудноуловимость, неформализуемость и немотивированность (невыводимость из семантики) этой информации, говорят о **семантической ауре** слова.

Среди связанных со словом значений, но не описываемых с помощью толкования следует упомянуть и **внутреннюю форму слова**. Теорию внутренней формы слова развивал русский филолог А. А. Потебня. В сходном смысле Ю. С. Маслов использовал термин **мотивировка**. Речь идет о семантической соотнесенности морфем, составляющих данное слово, с морфемами данного языка, своего рода осознаваемой этимологии. Ю. С. Маслов говорил об указании на причину, по которой данное значение оказалось выраженным данным сочетанием звуков. Наглядным примером внутренней формы являются слова, образованные несколькими морфемами, сумма значений которых не равна целому. Так, название *подосиновик* (*под* + *осин* + *овик*) указывает на нечто, находящееся под осиной (ср.: *подоконник*, *подснежник*). Однако этот прозрачный словообразовательный смысл, по-видимому, не должен включаться в толкование. Тем не менее внутренняя форма, как и коннотация, может обыгрываться в текстах и влиять на употребление слова. Внутренняя форма утрачивается, если семантическая связь перестает осознаваться носителями языка. Так, едва ли современные носители русского языка связывают слово *немец* с корнем *нем-*, тем самым идея безъязыкости никак не может быть связана с названием народа.

На определенную нечеткость в употреблении термина «внутренняя форма слова» указывает С. Л. Сахно. Он отмечает, что А. А. Потебня понимал ее как отношение содержания мысли к сознанию, говоря, что внутренняя форма показывает, как представляется человеку его собственная мысль. В современной же лингвистике внутренняя форма определяется несколько иначе и по-разному, в частности как: а) семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими; б) признак, положенный в основу номинации; в) способ мотивировки значения в данном слове; г) часть структуры лексического значения, способ представления в языке внеязыкового содержания.

Совершенно особый подход к исследованию семантики продемонстрировали американский психолог Э. Рош и ее последователи. Ее подход лег в основу современной когнитивной психологии. Центральным для Э. Рош является понятие **прототипа**, поэтому и сам подход часто называют прототипическим. Хотя Э. Рош непосредственным объектом исследования называет «природные» (цвет,

форма и под.) и «семантические» (фрукты, птицы, болезни, мебель и под.) категории, результаты исследования могут быть распространены на семантику соответствующих слов: *красный, фрукт, птица* и т.д. Психологические опыты Э. Рош показали, что любая категория имеет внутреннюю структуру, состоящую из **центра** (прототипа) и **периферии**. Можно сказать, что прототипом является эталонный член данной категории, в котором воплощены наиболее характерные ее признаки. По прототипу можно опознать всю категорию в целом, а его центральная позиция, по мнению Э. Рош, вытекает из его роли в объективной структуре мира.

Так, наиболее типичной мебелью в результате эксперимента был признан стул, а наиболее типичной птицей — малиновка. Для каждой категории можно сформулировать набор характерных признаков, максимально полно воплощенный именно в прототипе. Причем признаки выстраиваются в определенную иерархию. Для птиц можно говорить о таких признаках, как: 1) живой; 2) летает; 3) имеет крылья; 4) имеет перья; 5) имеет клюв; 6) откладывает яйца; 7) питается червяками и зерном; 8) поет; 9) живет на воле; и т.д. Иерархия признаков позволяет описать структуру категории, ее центр и периферию, т.е. интуицию носителя языка, проявляющуюся в ходе эксперимента. В соответствии с этим набором признаков, отражающим представления о птицах обычных носителей языка, соловей оказывается в большей степени птицей, чем орел, а тот, в свою очередь, больше птица, чем страус. Точно так же мертвая птица или рисунок птицы в меньшей степени птицы, чем живые существа. Тем не менее, обладая частью признаков, они попадают на периферию данной категории и могут называться данным словом. В зависимости от того, сколькими и насколько важными признаками обладает тот или иной вид птиц или даже конкретный объект, может быть построена соответствующая иерархия: 1) малиновка, воробей...; 2) орел, сокол...; 3) курица, индюк...; 4) пингвин, страус...; 5) мертвая птица, чучело птицы...; 6) скульптура или рисунок птицы. Интересно, что некоторыми из перечисленных признаков обладают объекты, обычно неотнесенные к птицам. Например, для самолета характерны два важных «птичьих» признака: он летает и имеет крылья. Именно это и делает, по-видимому, возможным появление метафоры *стальная птица* по отношению к самолету.

Следует отметить, что выделение того или иного прототипа обусловлено языковыми и культурными особенностями. Так, если мы говорим о русском языке, едва ли малиновка, достаточно редкая в России птица, может считаться наиболее типичным представителем данной категории. Для русского языка прототипом, безусловно, окажется воробей. Так же различается выделение прототипа фрукта в русской и американской культурах. Для русских наиболее типичный фрукт — яблоко, а для американцев — апельсин.

Еще одним важным результатом исследований Э. Рош стало выделение базисного уровня категоризации и соответственно объектов базисного уровня. Эти понятия сыграли особую роль в исследовании семантического отношения гипонимии (см. п. 10.8.3).

В лингвистике прототипический подход получил развитие в работах Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора и др. Концептуально близки к нему и экспериментальные исследования семантики конкретной лексики русского языка, проводимые под руководством Р. М. Фрумкиной.

Описание значения слова в рамках прототипического подхода строится следующим образом. Слово сопоставляется с его прототипом, описание которого представляет собой так называемый **пучок (кластер)** семантических признаков. Кроме прототипа, выделяется периферия, представляющая различные отклонения от центрального понятия и объясняющая различные употребления данного слова.

В качестве иллюстрации приведем ставшее уже классическим описание слова *mother* 'мать', сделанное Дж. Лакоффом. Прототипом называется *мать*, которая и в данный момент является и всегда была женщиной и которая родила ребенка, отдала ему половину своих генов, вынянчила его, является женой его отца, принадлежит к поколению, непосредственно предшествующему поколению ребенка и является законным блюстителем интересов ребенка. К периферии относятся, например, *мачеха*, которая не рожала ребенка и не была поставщицей генов, но в настоящее время замужем за отцом ребенка, или *приемная мать*, которая не рожала ребенка и не была поставщицей генов, но является законной блюстительницей интересов ребенка, и на ней лежит обязательство вырастить его. Отдельные признаки из целого кластера характерны и для других случаев периферии: *мать-кормилица*, *биологическая мать*, *суррогатная мать*, *мать-одиночка* и т. д.

Кроме того, Дж. Лакофф говорит еще об одном возможном прототипе, включающем не базисные признаки, а стереотипы представления о матери. Такой стереотип включает, в частности, понятие 'домохозяйка', что объясняет нормальность фразы *Она мать, но не домохозяйка* и странность *Она мать, но она домохозяйка*. Последняя фраза не вполне нормальна именно потому, что противоречит стереотипу матери прежде всего как домохозяйки. Понятие стереотипа, предлагаемое Дж. Лакоффом, близко к понятию коннотации, о котором сказано выше.

Принципиальное отличие прототипического описания от толкования связано не с метаязыком (метаязык может быть один и тот же), а со статусом включаемой информации. Толкование подразумевает необходимость и достаточность этой информации. Это означает, что все употребления слова в данном значении должны описываться данным толкованием. Если же это не так, приходит-

ся вводить новое значение. Так, традиционное определение *матери* как ‘женщины, которая родила ребенка’, очевидным образом не может соответствовать всем употреблениям данного слова: *матерью*, как уже сказано, можно назвать, например, приемную мать. Следовательно, для таких употреблений придется вводить новые значения.

Прототип же представляет собой объединение всех возможных признаков, причем в каждом конкретном употреблении может реализоваться только часть из них. Более того, теоретически допускается ситуация, когда ни один из признаков не является необходимым. Именно так обстоит дело и с прототипом *матери*. Даже важнейший признак ‘родить ребенка’ может отсутствовать в периферийном значении.

Различия в типах лексических толкований, как видно из сказанного, обуславливаются, во-первых, объектом описания, во-вторых, методом или, если говорить более конкретно, свойствами интерпретируемой лексемы (об этом см. п. 10.10), а также теоретическим подходом и выбранным метаязыком. Даже при достаточно близких теоретических позициях могут возникать значительные отличия в их лексикографическом приложении. Это видно, в частности, при сравнении толкований А. Вежицкой и толкований, сделанных в рамках Московской семантической школы.

10.4. Типы информации в толковании

В п. 10.3 речь шла о форме представления значения. Однако не менее важной является проблема, связанная с содержанием толкования. Она касается типа информации, которая должна учитываться и включаться в толкование. Можно выделить два основных параметра оценки информации с тем, чтобы использовать ее в семантическом описании. Во-первых, информация делится на **лингвистическую** и **экстралингвистическую**. Экстралингвистической считается информация, получаемая не из анализа языка и употребления слов, а из изучения внешнего по отношению к языку мира. Подразумевается, что она практически не влияет на употребление (сочетаемость) слов. Экстралингвистическая информация чаще называется энциклопедической. Во-вторых, информация делится на **обыденную** и **научную**. В этом случае также говорят о наивной и научной картинах мира. Принципиальный постулат современной семантики (Ю. Д. Апресян, А. Вежицкая и др.), восходящий к лингвистической философии (см. главу 2), состоит в том, что в толковании должна использоваться лингвистическая информация, отражающая наивную картину мира.

Два названных параметра не являются абсолютно независимыми. Энциклопедическая информация, как правило, является научной,

хотя научность информации не влечет за собой автоматически ее энциклопедической ориентации. Противопоставление лингвистической и энциклопедической информации проще всего продемонстрировать на примере статей из толкового словаря и энциклопедии. Так, слово *слон* описывается в СРЯ следующим образом:

1. Крупное травоядное млекопитающее с длинным хоботом и двумя бивнями, обитающее в Тропической Африке и Азии.
2. *Разг.* О высоком, толстом, неуклюжем человеке.
3. Шахматная фигура, передвигающаяся на любое число клеток по диагонали.

В ЭСЭ есть статья *Слоны*:

Семейство млекопитающих отряда хоботных. Самые крупные наземные животные (высота до 4—4,5 м, весят до 5, иногда до 7,5 т). Кожа почти голая, лишь вымерший мамонт имел густой волосяной покров. 1 вид (2 подвида) в лесах Тропической Африки и 1 вид в Юго-Восточной Азии. Питаются растительной пищей. Численность африканских слонов сокращается из-за разрушения местообитаний и браконьерской охоты ради бивней (слоновая кость). Индийский слон легко приручается и используется для различных работ. Оба вида в Красной книге МСОП.

Сравнение словарной и энциклопедической статей достаточно красноречиво. В энциклопедии собрана подробная информация о видах слонов, их внешнем виде, пище, участии в жизни человека и, наконец, приводится факт занесения в книгу вымирающих животных. В словаре же представлена система значений, включающая переносное (по сходству) второе значение. Включение его в энциклопедию невозможно.

Показательным было бы и сравнение словников словаря и энциклопедии. В энциклопедию обычно включаются только существительные или именные группы, среди которых присутствуют и имена собственные. В словарь же включаются только отдельные слова, причем имена собственные отсутствуют (правда, не во всех лексикографических традициях). Кроме того, в энциклопедии значения слов часто иллюстрируются рисунками. Правда, чистота разграничения словарей и энциклопедий соблюдается далеко не во всех лексикографических традициях и даже не во всех словарях (см., например, словари Вебстера, словари для иностранцев или для детей, включающие иллюстрации и информацию энциклопедического характера).

При попытке дать строгое и операциональное определение лингвистической и энциклопедической информации возникнет ряд проблем. Обычно говорят, что лингвистическая информация — это информация о понятии (интенционале), а энциклопедическая — о денотате (потенциальных референтах). Очевидно, что провести здесь строгую границу не удастся. Так, информация о внешнем виде, хотя и является энциклопедической, существенна и

для понимания текстов со словом *слон*. Объяснить появление переносного значения, а также многих выражений типа *как слону дробина*, *как слон в посудной лавке* или *делать из мухи слона* невозможно, если ничего не знать о поведении слона, его характере и размерах. Иначе говоря, язык отражает определенные знания человека о слоне как об объекте реального мира. Эти знания скорее наивны, чем научны, хотя и эту границу провести трудно. В частности, язык может отражать некоторые научные представления об объекте, относящиеся к разным периодам истории человечества. Например, слово *солнце* интерпретируется в языке и как шар, движущийся в пространстве, и как диск или круг, движущийся по плоскости, называемой *небом* (или *небосклоном*).

Таким образом, лингвист сталкивается с проблемами, которые он должен решать практически. Существуют аргументы и в пользу включения в словари имен собственных. Это нужно хотя бы для интерпретации выражений типа *второй Пушкин* или *новый Моцарт*, понятных многим носителям русского языка. Часто за счет энциклопедической информации расширяется и само толкование. Радикальный подход исповедует А. Вежицкая. Она предлагает включать в толкование предметных имен максимум информации, которая может оказаться полезной в речевой коммуникации. При этом она подразделяет толкование на две части — обязательную и факультативную. Необходимо отметить, что все же главным критерием включения в толкование той или иной информации являются так называемые **языковые свидетельства** (или **языковые данные**). Так, в словарную статью о кошке следует, по мнению А. Вежицкой, включить информацию о том, какие звуки она издает. Основным аргументом оказывается следующее языковое свидетельство. В английском языке (как и в русском) существует специальный глагол и звукоподражательное слово. Следовательно, то, какие звуки издает кошка, важно для языка и должно быть отражено в толковании.

В связи с этим подходом можно привести фрагмент словарной статьи русского слова *забор*, написанной под определенным влиянием А. Вежицкой, хотя и в рамках Московской семантической школы. Ее автор Е. В. Рахилина.

Забор

Забор вокруг X-a = ‘сооружение по периметру участка земли, на котором находится X, созданное с целью препятствовать проникновению постороннего человека на этот участок земли’;

1. Части: *калитка* (в *заборе*) — приспособление для входа и выхода на огороженный участок в виде одностворчатой двери; *ворота* — то же в виде двустворчатой двери, предназначаются для скота и машин (сочетания *ворота забора* / в *заборе* затруднены);

2. Обычный способ строительства: вертикально расположенные одинаковые деревянные доски скреплены друг с другом вплотную (*глухой*

забор) или так, что между ними остаются равные промежутки, сравнимые с шириной досок (*штaketник*). Устойчивость забора обеспечивается врытыми в землю опорными столбами. Ср. также *забор из колючей проволоки, бетонный забор*;

3. Форма: забор имеет вертикальную внутреннюю поверхность (обращенную к X-у), противоположную ей внешнюю (фасадную) поверхность и узкую верхнюю поверхность; нижняя поверхность соприкасается (или почти соприкасается) с землей. Ср. *афиша на заборе* 'на одной из его вертикальной поверхностей', *галка на заборе* 'на его верхней поверхности', *под забором* 'внизу рядом с забором', а также *за забором, перед забором* и др.;

4. Размер: высота забора обычно сравнима с ростом человека;

5. Обычный материал изготовления: дерево; возможны также жезл, бетон, металлическая сетка и подобное. Ср. *деревянный забор, бетонный забор* и т. д.

Подводя итог, можно сказать, что строгой границы между лингвистической и энциклопедической информацией не существует. По-видимому, неточно само противопоставление. Энциклопедическая информация может быть и лингвистической в том смысле, что она необходима для понимания и порождения некоторых выражений с данным словом. И именно такая лингвистическая информация должна включаться в толкование.

Для иллюстрации различия наивного и научного взгляда на мир достаточно привести один яркий пример. Обычный носитель языка знает, что *малиновка* и *овсянка* — это птицы, причем разные. Однако, по-видимому, никакой другой информацией о них он не обладает, разве что об их размере (это маленькие птички). Это знание и должно отражать лингвистическое толкование. Естественно, что научное толкование должно быть значительно более подробным. Впрочем, если лингвист ставит перед собой задачу описать языковую компетенцию специалиста, он также должен использовать научное знание.

Если вернуться к вопросу о единственности толкования, затронутому в п. 10.3, то придется признать, что практическая лексикография предоставляет серьезные аргументы в пользу множественности. Объем толкования, определяемый количеством и качеством используемой информации, обусловлен не только внутренними, но и внешними по отношению к семантике слова причинами. Очевидно, что он зависит также от типа словаря, его адресата и некоторых других параметров.

Поскольку критерий отбора информации является не абсолютным строгим, на него могут влиять и практические требования, предъявляемые к толкованию. Едва ли кто-то станет спорить с утверждением, что при семантическом описании языковых единиц можно использовать разные степени приближения к объекту. Если рассматривать семантический анализ как своего рода увеличитель-

ный инструмент, то так же метафорически можно говорить о разных степенях увеличения, отражающихся в учете различного рода факторов, контекстов и т. д. В общетеоретической работе увеличение должно стремиться к максимальному. При реализации же различных прикладных задач степень «семантического увеличения» (или приближения) варьирует довольно сильно. Так, в обычном толковом словаре русского языка едва ли уместны подробные описания слов, значительно превышающие по размеру и по количеству некий привычный стандарт.

10.5. Полисемия и омонимия

В отличие от многих других знаковых систем в естественном языке знаки могут иметь более одного значения. Иначе говоря, в языке встречаются совокупности простых знаков, совпадающих по форме, но различающихся по содержанию. Некоторые из этих простых знаков могут быть объединены в рамках одного сложного знака, а некоторые не могут.

В лексикографии для противопоставления сложных и простых знаков используются термины «лексема» и «лексико-семантический вариант» (в традиции, восходящей к А. И. Смирницкому; в работах же Ю. Д. Апресяна, И. А. Мельчука и других авторов используются соответственно термины «вокабула» и «лексема», т. е. «лексема» в разных терминологических системах имеет разное значение). Можно сказать, что разные лексико-семантические варианты с совпадающей формой относятся либо к одной (случай полисемии, или многозначности), либо к разным лексемам (случай омонимии).

Таким образом, **полисемией** (или **многозначностью**) называется наличие у слова более чем одного значения. Можно также говорить о полисемичных (или многозначных) словах. При наличии у слова единственного значения используется термин **моносемия** (или **однозначность**).

Омонимией же называется совпадение формы (устной или письменной) разных языковых знаков, прежде всего лексем и словоформ. В отношении омонимии, например, находятяся словоформы *печь* — именительный падеж единственного числа существительного *печь* и *печь* — неопределенная форма глагола *печь*. Если две лексемы относятся к одной части речи и у них омонимичны все словоформы с совпадающими грамматическими характеристиками, эти лексемы омонимичны. Можно говорить и об омонимии лексем, принадлежащих разным частям речи, если это неизменяемые лексемы, у которых совпадают устная или письменная форма. Две словоформы или лексемы, находящиеся в отношении омонимии, называются **омонимами**.

В том случае, когда у двух омонимичных словоформ совпадают письменные формы, но не совпадают устные, они называются **омографами**. В русском языке к омографам относятся, например, *осел* (именительный падеж, единственное число от существительного *осёл* 'животное') и *осел* (прошедшее время, единственное число от глагола *осесть*) или *му́ка* (с ударением на первом слоге) и *мука́* (с ударением на втором слоге). Существование в русском языке омографов обусловлено факультативностью для письма буквы «ё» и ударения.

В том же случае, когда у двух омонимичных словоформ совпадают устные формы, но не совпадают письменные, они называются **омофонами**. В русском языке к омофонам относятся, например, *лук* и *луг*, *компания* и *кампания* и др. Наличие в языке омофонов обусловлено морфологической ориентированностью русского письма.

Термин «омонимия» используется не только по отношению к лексемам и словоформам, но и к другим языковым знакам, например морфемам, предложениям и текстам. Предложения и тексты омонимичны, если они имеют несколько интерпретаций. Так, омонимичным можно назвать предложение *Мужу изменять нельзя*. За этой формой скрываются два разных значения — запрет на измену, адресованный в одном случае мужу, в другом случае — жене. Эта омонимия предложений порождена синтаксическими причинами, а именно двойственной функцией дательного падежа. Слово *мужу* может синтаксически зависеть, во-первых, от слова *нельзя* (запрет адресован мужу), во-вторых, от слова *изменять* (запрет адресован жене). Термин «полисемия» к предложениям и текстам не применяется. Таким образом, лексическая омонимия является частным случаем омонимии вообще.

Основной проблемой, связанной с понятием полисемии и омонимии, оказывается их различие в языке, а именно выработка критериев объединения лексико-семантических вариантов в одну лексему. Решение этой проблемы определяет и способ семантического описания слова в толковом словаре. Пользователь толкового словаря с этой проблемой непосредственно не сталкивается, поскольку имеет дело с уже готовым описанием. Значения одного многозначного слова составляют одну лексикографическую статью, которая имеет единственный «лексикографический вход» (например, в индоевропейских языках — так называемую начальную словоформу данной лексемы, в семитских — корень). Омонимы же описываются разными статьями, каждая из которых имеет свой собственный вход, как правило, снабженный порядковым номером: *бор I* ('хвойный лес'), *бор II* ('зубоврачебный инструмент'), *бор III* ('химический элемент'). В качестве примера можно привести сокращенное описание омонимов в СРЯ.

*Ключ*¹, -а, муж. р.

1. Металлическое приспособление для запираения и отпираения замка.
2. Орудие, приспособление для укрепления или отвинчивания чего-л., для приведения в действие механизмов различного рода.

3. Средство, возможность для разгадки, понимания чего-л., для овладения чем-л.

4. Пункт, место, важные в военном отношении, открывают доступ куда-л., обеспечивает победу.

5. Выключатель для быстрого замыкания и разрыва цепи передатчика при телеграфной и радиотелеграфной связи.

6. Знак в начале нотной строки, условно указывающий на ноту, по высоте которой устанавливается высотное положение других нот.

7. Верхний или средний камень, которым замыкается свод или арка здания.

*Ключ*², -а, муж. р. Бьющий из земли источник, родник.

Согласно данному словарю мы имеем дело с двумя омонимами *ключ*¹ и *ключ*², первый из которых полисемичен (многозначен) и имеет семь значений, а второй моносемичен. Это и есть результат решения лексикографом проблемы различения омонимии и полисемии. Семь значений объединены в рамках одного слова и противопоставлены восьмому как другому слову. Естественно, что сам лексикограф, принимая в каждом конкретном случае подобное решение, должен основываться на общих для всего языка критериях.

В семантике выработано несколько критериев для отнесения двух лексико-семантических вариантов к одной лексеме. Так, бесспорным критерием принадлежности к одной лексеме следует считать неуникальность, повторяемость соответствующего семантического противопоставления. Например, два употребления слова *завод* в предложениях *Наш завод выпускает телевизоры* и *Наш завод сегодня бастует* следует объединить в рамках одной лексемы, так как семантическое противопоставление 'учреждение' — 'люди, работающие в учреждении' не просто не уникально, но даже регулярно: ср. *фабрика, министерство* и т. д.

Этот признак, предложенный польским лингвистом Е. Куриловичем, достаточен для отнесения двух лексико-семантических вариантов к одной лексеме, но он не является необходимым. Ю. Д. Апресян предложил в качестве необходимого критерия многозначности следующий: общая часть значений должна быть неэлементарной. Такая часть значений называется нетривиальной, а сам критерий основан, таким образом, на семантическом сходстве. Однако в этом случае приходится признать, что противопоставление между полисемией и омонимией градуально и что существуют типы полисемии, более или менее удаленные от омонимии. Это отражает некоторые колебания, существующие в современных словарях, по поводу того, квалифицировать ли данное явление как полисемию или как омонимию.

Среди наиболее близких к омонимии Ю. Д. Апресян называет метафорически мотивированную полисемию типа *лопатка* — ‘часть тела’ и *лопатка* — ‘орудие для копания’. С этой точки зрения даже классический пример омонимии: *коса I* (‘прическа’), *коса II* (‘инструмент’), *коса III* (‘полоска суши’) — оказывается не бесспорным. Действительно, между этими тремя столь различными объектами можно усмотреть определенное внешнее сходство: ‘нечто узкое и длинное’.

Рассмотренные критерии применяются к парам лексико-семантических вариантов. Однако при последовательном применении этих критериев в состав одной лексемы могут быть включены три и более лексико-семантических вариантов (см. *ключ*¹). Между ними существуют определенные отношения. Можно говорить, что они образуют структуру значения данной лексемы.

Другая важная проблема, касающаяся полисемии, как раз и связана со структурой различных значений (или подзначений) и их отношениями друг с другом. Она рассматривается в п. 10.6.

В заключение следует сказать, что понятие полисемии основывается на идее **дискретности различных значений**: предполагается, что множество конкретных употреблений строго распределяется по различным значениям. Однако в действительности лексикограф постоянно сталкивается с трудноразрешимой проблемой отнесения конкретного иллюстративного материала к конкретному значению. Это позволило Д. Н. Шмелёву говорить о **принципе диффузности значений** многозначного слова и о том, что дискретные лексикографические описания огрубляют реальное положение дел. Так, употребление слова *новый* в вопросе *Это новая книга?* одновременно соответствует нескольким значениям этого слова, представленным в толковых словарях, при том, что здесь не идет речь о каламбуре или языковой игре. В данном случае можно говорить о синкретичном выражении нескольких значений многозначного слова.

Диффузность значения слова можно продемонстрировать также на следующем примере:

*Мы как птицы садимся на разные ветки
И засыпаем в метро.*

Это строки из песни «Метро» рок-группы «Високосный год», взятые из интернета (отсюда отсутствие знаков препинания). В данном контексте сосуществуют два значения слова *ветка*. Они четко различаются, например, в словосочетаниях *ветка дуба* и *ветка метро* (последнее синонимично словосочетанию *линия метро*). В контексте песни второе значение поддерживается ее названием и упоминанием в предложении метро, первое же значение поддерживается сравнением *как птицы*. Интересно, что глагол *садиться* одинаково легко сочетается с обоими значениями.

Предпочтение одного из значений в ущерб другому (т. е. фактически устранение другого) делает всю фразу несвязной и, таким

образом, семантически неправильной. Так, предпочтение «древесного» значения разрушает связь между двумя частями предложения и вообще уничтожает метафору как таковую. По существу, это означает, что герои песни залезают на дерево, засыпая при этом почему-то в метро. Предпочтение же «транспортного» значения делает бессмысленным сравнение с птицами, поскольку на разные линии метро птицы, в отличие от людей, не садятся. Таким образом, именно диффузность значения слова *ветки* делает все предложение связным, а сравнение осмысленным. Его можно было бы продемонстрировать более наглядно с помощью расщепления фразы и, соответственно, двух употреблений слова *ветки* в разных значениях:

Мы садимся на разные ветки метро, как птицы садятся на разные ветки дерева, и засыпаем.

Классификацию различных типов совмещения значений в одном слове предлагает А. А. Зализняк. Она выделяет следующие типы.

1. **Склеивание.** Объединение двух различных, но не взаимоисключающих пониманий, не создающее никакого специального эффекта, «неоднозначность» в таких случаях обнаруживает лишь лингвист, поставивший перед собой задачу идентификации словарного значения: *Через край полная аудитория была беспокойна и издавала глухой, сдавленный гул* (А. Герцен).

Здесь слово *аудитория* употреблено одновременно как обозначение помещения и множества находящихся в нем людей.

2. **Сплав.** Этот тип характерен для поэзии. Два значения как бы соединяются в одно; при этом ощущение их разности тоже сохраняется, и именно на этом основан эффект. Разные вещи предстают как одна, и из этого соединения возникает новый, третий смысл: *Все стало тяжелее и громаднее, потому и человек должен быть тверже всего на земле и относиться к ней, как алмаз к стеклу* (О. Мандельштам).

Значение слова *тверже* является результатом синтеза разных словарных значений: свойство *твердости* человека, о котором идет речь, предстает как «сплав» прямого и переносного значения данного слова.

3. **Мерцание (осцилляция).** Другой вариант «поэтического» совмещения значений: несколько значений присутствуют в слове одновременно, что создает эффект «мерцания» (т. е. благодаря контексту попеременно обнаруживается то одно, то другое значение). Примером может служить употребление слова *ветки* в песне «Високосного года», проанализированное выше.

4. Для описания 4-го типа А. А. Зализняк использует термин Т. М. Николаевой — **принцип тернарной семантики**. Так, в тексте «Слова о полку Игореве» в одном случае *галки* — это просто птицы, в другом — это половцы, в третьем же — остается неясным, то ли это птицы, то ли половцы.

Наконец, вне этой классификации остается **каламбур** — сознательная языковая игра, а именно сталкивание в одном слове двух отчетливо различающихся смыслов ради комического эффекта: *Шел дождь и два студента; один был в шляпе, другой — в хорошем настроении.*

10.6. Структура значения лексемы

Об отношениях между значениями одной и той же лексемы можно говорить с разных точек зрения. В частности, представляют интерес формальные связи значений. Даже если мы ограничимся тремя разными значениями, возможны два типа их связи друг с другом. Первый тип подразумевает, что все три значения имеют общую нетривиальную часть. Такой тип связи называется **радиальным** (схема 6).

При нем существует непустое пересечение трех значений А, Б и В. Общая часть их значений называется **инвариантом** (или общим значением). В частном случае она может совпадать с одним из значений. Так устроено толкование слова *кромка* в СРЯ:

Кромка

1. Узкая полоска по долевному краю ткани, отличающаяся выработкой.
2. Продольный край деревянной доски, металлического листа и т. п.
3. Вообще край чего-либо.

Фактически третье значение в той или иной форме присутствует в составе первых двух.

Другим возможным типом связи, объединяющей три значения, является **цепочечная** связь (схема 7). Значения А и Б имеют общую часть, значения Б и В также имеют общую часть, а вот пересечение всех трех значений пусто. Таким образом, значения А и В связаны между собой опосредованно — через значение Б.

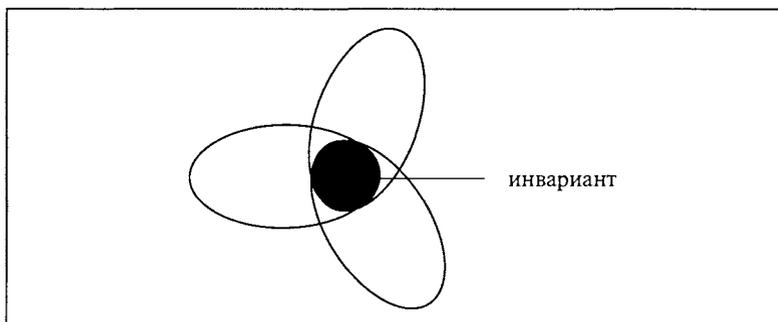

Схема 6. Радиальная полисемия и инвариант

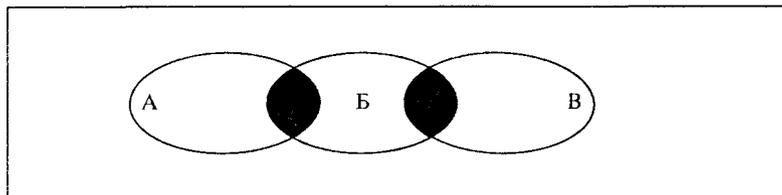

Схема 7. Цепочечная полисемия

В этом случае обычно выбирают **главное значение**, а остальные считаются образованными от него. Главное значение, по мнению польского лингвиста Е. Куриловича, наиболее независимо от контекста. В последнее время вместо термина «главное значение» под влиянием когнитивной лингвистики чаще используется термин «прототипическое значение»¹ (о когнитивном подходе к понятию значения см. главу 20). Выбор одного из значений в качестве прототипического обусловлен содержательными соображениями, и в частности направленностью и простотой правил образования новых значений.

Цепочечная полисемия представлена, например, тремя значениями лексемы *чай*:

1. Вечнозеленое дерево или кустарник, из высушенных листьев которого готовится ароматный напиток.
2. Ароматный напиток, настоянный на этих листьях.
3. Чаепитие.

Очевидно, что значения 1 и 3 связаны между собой посредством значения 2. Обычно главным (прототипическим) признается первое (такое решение принято и в толковых словарях русского языка), поскольку преобразование значения из ‘растения’ в ‘пищевой продукт, сделанный из этого растения’ встречается достаточно часто. Однако это не единственная возможность, поскольку для носителей русского языка более привычным оказывается значение 2, а остальные образуются от него всего лишь за один шаг. При первом же решении от значения 1 к значению 3 придется перейти за два шага, или за две семантические операции.

Часто приходится сталкиваться со словами, имеющими более чем три значения. Полисемия в этом случае может быть и радиальной, и цепочечной, и радиально-цепочечной, т. е. смешанного типа.

В качестве примера приведем слово *стол* и его толкования в СРЯ:

1. Род мебели (в виде широкой доски или нескольких досок, соединенных вместе и укрепленных в горизонтальном положении на одной

¹ Данный термин ни в коем случае нельзя путать с термином «прототип» в смысле Э. Рош, несмотря на их общие когнитивные корни.

или нескольких ножах), на которую ставят или кладут что-л. при работе, еде и т.п.

2. Такой предмет мебели вместе со всем, что поставлено на нем для еды.

|| То, что подается, ставится гостям для еды, угощение.

|| Прием пищи, еда.

|| Столованье, питание.

3. Пища, еда, съестное.

|| Вид пищи, еды, режим питания.

4. Отдел в учреждении, а также само учреждение в дореволюционной России, занимавшееся узким кругом канцелярских дел.

|| Отдел в учреждении, а также само учреждение, занимающееся каким-то специальным кругом дел.

5. Деталь станка в виде горизонтальной доски, служащей для установки, закрепления и поддержания заготовок при их обработке.

6. Массивная каменная глыба или плита, лежащая на ледяной подставке на поверхности ледника.

Помещенные за двумя чертами (||) значения иногда называются оттенками, но, по-видимому, они имеют статус производных от соответствующего значения, идущего непосредственно за цифрой. Таким образом, выделяются «мебельное» значение (1), а также два «пищевых» (2 и 3) и одно «учрежденческое», имеющие дальнейшее развитие. «Пищевые» и «учрежденческие» образованы от «мебельного» путем особой операции — переноса по функции. При этом имеются в виду совершенно разные функции, так что можно говорить о цепочечной полисемии, но внутри «пищевых» и «учрежденческих» имеется локальный инвариант — соответственно 'пища' и 'учреждение'. Спорным при этом является разбиение «пищевых» значений на две группы, как это сделано в словаре.

Значение 5 также образовано от 1-го по функции, а возможно, и по сходству. И наконец, значение 6 образовано от 1-го по сходству. Таким образом, имеется сложная структура, совмещающая радиальные (с инвариантом) и цепочечные фрагменты. В силу своего положения значение 1 может быть объявлено прототипическим.

Поскольку значения слов могут представлять собой достаточно сложные и разветвленные структуры, по отношению к ним используется термин **семантическая сеть**. Вообще семантической сетью называется структура значений, связанных между собой различными отношениями. Очевидным образом это понятие используется шире, чем только применительно к значению лексем. В частности, говорят о семантической сети как о представлении значения высказывания или текста.

Существенным следует считать не только формальный тип связи между значениями, но и содержательные отношения между ними. Часто эти отношения рассматриваются в динамическом аспекте, так что говорят о семантических операциях над значением или

различного рода переносах. Наиболее важны метафорические и метонимические переносы значений.

И метафора¹, и метонимия являются прежде всего фигурами речи, особыми типами окказиональной номинации. Однако они выполняют и другую функцию, важную не только для речи, но и для языка как системы. Будучи конвенциализованы, они используются для образования переносных значений и, таким образом, являются отношениями между значениями одного слова.

Метафорой называется использование слова по отношению к новому внеязыковому объекту, сходному со старым денотатом. В этом случае говорят о переносе наименования одного объекта на другой по сходству. Например, в обращении *О, роза души моей* или во фразе *Он — Шекспир двадцатого века* используются метафоры, поскольку ни женщина, к которой обращаются, не является розой (хотя и похожа на нее некоторыми качествами), ни современный писатель не является Шекспиром (хотя также сравним или сходен с ним).

В рассмотренной выше словарной статье слова *стол* значения 1 и 6 связаны метафорической связью, поскольку речь идет о сходстве массивной каменной глыбы, лежащей на ледяной подставке на поверхности ледника, и соответствующего предмета мебели.

Метонимией называется использование слова по отношению к новому внеязыковому объекту, смежному со старым денотатом во времени и в пространстве или вовлеченному с ним в одну ситуацию. В этом случае говорят о переносе наименования одного объекта на другой по смежности. Например, в предложении *Я сейчас перечитываю Толстого* использована метонимия, так как слово *Толстой* обозначает не самого писателя, а его произведения. Разновидностью метонимии можно считать **синекдоху** — наименование целого по части, и наоборот, например: *Эй ты, шляпа!* (обращение к человеку в шляпе, т. е. шляпа тем самым составляет часть образа человека).

В словарной статье слова *стол* метонимические отношения связывают, в частности, все подзначения, которые производны от значений 2 и 3.

Метонимические переносы часто оказываются регулярными. Именно в силу регулярности они обычно конвенциализованы и связывают разные значения одной лексемы (в меньшей степени это касается синекдохи, чаще используемой не конвенционально, см. пример выше). Среди наиболее частых метонимических переносов отмечаются следующие:

‘Действие’ → ‘результат действия’: *сочинение* (*сочинение романа* и *вступительное сочинение*), *остановка*, *украшение* и др.

¹ Об особой роли метафоры в когнитивной лингвистике см. главу 20.

‘Вместилище’ → ‘содержимое’: *стакан (пустой стакан и выпить два стакана), чайник, кастрюля* и др.

‘Населенный пункт’ → ‘люди, живущие в населенном пункте’: *город (в нашем городе и весь город гуляет на празднике), деревня, поселок* и др.

‘Наука’ → ‘предмет науки’: *семантика (учебник по семантике и описать семантику языка хопи), синтаксис, география* и др.

Список регулярных метонимических переносов можно было бы значительно продолжить.

Понятия метафорической и метонимической связи активно используются при описании структуры лексемного значения, однако не всегда являются достаточно точным инструментом описания. Именно поэтому описание регулярных семантических соответствий, которые приводятся выше, приобретает особую важность. Регулярные и конкретные типы переносов становятся инструментом предсказания новых значений и исчисления семантических структур, соответствующих отдельным лексемам.

Если регулярная полисемия характеризует все единицы некоего класса, информация о ней не вносится в словарь, а формулируется в виде особого грамматического правила. Таким образом, лексическая семантика отражается не только в словаре, но и в грамматике.

10.7. Семантическое поле

Одна из задач лексической семантики, как уже говорилось, состоит в описании системы лексических значений. В процессе такого исследования устанавливаются отношения между значениями различных слов. Значение слова при таком подходе определяется не как самостоятельная единица, а как совокупность отношений с другими значениями. Одной из форм частичного решения этой задачи является описание отдельных семантических полей. Хотя понятие семантического поля может в принципе включать и другие языковые единицы (например, словосочетания), классическое семантическое поле объединяет именно лексемы или лексико-семантические варианты. Понятие семантического поля было введено в работах немецких лингвистов Й. Трира и Г. Ипсена в первой половине XX в. Особый вклад в теорию семантического поля внес немецкий лингвист Л. Вайсгербер. **Семантическим полем** называется множество слов, объединенных общностью содержания, или, говоря более конкретно, имеющих общую нетривиальную часть в толковании. По этой общей части семантическое поле и получает название. Так, можно говорить о семантическом поле родства, движения, чувств, еды, посуды и т. д.

Использование семантических полей как метода описания лексики связано с идеей разбиения лексики на различные лексические группы, представляющие собой самостоятельные подсистемы. В XIX в. сходные идеи высказывал русский филолог М. М. Покровский. Эта же идея легла в основу практической лексикографической деятельности, составления **идеографических словарей**, называемых также **тезаурусами**. Основным свойством тезаурусов является организация лексики в соответствии с определенной организацией понятий. Таким образом, тезаурусы позволяют переходить от понятия к словам, данное понятие выражающим. Тезаурусы почти всегда снабжены алфавитными указателями, позволяющими осуществлять поиск в обратном направлении.

В данном значении термин «тезаурус» стал использоваться после выхода в 1852 г. словаря П. М. Роже *Roget's international thesaurus of English words and phrases*. Этот первый и наиболее известный тезаурус представляет английский лексикон, первоначально разбитый на шесть основных групп-категорий: *abstract relation, space, matter, intellect, volition, affections*. В силу абстрактности этих категорий их можно лишь условно перевести на русский язык: абстрактные отношения, пространство, вещество, разум, воля, свойства. В результате дальнейшего членения в словаре Роже выделяется около тысячи семантических категорий. Позднее появляются тезаурусы и для других языков. В частности, для русского языка следует назвать теоретические и прикладные работы Ю. П. Караулова в этой области (1976, 1981 и др.).

Необходимо отметить, что ни одна иерархическая классификация понятий не является общепринятой, и это не случайно. Повидимому, в принципе не существует единственной «правильной» классификации понятий, а это, в свою очередь, снижает лингвистическую и в целом научную ценность тезауруса как особого способа представления и организации лексики конкретного языка.

В действительности, говоря о семантическом поле, имеют в виду не просто набор слов, но и семантические отношения между ними. Но так же, как материальным представителем значения слова является его толкование, материальным представителем семантических отношений является их описание.

|| Это означает, что **семантическим полем** следует называть не только само множество слов, но и их семантическое описание, сделанное по особой схеме.

Ключевыми в описании семантического поля считаются понятия интегрального и дифференциального признаков, причем слово *признак* используется здесь не вполне точно (о понятии «признак», или «категория», см. п. 8.2).

Для семантического поля определяется, как уже сказано, некий конституирующий его смысл, т. е. смысл, общий для всех слов данного поля, который и называется **интегральным семантическим признаком**. Его можно считать конституирующим, так как, по существу, именно этот признак и задает семантическое поле. В состав данного семантического поля в принципе должны быть включены все слова, которые обладают данным смыслом, т. е. включают его в свое толкование. Впрочем, на практике исследователь может прибегать к различным ограничениям или, например, задавать поле путем списка слов, в него входящих.

Кроме того, для семантического поля следует задать дифференциальные признаки. Как правило, под **дифференциальными признаками** понимаются те смыслы, которые присущи лишь части слов и с помощью которых значения слов данного семантического поля могут быть различены. При описании семантических противопоставлений в рамках поля удобно использовать семантические компоненты, описанные выше, в частности бинарные признаки. Иногда, таким образом, действительно речь идет о признаках в строгом смысле слова, принимающих те или иные значения. Минимальным описанием поля будет такой набор признаков, при котором различены все слова (естественно, кроме полных синонимов, слов с полностью совпадающим значением). Иначе говоря, семантика слов описана с точностью до их различения.

Так, чтобы описать множество из четырех слов *рюмка*, *стакан*, *стопка*, *чашка*, понадобится два или три дифференциальных признака. Интегральным признаком следует считать такой смысл: 'посуда, предназначенная для питья'. Рассмотрим несколько разных минимальных описаний.

Описание 1

Дифференциальные признаки

1. Предназначение <только для спиртных напитков / только для не спиртных напитков / для спиртных и не спиртных напитков>

2. Наличие ножки <имеет ножку / не имеет ножки>

Соответственно исследуемые слова получают следующие семантические характеристики:

рюмка — <только для спиртных напитков> <имеет ножку>

стакан — <для спиртных и не спиртных напитков> <не имеет ножки>

стопка — <только для спиртных напитков> <не имеет ножки>

чашка — <только для не спиртных напитков> <не имеет ножки>

Описание 2

Дифференциальные признаки

1. 'Предназначен для спиртных напитков' <+/->

2. 'Имеет ножку' <+/->

3. 'Имеет ручку' <+/->

Семантические характеристики слов:

рюмка — <+> <+> <0>

стакан — <0> <-> <->

стопка — <+> <-> <->

чашка — <-> <-> <+>

Следует пояснить значение <0>. Оно приписывается слову тогда, когда данный признак для него нерелевантен. Так, *рюмка* обычно не имеет ручки, но и с ручкой, по-видимому, останется *рюмкой*. Особые сложности возникают и для оценки *стакана* по первому признаку. Он предназначен для питья, независимо от того, идет речь о спиртном или безалкогольном напитке.

Нерелевантный признак ничего не говорит о соответствующем слове, с этой точки зрения он не содержателен и не должен использоваться в качестве единственного различителя значений. Поэтому в описании 2 введен третий формально вроде бы избыточный признак.

Очевидно, что вместо предложенных признаков можно говорить о соответствующих компонентах значения, включаемых или не включаемых в значение исследуемых слов.

Интересно, что если расширить это множество, включив в него слова, сужающие интегральный признак, например *тарелка* или *бутылка*, то прежний интегральный признак фактически превратится в дифференциальный, разграничивающий прежние и новые члены ряда.

Наряду с минимальным описанием существует и максимальное, при котором наборы признаков (включая интегральный) не просто различают слова, но и полностью их семантически характеризуют. В этом случае можно говорить о полном семантическом описании, которое состоит в представлении значения слов в виде набора соответствующих смыслов (сем).

В определенном отношении образцовое семантическое поле составляют термины родства. Система родства представляет собой не только языковую, но и культурную систему. Поэтому описание семантического поля терминов родства в разных языках позволяет сравнивать системы родства и брака в разных культурах. Системность и строгость внеязыковых отношений обеспечивает почти идеальную разложимость лексемных значений, а также адекватность и полноту описания. Элементарные компоненты следует считать наиболее важными смыслами в данной культуре.

В русском языке основную группу терминов родства составляют следующие слова: *жена, муж, мать, отец, дочь, сын, сестра, брат, бабушка, дедушка, внучка, внук, тётя, дядя, племянница, племянник, невестка, сноха, зять, тёща, тесть, свекровь, свёкор, сватья, сват, золовка, деверь, свояченица, шурин, свояк.*

Кроме того, для обозначения более дальних родственников используются основа *-юродный* (*двоюродный, троюродный* и т. д.) и приставка *пра-* (*прадед, прапрабабушка, прапраправнук* и т. д.). Если принять неограниченность количества морфем в слове и практическую бесконечность числительных, то это дает возможность называть сколь угодно дальнего родственника. Для обозначения двоюродного брата и сестры используются также заимствованные из французского языка слова *кузен* и *кузина*.

Эта система фактически основана на понятии актуального брака, причем предполагается, что брак заключен единственный раз. К терминам родства и брачных отношений в русском языке относятся и некоторые другие слова, связанные с вторичным браком, смертью одного из супругов, крещением и так далее, например: *мачеха, отчим, падчерица, пасынок, вдова, вдовец, кум, кума* и др.

В историческом аспекте данная система также не является постоянной и строго определенной. В древнерусском языке или более раннем состоянии русского языка для обозначения родства использовались, например, и другие слова — *стрый, вуй, ятровка*. Да и в современном языке некоторые слова на глазах устаревают и уходят из активного словарного запаса. Это касается прежде всего слов *сноха, сватья, сват, золовка, деверь, свояченица, шурин, свояк*, значение которых известно не всем носителям русского языка.

В меньшей степени, но все же это касается и слов *невестка, тесть, свекровь, свёкор*. Их значения известны почти всем, однако они постепенно выходят из употребления и в речи заменяются на синонимичные словосочетания типа *жена сына* или *мать мужа*. Таким образом, современная употребительная лексика обслуживает только «малую» семью, состоящую из ближайших родственников, обычно живущих вместе. Тем не менее все основные термины родства следует признать существующими. Их употребление можно проиллюстрировать схемой 8.

На схеме мужчины обозначаются прямоугольниками, а женщины овалами. Выделено два главных лица, расположенных в центре. Все остальные называются относительно этих лиц. Если какое-либо лицо по-разному называется относительно мужчины и женщины, соответствующие слова записываются жирным курсивом (для мужчин) и просто курсивом (для женщин). Вертикальная линия, связывающая прямоугольнички и овалы, означает брак между соответствующими двумя лицами, а линии, исходящие из центра вертикальных отрезков и приходящие к прямоугольничку или овалу, обозначают детей от данного брака.

Все термины родства, приводимые на схеме 8, являются словами-отношениями. Они связывают два лица. Одно из них обычно выступает референтом термина родства, а другое заполняет при нем обязательную валентность. Так, во фразе *Я вчера познакомился*

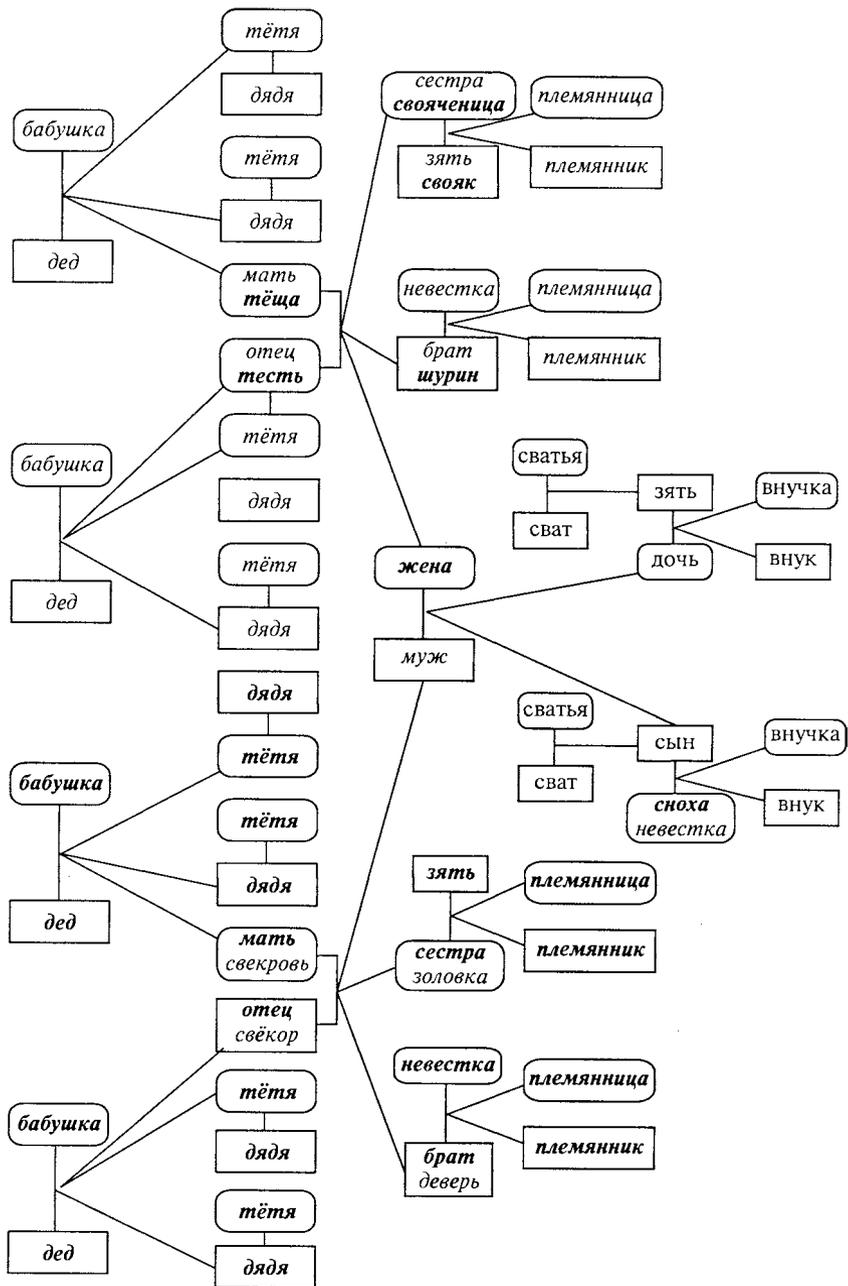

Схема 8. Термины родства

с *Петиным братом* именная группа *Петин брат* обозначает человека, который находится в родстве с Петей. Семантическая валентность слова *брат* заполнена на поверхностном уровне с помощью притяжательного прилагательного. В ситуации, когда термин родства находится в предикатной позиции, оба лица во фразе могут быть названы: *Иван Иванович — Машин отец*. Чтобы различить их, в дальнейшем будем говорить о лице X и его родственнике Y. Сказанное фактически означает, что в толковании терминов родства должны присутствовать смыслы-отношения. Компоненты значений терминов родства можно выделить из сравнения минимальных пар. Так, сравнение слов *сестра* и *брат* показывает, что к дифференциальным признакам относится пол лица X. Для употребления этих слов пол родственника Y не играет никакой роли. Иначе обстоит дело для слов *шурин* и *деверь*. Для обоих терминов родства X — мужского пола, а различаются они как раз полом родственника Y. Для *шурин* ('брат жены') — это мужчина. Фразу *Вот мой шурин* может сказать только мужчина. Для *деверя* же ('брат мужа') — это женщина. Соответственно фразу *Вот мой деверь* может сказать только женщина.

Что же касается смыслов-отношений, то достаточно выделить четыре таких компонента: 'быть супругом Y', 'быть супругой Y', 'быть родителем Y', 'быть ребенком Y'. Эти компоненты можно объединить в два признака: БРАК <супруг, супруга> и РОДСТВО <родитель, ребенок>. Причем для признака БРАК выбор того или иного значения полностью обусловлен полом X, который уже привлечен в качестве дифференциального признака. Это означает, что можно говорить просто о значении 'состоять в браке'. Если мы все же хотим сохранить этот признак как бинарный, то придется говорить о положительном и отрицательном его значениях.

Теперь можно записать значение всех слов рассматриваемой группы, используя только выделенные дифференциальные признаки: *пол X* <мужской/женский>, *пол Y* <мужской/женский>, *брак, родство* <родитель/ребенок>. Следует заметить, что все термины родства традиционно делятся на две группы — термины собственно родства и термины свойства. Если при описании их семантики применять дифференциальные признаки, то к свойству относятся термины, в толковании которых используется признак БРАК, а к собственно родству — термины, в толковании которых он не используется, а именно: *мать, отец, дочь, сын, сестра, брат, бабушка, дедушка, внучка, внук, тётя, дядя, племянница, племянник*.

Необходимо отметить, что в данном описании семантические характеристики терминов родства устроены сложнее, чем рассмотренные выше примеры. Поскольку речь идет уже о максимальном описании поля, а значит, о полном семантическом описании кон-

кретных слов, простого набора семантических компонентов оказывается недостаточно. Необходимо использовать простейший синтаксис, и, следовательно, можно говорить о толкованиях терминов родства.

Итак, приведем описание семантического поля:

жена — ‘X женского пола состоит в браке с Y мужского пола’

муж — ‘X мужского пола состоит в браке с Y женского пола’

мать — ‘X женского пола является родителем Y’

отец — ‘X мужского пола является родителем Y’

дочь — ‘X женского пола является ребенком Y’

сын — ‘X мужского пола является ребенком Y’

сестра — ‘X женского пола является ребенком родителей Y’

брат — ‘X мужского пола является ребенком родителей Y’

бабушка — ‘X женского пола является родителем родителя Y’

дедушка — ‘X мужского пола является родителем родителя Y’

внучка — ‘X женского пола является ребенком ребенка Y’

внук — ‘X мужского пола является ребенком ребенка Y’

тётя — ‘X женского пола является ребенком родителей родителя Y’

дядя — ‘X мужского пола является ребенком родителей родителя Y’

племянница — ‘X женского пола является ребенком ребенка родителей Y’

племянник — ‘X мужского пола является ребенком ребенка родителей Y’

невестка — ‘X женского пола состоит в браке с ребенком Y женского пола или с ребенком родителей Y’ (жена брата или жена сына по отношению ко всем родственникам кроме отца)

сноха — ‘X женского пола состоит в браке с ребенком Y мужского пола’ (жена сына по отношению к его отцу)

зять — ‘X мужского пола состоит в браке с ребенком Y или с ребенком родителей Y’

тёща — ‘X женского пола является родителем состоящего в браке с Y мужского пола’

тесть — ‘X мужского пола является родителем состоящего в браке с Y мужского пола’

свекровь — ‘X женского пола является родителем состоящего в браке с Y женского пола’

свёкор — ‘X мужского пола является родителем состоящего в браке с Y женского пола’

сватья — ‘X женского пола является родителем состоящего в браке с ребенком Y’

сват — ‘X мужского пола является родителем состоящего в браке с ребенком Y’

золовка — ‘X женского пола является ребенком родителей состоящего в браке с Y женского пола’.

деверь — ‘X мужского пола является ребенком родителей состоящего в браке с Y женского пола’

свояченица — ‘X женского пола является ребенком родителей состоящего в браке с Y мужского пола’

шурин — ‘X мужского пола является ребенком родителей состоящего в браке с Y мужского пола’

свояк — ‘X мужского пола состоит в браке с ребенком родителей состоящего в браке с Y мужского пола’ (*свояки* — это мужчины, женатые на сестрах)

Выделенных признаков оказалось достаточно, чтобы различить все слова данного поля. Существование семантических полей является одним из аргументов в пользу тезиса о системности лексики. Семантические поля служат также инструментом межъязыкового сравнения, т.е. являются одним из методов семантической типологии.

Наглядно продемонстрировать различие «одноименных» семантических полей разных языков можно с помощью лингвистической задачи В. М. Алпатова, в которой речь идет не только о языке, значительно отличающемся от русского, но и о системе семьи и брака, значительно отличающейся от русской.

• Задача

В деревне Рэмчуал в северном Лаосе говорят на диалекте языка хму (мон-кхмерской группы). Жители деревни разделены на три брачные группы: деревья, птицы и звери. Мужчина из группы деревьев может жениться только на женщине из группы птиц, мужчина из группы птиц — только на женщине из группы зверей, мужчина из группы зверей — только на женщине из группы деревьев. Принадлежность к группе сохраняется у каждого человека до конца жизни; дети наследуют группу отца. При составлении словаря диалекта данной деревни выяснилось, что большинство его терминов родства трудно перевести на европейские языки, потому что одним и тем же словом здесь могут называться разные родственники. Несмотря на это, исследователь данного диалекта все же нашел способ описать значение каждого из слов. Приведен фрагмент системы терминов родства, включающий в себя все термины для родственников-женщин одного поколения с говорящим. Каждое из слов, кроме первого, может обозначать более чем одного родственника; переводы этих слов даны не полностью.

kmrà жена

táau (для женщины): старшая сестра, дочь старшего брата отца, ...

hèet (для женщины): младшая сестра, дочь младшего брата отца, ...

nt'ŋ (для женщины): жена брата, дочь брата матери, ...

àŋ (для женщины): дочь сестры отца, жена сына брата матери, ...

páau (для мужчины): сестра жены, ...

k'ó (для мужчины): жена брата жены, дочь сестры отца, ...

t'ók (для мужчины): дочь брата отца, дочь сестры матери, ...

Задание 1. Попробуйте описать общее значение каждого из слов.

Задание 2. Переведите на диалект деревни Рэмчуал: сестра (для мужчины), жена сына брата матери (для мужчины), сестра мужа.

Задание 3. Дайте еще один перевод слова *рэ́эу*.

Решение

Имена родства языка хму обозначают принадлежность родственника к одной из брачных групп. Например, для мужчин женщины того же поколения делятся на жену и три группы: женщины из своей брачной группы, женщины той группы, откуда можно взять жену, и женщины из третьей группы. Они будут обозначаться соответственно *тэ́эк*, *рэ́эу*, *кэ́*. Для женщин различаются женщины своей группы, женщины группы, к которой принадлежит муж, и женщины третьей группы; во втором и третьем случаях используются соответственно *а́η* и *т́η*. В первом же случае вводится дополнительное различие: старшая/младшая родственница: *та́ау* — *хе́ет*.

Таким образом, сестра (для мужчины) — *тэ́эк*, жена сына брата матери (для мужчины) — *кэ́*, сестра мужа — *а́η*. Слово *рэ́эу* может еще обозначать, например, жену брата.

Следует отметить, что метод описания лексики с помощью семантических полей в современной семантике используется достаточно редко. Связано это в первую очередь с тем, что, как уже сказано выше, не существует единой удовлетворительной классификации понятий (по типу тезаурусной), и, следовательно, метод семантических полей не может претендовать на универсальность. Между различными семантическими полями не всегда существуют четкие границы, а отдельные слова попадают во множество различных семантических полей. Наконец, многие семантические поля не имеют строгой организации и четкой структуры. Именно поэтому в современной семантике важнее оказывается описание более простых и более регулярных семантических отношений.

10.8. Парадигматические отношения

Исследование системности заключается не только в исследовании семантических полей. Семантическое поле — явление достаточно масштабное, хотя это и не отражено в его определении. Тем не менее на практике, говоря о семантическом поле, имеют в виду достаточно представительную группу слов. Семантические же отношения между лексемами можно устанавливать и описывать и вне рамок поля. Это особенно важно, если учесть, что не все части лексикона системны в равной степени. Например, термины родства представляют собой почти идеально системный фрагмент лексики, хотя и здесь не всем возможным понятиям соответствуют отдельные лексемы. В других случаях приходится ограничиваться констатацией отношений в рамках значительно

меньшей группы слов, в предельном случае речь идет о семантических отношениях, связывающих пару слов.

Как и в других семиотических системах, в языке следует различать **парадигматические** и **синтагматические отношения** (парадигматику и синтагматику), т. е. семантические отношения в языке и тексте. Здесь речь пойдет о парадигматических отношениях — тех отношениях, которые связывают знаки в структуре, т. е. в языке. Сам термин происходит от древнегреческого существительного «парадигма» со значением ‘пример, образец’. Парадигмой называют группу элементов (в семантике, естественно, мы говорим о языковых знаках), имеющих определенное общее свойство, но различающихся по какому-то признаку. Семантическое сравнение всегда предполагает хоть какое-то сходство, или, как говорят, основание для сравнения. Чем больше основание для сравнения, тем легче производить само сравнение. Таким образом, парадигма — это группа однородных элементов, незначительно различающихся между собой.

Отчетливое противопоставление парадигматических и синтагматических отношений сформулировал Ф. де Соссюр. Программу их соотносительного изучения предложил Л. Ельмслев.

Проще всего определить парадигматические отношения в рамках одной парадигмы. Тогда этими отношениями связаны наиболее близкие и похожие друг на друга знаки, а сами эти отношения оказываются отношениями и большого сходства, и небольшого различия, как правило, по какому-то одному признаку. Впрочем, парадигматическими отношениями связаны и более далекие с семантической точки зрения знаки, просто их труднее описать и они менее важны.

Самыми важными парадигматическими отношениями с семантической точки зрения следует признать отношения синонимии, антонимии, несовместимости, гипонимии и некоторые другие. Начнем с синонимии, которой проще дать семиотическое определение, чтобы затем показать проблемы, возникающие в естественном языке.

10.8.1. Синонимия

|| Два знака одной знаковой системы находятся в отношении **синонимии**, или называются **синонимичными**, если их содержание совпадает, а формы различаются.

Синонимичные знаки-лексемы принято называть синонимами. При определении синонимов вводятся еще некоторые ограничения. Так, они должны относиться к одной и той же части речи. Это позволяет избежать отнесения к синонимам, например, глаголов и соответствующих отглагольных существительных, разли-

чающихся только грамматическими (частеречными) значениями (ср. *читать* и *чтение*). Ю.Д. Апресян также настаивает на критерии совпадения «ролевых» структур, что означает одинаковое число активных семантических валентностей и соотнесение одинаковых валентностей с одинаковыми ролями. Это ограничение позволяет не считать синонимами глаголы типа *строить* — *строиться* и другие конверсивы (о конверсивах см. ниже).

Таким образом, например, в русском языке к синонимам относятся такие слова, как *бегемот* и *гиппопотам*, *миг* и *мгновение*, *студень* и *холодец*, *дорога* и *путь*, *стачка* и *забастовка*, *громадный* и *огромный*, *врать* и *лгать*, *нестись* и *мчаться*, *словно* и *будто*, *лишь* и *только* и др.

Обычно синонимы взаимозаменяемы без изменения содержания передаваемой информации. Однако для любой пары синонимов существуют контексты и употребления, в которых они не могут быть заменены друг на друга. Таким свойством, в частности, обладают так называемые автонимные употребления (см. о них подробнее в главе 21), когда слово обозначает само себя: *В слове «бегемот» семь букв*. Замена в этом высказывании слова *бегемот* на его синоним *гиппопотам* с сохранением смысла предложения, и в том числе его истинности, невозможна.

В связи с этим для синонимов формулируется правило частичной взаимозаменяемости. Следует отметить, что в рамках модели «Смысл \leftrightarrow Текст» принцип взаимозаменяемости вообще не используется как критерий синонимии. Наиболее последовательную концепцию синонимии, независимой от критерия взаимозаменяемости, создал Ю.Д. Апресян. Дав независимое от сочетаемости определение синонимов, он рассмотрел далее типы сочетаемостных различий между синонимами.

Ю.Д. Апресян предложил рассматривать три типа сочетаемости — семантическую, лексическую и морфосинтаксическую. Кроме типов сочетаемости, синонимы различаются степенью ее совпадения — полное совпадение, включение, пересечение и полное несовпадение. Тип сочетаемости может комбинироваться со степенью совпадения. Таким образом, Ю.Д. Апресян выделил 12 типов элементарных различий между синонимами, причем три типа, связанные с полным совпадением, он, по существу, не рассматривал.

Имеет смысл привести примеры семантической сочетаемости разных степеней совпадения. Так, семантическую сочетаемость в случае включения Ю.Д. Апресян иллюстрирует, например, парой *достигать* и *доходить до*. Первый глагол сочетается с названиями точных и неточных величин, а второй — только с названиями точных. Можно *достигать 40 метров* и *доходить до 40 метров*, а вот *человеческого роста* можно только *достигать*. Нельзя также *доходить до высоты дома* и т.д.

Пересечение семантической сочетаемости иллюстрируется глагольной парой *приниматься* и *браться*. *Приниматься* сочетается с обозначениями деятельности и типичного объекта как символа рабочей деятельности. *Браться* сочетается с обозначениями рабочей деятельности, типичного объекта как символа рабочей деятельности и типичного инструмента как символа рабочей деятельности. Поэтому правильно словосочетание *приниматься хохотать* и неправильно *браться хохотать*. И наоборот, нормально *браться за весла* и невозможно *приниматься за весла*.

В качестве примера полного несовпадения семантической сочетаемости синонимов рассматривается пара словосочетаний *во весь опор* и *на всех парах*. Первое возможно только, если субъект движения — живое существо, а второе — если транспортное средство. Поэтому *Лошадь мчится во весь опор*, а *Поезд мчится на всех парах*.

Допущение полного несовпадения сочетаемости у синонимов так и не стало общепринятым. В частности, ему противоречит гипотеза об обязательной семантической мотивированности синтаксической сочетаемости, выдвинутая А. Вежибицкой.

Настоящих синонимов в естественном языке достаточно мало. Гораздо чаще встречаются слова с близкими, очень похожими, но не полностью совпадающими значениями. Семантические различия между такими словами нелегко сформулировать, и поэтому они не всегда отражаются в реальных словарях. Описание неполных синонимов представляет особую лингвистическую задачу. Такие слова называются также неточными **синонимами** или **квази-синонимами**. Неточные синонимы могут различаться нюансами значения, по стилю, по ситуациям, в которых они употребляются, и другими признаками.

Например, слова *глаза* и *очи* называют одно и то же — орган зрения. Но слово *очи* употребляется гораздо реже, причем только в возвышенной, поэтической и книжной речи. В повседневной речи оно почти не используется. Так, никто не скажет *У меня болят очи*, *У Ленки карие очи* или *Закройте очи*. Тем не менее слово *очи* тоже употребляется. Достаточно вспомнить знаменитый романс «Очи черные», и станет ясно, что *очи* звучит более выразительно, чем *глаза*.

Неточными синонимами являются и глаголы *знать* и *ведать*. *Ведать*, как и *очи*, воспринимается как несколько устаревшее и книжное. Оно встречается в поэтических и сказочных текстах, придавая им особый аромат старины (ср. у Пушкина: «Там на неведомых дорожках следы невиданных зверей»), а также в устойчивых выражениях типа *Знать не знаю, ведать не ведаю*.

Именно такие различия называют стилистическими, говоря о высоком (книжном, возвышенном) или обычном (разговорном) стиле. Существует еще и низкий стиль. Например, говоря низким

стилем, мы заменим *глаза на зенки: вылупить зенки*, а слово *лаять* — на *брехать: собаки разбрехались*.

Носителю языка более заметны стилистические различия, чем оттенки смысла, т. е. мелкие смысловые различия. Так, на первый взгляд синонимами кажутся слова *дом* и *здание*. Однако при анализе употреблений этих слов выясняется следующее. Если мы знаем, что в данном строении живут люди, мы, скорее, употребим слово *дом*, причем оно может означать и само здание, и его внутреннюю часть (например, квартиры, лестницы и т. д.), и даже жильцов. *Здание* же обозначает только внешний облик строения и ничего другого. Поэтому, остановившись на улице и увидев незнакомое строение, можно в равной мере сказать и *Какой красивый дом!* и *Какое красивое здание!* или *На доме флаги* и *На здании флаги*. Но если очевидно, что строение не предназначено для жилья, можно использовать только слово *здание: здание университета, собора, школы*. *Дом* здесь не годится. Наоборот, если речь идет о внутренних помещениях и живущих в них людях, мы никогда не скажем *здание: В нашем доме сломался лифт; Весь наш дом вышел на уборку двора; У нас в доме тепло*.

Гипотеза семантической мотивированности сочетаемости предполагает следующую схему описания пар неточных синонимов. Должны быть описаны четыре типа контекстов: контексты, в которых возможен один из членов пары и невозможен другой; контексты, в которых возможен второй член пары и невозможен первый; контексты, в которых возможны оба члена пары и при этом они противопоставлены по смыслу; контексты, в которых возможны оба члена пары без противопоставления по смыслу. Существование двух первых типов означает пересечение сочетаемости по Апресяну. Существование четвертого типа свидетельствует о возможности нейтрализации семантического противопоставления.

В качестве иллюстрации данной схемы описания рассмотрим канторные местоимения *всякий* и *каждый*, которые в словарях часто толкуются как точные синонимы.

Со словом *всякий* не сочетаются имена собственные, а местоимение *каждый* все же допустимо: *Каждая из Лен, с которыми я дружу, несчастна по-своему*.

Всякий несовместимо также с актуализованными именными группами, которые соотносятся с множеством, введенным в данном тексте:

У Ивана шесть дочерей и семь сыновей. Каждая (но не всякая) девочка знает иностранный язык, каждый (но не всякий) мальчик что-нибудь сочиняет.

У местоимения *всякий* есть также ограничения на сочетаемость с предикатом. *Всякий* обычно сочетается со стативными глаголами, т. е. с глаголами, обозначающими постоянное свойство (*знать*,

уметь и др.), и, в отличие от *каждый*, почти не сочетается с глаголами, обозначающими актуальное действие:

Каждый (но не *всякий*) *мужчина уступил ей свое место.*

Есть ограничения и у местоимения *каждый*. Оно плохо сочетается с абстрактными понятиями. Так, в различных математических теоремах и аксиомах, а также общих сентенциях обычно фигурирует *всякий* (или *любой*), но не *каждый*:

Всякая (но не *каждая*) *прямая бесконечна;*

Всякое (но не *каждое*) *действие вызывает противодействие;*

Всякий (но не *каждый*) *треугольник однозначно задается тремя сторонами* и т. п.

Каждый также не сочетается с неисчисляемыми существительными:

Всякая (но не *каждая*) *ирония содержит в себе оценку того, что осмеивается;*

Всякая (но не *каждая*) *любовь — счастье.*

В тех же контекстах, где встречаются и *всякий*, и *каждый*, возможны и их семантическое противопоставление, и семантическая нейтрализация. Предложения, совпадающие с точностью до кванторных местоимений, несинонимичны, если экстенционал соответствующей именной группы — обозримое множество:

Каждая из жен султана Мохаммеда вне подозрений и *Всякая жена султана Мохаммеда вне подозрений.*

Первое предложение подразумевает гарем и конкретное преступление. Утверждается, что все жены султана имеют алиби. Второе предложение означает, что из свойства 'быть женой султана Мохаммеда' следует свойство 'быть вне подозрений', независимо от того, кто обладает первым свойством.

Предложения, совпадающие с точностью до кванторных местоимений, синонимичны, если экстенционал соответствующей именной группы — необозримое множество: *Каждый пионер должен быть примером для ребят* и *Всякий пионер должен быть примером для ребят.*

Объяснить все эти сочетаемостные особенности помогает следующее толкование рассматриваемых кванторных местоимений. *Каждый* сочетается с именем, соотносящимся с некоторым множеством, и означает, что предикат принимает значение 'истина' на всех элементах данного множества. *Всякий* сочетается с именем, соотносящимся с некоторым свойством, и означает, что из свойства-интенционала следует свойство-предикат независимо от того, какой объект обладает данным свойством. Можно говорить о своего рода экстенциональной и интенциональной интерпретации высказывания. В том случае, если речь идет о необозримом множестве, обе интерпретации приводят к одному и тому же результату.

С теоретической точки зрения описание квазисинонимов представляет больший интерес, чем описание полных синонимов. Наи-

более подробное описание квазисинонимичных рядов представлено в «Новом объяснительном словаре синонимов», проекте, осуществляемом под руководством Ю. Д. Апресяна. Так, словарная статья о небольшом ряде, состоящем из трех глаголов *радоваться*, *ликовать* и *торжествовать*, занимает восемь страниц (автор Ю. Д. Апресян). Она включает формулировку общей части их толкований: 'испытывать приятное чувство, какое бывает, когда то, что субъект оценивает или ощущает как хорошее для себя, имеет место' — и описание различий. Ограничимся лишь набором признаков, по которым различаются данные неполные синонимы:

1) тип субъекта, способного испытывать эмоцию (*ликовать* могут только люди, а *радоваться* еще и высшие животные);

2) причины, которые ее вызывают (*торжествуют* по поводу своей правоты, а *радуются* всему хорошему);

3) роль действий или свойств самого субъекта в возникновении эмоций (*радоваться* может любой человек, способный видеть светлые стороны в жизни, даже когда она нелегка, а *ликут* люди, склонные к некритичному и восторженному восприятию действительности);

4) характер эмоции, ее интенсивность, глубина и продолжительность (*радоваться* обозначает более глубокую, хотя и менее интенсивную эмоцию, чем *ликовать* и *торжествовать*);

5) сопровождающие ее чувства или состояния (эмоция *радоваться* может сопровождаться легкой грустью, а *ликование* вытесняет из души все другие эмоции);

6) ее возможные проявления — в движении, жесте, мимике, речи и т. п. (*радоваться* можно тихо, никак не проявляя своих чувств, а *ликовать* тихо нельзя);

7) отношение эмоции к шкале жизненных (в том числе этических) ценностей (эмоция *радоваться*, в отличие от *ликовать* и *торжествовать*, рассматривается как фундаментальная жизненная и этическая ценность).

С квазисинонимией связано еще одно важное понятие, которое, правда, затрагивает лишь часть квазисинонимов. Для некоторых квазисинонимов семантическое различие между ними может нейтрализоваться. **Нейтрализация** возможна, в частности, если контекст компенсирует семантическое различие. Так, *рыть* в отличие от *копать* можно не только орудием, но и органом. Однако, если в контексте указано какое-либо орудие, семантическое противопоставление между этими глаголами нейтрализуется и словосочетания *копать яму лопатой* и *рыть яму лопатой* полностью синонимичны.

Синонимия является важнейшим из парадигматических отношений. Она свойственна всем естественным языкам. Ее важность для семантики подтверждается, в частности, и тем, что синонимия

может быть положена в основу определения значения. А. К. Жолковский, Н. Н. Леонтьева и Ю. С. Мартемьянов предложили считать значение инвариантом синонимического перифразирования.

10.8.2. Антонимия

Кроме синонимии, существуют и другие важные и типические отношения между значениями слов. Так, антонимия связывает языковые единицы с противоположным значением. Она, как и синонимия, свойственна всем естественным языкам.

|| Слова, относящиеся к одной части речи и имеющие противоположные значения, называются **антонимами**.

В этом определении особого комментария требует понятие противоположности. В различных теоретических работах (Ю. Д. Апресян, М. Бирвиш, Л. А. Новиков) оно раскрывается следующим образом. Предлагается ряд более элементарных и строго определяемых семантических противопоставлений, которые и называются разновидностями противоположности. Предполагается, что два антонима различаются только таким элементарным противопоставлением.

Среди этих элементарных противопоставлений имеется, например, такое: 'X' — 'не X', где 'X' — переменная, специфическая для каждой пары. Именно отрицанием различаются слова *живой — мертвый, влажный — сухой, слепой — зрячий, соблюдать — нарушать* и многие другие. Этот тип антонимии называется комплементарным, поскольку один из антонимов дополняет другой до целого и тем самым исчерпывает существующие возможности. Иначе говоря, можно быть либо живым, либо мертвым — третьего не дано.

Другое важное противопоставление — 'больше X' — 'меньше X'. Этими компонентами различаются, например, антонимы *высокий — низкий, много — мало* и др. Такая антонимия называется контрарной и подразумевает некоторую шкалу. На шкале могут выделяться различные степени «удаления» от нейтрального значения, и соответственно для одной шкалы могут существовать несколько пар антонимов. Так устроена температурная шкала: *горячий — холодный и теплый — прохладный*.

Иногда в рамках этого же противопоставления, иногда отдельно рассматривается антонимия, связанная с направленностью действий или признаков, например: *въехать — выехать, отплыть — подплыть, связать — развязать, революционный — контрреволюционный* и под. Здесь также можно говорить о шкале, с которой связана динамическая ситуация. Как правило, такую антонимию называют векторной.

Выделяют и другие типы противопоставлений. Это может быть конкретизация в рамках одного из основных типов. Так, в рамках векторной антонимии можно говорить о противопоставлении: 'действии X' — 'уничтожение результата действия X' (*слепить — разлепить, привинтить — отвинтить*).

К антонимичным противопоставлениям относят и некоторые уникальные семантические пары значений, например 'мужской' и 'женский'. (В силу своей универсальности для всех языков эта пара представляет особый интерес и поэтому будет рассмотрена в главе 15.)

Следует отметить еще одно достаточно редкое отношение, которое можно считать разновидностью антонимии. Речь идет о противоположных значениях с одним существенным ограничением. Эти значения должны относиться к одной и той же лексеме. Так, у глагола *одолжить* есть значение 'дать в долг' и значение 'взять в долг'. Такое отношение называется **энантиосемией**.

10.8.3. Гипонимия

К числу основных семантических отношений наряду с синонимией и антонимией относится и гипонимия¹, или родовидовое отношение. Гипонимия также присуща всем естественным языкам. **Гипонимию** можно определить как отношение между частным и общим понятиями. В отношении гипонимии находятся, например, слова: *муравей — насекомое, лошадь — млекопитающее, яблоко — фрукт, осина — дерево, майор — офицер, слесарь — рабочий, зависть — чувство, жмурки — игра, рубанок — инструмент, чай — напиток*.

Таких пар можно составить огромное количество. Слово с общим значением называется **гиперонимом**, с частным — **гипонимом**. Как правило, у одного гиперонима существует целый ряд гипонимов. Так, для слова *фрукт* гипонимами будут не только *яблоко*, но и *груша, апельсин, лимон, ананас* и др. Слова гипонимического ряда также находятся в определенном отношении друг к другу: их значения пересекаются, т. е. частично совпадают. Слова, имеющие один гипероним, называются **когипонимами** или **согипонимами**.

В свою очередь, гипоним одной пары может быть гиперонимом для других слов. В результате установления гипонимии на всем множестве слов возникают различные иерархические сети (схема 9).

Исследование гипонимии оказывается тесно связанным с различными теоретическими конструктами. Описывая гипонимию, мы фактически задаем определенную таксономию, иными слова-

¹ Этот термин, как и термины «гипероним» и «гипоним», предложил Дж. Лайонз.

ми, классифицируем соответствующие объекты. Гипонимическая иерархия лексем по существу представляет собой категоризацию фрагмента мира. Таким образом, гипонимия в языке отражает иерархическую структуру объектов, характерную для конкретной картины мира.

В п. 10.2 формулируется правило, связывающее соотношение интенционалов и экстенционалов. Сферой действия этого правила и являются слова (именные группы), которые находятся в отношении гипонимии. Следовательно, интенционал гипонима включает в себя интенционал гиперонима, экстенционал гиперонима включает в себя экстенционал гипонима.

В силу теоретической важности именно гипонимические отношения легли в основу постулатов значения, предложенных и разработанных Р. Карнапом (см. главу 7).

Особое теоретическое значение отношение гипонимии имеет и в когнитивной лингвистике. Э. Рош ввела для категоризации понятие **базисного уровня** и соответственно **объекта базисного уровня**. Эксперименты показали, что психологически базисными оказываются не самые фундаментальные категории, выражаемые словами с максимально абстрактным значением, а именно срединные категории. Так, в тройках *млекопитающее — собака — ищейка* и *мебель — стул — кресло-качалка* крайние члены относятся соответственно к высшему (*млекопитающее, мебель*) и подчиненному (*ищейка, кресло-качалка*) уровням. Базисными с психологической точки зрения следует считать категории «собака» и «стул». Принадлежность к базисному уровню означает, что именно этими понятиями и категориями мы оперируем, размышляя или рассуждая об обычных ситуациях. Переход на другой уровень маркирован. Он определяется спецификой ситуации, в которой нам необходимо что-то обобщить или, наоборот, конкретизировать. Психологическая базисность проявляется и в языке. Слова базисного уровня более частотны и нейтральны. Именно они используются для номинации конкретного объекта. В нормальной ситуации мы называем собаку *собакой*, а не *терьером* или *животным*. Впрочем, по-видимому, понятие базисного уровня не абсолютно и зависит

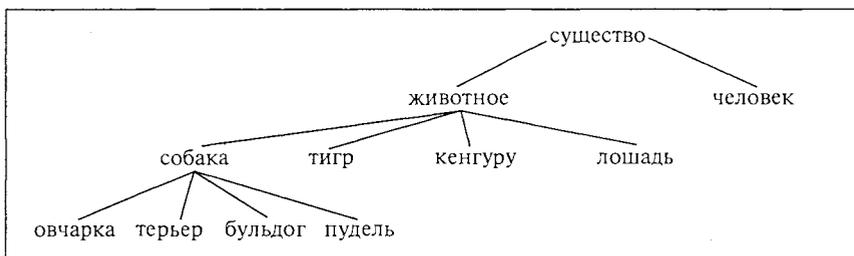

Схема 9. Четырехуровневая гипонимия

от реальных условий. В частности, на изменении базисного уровня построен анекдот, рассказывающий о поведении покупателя в разные эпохи, характеризующиеся разной степенью изобилия в магазинах:

Заверните, пожалуйста, 200 граммов рокфора;

Заверните, пожалуйста, 200 граммов сыра;

Заверните, пожалуйста, 200 граммов еды.

Точно так же и нормальный горожанин по отношению к скворцам, грачам, щеглам и другим птицам обычно использует слово *птица*, но воробья (наиболее привычную птицу) скорее назовет *воробьем*.

Частное и общее можно использовать для объяснения друг друга. Вот как, например, объясняется частное через общее. Можно сказать *Муравей — это насекомое* и *Жмурки — это игра*, однако неправильными были бы утверждения *Насекомое — это муравей* или *Игра — это жмурки*. Оба последних высказывания не соответствуют действительности. Чтобы объяснить общее через частное, нужны уже другие конструкции и контексты, например: *Из насекомых нам известны муравьи. Из игр нам известны жмурки*, но, конечно же, нельзя сказать: *Из муравьев нам известны насекомые*.

Общее точнее определять не одним частным, а сразу целым рядом. Частные смыслы являются примерами общего. Можно сказать, что *Муравьи, бабочки, жуки — это насекомые*. Иногда этот ряд частных смыслов достаточно короткий, и его легко перечислить полностью, например: *Король, ферзь, ладья, слон, конь и пешка — это шахматные фигуры* (других шахматных фигур нет); *Пики, трефы, бубны и червы — это карточные масти* (других мастей нет). Иногда же такой ряд очень велик или даже бесконечен. Поэтому в подобных случаях приходится говорить: *Муравьи, бабочки, жуки и другие насекомые* или *Треугольники, четырехугольники, пятиугольники, шестиугольники и т. д. — это многоугольники*.

В работах таких авторов, как А. Вежбицкая, Е. Л. Гинзбург и Г. Е. Крейдлин, Р. И. Розина, Р. М. Фрумкина и др., отмечается, что отношение гипонимии неоднородно, и предпринимаются попытки выделить различные виды отношений. В частности, А. Вежбицкая среди гиперонимов различает собственно таксономические понятия (*цветок* по отношению к *розе, гвоздике* и др.), обобщающие функциональные понятия (*транспорт* по отношению к *машине, велосипеду* и др.), имена совокупностей, включающих неоднородные комбинации гипонимов (*мебель* по отношению к *кровати, стулу* и др.), псевдосчетные имена (*фрукты* по отношению к *яблоку, апельсину* и др.). Однако единой общепризнанной классификации гипонимических отношений на сегодняшний день, по видимому, не существует.

10.8.4. Конверсивы

В названии данного раздела фигурирует термин, который обозначает не отношение, а слова, находящиеся в определенном отношении¹. Для называния самого отношения, к сожалению, нет единого общеупотребительного и всеми признанного термина. Можно констатировать конкуренцию терминов **конверсия** и **конверсивность**, причем использование первого несколько затруднено существованием терминологического омонима (конверсия как особый способ словообразования, переход слова из одной части речи в другую), а второй по своей словообразовательной модели вторичен по отношению к термину «конверсивы».

Понятие конверсивов связано с синонимами. Конверсивы — это слова, которые, так же как и синонимы, имеют толкования, состоящие из одинаковых компонентов, однако их ролевые структуры не совпадают. Это означает, что одним семантическим актантам соответствуют разные роли: *Строители строят дом — Дом строится строителями; Петя продал Ване машину — Ваня купил у Пети машину; Каспаров выиграл у Карпова — Карпов проиграл Каспарову.*

Можно сказать, что конверсивы описывают одну и ту же ситуацию, но с разных точек зрения. Их назначение состоит в том, чтобы передавать различные точки зрения или перспективу, в том числе и коммуникативную.

Иногда конверсивы смешивают с антонимами, что имеет под собой очевидные содержательные основания. Так, слова типа *жена — муж* (или *жениться — выходить замуж*), *до — после* и различные сравнительные степени прилагательных и наречий *больше — меньше* и т. д., являясь антонимами, вместе с тем описывают одну ситуацию, т. е. должны признаваться конверсивами.

10.8.5. Меронимия и другие парадигматические отношения

Среди других парадигматических отношений необходимо упомянуть меронимию, несовместимость, а также деривационные и ассоциативные отношения.

|| **Меронимия** — это отношение части и целого.

В этом отношении, например, находится слово *лицо* с такими словами, как *ухо*, *нос*, *глаз* и т. п. Это отношение напоминает гипонимию в том смысле, что фактически сопоставляются слово и ряд слов. Так же как одному родовому понятию можно сопоставить несколько видовых, названию целого можно обычно

¹ Термин в этом значении введен Дж. Лайонзом, а на само явление ранее обратили внимание Ш. Балли и О. Есперсен.

сопоставить несколько названий разных частей. Для слов, вступающих в отношение меронимии, можно привести диагностический контекст: «*X — часть Y*». Например, можно сказать, что *Кабина — часть машины; Комната — часть квартиры; Стебель — часть цветка* и т. д.

Отношение **несовместимости** содержательно описывается с помощью понятий импликации (\supset) и отрицания (\neg).

Слова 'А и Б' находятся в отношении несовместимости, если их значения 'А' и 'Б' связаны следующим образом: 'А' \supset \neg 'Б' и 'Б' \supset \neg 'А'.

Если говорить менее формально, то несовместимость двух слов означает невозможность приписывания соответствующих признаков, состояний и т. п. одному и тому же объекту: *круглый — квадратный — треугольный; мальчик — девочка; шептать — вопить; белый — черный — красный — синий...*

Даже из этих примеров видно, что в отношении несовместимости могут вступать, в частности, антонимы и когипонимы.

В языке могут быть относительно регулярными и другие, более конкретные семантические отношения: например 'существо А' — 'детеныш существа А' (*собака — щенок, лев — львенок, кошка — котенок* и т. д.), 'действие А' — 'каузатив действия А' (*пить — поить, есть — кормить* и т. д.).

В том случае, когда стандартным выражением семантического отношения является определенная морфема или словообразовательная операция, говорят о деривационных отношениях. Для русского языка деривационным можно считать упомянутое выше отношение 'существо А' — 'детеныш существа А', поскольку супплетивные пары типа *собака — щенок* составляют незначительное меньшинство по сравнению с парами, образованными стандартной словообразовательной операцией — прибавлением к основе суффикса.

Несколько особняком стоят так называемые ассоциативные отношения. Они выделяются экспериментальным образом и изучаются в рамках психолингвистики. На основании эксперимента строятся множества слов, ассоциируемых с данным. На необходимость исследования таких групп, формирующих ассоциативные поля, указывал швейцарский лингвист Ш. Балли. Особенно важным является тот факт, что, несмотря на значительное варьирование ассоциаций у разных испытуемых (это объясняется индивидуальным языковым опытом), существует и достаточно стабильный набор слов, ассоциируемых со словом-стимулом. Именно наличие стабильного ядра ассоциаций позволяет говорить об ассоциативных отношениях, характерных для данного языка в целом. Они могут быть основаны на стандартных семантических отношениях и на каких-то периферийных компонентах, например коннотациях, называемых также семантическими ассоциациями, или на внутренней форме.

10.9. Синтагматические отношения

Существование парадигматических отношений (парадигматика) позволяет говорить о лексической семантике как о системе, а существование синтагматических отношений (синтагматика) позволяет этой системе функционировать, и в частности лексическим значениям объединяться в более крупные единицы.

Синтагматические отношения — это отношения между знаками, возникающие как результат их комбинирования. Термины «синтагматический» и «синтагматика», как и «парадигматический» («парадигматика»), восходят к древнегреческому языку, где имя существительное «синтагма» означало ‘соединение’. В связи с этим типом отношений можно также говорить о синтагме как последовательности нескольких слов, или, шире, языковых единиц, связанных синтагматическими отношениями.

В отличие от парадигматических отношений синтагматические отношения не предполагают ни сходства, ни отличия знаков. Их наличие означает только то, что знаки, вступающие в эти отношения, могут употребляться вместе в процессе общения и при этом взаимодействуют.

Синтагматические отношения возникают при комбинировании слов и существуют в рамках более крупных языковых единиц: словосочетаний, предложений, текстов. Именно семантические синтагматические отношения и позволяют создавать значение более крупных единиц из более мелких (см. принцип композициональности в преамбуле к главе 10). Взаимодействие смыслов слов обеспечивает осмысленность словосочетания. Так, возьмем словосочетание *холодная зима*. Оно состоит из двух слов. Первое связано с идеей очень низкой температуры, а второе обозначает одно из времен года. В сочетании первое качество приписывается данному сезону. Произошло взаимодействие смыслов. Отдельные смыслы в пределах словосочетания становятся связанными.

Одни и те же на первый взгляд смыслы могут сочетаться по-разному. Значение целого оказывается не просто суммой смыслов, а чем-то более сложным, поскольку необходимо учитывать (исходя из принципа композициональности) значение синтаксических правил, их соединяющих, или, иначе говоря, синтагматические отношения¹. Так, в частности, рождается омонимия словосочетаний и предложений, о которой говорилось выше. Например, словосочетание *переводы Лермонтова* (‘переводы текстов Лермонтова’ и ‘переводы, сделанные Лермонтовым’) может означать две разные вещи, а словосочетание *портрет Тициана* — даже три (‘портрет, на котором изображен Тициан’, ‘портрет, который на-

¹ Например, словосочетание *зимний холод* соединяет те же смыслы другим образом и имеет совершенно другое значение.

писал Тициан' и 'портрет, который принадлежит Тициану'). Два знака — каждый со своим смыслом, соединяясь, могут взаимодействовать по-разному. Две идеи — перевода и конкретного поэта — вступают в связь двумя способами. В одном случае конкретный поэт понимается как автор перевода, а в другом — как автор переведенных произведений. Здесь можно говорить либо о различных видах синтаксических связей и их значении, либо об омонимии родительного падежа.

Исследование лексической синтагматики началось значительно позже, чем исследование парадигматических отношений. До сих пор не существует общепринятых синтагматических отношений, которые бы признавались всеми лингвистами независимо от теоретического подхода (ср. с такими парадигматическими отношениями, как синонимия, антонимия, гипонимия и др.). Тем не менее накопилось достаточное количество наблюдений над синтагматикой и можно говорить о способах ее описания, принятых в рамках конкретных теорий. Наряду с общими трудноклассифицируемыми рассуждениями и замечаниями выделяются два принципиальных аспекта. Первый связан с исследованием собственно взаимодействия значений и описанием различных операций, производимых над значениями при их комбинировании. Второй связан с исследованием лексических значений и представлением их таким образом, чтобы был учтен их синтагматический потенциал.

В качестве примера общего рассуждения о синтагматике можно привести идею Ш. Балли об обязательном грамматическом **плеоназме** (избыточности). По мнению Ш. Балли, одно и то же понятие должно быть выражено в синтагме несколько раз. Один из главных законов семантического сочетания слов состоит в следующем: чтобы два слова составили правильное сочетание, помимо различающих сем, они должны иметь, по крайней мере, одну общую. Во французской лингвистике (А. Греймас, Б. Поттье) для обозначения такой общей семы использовался термин **классема**. В одном сообщении классемы встречаются несколько раз (два и более), что и обеспечивает его связность. В этом случае говорят об обязательной **итерации** (повторении) сем в тексте.

Распространение идеи избыточности на лексические значения развито в работах Ю. Д. Апресяна, В. Г. Гака, Н. Н. Леонтьевой и др. Причем Н. Н. Леонтьева описала две противоположные тенденции, сосуществующие в языке: умножение смысла, создающее избыточность, и сокращение повторяющихся смыслов, устраняющее избыточность. В. Г. Гак также указал на различные отклонения от обязательной итерации, выделив три способа семантического взаимодействия слов: согласование (повтор семы — *змея ползет к норе*), несогласование (отсутствие повтора — *змея приближается к норе*) и рассогласование. Рассогласование, т. е. сочетание противоположных сем, приводит либо к «угасанию» одной из

них, либо к возникновению новой. Например, с временными предложениями сочетаются слова, содержащие в значении сему 'протяженность во времени'. Отсутствие такой семы в принципе препятствует сочетаемости слов: *во время путешествия*, но **во время дома*. Однако при соединении с предложением *после* слова могут приобретать сему 'протяженность во времени' и рассогласование переходит в согласование: *После дома ребенку трудно привыкать к интернату* (т. е. 'после пребывания дома'). Происходит своего рода вчитывание смысла в слово.

На обязательное согласование смыслов на уровне морфем обратил внимание М. В. Панов. Избыточность и повторение смыслов в синтагме обеспечивает, в частности, **связность текста**, важнейшую из его характеристик (см. главу 13).

Последовательную и достаточно компактную систему синтагматических отношений описал в своем классическом труде «Философия грамматики» (The philosophy of grammar, 1928) датский лингвист О. Есперсен. В качестве общего синтагматического отношения он предложил рассматривать **подчинение**. В основном О. Есперсен рассматривал синтагмы, состоящие не более чем из трех слов, и вводил соответственно три ранга слов. Так, в сочетании *чрезвычайно жаркая погода* слово *погода* — первично, *жаркая* — вторично, а *чрезвычайно* — третично. Последующие ранги, возникающие при увеличении членов синтагмы, по своим формальным характеристикам не отличаются от третичного. В зависимости от участия или неучастия в синтагматических отношениях личной (или неопределенной) формы глагола подчинение подразделяется на **нексус** (*собака лает яростно*) и **юнкцию** (*яростно лающая собака*)¹. Вторичное слово в нексусе (*лает*) называется **аднексом**, а в юнкции (*лающая*) — **адъюнктом**. Интересно, что для теории О. Есперсена, в отличие от более поздних глаголоцентричных семантических теорий, глагол всегда являлся вторичным (зависимым словом) по отношению к существительному: *собака лает* = собака → лает; *вижу собаку* = собаку → вижу и т. д. Исходя из этого, О. Есперсен делает вывод, что принципиальное отличие юнкции от нексуса заключается в следующем. Адъюнкт и первичное слово вместе образуют одно обозначение, которое в некоторых случаях может быть заменено простой номинацией (*дурак* вместо *глупый человек*), а нексус всегда содержит два понятия: вторичное слово (как правило, глагол) присоединяет нечто новое.

Представляют интерес и более детальные различия синтагматических отношений, рассмотренных О. Есперсеном. Он противопоставил несколько видов адъюнктов, например **ограничитель-**

¹ Точнее говорить не о присутствии в данной синтагме личной или неопределенной формы глагола, а о возможности для данной синтагмы быть законченным предложением.

ные (рестриктивные) и неограничительные (нерестриктивные). Так, адьюнкт *красный* в словосочетании *красная роза* является рестриктивным, поскольку ограничивает значение *розы* одним конкретным разрядом и исключает розы других цветов. Напротив, адьюнкт *дорогой* в словосочетании *дорогая Анна* является нерестриктивным, поскольку не выделяет одну Анну из ряда Анн, а характеризует уже выделенную. В словосочетании же *любимая жена* адьюнкт *любимый* может быть и рестриктивным (если речь идет о гареме), и нерестриктивным (если речь идет о единственной жене).

Примером более современного подхода к описанию взаимодействия значений может служить семантическая теория американского лингвиста У. Вайнрайха. Она опирается на генеративную грамматику Н. Хомского, а само описание выполняется в терминах семантических признаков (компонентов). У. Вайнрайх различает неупорядоченные наборы признаков (**пучки**, или **кластеры**) и упорядоченные наборы (**конфигурации**). С помощью этих понятий можно описывать как семантику отдельных слов, так и семантику конструкций (синтагм). У. Вайнрайх предлагает различать два вида конструкций — с соединением и без соединения. **Соединением** называется такая семантическая операция, в результате которой образуются пучки. Так, семантический эффект конструкции с соединением *белая стена* заключается в образовании сущности, в равной степени обладающей семантическими признаками двух ее составляющих: то, что является *белой стеной*, является *стеной* и является *белой*. Возможна и дальнейшая классификация соединений, основанная, например, на противопоставлении атрибутивной и предикативной связи. Конструкции без соединения образуются с помощью другого типа операций: им соответствуют конфигурации признаков. У. Вайнрайх различает такие операции, как **вставление** (например, *лечить зубы*), **ограничение** (например, *пять овец* или *некоторые овцы*) и **модализация** (с участием специальных модальных слов, *может быть* и под.).

И в теории О. Есперсена, и в теории У. Вайнрайха, и во многих других семантических теориях совершенно особую роль играет понятие **предикация** (для О. Есперсена, не использующего этот термин, именно предикация является основанием для различения юнкции и нексуса), основанное, в свою очередь, на понятии **предиката**.

Понятие предиката пришло в лингвистику из логики и философии. Следует отметить два основных понимания данного термина (подробнее о предикате см. главу 12). В узком смысле под предикатом понимается один из двух членов суждения, противопоставленный субъекту. Предикат — это то, что высказывается о субъекте. В широком смысле предикат — это свойство либо отдельного объекта, либо двойки, тройки и т. п. объектов. В случае нескольких

объектов предикат также может интерпретироваться как отношение между ними.

Предикацией называется акт (или операция) приписывания конкретного свойства — предиката — конкретным объектам. Конкретные объекты, участвующие в предикации, называются актантами. В результате предикации между предикатом и его актантами образуются актантно-предикатные отношения.

Следует оговориться, что в лингвистике соответствующий понятийный аппарат был вначале применен к синтаксическим объектам, т. е. к словам, а не к их значениям. Наиболее типичным предикатом в языке был признан глагол. В работах Л. Теньера глагол описывался как синтаксический центр предложения. Его способность вступать в синтаксические отношения с другими языковыми единицами получила название валентности. Соответственно синтаксическими актантами считались слова, заполняющие валентности глагола.

В работах Ю. Д. Апресяна и И. А. Мельчука данный понятийный аппарат был использован для описания семантических объектов. Речь шла уже о семантических предикатах (значениях в первую очередь глагола, но не только его), валентностях и актантах.

Слова с предикатным значением способны семантически подчинять себе другие слова, т. е. вступать с ними в семантические синтагматические отношения. Эта способность и называется **семантической валентностью**. В зависимости от количества синтагматических связей можно говорить об одно-, двух-, трех- и более валентных предикатах. Вслед за Л. Теньером можно говорить и об авалентных (не имеющих валентностей) предикатах. К авалентным предикатам относятся значения безличных глаголов (*Светает*). Примером одновалентного предиката может служить глагол *спать* (*Петя спит*), двухвалентного — *любить* (*Петя любит Машу*), трехвалентного — *дарить* (*Петя дарит Маше цветы*) и т. д. Ю. Д. Апресян отметил существование в русском языке шестивалентного глагола *командировать*:

Начальник командировует Петю из Москвы в Киев за бочкотарой на две недели.

Понятию валентности близко понятие семантической роли, получившее основное развитие в рамках падежной грамматики Ч. Филлмора.

Для описания семантических актантно-предикатных отношений недостаточно описания самого акта предикации. Необходимо особое семантическое представление слов с предикатным значением. Здесь уместно вспомнить одно из требований И. А. Мельчука, предъявляемых к толкованию: в случае слов с предикатным значением толкуется не просто заглавное слово, а предикатное выражение, или сентенционная форма, в которую оно входит (см. п. 10.3). В толкование же таких слов вводятся переменные, соответ-

ствующие семантическим валентностям данного слова. Эти переменные также можно называть семантическими валентностями. Таким образом, семантическая валентность — это и способность слова вступать в семантические отношения с другими словами, и переменная, формально отражающая эту способность в толковании. Наконец, семантическими актантами называются участники ситуации, описываемой предикатом.

Способность слова вступать в семантические отношения с другими словами означает обычно (но не всегда) его способность вступать с ними и в синтаксические отношения. В толковании отмечаются, как правило, только активные валентности, которые отражают способность слова присоединять синтаксически зависимые слова. Для соотнесения переменных в толковании с синтаксическими объектами в Толково-комбинаторном словаре вводится специальная зона, называемая моделью управления. В модели управления для каждой синтаксической валентности слова указывается ее семантическая интерпретация. В качестве иллюстрации использования семантических валентностей и модели управления можно привести фрагмент описания глагола *арестовывать*, которое предложено И. А. Мельчуком.

Арестовывать

X арестовывает Y-а за Z = 'официальные органы X в соответствии с предварительным распоряжением лишают Y-а свободы за его действия Z'

Модель управления:

1 = X [кто лишает свободы]: S (в именительном падеже);

2 = Y [кого лишают свободы]: S (в винительном падеже);

3 = Z [мотивировка ареста]: 1) за S (в винительном падеже),
2) по обвинению в S (в предложном падеже).

Как правило, семантические и синтаксические валентности находятся во взаимно однозначном соответствии. Однако возможно и их несовпадение. Несовпадение должно специально отмечаться в модели управления данного слова.

Возможна ситуация, когда синтаксических валентностей больше, чем семантических. Как отмечает Ю. Д. Апресян, в выражениях типа *вырывать кому-либо зуб*, *брить кому-либо бороду* и подобных им существительное, обозначающее лицо, заполняет семантическую валентность не глагола, а соответствующих существительных: *зуб* и *борода*.

Однако более важна обратная ситуация. Семантических валентностей может быть больше, чем синтаксических. Так, глагол русского языка *промахнуться* не допускает при себе никаких дополнений: **Он промахнулся мячом по воротам* или *Он промахнулся кулаком в его глаз*. Тем не менее в модели управления *промахнуться*

должны быть отмечены три семантические валентности, поскольку его толкование выглядит следующим образом:

‘А каузирует В двигаться к С, имея целью каузировать контакт В и С, однако траектория В проходит мимо С’.

Интересно, что синонимичное глаголу *промахнуться* выражение *не попасть* допускает соответствующие синтаксические группы: *Он не попал камнем в окно*.

Регулярные случаи несовпадения семантических и синтаксических валентностей отмечаются у прилагательных и наречий. Прилагательное, безусловно, имеет семантическую валентность, заполняемую значением существительного, однако не имеет соответствующей активной синтаксической валентности. Аналогично обстоит дело и с наречиями, имеющими семантическую валентность на предикат, а синтаксически зависимыми от глагола. Еще интереснее случай, когда наречие имеет семантическую валентность и на субъект действия. Так, наречие *молча* семантически характеризует именно поведение субъекта действия, а не само действие, синтаксически же никак с субъектом не связано.

И. М. Богуславский приводит пример парадоксального с синтаксической точки зрения способа заполнения семантических валентностей: *Полиция предъявила террористам ультиматум: или они немедленно освободят заложников, или здание будет взято штурмом*. Сочиненные члены *они немедленно освободят заложников* и *здание будет взято штурмом* заполняют разные семантические валентности слова *ультиматум*: [чего требует] и [чем угрожает]. Из всех приведенных примеров следует, что синтаксический актант не может считаться стандартным аналогом семантического актанта в тексте. Для выделения фрагмента предложения, вступающего в семантические отношения с данным словом, И. М. Богуславский предложил термин **сфера действия лексемы**¹. Сфера действия лексемы по конкретной семантической валентности определяется как фрагмент предложения, значение которого заполняет эту семантическую валентность.

Еще одним способом представления синтагматического потенциала слова является описание его сочетаемости. Речь идет о семантических ограничениях, налагаемых на семантику слов, связанных с данным словом. Например, субъектом при глаголе *любить* может быть только существо или лицо, а при глаголе *улыбнуться* — только человек.

Необходимость переменных в составе толкования ощущалась и в традиционных толковых словарях, где в соответствующей роли используются, хотя и не всегда последовательно, неопределенные местоимения с *-либо*. Например, в СРЯ (М., 1982) приводит-

¹ Этот термин в принципе является переводом англ. score, однако И. М. Богуславский предлагает несколько иную его интерпретацию.

ся толкование глагола *касаться*: ‘дотрагиваться до кого-, чего-л., прикасаться к кому-, чему-л.’

Здесь, как и всегда в традиционных словарях, отсутствует первая валентность [кто касается], но отмечена вторая. Последовательное описание семантических валентностей слова и их связи с его синтаксическими валентностями (посредством модели управления) было введено в Толково-комбинаторном словаре в модели «Смысл ⇔ Текст».

В заключение следует отметить связь парадигматических и синтагматических отношений. Парадигматические отношения в некоторых случаях обуславливают совместную сочетаемость слов, т. е. реализуются в тексте в качестве синтагматических. Это можно показать на примере гипонимии. Одно или ряд частных понятий можно заменить на общее с сохранением истинности: вместо *В салат нарезали огурцы, картошку, помидоры* можно было бы сказать *В салат нарезали разные овощи*. Частные понятия могут также следовать в предложении непосредственно за общим как пояснение: *В салат нарезали разные овощи: огурцы, картошку, помидоры*. Наконец, общее понятие может заключать ряд частных в качестве продолжения и итога перечисления: *В салат нарезали огурцы, картошку, помидоры и другие овощи*. В таких рядах сочетаются только слова, входящие в отношение «частное — общее». Нельзя, например, сказать: *В салат нарезали огурцы, колбасу, яблоки и другие овощи* или *В салат нарезали огурцы, картошку, помидоры и другие фрукты*.

Нарушение этого правила может создавать также особый семантический эффект. Так, например, фраза из песни М. Кочеткова: «*Вся-то мебель — четыре стакана, старый стол, да хромая кровать*» — предполагает особую скудость и убогость обстановки, для которой даже стаканы считаются предметом мебели.

10.10. Толкование слов разных типов

В п. 10.3 говорилось о том, что форма семантического описания в значительной степени зависит от свойств описываемой лексической единицы. Для различных типов слов предлагаются различные форматы семантического описания. Однако четкой классификации слов по семантическим типам не существует. Поэтому здесь будут отмечены лишь основные параметры, определяющие особенности той или иной группы слов.

Наиболее важный признак, выделяющий большой семантический класс слов, описан в предыдущем разделе. Речь идет о словах с предикатным значением. Они противопоставлены словам с непредикатным значением. Специфика описания слов с предикатным значением заключается в следующем. Во-первых, толкуется не отдельное слово, а так называемое предикатное выраже-

ние, включающее само слово вместе со стандартными способами выражения всех его семантических валентностей (так, например, толкуется не глагол *резать*, а предикатное выражение *X режет Y с помощью инструмента Z*). Во-вторых, переменные, присутствующие в толкуемом выражении, вводятся и в толкование. Можно сказать, что предикатные слова толкуются вместе с релевантным контекстом, причем сам контекст отображается в толковании с помощью переменных.

Типичным примером слова с предикатным значением является глагол. Однако к предикатам относятся и некоторые существительные, и даже полностью отдельные части речи — прилагательные, наречия, предлоги, союзы и др. Что касается существительных, то естественно, что некоторые из валентностей глагола наследуются отглагольными существительными. Однако это не единственный класс существительных с предикатным значением.

Можно выделить достаточно большую группу имен, обозначающих различные отношения между людьми, а также другими сущностями. В русском языке к этому типу относятся многочисленные термины родства (*мать, муж, дочь, племянник* и др.; подробное их описание см. в п. 10.7), существительные типа *друг, начальник, автор, часть, кусок* и др. Эти слова устанавливают отношения между двумя объектами, в частном случае — между двумя людьми. Соответственно они имеют одну семантическую валентность, заполняемую названием второго объекта: *отец Петра, кусок торта, автор «Мертвых душ»* и т. д. Если именная группа используется для конкретной референции, то она как раз и называет первый объект, т. е. он является ее референтом: *В комнату вошел начальник Федора*. Если же именная группа находится в предикатной позиции, то она обозначает свойство, которое приписывается, или предсказывается, первому объекту: *Иван Иванович — начальник Федора*.

Два семантически сходных слова *вдова* и *вдовец* различаются на первый взгляд только компонентом пола. Однако в действительности их семантические различия более существенны, поскольку *вдова* относится к словам-отношениям, а *вдовец* — нет. Именно поэтому нормальны словосочетания типа *вдова Петра*, но нельзя сказать *вдовец Марии Ивановны*.

Выше рассматривались в основном толкования существительных (*забор, стол, холостяк* и др.) и глаголов (*арестовывать, касаться* и др.). Различные теоретические понятия также объяснялись прежде всего на примере этих частей речи. Лишь отчасти затрагивалось описание прилагательных и наречий, и почти ничего не было сказано о толкованиях служебных слов, которые, даже исходя из общих соображений, должны значительно отличаться от вышеприведенных.

При всех различиях значений предлогов и союзов, с одной стороны, и, например, глаголов — с другой, принципы их тол-

кования остаются общими. Все это предикатные слова, и поэтому толковать следует соответствующие предикатные выражения, а в толкование включать переменные, соответствующие семантическим валентностям. Впрочем, есть и определенные отличия: для некоторых типов слов вводятся новые типы переменных, обозначающих уже не участников ситуации, а сами ситуации, т. е. речь идет о предикатах более высоких порядков. В случае предлогов или союзов в принципе нельзя различить, толкуется ли отдельное слово или целая конструкция.

Приведем несколько примеров толкований слов разных типов. В. З. Санников толкует русские сочинительные конструкции, оговаривая при этом, что описывает и сочинение членов предложения, и сочинение предложений, т. е. описываются все употребления сочинительных союзов. Тем самым можно говорить об описании сочинительных союзов вообще. Так, союз *или* получает следующее толкование:

X *или* Y = 'в качестве описываемого: возможен X , возможен Y '.

Союз *и* получает такое толкование:

X *и* Y = ' X , Y ;

возможно, X вызывает Y , и это положение дел является нормальным'.

Отмечается также, что причинно-следственный компонент может отсутствовать: *Палатка и спальный мешок весят 5 кг.*

Толкования союзов достаточно просты: они содержат ограниченное количество элементов. Часто в качестве таких элементов используются логические связки (см. работы по семантике синтаксиса Е. В. Падучевой, Ю. И. Левина и др.).

В качестве слов с предикатным значением описываются и предлоги, но по сравнению с союзами здесь больше и разнообразие, и степень конкретности значений. Впрочем, именно степень конкретности зависит от теоретического подхода. Для предлогов характерно большое разнообразие сочетаемости. Особую проблему представляет случай, когда предлог является стандартным и единственным выражением валентности слова, от которого он зависит (как правило, глагола). Иногда в подобных случаях говорят о частичной или полной десемантизации предлога. Предлог оказывается похож на грамматическую морфему. В частности, его можно сравнить со значением категории падежа.

Попытка охватить всю сочетаемость предлога и сохранить при этом простоту выведения значения предложной конструкции из значений ее составляющих может привести к сильному расщеплению значений предлога. Так, Л. Л. Иомдин описывает около 40 значений русского предлога *по*, организуемых определенным образом. Приведем только синопсис словарной статьи (краткий ука-

затель значений) для того, чтобы дать представление о разнообразии значений и структуре словарной статьи:

- поI* (с дательным падежом)
- поI.1.1.* 'в пределах области передвижения'¹ *ходить по лесу*
 - поI.1.2.* 'придерживаясь маршрута' *идти по дороге*
 - поI.1.3.* 'в естественном направлении' *плыть по течению*
 - поI.1.4.* 'через канал связи' *передавать по телеграфу*
 - поI.1.5.* 'на поверхности материала' *роспись по фарфору*
 - поI.2.1.* 'посещая множество мест' *бегать по магазинам*
 - поI.2.2.* 'размещая элементы множества' *расставить часовых по постам*
 - поI.2.3.* 'покрывая все пространство' *разбросать вещи по всей комнате*
 - поI.3.1.* 'распространяющийся на' *приказ по институту*
 - поI.3.2.* 'принадлежащий к той же группе' *сосед по комнате*
 - поI.4.1.* 'в области' *чемпион по боксу*
 - поI.4.2.* 'в отношении' *занимать первое место по производительности труда*
 - поI.4.3.* 'в аспекте' *русский по национальности*
 - поI.4.4.* 'вследствие происхождения' *русский по отцу*
 - поI.5.1.* 'порциями' *по частям*
 - поI.5.2.* 'с периодичностью' *по четвергам*
 - поI.5.3.* 'на протяжении' *по целым дням*
 - поI.6.* 'во время' *цыплят по осени считают*
 - поI.7.1.* 'в соответствии с' *работать по правилам*
 - поI.7.2.* 'в соответствии с мнением' *по моему мнению, он не прав*
 - поI.7.3.* 'в соответствии с теорией' *модель атома по Бору*
 - поI.7.4.* 'наблюдая' *ориентироваться по звездам*
 - поI.8.* 'из-за' *по ошибке*
 - поI.9.1.* выражает валентность содержания: *операция по пересадке сердца*
 - поI.9.2.* выражает валентность темы: *выступления по повестке дня съезда*
 - поI.10.* выражает валентность объекта: *тосковать по отцу*
 - поI.11.* выражает валентность пациенса: *стрелять по мишени, ударить по лицу*
 - поI.12.* наречные предложения и фразеологические сочетания с предлогом *поI*: *по памяти*
 - поI.13.* сложные предлоги, включающие *поI*: *по поводу*
- поII* (с винительным падежом)
- поII.1.* 'вплоть до уровня' *стоять по пояс в воде*
 - поII.2.1.* 'включая конец временного интервала' *по двадцатое мая*
 - поII.2.2.* 'включая конец пространственного интервала' *с первой страницы по пятую*
 - поII.3.* 'с целью принести' *пойти по грибы*
 - поII.4.* наречные предложения с предлогом *поII*: *по левую руку*

¹ Полные толкования предложных конструкций, естественно, содержат две переменные. Так, для *поI.1.1.* толкование выглядит так: *X-оваты по Y-у* = 'совершать перемещение X, оставаясь в пределах поверхности, линии, пространства или среды Y'.

*по*III (с предложным падежом)

*по*III.1.1. 'сразу после' *по приезде*

*по*III.1.2. сложные предлоги, включающие *по*III: *по прошествии, по истечении*

*по*III.2.1. устар. выражает валентность объекта: *тосковать по отце*

*по*III.2.2. устар. и прост., с местоимением: *по нем, по ком*

*по*IV (с дательным, винительным и родительным падежами)

*по*IV вводит идею распределения: *по два яблока*

Противоположным по отношению к такому подходу можно считать инвариантный подход, поскольку речь в этом случае идет о поиске единственного и максимально общего значения (теории К. ван Схоневелда, А. Кюльоли и др.). Примером такого подхода может быть описание русской предложной конструкции с предлогом *над*, сделанное французским лингвистом Д. Пайаром.

X над Y-м

— *Y* служит точкой отсчета для *X*-а, обладающего собственными пространственно-временными координатами;

— *Y* является границей некоторой области и делит эту область на две зоны:

«*i*» (положительная зона)

«*e*» (отрицательная зона)

— *X* является частью зоны «*i*», а всякий элемент, отличный от *X*-а (если таковой существует), принадлежит зоне «*e*»;

— доминирующее положение *X*-а в области возникает в силу того, что положительная зона «*i*» определяется только через *X*.

Очевидно, что толкование инварианта значительно более абстрактно, чем толкование любого из нескольких десятков значений предлога *по*. Можно сказать, что конкретность достигается максимальным учетом контекста, а абстрактность, напротив, максимальным абстрагированием от него. Именно поэтому главной проблемой при инвариантном подходе оказывается переход от инварианта к конкретному употреблению, т.е. ответ на вопрос, как вывести из столь абстрактной формулировки значение вполне конкретной конструкции.

Двумя перечисленными типами (предикатный/непредикатный) не исчерпываются семантические вариации слов и разнообразие форматов толкований. В толкования референциально ориентированных слов вводятся особые указания на тип референции. Значение ряда местоимений является своего рода операцией над референтами или экстенционалами связанных с ними слов. Кроме того, местоимения могут уточнять тип референции связанной с ними именной группы. В их толковании должна, таким образом, присутствовать отсылка к референту, экстенционалу, типу референции.

То же самое касается и прагматически ориентированных слов. Р. О. Якобсон предложил вслед за О. Есперсеном использовать тер-

мин **шифтеры**. Под шифтерами Р. О. Якобсон понимает любые языковые элементы (прежде всего грамматические категории и слова), значение которых представляет собой ссылку на сообщение. Можно сказать, что их значение содержит отсылку, иногда осложненную другими семантическими компонентами, к речевому акту или контексту. В толковых словарях вместо толкования используются различные формулировки типа «употребляется для указания...», «употребляется для обозначения...», «употребляется в ситуации...». Кроме того, в формулировках, описывающих подобные значения, используются словесные ярлыки, обозначающие участников или параметры речевой ситуации (подробнее об этом рассказывается в главах 21 и 23).

Семантическое описание слов, используемых в специальных и строго ограниченных ситуациях, регламентируемых речевым этикетом, сводится по существу к описанию их употребления. Это касается различных терминов обращений, формул приветствия, прощания, благодарности и т. п. Описание личных местоимений *ты* и *вы*, например, совмещает упомянутые выше отсылки к речевой ситуации и ее участникам и «этикетную часть». Во-первых, эти местоимения используются говорящим для обозначения адресата его высказывания. Во-вторых, выбор одного из них регулируется достаточно сложными этикетными правилами, связанными с типом ситуации, возрастом, отношениями и другими параметрами участников общения.

Еще одной проблемой оказываются различные дополнительные представления, которые могут быть связаны в конкретной языковой культуре и языковом сообществе с данным словом или явлением, называемым данным словом. Эти представления касаются лишь части лексикона и также должны быть отражены в толковании (в виде специальных коннотаций, ассоциаций и т. п., см. п. 10.3).

Заметим, что семантическое описание слова должно, с одной стороны, учитывать его место в системе языка и парадигматические отношения с другими языковыми знаками, а с другой стороны, учитывать его синтагматический потенциал, т. е. его сочетаемость. Кроме того, необходимо учитывать особенности его употребления в различных речевых ситуациях (если таковые имеются). Таким образом, в семантическом описании (или толковании в широком смысле слова) должны присутствовать все семантические компоненты, которые позволяют описать его поведение. При этом формат толкования может изменяться весьма значительно, например включать описание ситуаций употребления данного слова. Попытка задать более строгий формат приводит к выделению ряда зон, содержащих информацию разного типа: толкование в узком смысле, коннотация, прагматика, референциальные свойства, синтактика и т. д. Наконец, в семантическом описании может присутствовать специальный комментарий — формальная зона, содер-

жающая специфическую уникальную и неформальную информацию о слове.

Естественно, что специальные зоны заполняются не для всех слов, а только для слов определенных типов.

10.11. Полнота описания лексики

Из сказанного в этой главе можно сделать вывод, касающийся полноты описания и отдельной лексемы и всей лексики конкретного языка. Такая полнота достигается только в том случае, когда семантическое описание состоит из взаимодополняющих частей. В лексической семантике подобного рода противопоставленных, а в действительности дополняющих друг друга, аспектов несколько. Прежде всего следует назвать наиболее подробно рассмотренные в этой главе парадигматику и синтагматику. Только полный учет одновременно и парадигматических, и синтагматических отношений дает возможность описать семантику одного слова и лексики в целом.

Другое противопоставление связано с понятиями ономазиологии и семасиологии и направлением семантического исследования. Ономазиология является разделом семантики, который изучает номинацию: переход от предмета или явления к их обозначению в языке. Ономазиология противопоставлена семасиологии (в сегодняшнем значении этого термина), разделу семантики, изучающему значение слов и словосочетаний, которые используются для номинации, другими словами, изучающему переход от формы слова к мысли или предмету. Семасиологический подход реализуется, в частности, в толковых словарях, а ономазиологический — в тезаурусах.

Ономазиологический подход возник в лингвистике позже семасиологического (хотя с теоретической точки зрения восходит к разработке философских универсальных языков такими учеными, как Р. Декарт, Г. Лейбниц, Дж. Дальгарно, Дж. Уилкинс и др.). Основоположением ономазиологии следует считать А. Чаунера, предложившего в 1903 г. этот термин, хотя соответствующая проблема встречалась ранее в работах Ф. Дица, А. Дармстетера, М. М. Покровского и др. Ономазиология и семасиология дополняют друг друга и создают единое представление о функционировании слов и значений.

Наконец, еще одно противопоставление заключено в двух типах описания — словарном и грамматическом. Два столь различных подхода в действительности не только не могут существовать друг без друга, но и должны быть согласованы между собой. Ю. Д. Апресян сформулировал **принцип интегральности** описания языка, применяемый прежде всего к лексике. Лексемам в явном виде

приписываются все свойства, релевантные для грамматических правил, а правила учитывают все формы поведения лексем, не упомянутые непосредственно в словаре. Именно в результате применения этого принципа грамматика и словарь оказываются согласованы друг с другом по типам помещаемой в них информации и по метаязыку. Из принципа интегральности вытекают следующие принципы построения лингвистического исследования, которые Ю. Д. Апресян называет **настройками**.

Настройка словаря на грамматику означает, что при описании словарной статьи лингвист должен учитывать все множество грамматических правил и отмечать в статье все те свойства, обращения к которым могут потребовать грамматические правила. Настройка грамматики на словарь означает, что при описании грамматики лингвист должен учитывать все множество слов и все типы их поведения, не отмеченные в словаре.

Принцип интегральности касается лингвистического описания любого уровня, в том числе семантического. Интегральность в лексической семантике подразумевает, в частности, согласованное решение двух основных задач: во-первых, семантического представления всех слов конкретного языка и, во-вторых, установления семантических отношений между словами, т. е. описания системы лексических значений. Первая задача традиционно решается в рамках словаря, а вторая — в рамках грамматики.

Рекомендуемая литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Лексическая семантика. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1995.

Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М., 1995.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. — М., 1996.

Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1996.

Есперсен О. Философия грамматики. — М., 1958.

Исследования по семантике предлогов. — М., 2000.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. — М., 1976.

Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. — М., 1981.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». — 2-е изд., доп. — М., 1999.

Новиков Л. А. Семантика русского языка. — М., 1982.

Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. — М., 1974.

Семиотика и информатика. Вып. 32. — М., 1991.

Толково-комбинаторный словарь русского языка. — Вена, 1984.

Фрумкина Р. М. и др. Семантика и категоризация. — М., 1991.

Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. — М., 1996.

Шмелёв Д. Н. Современный русский язык. Лексика. — М., 1977.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. — М., 1972. — С. 95—113.

Cruse D.A. Lexical semantics. — Cambridge; New York, 1986.

Katz J.J. Semantic theory. — New York, 1972.

Lyons J. Semantics. 2 vols. — London; New York, 1977.

Roget P.M. International thesaurus of English words and phrases. — London, 1852 (abridged and revised, — London, 1953).

Wierzbicka A. Lingua mentalis: the semantics of natural language. — London; New York, 1980.

ГЛАВА 11

МОРФЕМА

В настоящей главе речь пойдет о семантике только неграмматических морфем (значение грамматических морфем рассматривается в главе 14). Следует сделать еще одно ограничение: из рассмотрения исключаются корни (или корневые морфемы) и так называемые лексические значения. Эти ограничения требуют объяснения и более развернутого комментария.

Э. Сепир предложил следующую классификацию выражаемых в языке значений:

1. Основные (конкретные), например предметы, действия, качества. Эти значения выражаются самостоятельными словами или корневыми элементами.

2. Деривационные (в общем менее конкретные, чем значения типа 1, но более конкретные, чем значения типа 3). Они сообщают корневому элементу добавочное значение и тем самым внутренне связаны со значениями типа 1. Эти значения выражаются аффиксацией или путем изменения корней.

3. Конкретно-реляционные (еще более абстрактные, но все же не абсолютно лишенные конкретности). Они отличаются от значений типа 2 тем, что указывают прямо или имплицитно на отношения, выходящие за пределы того слова, к которому они непосредственно относятся. Эти значения также выражаются аффиксацией или изменением корней.

4. Чисто реляционные (чисто абстрактные). Служат для взаимной связи конкретных элементов суждения, придавая ему законченную синтаксическую форму. Кроме аффиксации или изменения корней, могут быть выражены посредством отдельных слов или позицией.

Первым двум классам Э. Сепир приписывал материальное содержание, а вторые два рассматривал как отношения. Впрочем, Э. Сепир признавал определенную условность этой классификации и нечеткость границ между классами. Он отмечал, что во всех языках присутствуют значения типа 1 и 4, а промежуточные классы могут отсутствовать.

С точки зрения семантики действительно нет четких границ ни между сепировскими классами, ни между значениями корней и прочих аффиксов, ни даже между значениями грамматических и неграмматических морфем. Что касается абстрактности значения аффиксов по сравнению со значениями корней, то здесь можно

говорить лишь об общей тенденции. Так, Дж. Байби говорит о свойстве всеобщности, присущем именно значению аффиксальных морфем. **Всеобщность** означает способность значения модифицировать большое количество других значений, а это, в свою очередь, приводит к тому, что языковой знак, носитель данного значения, как правило, обладает способностью сочетаться с большим количеством других языковых знаков. Это свойство во многом вытекает из наиболее последовательной процедуры разделения морфем на корни и аффиксы в конкретном языке, которая основана на **дистрибутивном (сочетаемом) критерии**. Согласно дистрибутивному критерию, различные варианты которого предлагались в работах Ю. В. Кнорозова и Б. В. Сухотина, существуют два класса морфем. В один из них входит большое число единиц, каждая из которых сочетается с небольшим числом единиц другого класса. Морфемы, входящие в первый класс, и есть корни¹. В другой класс входит небольшое количество единиц, которые, как правило, сочетаются с большим количеством единиц первого класса. Морфемы, относящиеся ко второму классу, — это аффиксы. Последнее, впрочем, верно не для всех, но для большинства аффиксов, и заведомо верно для грамматических аффиксов (совсем маленький класс с очень широкой сочетаемостью).

Таким образом, для аффиксов характерна сочетаемость с большим количеством единиц, что фактически и определяет свойство всеобщности их значения, сформулированное выше. В этом случае к свойству всеобщности мы пришли через операциональную процедуру определения класса аффиксов.

Что же касается большей абстрактности значения аффикса по сравнению со значением корня, то это вытекает, хотя и не обязательным образом, из сочетаемости класса аффиксов и свойства всеобщности их значения. Для слишком конкретных значений свойство всеобщности нехарактерно, а их сочетаемость ограничена. Тем не менее признак абстрактности не может лежать в основе определения аффиксального значения и самого аффикса, поскольку во многих языках существуют аффиксы с очень конкретным значением. Так, в русском языке Е. А. Земская говорит о суффиксе *-атин(а)* со значением 'мясо животного X', где 'животное X' — значение корня, например, *медвежати́на*, *кошатина́*, *поросятина́* и т. д. Сочетаемость данной морфемы не слишком велика. Она сочетается с названиями определенных животных. Впрочем, возможно окказиональное расширение этого класса и соответственно возникновение новых слов: *лосятина́*, *китятина́*, *моржати́на* и т. д.

¹ В качестве дополнительного критерия имеет смысл ввести критерий обязательности корня, что означает: в слове должна присутствовать хотя бы одна морфема первого класса. Существованием слов без корня (или с так называемыми нулевыми корнями) типа русского глагола *вынуть* можно пренебречь, поскольку их доля в языке ничтожна.

Необходимо заметить, что разделение аффиксов на грамматические и неграмматические представляет собой особую задачу, и в основе этого разделения также не может лежать семантический принцип. Иначе говоря, и здесь нет четких семантических различий. Сначала с помощью несемантической процедуры (с использованием критерия обязательности и под.) аффиксы разделяются на грамматические и неграмматические, и только потом можно говорить об исследовании типов их значения (см. главу 14).

Возвращаясь к противопоставлению корней и аффиксов, следует заметить, что специальных исследований семантики корня (отличных от исследований по лексической семантике) почти не существует. Связано это с тем, что значением корня считается абстракция над значениями членов соответствующего словообразовательного гнезда. Однако, как правило, инвариантом значений слов, относящихся к данному гнезду, является значение самого простого со словообразовательной точки зрения слова. Так, словообразовательное гнездо корня *чит-* включает около сотни слов, но значение всех этих слов (*чтение, читальня, зачитываться, подчитывать, неудобочитаемый, книгочей* и др.) включает в себя значение глагола *читать*, т.е., говоря другими словами, значение глагола *читать* является инвариантом значений всех слов, входящих в данное гнездо, и может, таким образом, считаться значением корня.

Иногда подобная процедура дает сбои, и семантический инвариант словообразовательного гнезда оказывается несколько *уже* значения самого простого со словообразовательной точки зрения слова, но все же в целом значение корня в большинстве случаев не представляет самостоятельного интереса. Статистически такой подход оправдан.

Иначе обстоит дело с аффиксами. Совпадение значения аффикса со значением слова представляет собой исключение, а не правило. Поэтому семантика аффиксов не может считаться частью лексической семантики, хотя при ее исследовании можно использовать соответствующие (и рассмотренные выше) методы. Но прежде чем перейти к семантике аффиксов¹, следует несколько слов сказать о словообразовании.

¹ Наиболее распространенные аффиксы — это суффиксы и префиксы. Интересно, однако, следующая закономерность: в мире преобладают языки с суффиксами без префиксов, а существование языков с префиксами без суффиксов вообще является дискуссионным. В тех же языках, где есть и префиксы и суффиксы, можно говорить об определенной тенденции различения их функции и семантики. Так, грамматическую функцию выполняют, как правило, суффиксы. Их в языке обычно больше, а префиксы с семантической точки зрения более самостоятельны, конкретны и системны. Именно поэтому в этой главе в качестве основного языкового материала привлекаются префиксы (или приставки) русского языка.

11.1. Словообразование и семантика

Морфемы и их свойства изучаются обычно в рамках морфологии и словообразования, причем предметом исследования в морфологии считаются прежде всего грамматические (в разных интерпретациях, но в первую очередь словоизменяемые) морфемы, а в словообразовании соответственно неграмматические (несловоизменяемые). Те аффиксы, семантика которых рассматривается в данной главе, относятся, таким образом, к словообразованию.

Определение места словообразования в общей модели языка, а точнее, определение его связей с другими частями этой модели, представляет собой достаточно сложную проблему. Словообразованию как лингвистической деятельности вообще присущи автономность и даже некоторая замкнутость. Так, если ограничиться семантикой, то следует признать, что, говоря о современных семантических исследованиях в области русского языка, имеют в виду прежде всего исследование лексики и текста. Морфемная семантика, существующая достаточно давно, при этом во многом остается «вещью в себе» — традиционной лингвистикой для лингвистов. В этой области — речь идет, как уже сказано, о семантике словообразования — существуют и собственный метаязык, и специфические задачи, так что полученные результаты часто никак не соотносятся с результатами в соседних областях семантики. На семантическую теорию словообразования¹ почти не влияют современные теории и модели языка, поскольку, как правило, они вообще не рассматривали словообразования. Иначе говоря, традиционное словообразование не слишком «интересуется» общетеоретическими веяниями, так как и сами теории не слишком интересуются словообразованием.

Сейчас, однако, наступил новый этап в развитии семантики, а именно произошел если не сдвиг интересов, то их очевидное расширение. Так, в последние годы словообразовательный материал все чаще используется в уже существующих моделях языка. Достаточно сказать о требовании включения словообразовательных правил в модель «Смысл \Leftrightarrow Текст», высказанном И. А. Мельчуком, и активном привлечении словообразовательных данных русского языка в последних работах А. Вежбицкой. Причем словообразовательная семантика непосредственно связывается с семантикой текста, прагматическим и коммуникативным аспектами его

¹ В русистике среди ее создателей следует назвать М. М. Покровского, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Л. В. Щербу, А. И. Смирницкого, Н. А. Янко-Триницкую и современных исследователей Е. Л. Гинзбурга, О. П. Ермакову, Е. А. Земскую, Е. С. Кубрякову, В. В. Лопатина, М. В. Панова, А. Н. Тихонова, И. С. Улуханова и др.

функционирования. Словообразование оказывается включенным в действующую модель и взаимодействует с различными ее уровнями.

В наиболее явном виде роль словообразования в речепорождении и понимании сформулировала Е. А. Земская, которая говорит о словообразовании как о деятельности, т. е. динамическом и постоянном развитии языка. Такое отношение к словообразованию требует комментария.

Основной значимой единицей языка считается слово («основная структурно-семантическая единица языка», как написано в ЛЭС). При этом подразумевается, что слова даны нам в непосредственной реальности. Остальные же виды знаков строятся на базе множества слов с помощью определенных операций — синтеза или анализа: комбинирования (для словосочетаний, предложений и т. д.) и морфологического анализа (для морфем).

В реальном синтезе и анализе речи это допущение иногда нарушается, так что основной единицей может стать, например, морфема. В этом случае слово следует рассматривать лишь как комбинацию морфем, так что, скорее, приходится говорить не о его существовании в языке (как мы не говорим о существовании в языке предложений или текстов), а о его правильности с точки зрения формы и смысла. Из статуса «реальных объектов» (для которых осмысленно обсуждать, существуют они или нет) слово переходит в статус конструкторов, которые «существуют» постольку, поскольку существуют правила, использовавшиеся для их порождения. При этом совершенно очевидно, что невозможно четко разделить случаи, когда говорящий использует слово как уже существующую словарную заготовку, а когда порождает его в соответствии с некоторой моделью. Это вытекает хотя бы из того, что разные говорящие устроены по-разному, да и один и тот же говорящий меняется на протяжении жизни. Вполне естественна ситуация, когда, однажды сконструировав слово, он будет использовать его в дальнейшем как цельную единицу.

В качестве примера несуществующих слов, значение которых порождено приставкой, можно привести строки из песни В. Высоцкого «Про реку Вачу и попутчицу Валу» о золотодобытчике, который, отдыхая на юге, потратил все свои деньги и пишет домой с просьбой прислать еще:

Рупь последний в Сочи трачу,
Телеграмму накатал:
Шлите денег, отбатрачу,
Я их все прохохотал.

В этом отрывке встречаются два приставочных глагола, которых нет в словарях русского языка: *отбатрачить* и *прохохотать*. Правда, глагол *прохохотать*, вообще говоря, вполне мог бы по-

пасть в словарь, но только в другом значении — ‘хотать в течение какого-либо времени’, тем более что он встречается в реальных текстах: *Они собрались у Валеры с невероятным количеством пива и прохотали всю ночь* (Ю. Ким). Соответствующее значение приставки *про-* сверхпродуктивно, в этом значении она присоединяется к большинству глаголов несовершенного вида. Естественно, что все подобные глаголы в словарь попасть не могут. Как правило, для включения в словарь отбираются глаголы, отмеченные в художественной литературе, и даже среди них — наиболее частотные. Глаголы с приставкой *про-* в этом значении требуют обязательного прямого дополнения, обозначающего отрезок времени. Таким образом, приведенный пример никак не может быть интерпретирован с помощью данного значения глагола *прохотать*: в данном случае деньги временем не являются.

Тем не менее понимание фразы в целом, и в частности использованных в ней двух глаголов, особых проблем у носителей русского языка не вызывает. Понимание приставочных глаголов строится по принципу аналогии, а контекст служит подсказкой. Для глагола *отбатрачить* эта аналогия поверхностна. В русском языке существует глагол с приставкой *от-* — *отработать*, который имеет подходящее значение (‘отдать работой’) и сходную сочетаемость: *отработать долг, повинность*. При порождении текста происходит замена мотивирующего глагола *работать* на семантически близкий к нему глагол *батрачить* с полным сохранением словообразовательной структуры и ее значения. Полученный приставочный глагол отличается от своего прототипа лишь большей экспрессивностью, поскольку и *батрачить* более экспрессивен, чем самый нейтральный глагол с этим значением — *работать*.

В случае с глаголом *прохотать* ситуация несколько сложнее. Конечно, приходит на ум ряд глаголов типа *пропить, проесть, промотать*... Они также управляют именной группой со значением ‘деньги’ (или более общо: ‘ценность, имеющая денежный эквивалент’): *пропить последний грош, проесть отложенные деньги, промотать наследство*, и содержат компонент смысла ‘потратить’. Однако для них характерно еще и то, что деньги тратятся либо на определенное действие, названное мотивирующим глаголом, либо просто впустую (в тех случаях, когда существование мотивирующего глагола сомнительно; так, в современном языке из пары *профукать — фукать* используется, по-видимому, только приставочный глагол, да и выражение *промотать деньги* кажется сейчас более естественным, чем *мотать деньги*).

Приставка *про-* в этом значении продуктивна. Так, по-видимому, можно *прокурить зарплату*, а если представить себе общество, в котором воздух продается, то, наверное, для него станет возможно употребление словосочетания *продышать зарплату*. В этом

смысле не было бы ничего удивительного даже в таком сочетании, как *прохотать деньги*, если бы за право хохотать пришлось бы платить. Все дело в том, что автор, конечно, не имел это в виду. Если исходить из текста песни, напрашивается иное, «авторское», значение бесприставочного глагола: «весело пожить». Иначе говоря, в тексте происходит перенос значения (метонимический), глагол *хохотать* окказионально переосмысливается и встраивается в соответствующую семантическую модель приставки. Здесь также имеет место аналогия, однако более сложная, осуществляемая в несколько шагов. Во-первых, речь идет об аналогии с рядом глаголов, причем при сравнении вычлениются их общие свойства (строится словообразовательная модель). Во-вторых, происходят переосмысление глагольной основы, перенос или просто подгонка ее под соответствующие свойства, диктуемые рядом приставочных глаголов. Таким образом, именно приставка навязывает переосмысление, заставляет переработать смысл основы в соответствии с данным образцом.

Несуществующий глагол с приставкой *вы-* встречается в романе «Демобилизация» В. Корнилова: *Любовь надо вылюбить, а то свербить, сверлит, нить будет.*

Как и в предыдущем примере, за приставочным глаголом стоит достаточно сложный образ, по существу развивающаяся во времени ситуация. Кажется, что и этот глагол можно понять только по аналогии. Естественно встает вопрос: по аналогии с чем?

Здесь затруднительно подобрать как ряд приставочных, так и какой-то отдельный глагол, по аналогии с которым можно было бы интерпретировать *вылюбить*. По существу эта фраза означает, что для того, чтобы окончательно и бесповоротно избавиться от любви, ее нужно испытать, прочувствовать до самого конца. Любовь метафорически воспринимается как некая субстанция, которая в процессе ее «использования» постепенно исчезает.

Это означает, что в данном глаголе совмещаются несколько идей, характерных для разных глаголов с приставкой *вы-*, а именно идея удаления и таким образом освобождения (ср. *вычерпать* или *выплюнуть*) и на первый взгляд противоположная идея поглощения или потребления (ср. *выпить*). «Потребление» любви как раз и приводит (в рамках метафорического переноса) к освобождению от нее. Можно подбирать более или менее близкие и похожие глаголы (например, *вылюбить любовь*, как *выплакать горе*, или как *вода выкипела*), однако точной и одновременно единственной аналогии найти не удастся: слишком далеки по смыслу мотивирующие основы. Метафора оказывается слишком далекой и нечеткой, чтобы использовать ее в качестве точного инструмента лингвистического описания.

Смысловая нагрузка приставки в этом случае особенно велика, поскольку семантические механизмы, обеспечивающие по-

нимание фразы, почти не опираются на значение глагола *любить*. В отличие, например, от глагола *отбатрачить*, где бесприставочный глагол *батрачить* сам подсказывает сферу поиска: искать аналогию следует где-то рядом, среди приставочных глаголов, мотивированных семантически сходными основами. Впрочем, и среди вышеприведенных примеров есть такие, где приставка фактически переосмысляет соответствующие глагольные основы (как в случае с *прохохотать*). Таким образом, приставка активно взаимодействует с основой, иногда навязывая не свойственные ей семантические признаки.

Взаимодействие приставки с основой, как видно из рассмотренных примеров, происходит по-разному. При интерпретации соответствующих глаголов иногда действует простая аналогия, т. е. взаимодействие строится по образцу уже существующего глагола или ряда глаголов с данной приставкой и близкими по значению основами (понятие близости, конечно, условно; речь идет лишь о совпадении каких-то важных именно для этого значения приставки семантических признаков). Иногда при наличии аналогии приходится тем не менее переосмыслять глагольную основу, подгоняя ее к готовым образцам, т. е. фактически приписывая ей семантические признаки, которых у нее нет. Порой приходится констатировать отсутствие прямой аналогии или отсутствие единственной аналогии. Новый глагол (и соответственно тип взаимодействия приставки и основы) одновременно похож на разные модели и при этом в точности не совпадает ни с одной из них. Он реализует достаточно общую идею, присущую очень разным и непохожим глаголам с данной приставкой и, таким образом, присущую и самой приставке, но делает это в специфических контекстных условиях (если под контекстом понимать и глагольную основу, и более широкий контекст, и, возможно, также ситуацию).

В наиболее чистом виде семантическое действие приставки видно, когда она присоединяется к несуществующей основе, поскольку такая основа никаких путей поиска аналогии указать не может. Примеров сочетания приставки с не существующими вообще или не существующими на синхронном уровне корнями огромное количество. Причем некоторые из таких приставочных глаголов употребляются настолько часто, что с полным правом включаются в словарь (обычно с пометой «разг.»).

Подобный случай представлен, в частности, еще одним примером из современной прозы:

Если этот твой дружок... Рома... будет продолжать интересоваться тем... что абсолютно его не касается... мы его с орлятами так отволохаем — век не забудет! Так и передай (Валерий Попов).

Ни глагол *отволохать*, ни соответственно *волохать* в русском языке не отмечены. Нет и такого корня. Тем не менее фраза абсолютно понятна. Настолько, что автор позволяет себе (от лица ге-

роя) произвести определенный (хотя и иронический, но вполне точный) семантический анализ приставочного глагола:

Потрясен: Во-первых — его жестокостью: «отволохаем»! Своего же друга! Во-вторых — его же мягкостью: «отволохаем»! За вражескую деятельность — всего лишь? (Валерий Попов).

Совершенно очевидно, что опорой для понимания глагола *отволохать* служит ряд приставочных глаголов: *отделать, отдубасить, отколошматить, отлупить, отлупцевать, отметелить* и т. д., так что фактически его смысл создается соответствующим значением приставки. Его корень связан, он встречается только в сочетании с данной приставкой и не имеет никакого собственного значения. Можно, правда, предположить, что определенное значение вчитывается с помощью приставки. Это значит, что поскольку приставочный глагол *отволохать* семантически вписывается в ряд *отдубасить, отколошматить, отлупить* и т. д., постольку и несуществующая и потому бессмысленная основа *-волохать* вписывается в ряд бесприставочных глаголов *дубасить, колошматить, лупить* и других и таким образом приобретает значение 'избивать'. Сходным образом получают интерпретацию и другие основы подобного типа, например *-финдилить* или *-кокошить* (в глаголах соответственно *зафиндилить* или *укокошить*).

С точки зрения семантического устройства почти не отличаются от вышеперечисленных глаголов глаголы с лишь формально существующей основой типа *втрескаться* (ср. *втюриться*), *выкобелиться* (ср. *выпендриваться*), *запузырить* (ср. *зафиндилить*), *раздраконить* (ср. *расчихвостить*). Такие основы называются **семантически опустошенными**, в то время как основы первого типа следовало бы назвать просто пустыми. Но очевидно, что наличие в русском языке имени существительного *пузырь* и даже бесприставочного глагола *пузыриться* ничуть не облегчает понимания глагола *запузырить* по сравнению с пониманием глагола *зафиндилить* (с отсутствующим в языке корнем). Более того, граница между этими типами основ не очень четкая. Если в случае *раздраконить*, по-видимому, все же трудно не связать этот корень с корнем слова *дракон*, поскольку случайный повтор такого сочетания шести фонем кажется маловероятным, то в случае *унупить* из следующего примера уже возникает сомнение: *Кронид Сергеевич, передайте мне, пожалуйста, вон то мясо, пока его наш Кузьма Иванович окончательно не унупил* (С. Витицкий).

Действительно ли здесь надо усматривать известный корень *пун*, хотя бы и семантически опустошенный? Как быть в случае таких глаголов, как *втюриться* (при существующем *тюря*— 'кушанье из крошенного в воду или квас хлеба с луком') или *стибрить* (*Тибр* — река в Италии)? На эти вопросы, по-видимому, никакого разумного ответа нет. Семантический критерий отождествления морфем здесь утерян, а одного формального оказывается недостаточно.

Большинство из рассмотренных слов отсутствуют в словарях русского языка, правда, по разным причинам. Их статус в языке и речи также очень разный: это и так называемые потенциальные слова, и окказионализмы, и неологизмы, и слова с новыми значениями, и табуированные слова. Общее же у них только одно — наличие приставки, благодаря которой они во многом и существуют, и получают свое значение.

Таким образом, для большинства приведенных примеров лексемный уровень и при синтезе, и при анализе оказывается промежуточным. Ни породить, ни понять значение этих фраз невозможно без обращения к значению соответствующих морфем и словообразовательных операций.

11.2. Системные исследования в морфемной семантике

Существуют два принципиально различных подхода к определению значения неграмматических аффиксальных морфем. Поскольку они рассматриваются в рамках словообразования, то часто говорят о **словообразовательном значении**¹.

При первом подходе словообразовательное значение (или значение соответствующего аффикса) устанавливается на основании сопоставления мотивирующих и производных слов и определяется как разница между их значениями. При втором подходе семантическому анализу подвергаются не пары слов, а ряд производных слов, образованных с помощью данного аффикса. Словообразовательным значением в этом случае называют общее значение ряда, а именно то общее, что есть в семантике у членов данного ряда. Речь идет об инварианте значений производных слов с данным аффиксом. Возможны также компромиссные подходы или объединение этих двух подходов, но важно сравнить именно эти два теоретических полюса.

В первом случае рассматриваются пропорции типа *утопить* : *топить*, *удушить* : *душить* и под. Во втором — ряд приставочных глаголов *утопить*, *удушить*, *убить*, *умертвить*, *укокошить* и под. При первом подходе глаголы *убить*, *умертвить*, *укокошить* выпадают из рассмотрения, так как пропорция *убить* : *бить* отлична от рассматриваемой, а для *умертвить* и *укокошить* не существует соответствующего мотивирующего глагола: **мертвить*, **кокошить*.

¹ Отождествление словообразовательного значения и значения неграмматического аффикса допустимо, хотя и не совсем точно. Словообразовательным может быть не только значение аффикса, но и значение какой-либо словообразовательной операции. Ср. супплетивное образование несовершенного вида в русском языке: *зайти* → *заходить*, при том, что стандартным способом остается аффиксальный; *вылечить* → *вылечивать*, *зацеловать* → *зацеловывать* и т.д.

При первом подходе значение слова либо понимается как сумма значений его словообразовательных составляющих, либо вообще считается невыводимым из словообразовательных значений. При втором подходе значение слова выводится из значений его составляющих путем различных операций. Так, в частности, при первом подходе для русских приставок приходится постулировать нулевое значение, чтобы объяснить семантические пропорции типа *пробурить* — *бурить*, *пробуравить* — *буравить* или *написать* — *писать*, *нарисовать* — *рисовать*, *напечатать* — *печатать*, где значение приставочного глагола почти не отличается от значения бесприставочного. При втором подходе усматривается частичное совпадение значений приставки и глагола, что и приводит к нулевому эффекту, или эффекту ван Схоневелда, названному так в честь голландского ученого К. ван Схоневелда, подробно описавшего его. Именно второй подход в большей степени обеспечивает установление системы морфемных значений, что можно считать главной задачей морфемной семантики.

Естественно, что первым шагом в исследовании морфемной семантики является определение значения морфемы, о чем сказано выше. Далее можно говорить о четырех проявлениях системности в семантике словообразования и соответственно о четырех направлениях семантических исследований в этой области. Речь идет об описании четырех типов взаимодействия значений: в рамках одного аффикса, в рамках всего словообразования, а также о взаимодействии значения аффикса со значением мотивирующего слова (или основы) и о взаимодействии значения аффикса с более широким контекстом и даже с ситуативной семантикой и прагматикой. Первые два типа взаимодействия относятся к парадигматике, вторые — к синтагматике.

Существует очевидная иерархия в реализации этих направлений. Сначала должна быть описана семантика отдельных аффиксов. Затем проведено сравнение значений разных аффиксов. На базе этих описаний может строиться изучение синтагматических отношений аффиксов, прежде всего с их ближайшим контекстом, а затем и с более широким контекстом. Однако в реальной лингвистической практике параллельно разрабатываются все четыре направления. И это, по-видимому, естественно и даже плодотворно. Проблемы, возникающие при описании более сложных семантических отношений, могут привести к изменению описания более простых.

11.3. Значение морфемы как семантическая сеть

Значения аффиксов многие лингвисты сближают со значениями служебных слов. Так устроены описания префиксов и предлогов, предложенные Д. Пайаром (в рамках теории А. Кюльоли), Л. Ян-

дой, Б. Рудзка-Остин, Кл. Бругман и Дж. Лакоффом, В. А. Плунгяном и Е. В. Рахилиной (в рамках когнитивной лингвистики), К. ван Схоневелдом, О. П. Селиверстовой и др. Такой же теоретический подход используется и при описании русских суффиксов, предложенном Э. Андрус в рамках теории К. ван Схоневелда (ср. толкование предлогов в п. 10.9).

Существуют различные представления значения аффиксов. Наиболее простой формой является набор не связанных между собой значений. Так, например, описываются аффиксы в толковых словарях и грамматиках русского языка. При таком представлении точнее было бы говорить о различных омонимичных аффиксах, на что указывал А. В. Исаченко.

Одна из попыток структурно связать различные значения и представить аффикс в виде единого знака заключается в выделении чрезвычайно абстрактного инварианта (Э. Андрус, К. ван Схоневелд, Д. Пайар и др.).

Наконец, в качестве модели значения может использоваться семантическая сеть, в которой значения связаны между собой непосредственно или опосредованно. Непосредственная связь подразумевает, во-первых, наличие некоторой общей части значений и, во-вторых, распределение этих значений по семантическим и прагматическим типам глагольных основ и контекстов. Для непосредственно связанных между собой значений также может быть сформулирована семантическая операция, которая соотносит эти значения, т. е. объясняет, почему и каким образом более абстрактное «инвариантное» значение по-разному реализуется в различных семантических и прагматических условиях. Опосредованная связь двух значений означает существование промежуточной связующей цепочки значений, попарно непосредственно связанных между собой.

Семантическая сеть значений аффикса — это система, состоящая из:

- отдельных конкретных значений;
- семантических операций (правил перехода от одного значения к другому);
- правил реализации значений в тексте (распределение по семантическим и прагматическим типам основ и контекстов);
- значений более высоких уровней абстракции («локальные» инварианты значений, возможно, инварианты инвариантов первого уровня и т. д.).

Таким образом, семантическое описание аффикса оказывается аналогичным семантическому описанию лексемы, но с добавлением еще одного фактора: учитывается не только семантика контекста, но и семантика мотивирующей основы.

В частности, такое «многоярусное» описание русских приставок позволяет объяснить и возникновение новых глаголов в рам-

как одной словообразовательной модели (*отволохат* как *отдубасить*), и более далекие аналогии (так, фраза *Любовь надо вылюбить, а то свербить, сверлить, нить будет* понятна, хотя для *вылюбить* трудно подобрать единственную словообразовательную модель). Такое описание показывает диффузность контекстных значений приставки, преобразование близких идей в различных семантико-прагматических условиях, механизм образования новых словообразовательных моделей, иначе говоря, функционирование всей системы. Приведем фрагмент такого описания, а именно пространственное и временное значения приставки *про-*, которые могут быть объединены на глубинном уровне.

Эти значения проще всего представить двумя примерами: *Проскакали, кажется, версты две, а улица все еще тянется и конца ей не видно* (А. Чехов).

— *Да, да, да, — шептал, замирая от страха и ежесекундно оглядываясь, администратор и выкладывал дальнейшие подробности того, как он просуществовал около двух дней в квартире № 150 в качестве вампира-наводчика, едва не ставшего причиной гибели финдиректора Римского...* (М. Булгаков).

Прежде чем перейти к их сравнению, следует сделать общее замечание о соотношении идей времени и пространства в семантике различных языковых единиц. Одним из наиболее постоянных семантических явлений, характеризующих лексику, является противопоставление в пределах одной языковой единицы пространственных и временных значений, сопровождающееся определенным параллелизмом их структуры и функционирования. Это касается и знаменательной лексики (например, глаголы движения *идти, бежать, ползти* и т. д. относятся и к перемещению в пространстве, и к течению времени: *Куда он бежит?* и *Как время бежит!*), и служебных слов (например, предлоги *перед, после, в* и другие выражают отношения и в пространстве, и во времени: *Вы передо мной не стояли, вы после меня стояли* и *Но я хочу это знать перед тем, как мы поженимся, а не после того*). Сосуществование таких значений отмечено и у многих глагольных приставок. Естественно попытаться выявить определенные структурные и функциональные аналогии.

С этой точки зрения довольно легко сблизить такие ряды употреблений приставочных глаголов, как *пройти* (*пробежать, проехать, провезти...*) *1 километр* и *проходить* (*пробежать, проездить, провозить, проспать, проработать...*) *1 час*, традиционно толкуемых совершенно независимым образом. Глаголы первого ряда выражают идею преодоления пространства, а глаголы второго ряда — идею заполнения времени.

Для глаголов первого ряда пространство интерпретируется как отрезок, а действие — как движение в одном заданном направлении. При переходных глаголах движения это может быть второй зависимый винительный падеж, что вообще не характерно для

русского языка: *пронести бревно еще метров пять и бросить на землю*.

Аналогичным образом глаголы второго ряда фиксируют временной отрезок, в течение которого выполняется действие. Для переходных глаголов винительный падеж, выражающий время, также может оказаться вторым: *Петр прорубил дрова весь день* (ср. употребление бесприставочного глагола: *Петр рубил дрова весь день*).

Нужно также сказать о семантических признаках глагольных основ. В пространственных приставочных глаголах это движение, интерпретируемое как однонаправленное (*идти, нести, скользить, шагать* и т.д.), а во временных — это процесс, состояние или действие, интерпретируемые как деятельность, которые происходят в течение некоторого времени (*бегать, думать, любить, совещаться, спать* и т.д.).

Найти словесный инвариант двух этих структур толкования достаточно сложно, поскольку русский язык не имеет обобщающего глагола для обозначения движения, преодолевающего, или покрывающего, пространство, и действия, занимающего время. По-видимому, точнее всего говорить о заполнении отрезка пространства направленным движением и отрезка времени определенной деятельностью (процессом, состоянием). Эту идею легче выразить с помощью схемы (схема 10), где соответствующие структуры толкований передаются векторами, соединяющими концы пространственного или временного отрезков.

Существуют, однако, и заметные отличия, вызванные, вероятно, и принципиальными различиями между пространством и временем, и особенностями системы значений, выражаемых русскими глагольными приставками.

Следствием заполнения времени каким-либо действием часто оказывается невозможность совершить в это же время другое действие. Если прямое дополнение подразумевает некое действие (*обед, урок* и т.д.), то данное следствие (или импликация, об этом понятии см. п. 12.3) может становиться главным содержанием высказывания (ассерцией, см. п. 12.3.2): *пробегать обед, проболтать урок* означают 'пропустить Y (не совершить действия, соответ-

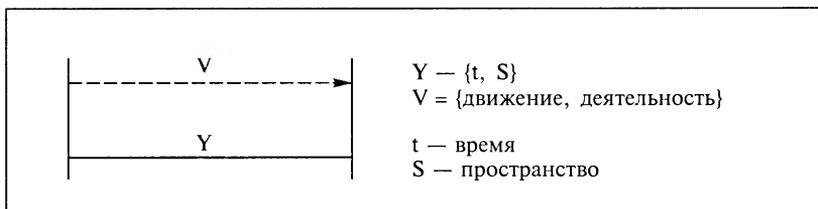

Схема 10. Значение приставки *про-*: заполнение отрезка времени или пространства

ствующего Y), занимаясь деятельностью V' (в данном случае и семантика глагола, и семантика имени существительного вместе с приставкой создают новое значение: 'потратить время не на то, на что нужно').

В связи со сказанным представляет особый интерес фраза: *Он проговорил весь обед (гуляш, кисель) и, ковывая сломанной спичкой в зубах, пошел соснуть* (В. Набоков).

Этот пример может означать и 'он говорил в течение обеда...', и 'вместо того, чтобы есть, он говорил...'; и только более широкий контекст убеждает в том, что герою все же удалось совместить оба действия — еду и разговор. Таким образом, данная импликация появляется не всегда, а только в том случае, когда говорящий хочет ее выразить.

Параллелизм времени и пространства имеет место не только для двух рассмотренных значений. В словосочетаниях типа *проехать Мытищи* или *А теперь посмотрели налево: мы проезжаем памятник архитектуры четырнадцатого века* также реализуется идея движения в пространстве. Однако, в отличие от уже рассмотренного выше значения, пространство концептуализируется не как отрезок, а как точка, мимо которой направлено движение. Когда соответствующая точка является целью движения, может возникать импликация 'пропуска'. Именно поэтому сочетания типа *проехать Мытищи* омонимичны. В контексте *Ну вот, Мытищи проехали, скоро Москва* имеется в виду «чистое» пространственное значение. В контексте же *Как ты ухитрился проехать Мытищи, я же тебе говорил: «Пятая остановка»!* речь идет не просто о 'движении мимо', а именно о 'пропуске в результате движения мимо'. Во фразе *Опять я проехал свою остановку* импликация обязательна, поскольку слово *свой* подчеркивает тот факт, что данная остановка («которую проехали») и была целью движения.

Временной аналог этих двух точечных пространственных значений (с импликацией и без) также существует, правда, только в одном варианте — имплицитном. Так, в словосочетании *проспать солнечное затмение* выражается идея пропуска солнечного затмения, момента времени, включенного в период сна. Во фразе *Студент проспал лекцию* возникает омонимия двух имплицитных временных значений — точечного и «отрезочного». В первом случае имеется в виду пропуск студентом лекции из-за того, что он в момент ее начала спал. Лекция или ее начало интерпретируются как точка на временной оси, включенная в отрезок, соответствующий сну. Во втором случае имеется в виду присутствие студента на лекции и тот факт, что в течение лекции он спал. Лекция рассматривается как отрезок времени, использованный для сна. Омонимия может сниматься с помощью различных средств, например слов *весь* и *целый*, подчеркивающих длительность лекции, т. е. предполагающих ее интерпретацию как отрезка времени:

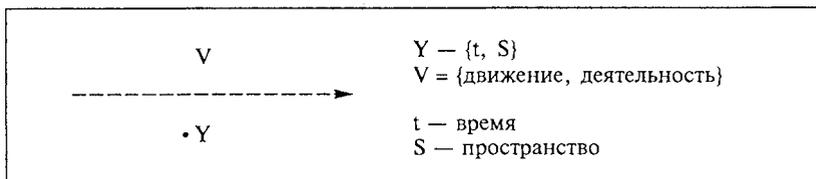

Схема 11. Значение приставки *про-*: место точки во времени и в пространстве

Студент проспал всю лекцию. Общая идея точечных значений также легко выражается схемой (схема 11).

Таким образом, очевидно, что взаимодействуют все шесть описанных значений: три пространственных и три временных, три отрезочных и три точечных, три прямых и три имплицативных (импликации связаны также с другими «неудачными» значениями, свойственными приставке *про-* в сочетании с такими глаголами, как *проиграть*, *пролить*, *просыпать* и т. д.). Отношения между этими шестью значениями можно выразить с помощью следующей схемы (схема 12).

Взаимодействие значений с различными типами ближайшего и дальнего контекста для русских суффиксов рассматривает В. А. Плунгян. Так, для суффикса прилагательного *-ат-* (*волосатый*, *носатый*, *рогатый* и т. д.) фиксируется два значения: одно связано

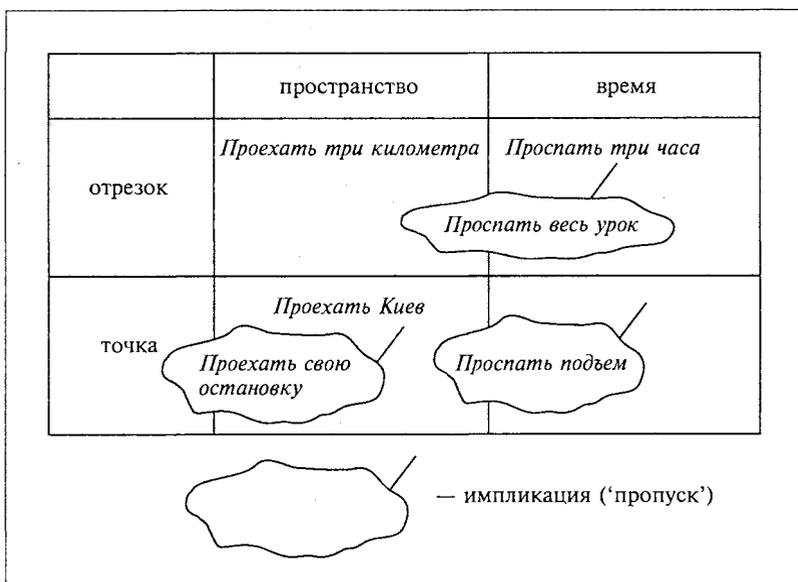

Схема 12. Фрагмент описания значения приставки *про-*

с наличием, а другое — с избытком определенных телесных свойств. По существу описывается конструкция, состоящая из соответствующего прилагательного и существительного: $X + ат(ый)$ $Y = 'Y, имеющий X'$ или ' $Y, имеющий X$ в избытке'.

Выбор того или иного значения полностью предопределен стандартной внеязыковой ситуацией. Если Y нормально имеет X , то выбирается второе значение, например: *волосатый парень* или *носатый мужчина*. Если же Y не обязательно имеет X , то выбирается первое значение: *женатый мужчина* или *рогатый муж* (ср. *рогатый бык* — 'бык, имеющий большие рога', поскольку у быка, в отличие от мужа, рога обычно есть).

11.4. Парадигматические отношения морфем

В системные отношения друг с другом вступают не только контекстные значения аффикса. Существует единая система словообразовательных значений. Так, в русском языке можно говорить о системе значений глагольных приставок, прежде всего о 19 приставках, продуктивных и изменяющих вид мотивирующего глагола: *в-*, *вз-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *из-*, *на-*, *над-*, *о-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *под-*, *при-*, *про-*, *раз-*, *с-*, *у-*.

Контекстные значения этих приставок связаны между собой и противопоставлены друг другу. Например, приставка *от-* вступает в отношение антонимии с различными приставками в зависимости от семантики глагольной основы, что приводит к существованию в языке следующих пар антонимичных глаголов: *подойти* — *отойти*; *приклеить* — *отклеить*; *закрыть* — *открыть*; *уговорить* — *отговорить*. Кроме антонимичных связей, существуют и другие, более сложные, отношения между однокоренными глаголами с разными приставками (*войти*, *взойти*, *выйти*, *дойти*, *зайти(сь)*, *изойти*, *обойти*, *отойти*, *перейти*, *пойти*, *подойти*, *прийти(сь)*, *пройти(сь)*, *разойтись*, *сойти(сь)*, *уйти*).

Не случаен тот факт, что разные приставки почти никогда не используются для образования синонимичных глаголов. Синонимия значений приставок в словарях и грамматиках русского языка либо является следствием слишком грубого описания, либо не учитывает семантико-прагматических условий реализации этих значений. Так, начинательные словообразовательные модели приставок *за-* и *по-* частично распределены по глагольным основам (*за + бегать* и *по + бежать*), но даже в случае присоединения к одной основе интерпретируют ее по-разному: как деятельность (*Он схватил метелку, оседлал ее и весело заскакал по комнате*) или как целенаправленное движение (*Всадники поскакали в лес*).

Можно привести еще один пример мнимой синонимии. Глаголы *отбавить* и *убавить* имеют сходные значения, связанные с

уменьшением чего-либо и противопоставленные значениям глаголов *надбавить*, *подбавить* и *прибавить*, выражающим, напротив, идею увеличения.

Несмотря на семантическую близость, глаголы *отбавить* и *убавить* сильно различаются по своим сочетаемостным свойствам. Это касается, в частности, актантной структуры (даже если ограничиться рассмотрением переходных глаголов; ср. *убавить в весе*). При *отбавить* допустим дательный падеж со значением получателя: *Отбавь мне молока*, а при *убавить* он невозможен: **Убавь мне молока*.

Еще более очевидны сочетаемостные ограничения, касающиеся прямого дополнения. Глагол *убавить* может сочетаться с разными по семантике существительными: *убавить воды, огня, спеси, скорость, ход, цену*. Глагол *отбавить* имеет гораздо более узкую сочетаемость. В качестве прямого дополнения при этом глаголе допускаются имена веществ (и, возможно, множеств конкретных объектов): *отбавить воды, сахару, леденцов*, с существительными же другой семантики он несовместим: **отбавить огня, спеси, скорость, ход, цену*.

На первый взгляд эти свойства кажутся индивидуальными. Однако они вытекают из различий соответствующих приставочных моделей. Глагол *отбавить* входит в ряд глаголов *отлить, отсыпать, отсчитать* и др. Приставка *от-* акцентирует внимание на части объекта, отделяемой от него. Эта часть в результате такого отделения может приобретать собственный самостоятельный статус и, таким образом, передаваться во владение какому-либо лицу. Отсюда и возникает управление дательным падежом получателя, реализующее эту семантическую способность.

Вместе с тем бессмысленно говорить об отдельной части огня, спеси, цены и т. п. Отсюда вытекает невозможность сочетания глагола *отбавить* с соответствующими существительными и тяготеение его к сочетаемости с конкретной лексикой.

Семантическим фокусом приставки *у-* является сам объект, который подвергается различным изменениям. Глагол *убавить* входит в ряд, формируемый совершенно другими с семантической точки зрения глаголами: *уменьшить, ужать* и др.

Таким образом, кажущиеся поверхностными и индивидуальными различия приставочных глаголов *отбавить* и *убавить* оказываются обусловленными семантическим противопоставлением приставок *от-* и *у-*.

Следует отметить, что в современном русском языке в сочетании с параметрическими существительными типа *вес, скорость, ход, цена* глагол *убавить* употребляется очень редко (таково мнение носителей языка, но не словарей). С подобными существительными более предпочтительным оказывается глагол *сбавить*, входящий в ряд *с-*глаголов: *сбросить, скинуть...*

11.5. Синтагматические отношения морфем

Наиболее важными для аффиксов следует считать внутрисловные отношения. Разберем еще один пример с русскими приставками. Они вступают в сочетание с различными глагольными основами. Существует гипотеза о семантической мотивированности такой сочетаемости. Предполагается, что выбор конкретной приставки и набор значений соответствующего приставочного глагола обусловлены семантикой глагольной основы или, точнее говоря, наличием или отсутствием у нее определенных семантических признаков.

Эта гипотеза задает два направления лингвистической деятельности. Во-первых, формулирование правил сочетаемости глаголов с той или иной приставкой и правил «вычисления» значения соответствующих приставочных глаголов. Во-вторых, семантическую интерпретацию языковых фактов, т.е. наличия в языке тех или иных приставочных глаголов с определенным значением.

Будучи мотивированной, сочетаемость глагола должна служить важным языковым свидетельством для семантического анализа бесприставочных глаголов. Иначе говоря, о значении бесприставочного глагола можно судить по наличию у него приставочных коррелятов.

Для подтверждения данной гипотезы следует провести конкретный семантический анализ. Так, глаголы *лить* и *сыпать* похожи по смыслу, и к тому же весьма сильно отличаются от других бесприставочных глаголов. В своем основном значении оба являются каузативами перемещения. Разница между ними состоит в том, что *лить* сообщает о перемещении жидкостей, а *сыпать* — сыпучих веществ или множества твердых и относительно однородных предметов. Причем в других языках это противопоставление может нейтрализоваться. Так, немецкий глагол *schütten* в зависимости от ситуации и контекста может переводиться на русский язык то как *лить*, то как *сыпать*.

Кроме основного значения, существуют и другие. И в них, а также вообще в механизмах метафоризации эти глаголы различаются довольно значительно. Так, если по отношению к различным природным осадкам еще можно использовать и *лить* (*летит дождь*), и *сыпать* (*сыплет снег, дождь*), то уже по отношению к движению (*сыпь отсюда; Толпа высыпала на улицы*) и другим метафорам (*сыпать ударами, остротами; искры сыплются, а песня льется* и т.д.) они не совпадают. При более подробном описании следовало бы строго различать глаголы *сыпать* и *сыпаться*, *лить* и *литься*, а также учитывать переходность и вообще модель управления. Однако в целом, и несколько огрубляя, все же можно сказать, что *сыпать* сочетается с быстрыми следующими друг за другом явлениями и действиями (прежде всего звуками, словами и т.п., но и ударами), а также с движением множества сходных

существ и объектов. Глагол *лить* сочетается с явлениями, интерпретируемыми как континуум и не расчленяемыми на отдельные элементы. Так, песня, связанная мелодией, *льется*, а остроты, будучи отдельными и самостоятельными элементами речи, *сыплются*. Также *сыплются* отдельные (и не обязательно содержательно связанные) слова, а речь (плавная и красивая) *льется*. *Лить* можно всевозможные жидкости, в том числе и метафорические — *лить воду*. Впрочем, при метафоризации сыпучих веществ они также продолжают сочетаться с *сыпать*: *Не сыпь мне соль на рану*.

После такого краткого рассмотрения семантики глаголов *лить* и *сыпать* можно перейти к сравнению их приставочных парадигм (*ся*-глаголы привлекаются только в отдельных случаях).

Глагол *лить* сочетается с 15 приставками, а *сыпать* — с 17. Таким образом, из 19 потенциальных пар представлены следующие глаголы:

<i>вливать</i> — <i>всыпать</i> ;	<i>отливать</i> — <i>отсыпать</i> ;
* <i>взлить</i> — * <i>всыпать</i> ;	<i>перелить</i> — <i>пересыпать</i> ;
<i>вылить</i> — <i>высыпать</i> ;	<i>полить</i> — <i>посыпать</i> ;
<i>долить</i> — <i>досыпать</i> ;	<i>подлить</i> — <i>подсыпать</i> ;
<i>залить</i> — <i>засыпать</i> ;	<i>прилить</i> — <i>присыпать</i> ;
<i>излить</i> — * <i>иссыпать</i> ;	<i>пролить</i> — <i>просыпать</i> ;
<i>налить</i> — <i>насыпать</i> ;	<i>разлить</i> — <i>рассыпать</i> ;
* <i>надлить</i> — <i>надсыпать</i> ;	<i>слить</i> — <i>ссыпать</i> ;
* <i>олить</i> — <i>осыпать</i> ;	* <i>улить</i> — <i>усыпать</i> .
<i>облить</i> — <i>обсыпать</i> ;	

Правда, некоторые из этих глаголов имеют по несколько значений, так что следует рассмотреть значительно больше 32 лексико-семантических вариантов.

Действительно, много одноприставочных глаголов принадлежит к одному ряду. Их выбор почти однозначно определяется семантическим типом объекта соответствующего действия (жидкость или сыпучее вещество). Основные значения совпадают у членов следующих пар: *вливать* — *всыпать*, *вылить* — *высыпать*; *долить* — *досыпать*; *залить* — *засыпать*; *налить* — *насыпать*; *облить* — *обсыпать*; *отливать* — *отсыпать*; *перелить* — *пересыпать*; *полить* — *посыпать*; *подлить* — *подсыпать*; *пролить* — *просыпать*; *разлить* — *рассыпать*; *слить* — *ссыпать*.

У некоторых из этих глаголов возможны и несовпадающие значения. Одно из важных различий связано с тем, что сыпучие тела, в отличие от жидкостей, сохраняют определенную форму. Так что, производя некое действие с ними, можно стремиться к вполне определенному размещению сыпучего тела. Поэтому, например, у *пересыпать* в СРЯ отмечается значение ‘насыпать что-либо между частями чего-либо’ (*пересыпать сало солью*). Аналогичного значе-

ния у *лить* нет, поскольку вода или другая жидкость едва ли могут задержаться между частями чего бы то ни было. По этой причине отсутствует пара с корнем *лить* у глагола *надсыпать* ('увеличить в высоту, насыпая что-либо сверху'): *надсыпать холм*. Этот глагол входит в ряд приставочных глаголов: *надрисовать*, *надставить*, *надстроить*, *надшить* и т. д. Увеличить в высоту, наливая сверху жидкость, едва ли возможно, поскольку жидкость стекает вниз. Конечно, можно придумать достаточно изысканные ситуации, где сходные манипуляции с жидкостью возможны. Существенно, однако, что они малореальны и чрезвычайно редки, так что русский язык не фиксирует их с помощью приставочного глагола. Окказионально же они могут возникать.

Различиями в свойствах веществ обусловлена также сочетаемость данных глаголов с приставкой *у-*. Глагол *усыпать* означает 'равномерно покрыть какую-либо поверхность' и относится к множеству объектов. Этот глагол входит в ряд глаголов: *уложить*, *установить* и т. д.: *усыпать пол лепестками роз*. В современном языке глагол *улить* не существует (в СРЯ он все же отмечен как устаревший в сходном значении: 'обильно полить, сплошь залить'). Повидимому, для современного значения существенна дискретность вещества, используемого для покрывания. Кроме того, можно предположить, что жидкость обычно стекает и не держится в таком состоянии, кроме как в ситуациях затопления. Но в этом случае используется приставка *за-*: *Луга залиты водой* (ср. аналогичное *засыпать*: *Дом засыпан снегом*). Важную роль играет в данном случае и толщина слоя. Для приставки *за-* нет ограничений — *залитый* или *засыпанный* предмет может исчезнуть, а для *усыпать* важно, что усыпанная поверхность актуально существует и, возможно, используется.

Приставочные глаголы часто сохраняют метафорические переносы, свойственные соответствующим бесприставочным. Так, можно *пересыпать речь остротами*. *Перелить* в подобном употреблении невозможен. Напротив, можно *пролить свет на неясные обстоятельства*, а *просыпать* в подобных переносах не участвует. В сочетании с приставкой *в-* глагол *сыпать* имеет также значение, связанное с битьем и наказанием, а для глагола *вливать* характерны совершенно другие переносы: *вливать жизнь*, *свежую струю* и т. п., а также употребления типа *вливать в комиссию новых членов* (ср. *вливаться в коллектив*).

Метафорическим потенциалом определяется и сочетаемость данных глаголов с приставкой *из-*. Глагол **иссыпать* не существует. *Излить же* в современном языке можно только нечто духовное и нематериальное, находящееся внутри человека: *излить досаду*, *душу*, *чувства*, *мысли*...

В современном языке глагол *осыпать* также прежде всего используется в непрямых, непространственных значениях: *осыпать*

похвалами, подарками, поцелуями, милостями. Глагол *лить* с такими переносами несовместим. В еще одном, более конкретном, значении глагол *осыпать* близок по смыслу к *усыпать*: *рябины, осыпанные яркими гроздьями.* В этом случае приставка *о-* имеет сходные с приставкой *у-* ограничения на сочетаемость.

Наконец, последняя пара *прилить* — *присыпать* с очевидностью несимметрична. Два наиболее частых в современном языке значения *присыпать* ‘насыпать вплотную к чему-либо’ и ‘посыпать тонким слоем чего-либо’ связаны с уже упомянутым свойством сыпучих тел (или множества твердых частиц) сохранять форму, в которой их помещают в пространстве. Как уже видно из рассмотренных сочетаний с приставками *о-* и *у-* (**олить* и **улить*), идея жидкости плохо совместима с размещением в пространстве в виде тонкого слоя. Во всяком случае, она не выражается в рамках одной лексемы. Идея сохранения жидкости в определенной форме вне сосуда также не реализуется в приставочных глаголах (ср. рассмотренные выше глагол *надсыпать* и одно из значений глагола *пересыпать*). Таким образом, глагол *прилить* соответствующих значений не имеет. Зато для него характерны употребления, связанные с явлениями внутри человека, физическими и ментальными. Так, *прилить* может кровь к голове или *волна сострадания к сердцу.* Подобные употребления для *присыпать* совершенно нехарактерны.

Последнее наблюдение легко обобщить. Если во внешнем мире с точки зрения метафорических процессов глагол *сыпать* вместе со своими приставочными коррелятами, по-видимому, несколько более активен, то во внутреннем мире человека мы имеем совершенно противоположную картину. Различные изменения ментального и эмоционального состояний человека почти невозможно описать с помощью *сыпать* и однокоренных глаголов. Глагол же *лить* и соответствующие приставочные глаголы относительно активны. Кроме того, с помощью приставочных глаголов с основой *-лить* описывается циркулирующая жидкостей в организме человека (прежде всего крови, слез и желчи, но также, если привлечь просторечные и сленговые глаголы, мочи и спермы). Подобные значения отмечены у *влиять, отлить, перелить, полить, прилить, пролить, слить.*

Итак, можно отметить значительное сходство приставочных парадигм глаголов *лить* и *сыпать*, обусловленное их семантическим сходством. Их приставочные парадигмы значительно больше похожи друг на друга, чем на какую-либо приставочную парадигму любого другого глагола. Различия в приставочных парадигмах обусловлены в основном двумя причинами: во-первых, различиями свойств жидкостей и сыпучих веществ (по существу, различиями семантики этих двух глаголов); во-вторых, различиями их метафорического потенциала. В целом этот пример подтверждает

гипотезу о семантически мотивированной сочетаемости приставок с глаголами.

Из примеров, приведенных выше, видно, что аффиксы вступают в семантические синтагматические отношения не только с основой, но и с более широким контекстом. Благодаря синтагматическим отношениям возникает и упомянутый выше нулевой эффект взаимодействия приставки с глаголом в русском языке (по К. ван Схоневелду).

Отдельный интерес представляет собой семантическое взаимодействие аффикса с аффиксами других слов. Избыточность сем, или итерация сем, характерна и для морфемного уровня (см. п. 10.9). Еще А. А. Потебня обратил внимание на следующую закономерность: оценочные аффиксы прилагательных *-оньк-*, *-еньк-* в тексте коррелируют с соответствующими суффиксами существительных. Более естественным оказывается сочетание *беленький зайчик*, а не *белый зайчик*. Эту идею развил и исследовал М. В. Панов, говоривший в данном случае о вычленимости морфемы.

Е. А. Земская в свою очередь выделяет шесть видов «обнаружения деятельностиного характера словообразования в тексте (или в речевом акте)»: 1) создание в процессе речевого акта производного от данного в предтексте базового слова или словосочетания; 2) использование в одном тексте ряда одноструктурных образований от разных основ; 3) построение производных различных структур от одной основы; 4) построение слов, реализующих одно и то же деривационное значение; 5) каламбурное столкновение производных от омонимичных слов или близких по звучанию основ, выявление внутренней формы слов; 6) семантическое противопоставление однокоренных слов или паронимов. Речь идет, таким образом, о случаях, когда именно морфема, а не все слово, вступает в синтагматические отношения с широким контекстом.

На материале русских приставок можно проследить, как приставка активно взаимодействует с актантами приставочного глагола. Так, распределение двух значений одной приставки в зависимости от контекста можно продемонстрировать на следующем примере. В предложении *Этот жучок пропил кресло* реализуется идея 'траты лицом X всех денег, полученных в результате продажи имеющего стоимость Y, на приобретение спиртных напитков с последующим их потреблением', что похоже на *Иван пропил наследство*, в отличие от, например, *Жучок прогрыз кресло*, поскольку идея траты реализуется приставкой *про-* в первую очередь в общем контексте: субъект — 'лицо', объект — 'денежная сумма', глагольная основа — 'действие, требующее денежных затрат'. При таком семантическом задании, или семантической интерпретации (если говорить об анализе текста), первому актанту приписывается семантический признак 'лицо' (и тем самым либо выбирается из значений данного слова то, которое имеет этот при-

знак, — ‘мелкий жулик’, либо происходит сказочное или фантастическое олицетворение жучка, превращающее его в пьяницу), а второму актанту — ‘денежная сумма’, так что с необходимостью домысливается процедура продажи кресла как способа перевода его в деньги (ср. ставшее классическим примером *две жены тому назад, 250 тысяч сигарет тому назад, три тысячи литров спиртного тому назад*, К. Воннегут; где всем существительным приписывается признак временного периода, и в частности *сигареты* интерпретируется как процесс выкуривания соответствующего количества). Иначе говоря, при понимании текста преобразование начальной идеи приставки или выбор из уже готовых конкретных семантических шаблонов сопровождаются параллельным перебором, а иногда и приписыванием семантических признаков глагольной основы и контекста. Отсюда вытекает омонимичность фразы *Жучок проел кресло* с возможностью как различных интерпретаций приставочного глагола, так и семантических признаков актантов (*жучок* — ‘человек’ или ‘насекомое’, *кресло* — ‘стоимость’ или ‘материальный объект’).

Подводя итог, следует сказать, что семантическое представление морфемы как некоторого достаточно абстрактного ярлыка не является адекватным. Чтобы описать реальное функционирование морфем в языке, приходится обращаться к семантическим явлениям разных уровней — от морфемного до текстового. Этот факт представляет собой яркое свидетельство взаимодействия семантики языковых единиц разных рангов.

Рекомендуемая литература

Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. — М., 1966.

Вежбицкая А. Личные имена и экспрессивное словообразование // Язык. Культура. Познание. — М., 1996. С. 89—200.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. — М., 1992.

Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. — М., 1998.

Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. — М., 2000.

Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993. С. 26—203.

Andrews E. The semantics of suffixation: agentive substantival suffixes in contemporary standard Russian. — München [i.e.]. Unterschleissheim; Newcastle, 1996 (LINCOM Studies in Slavic linguistics 5).

Bybee J.L. Morphology: a study of the relation between meaning and form. — Amsterdam, 1985.

Matthews P.H. Morphology. — 2nd ed. — Cambridge; New York; Melbourne, 1992.

ГЛАВА 12

ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ВЫСКАЗЫВАНИЕ

В названии главы упомянуты две языковые единицы, являющиеся разными воплощениями одной сущности. **Высказыванием** называется актуализованное предложение, т. е. предложение, употребленное в реальной речевой ситуации. Можно также сказать, что предложение существует в языке (является единицей языка), а высказывание — в речи (единица речи). Таким образом, одному предложению соответствует множество высказываний, которые являются его реализациями. При этом подразумевается, что значение предложения и значения соответствующих ему высказываний различаются. По сравнению с предложением высказывание приобретает какие-то дополнительные смыслы, связанные с намерениями говорящего и другими параметрами речевой ситуации, а также истинностную оценку. Последнее, правда, верно только для утвердительных высказываний.

Такая теоретическая конструкция подразумевает первичность предложения. Высказывание же рассматривается как своего рода надстройка (в том числе и семантическая) над ним.

Однако на практике понятия предложения и высказывания часто смешиваются и прежде всего из-за нечеткости первого: в лингвистике не существует ни общепринятого определения предложения, ни согласия по поводу того, что считать смыслом предложения.

Следует назвать, по крайней мере, три подхода к определению предложения: синтаксический, семантический и коммуникативный.

При синтаксическом и семантическом подходах предложение определяется как некая самостоятельная структура (соответственно синтаксическая или семантическая), причем, как правило, основным ее свойством считается **предикативность** (также интерпретируемая в синтаксических или семантических понятиях). Предикативность является грамматическим воплощением предикации (см. п. 10.9) и первоначально понималась в узком смысле как отношение между субъектом (семантическим или синтаксическим, т. е. подлежащим), который указывает на предмет мысли, и предикатом (семантическим или синтаксическим, т. е. сказуемым), выражающим свойство, приписываемое субъекту. Позднее предикативность стала пониматься более широко, а именно как отношение между предикатом и его актантами.

И синтаксический, и семантический подходы как раз и означают независимость процедуры определения «предложения» от понятия «высказывание», напротив, определение понятия «высказывание» основывается на понятии «предложение» (см. выше).

Такое соотношение предполагается в различных моделях языковой деятельности, в первую очередь в генеративной грамматике Н. Хомского. В начальных вариантах этой модели именно предложения являются основным результатом языковой деятельности. Они исчисляются по определенным правилам. Затем они интерпретируются с семантической точки зрения, иначе говоря, им приписывается определенное семантическое представление. Умение порождать предложения и интерпретировать их составляет одну из основных языковых способностей человека — его **языковую компетенцию** (англ. *competence*). Другая же основная способность, для которой до сих пор не нашлось удачного названия на русском языке, состоит в употреблении этих предложений в речи, по существу, превращении их в высказывания. Н. Хомский использует здесь термин *performance* ‘употребление’¹. Таким образом, в теории Н. Хомского предложения определяются вне их коммуникативной функции на основании чисто синтаксических критериев. Они являются результатом действия синтаксических правил. Синтаксические правила Н. Хомский рассматривает как некий врожденный механизм, присущий каждому человеку.

Существует, как уже говорилось выше, и коммуникативный подход к определению предложения. Очевидно, что коммуникативный фактор должен играть в определении предложения важную роль. Ведь существуют предложения, которые состоят из одного слова, например: *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека* (А. Блок). Что же отличает в данном случае предложение от отдельного слова? По-видимому, исключительно его коммуникативная функция, т. е. тот факт, что данное слово употреблено в качестве самостоятельного речевого акта. Поэтому, безусловно, имеет право на существование иной взгляд, состоящий в том, что первичным при определении предложения является его коммуникативная функция, или возможность существовать в качестве отдельного высказывания. **Предложение** определяется как минимальная коммуникативная единица.

При таком подходе достаточно трудно различить семантику предложения и высказывания, поскольку в предложении должен содержаться коммуникативный потенциал, в полной мере реализующийся в высказывании.

Коммуникативный подход в большей степени соответствует наблюдаемой реальности. Наблюдать можно только конкретные

¹ Иногда в этом случае говорят о речевой деятельности или коммуникативной компетенции.

высказывания, а предложение, таким образом, представляет собой научную абстракцию над множеством высказываний. Степень же абстрактности может очень сильно варьировать. Так, можно абстрагироваться от лексического наполнения предложения, модальности или коммуникативного устройства.

Тем не менее, как правило, в лингвистической семантике рассматривается предложение с заполненными лексически синтаксической и семантической структурами, с конкретной модальностью и полностью охарактеризованное с коммуникативной точки зрения. Фактически не только высказыванию, но и предложению приписываются определенное коммуникативное членение и определенная иллокутивная сила. Таким образом, выделяя логическим ударением во фразе *Девочка стояла на балконе* отдельные слова и этим изменяя коммуникативную структуру, мы фактически создаем различные предложения. Следует отметить, что условия истинности предложений *Девочка стояла на балконе* и *Девочка **стояла** на балконе* совпадают. Иначе говоря, с логической точки зрения они значат одно и то же, и поэтому есть все основания считать их одним и тем же предложением. Однако с лингвистической точки зрения они различаются коммуникативными структурами, и, следовательно, можно говорить о двух разных предложениях. При таком понимании предложения разница между ним и высказыванием оказывается весьма незначительной. Высказывание — это конкретная реализация полностью охарактеризованного семантически и прагматически предложения.

При этом подходе строгое различие этих двух терминов не столь важно. Так, можно говорить об актуальном или коммуникативном членении и предложении и высказывания. Когда же коммуникативные особенности вообще не учитываются (например, речь идет о логической структуре и т. п.), обычно говорят только о предложении.

Одним из основных методов семантического анализа предложения является расчленение значения на отдельные компоненты: субъект и предикат, ассерцию и пресуппозицию, тему и рему, и т. д. Кроме того, крайне популярным стало использование в терминологии понятия «рамка». Так, говорят о модальной, коммуникативной, прагматической и даже падежной рамках. Использование подобных терминов также подразумевает расчленение предложения на два компонента, один из которых признается основным (например, пропозиция), а другой — вспомогательным и как бы обрамляющим, семантически добавочным по отношению к первому. Он и называется рамкой. Конкретный же термин определяется, собственно, содержанием добавочных элементов. **Модальной рамкой** называются модальные элементы, определяющие отношение говорящего к основному содержанию предложения, и т. д.

Тем самым описание семантики предложения заключается прежде всего в выделении более конкретных компонентов значения. В этом смысле очевидна аналогия между описанием семантики предложения и слова, хотя сами компоненты значительно различаются. Для предложения также характерна более строгая иерархическая структура компонентов.

Из сказанного понятно, что предложение представляет собой многоплановую, или многоаспектную, семантическую структуру, так что оказывается возможен независимый анализ этих различных аспектов. При семантическом анализе предложения говорят, по крайней мере, о логическом, коммуникативном, прагматическом и референтном аспектах¹. В действительности различные аспекты семантики предложения связаны между собой, и многие понятия пересекаются и коррелируют друг с другом, как будет видно из дальнейшего изложения.

12.1. Логическая структура предложения

12.1.1. Пропозиция, пропозициональная установка и модальность

Одним из ключевых понятий семантики предложения является понятие **пропозиции**.

Исторически сложилось так, что главным объектом изучения вначале было не предложение вообще, а его разновидность — утвердительное предложение, или по существу утвердительное высказывание. Его аналогом в логике было суждение, или пропозиция. По мере вовлечения в рассмотрение других видов высказываний потребовалось различать утверждение, поддающееся истинностной оценке, и его смысловое содержание, находящееся вне данной оценки. Это же содержание может быть, например, присуще и неутвердительному высказыванию². Для различения этих двух упомянутых объектов используются термины «пропозиция» и «суждение». За суждением в качестве основного закрепилось значение ‘утвердительное высказывание’. Пропозиция же стала пониматься как смысл высказывания вне истинностной оценки и соответственно как инвариант значений модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций).

¹ Референтный, или денотативный, аспект семантики предложения (высказывания) рассматривается в главе 21, посвященной теории референции (п. 21.7), а прагматический, кроме п. 12.5, также в главе 22.

² Ср. утвердительное предложение *Петух кукарекает* и его номинализацию *Кукареканье петуха*, в которой сохранено основное содержание, но отсутствует предикативность и тем самым утверждение.

Такой подход позволяет отделить мысль от ее утверждения и изучать их раздельно. Значение предложения членится на объективную константу и субъективную переменную. Последняя выражает мнение говорящего о том, что сообщается, его оценку, коммуникативные цели и т. д. Объективная константа и называется пропозицией. Субъективная же переменная называется **пропозициональной установкой** (или **пропозициональным отношением**), а также модальной или коммуникативной рамкой. В лингвистике и философии для каждого из этих терминов существуют более широкие и более узкие интерпретации, часто они смешиваются. Повидимому, наиболее естественным является следующее различение данных терминов. Пропозициональная установка — это обобщающее понятие, непосредственно противопоставленное пропозиции. Она может содержать различные **модальности** (модальную рамку) и **перформативы** (прагматическую рамку).

Так, пропозиция 'Лошадь бежит по полю' характерна не только для суждения *Лошадь бежит по полю*, но и для других типов высказывания. Эту же пропозицию имеют соответствующие номинализация, вопрос, отрицание и некоторые другие модальные разновидности: *Бег лошади по полю; Лошадь бежит по полю?; Лошадь не бежит по полю; Возможно, что лошадь бежит по полю;* и т. д.

Перформативы будут рассмотрены в п. 12.5, о модальности же следует сказать, что существует множество различных пониманий этого термина. В самом широком смысле понятие модальности по существу совпадает с пропозициональной установкой. При этом различают объективную и субъективную модальности. **Объективная модальность** — это категория, которая обязательна для любого предложения, поскольку формирует его. Она выражает отношение сообщаемого к действительности: реально, ирреально и т. п. Стандартным средством оформления объективной модальности является грамматическая категория наклонения.

Субъективная модальность выражает отношение говорящего к сообщаемому и не является обязательной. Она может оформляться различными лексическими средствами, например вводными словами (*возможно, наверно, к сожалению* и др.), модальными частицами (*якобы, как бы, чего доброго* и др.), междометиями (*увы, ах* и др.). В качестве оформления субъективной модальности используются и такие нелексические средства, как интонация, порядок слов или особые конструкции, например: *Хорош друг!* (особый порядок слов в сочетании с особой интонацией); *Нет чтобы помолчать* (особая конструкция).

В более узком смысле под модальностью подразумеваются значения возможности, невозможности и необходимости. При таком подходе исследуются различные модификации этих значений в языках мира и способы их выражения.

Противопоставление объективной константы и субъективной переменной описывалось и в других терминах. Так, Ш. Балли использовал для этого термины схоластов **диктум** и **модус**. Он говорил о некоем представлении (положении дел) и о мыслящем субъекте, который производит психические операции над данным представлением. Соответственно Ш. Балли определял **диктум** как часть предложения, коррелятивную процессу, образующему представление, а **модус** как часть предложения, коррелятивную операции, производимой мыслящим субъектом. **Модус** состоит из модальности, выражением которой служит модальный глагол (*думать, радоваться, желать* и др.), и модального субъекта.

12.1.2. Модально-коммуникативная парадигма

Все предложения с одной и той же пропозицией составляют единую модально-коммуникативную парадигму. Это понятие не является достаточно четким, тем не менее выделяют ряд переменных параметров, или категорий, изменение которых позволяет получать новые предложения данной парадигмы. Так, В. Г. Гак рассматривает исходное предложение во французском языке *Pierre vient* 'Пьер приходит' и его различные модификации по следующим параметрам:

Время: *Pierre est venu. Pierre viendra...*

Отрицание: *Pierre n'est pas venu...*

Модальность: *Pierre n'a pas voulu venir...*

Вопрос: *Pierre n'a-t-il pas voulu venir?*

Эмфаза: *C'est Pierre qui n'a pas voulu venir.*

Лицо: *C'est toi qui n'a pas voulu venir.*

Восклицание: *C'est que c'est toi qui n'a pas voulu venir!*

Побуждение: *Pierre, viens!*

Как видно из примеров, категории сочетаются между собой.

Дискуссионным, впрочем, остается набор параметров и способы их выражения. Можно вводить новые параметры, можно сопоставлять и названные выше. Так, в частности, изменение лица может рассматриваться как изменение пропозиции, а не пропозициональной установки: ср. *Лошадь бежит по полю* и *Ты бежишь по полю*.

Пропозициональная установка может быть эксплицирована с помощью специального пропозиционального предиката типа *утверждать, сомневаться, полагать, спрашивать, отрицать* и т. д. (см. также п. 12.5 о перформативной гипотезе). Суждениям соответствует предикат *утверждать*, так что суждение *Идет дождь* может быть интерпретировано как *Я утверждаю, что идет дождь*. Вопросительность эксплицируется с помощью предиката *спрашивать*. *Я спрашиваю, идет ли дождь*. Различные модальности и степени уверенности говорящего в происходящем могут выражаться предиката-

ми полагания и веры: *Я думаю, что идет дождь; Я полагаю, что идет дождь; Я верю, что идет дождь; Я сомневаюсь в том, что идет дождь;* и т. д.

12.1.3. Классификации предложений

Одна из важных задач семантики предложения состоит в построении различных классификаций предложений. Наиболее ранние семантические классификации предложений (а по существу высказываний) основываются на классификации пропозициональных установок. Так, немецкий ученый Карл Бругман в начале XX в. предложил выделять 8 основных разрядов (которые членятся и далее): 1) восклицание; 2) желание; 3) призыв; 4) уступка; 5) угроза; 6) отказ; 7) заявление о воображаемой реальности; 8) вопрос. Для этой классификации, как и для многих других, практически невозможно сформулировать четкий набор признаков, лежащих в ее основе. Поэтому количество классов может быть, в принципе, и уменьшено, и увеличено. С логической точки зрения более строгой является общепринятая классификация предложений по цели сообщения: **повествовательные, вопросительные и побудительные**. К ним также добавляют класс **оптативных (желательных)** предложений, не являющихся ни повествовательными, ни побудительными: *Да здравствует разум! Хорошо бы дождь пошел!*

Всего лишь два основных класса предложений выделял О. Есперсен — в зависимости от того, желает говорящий своим высказыванием воздействовать на волю слушателя или нет. Класс высказываний «воздействия» подразделяется на просьбы и вопросы, поскольку последние рассматриваются как своего рода просьба предоставить необходимые сведения. В другой класс попадают обычные утверждения, восклицания и пожелания (упомянутые выше оптативы), которые, как указывает О. Есперсен, могут быть произнесены и при отсутствии собеседника.

Наряду с исследованием содержания пропозициональной установки и соответствующих ей категорий встает задача описания и классификации языковых средств, выражающих пропозициональную установку. В рамках этой задачи строится, в частности, классификация глаголов пропозиционального отношения, выражающих отношение говорящего к пропозиции (Н. Д. Арутюнова, З. Вендлер, Л. Карттунен, П. и К. Кипарские и др.). Одним из важных результатов такого подхода явилось разбиение глаголов (и шире — предикатов) на фактивные и нефактивные. Это различие можно показать на примере глаголов, допускающих придаточное предложение. Фактивные предикаты типа *знать, сожалеть, помнить* подразумевают истинность придаточного предложения, а для нефактивных (*считать, воображать, полагать*) это необязательно: ср. *Я знаю, что идет дождь и Я считаю, что идет дождь.*

Как уже сказано, традиционное изучение семантики предложения сводилось к исследованию пропозиции. В логике считалось, что пропозицию составляют логический субъект и логический предикат. Логическим субъектом называется предмет, о котором выносится суждение. Логическим предикатом называется то, что высказывается о субъекте.

В западноевропейской терминологии происходит определенное смешение синтаксических и семантических понятий, поскольку соответствующие термины используются для обоих языковых уровней. Например, англ. *subject* и *predicate* означают и синтаксический объект, и соответствующий компонент пропозиции. В русском языке этого смешения не происходит, поскольку для синтаксических объектов используются термины «подлежащее» и «сказуемое». Существуют различные классификации и субъектов, и предикатов.

Так, среди предикатов Н. Д. Арутюнова выделяет следующие семантические типы: таксономический, реляционный и характеризующий.

Таксономические предикаты указывают на вхождение предмета в класс предметов, обладающих общим свойством: *Этот зверь относится к семейству млекопитающих* или *Этот зверь — млекопитающее*.

Реляционные предикаты указывают на отношения, связывающие предметы: *Ваня — мой друг*.

Наконец, характеризующие предикаты указывают на постоянные и временные признаки объекта: *Иван Иванович — пьяница* или *Иван Иванович напился*. Данный семантический тип достаточно разнороден и велик, так что обычно для него предлагаются более дробные классификации.

Следует различать задачи семантической классификации предикатов и глаголов. С одной стороны, как видно из примеров, предикат не всегда выражается глаголом и также далеко не всегда одним только глаголом. С другой стороны, принято считать, что глагол не всегда выражает именно предикат. Предикатом называется не все, что сообщается о предмете, а лишь указание на его признаки, состояние и отношения с другими предметами. Так, не считается предикатом утверждение существования или тождества предмета самому себе, а также наименование. В связи с этим представляет интерес семантическая классификация связки *быть* в русском языке, предложенная Н. Д. Арутюновой. *Быть* может использоваться для предикации (конкретнее — для характеристики): *Был Афанасий Кузьмин большой шутник*. Однако существуют еще три семантических типа употребления этой связки, которые не называются предикацией. *Быть* может использоваться для утверждения существования: *Был у меня один знакомый*. *Быть* используется также и для наименования: *Был он Афанасий Кузьмин по име-*

ни. И наконец, *быть* может использоваться для утверждения тождества: *Афанасий Кузьмин как раз и был тем человеком, который придумал всю эту мистификацию.*

Чтобы обобщить все подобные употребления, говорят о предикативном отношении. При таком использовании терминов «предикат» интерпретируется как один из видов предикативного отношения.

Наряду с классификациями предикатов важную роль для описания семантики предложения играют и семантические классификации глаголов. Наибольшее значение для лингвистической теории имеет соответствующее разбиение английских глаголов, предложенное З. Вендлером. На основании связи значения глагола (ситуации) со временем он выделил 4 основных класса:

1) состояния (states) — статические, не меняющиеся со временем ситуации;

2) деятельности (activities) — динамические ситуации, длящиеся во времени и не имеющие естественного предела;

3) исполнения (accomplishments) — динамические ситуации, длящиеся во времени и имеющие естественный предел;

4) достижения (achievements) — динамические ситуации, состоящие в мгновенном переходе от одного положения дел к другому.

Классификация З. Вендлера оказала влияние на многие подобные исследования и легла в основу глагольных классификаций других языков. Для русского языка можно назвать подобные классификации глаголов или глагольных предикатов, предложенные Ю. С. Масловым, Т. В. Булыгиной (см. схему 5 в п. 8.2), Е. В. Падучевой и др. Классификация З. Вендлера рассматривается также как основа для исследования категории вида (Х. Р. Мелиг и др.).

Понятие субъекта иногда используется в более широком смысле. Так, говорят о собственно логическом субъекте, а также о грамматическом (подлежащее), коммуникативном (тема) или семантическом. О понятии «тема» будет сказано ниже, в п. 12.4, посвященном коммуникативному членению предложения. Семантический же субъект по смыслу близок логическому, однако противопоставляется не только предикату, но, например, и объекту. В связи с этим изменяется и понятие предиката. Такое использование этих понятий восходит к логическому исчислению предикатов. В нем предикат понимается как пропозициональная функция с соответствующими переменными — семантическими валентностями. При заполнении валентностей конкретными именами (в логической терминологии — термы, в лингвистической — семантические актанты) предикат превращается в пропозицию (см. также п. 10.9). Для названия различных семантических валентностей и семантических актантов использовались, в частности, термины «субъект» и «объект». При таком подходе центром и самым важным компо-

нением пропозиции признается предикат, а субъект ставится в ряд других семантических актантов и считается «первым среди равных». В лингвистике концепция предикатов, валентностей и актантов была реализована сначала для синтаксиса (грамматика Л. Теньера). Позднее она получила и семантическое приложение. Наиболее известный ее вариант — падежная грамматика Ч. Филлмора. Эта же идеология используется и в модели «Смысл ↔ Текст» (см. в п. 10.9 о понятии модели управления).

В современных семантических теориях, однако, почти не используется термин «субъект». Вместо терминов «субъект» и «объект», оставшихся в синтаксических теориях, вводятся понятия агенса, пациенса, реципиента и др., которые называются семантическими ролями. Они позволяют выразить больше семантическое разнообразие и не связаны ни с какими синтаксическими ассоциациями. Их также называют падежами (глубинными или семантическими, чтобы не путать с грамматическим падежом). Такой подход к описанию пропозиции называется падежно-ролевым.

12.2. Структура пропозиции и падежная грамматика

При описанном выше понимании пропозиции (как предиката, валентности которого заполнены актантами) падежно-ролевой подход не является единственно возможным. Некоторые исследователи (П. Адамец, Дж. Мак-Коли, Е. В. Падучева и др.) различают актанты (или партиципранты) при каждом конкретном предикате с помощью нумерации. Разные актанты конкретного предиката получают разные номера, но отождествления семантически сходных актантов разных предикатов не происходит. Тем не менее падежно-ролевой подход оказывается значительно более популярным. Его преимущества В. В. Богданов объясняет следующими факторами. Во-первых, нумерация аргументов обеспечивает их различение и упорядочение, но, как уже сказано, не обеспечивает их отождествления. Падеж (или роль) содержит больше информации, чем номер, а пропозиция с падежной рамкой — больше, чем без нее. Во-вторых, падежно-ролевой подход позволяет более адекватно описать перифразирование и другие преобразования предложений. Так, понятие роли является ключевым при определении конверсивов и соответствующем синонимическом преобразовании. В-третьих, падежно-ролевой подход имеет давние корни в лингвистической традиции и может быть возведен к знаменитой древнеиндийской грамматике Панини, написанной в V в. до н. э.

Наиболее известным вариантом падежно-ролевого подхода следует считать падежную грамматику Ч. Филлмора.

Падежной грамматикой называется описание пропозиции (т. е. описание семантики предложения без модальной, коммуникативной и других рамок) с помощью понятия глубинного падежа, или роли. Первый вариант падежной грамматики был предложен Ч. Филлмором в рамках порождающей грамматики. Однако использование этого подхода в принципе не ограничивается порождающей моделью языка, так что падежная грамматика нашла применение в разных теориях и моделях.

Принципиальным для падежной грамматики является различение нескольких уровней, или различных типов, глубинных и поверхностных структур. Ч. Филлмор так формулирует выдвинутую им гипотезу: существует уровень структурной организации предложения, отличный от того, что понимают под семантическим представлением, и также отличный от понятий глубинного и поверхностного синтаксического представления структуры предложения. Теория падежей, как уже говорилось, связана с определением ядерных грамматических отношений в предложении — субъекта, объекта и косвенного объекта. Эта теория представляет собой описание семантических валентностей, которое является развитием теории синтаксических валентностей.

В основе теории лежит понятие **падежной рамки**, функция которой состоит в наведении связи между описанием ситуации и глубинными синтаксическими структурами. Падежная рамка приписывает семантико-синтаксические роли конкретным участникам ситуации.

В начальном варианте теории Ч. Филлмор вводит шесть, как он пишет, необходимых падежей (оставляя, впрочем, за собой право расширять этот набор):

1. Агентив (А) — падеж обычно одушевленного инициатора действия, идентифицируемого с глаголом.

2. Инструменталис (I) — падеж неодушевленной силы (или предмета), которая включена в действие или состояние, называемое глаголом, в качестве его причины.

3. Датив (D) — падеж одушевленного существа, которое затрагивается состоянием или действием, называемым глаголом.

4. Фактитив (F) — падеж предмета (или существа), который возникает в результате действия или состояния, называемого глаголом, или который понимается как часть значения глагола.

5. Локатив (L) — падеж, которым характеризуется местоположение или пространственная ориентация действия или состояния, называемого глаголом.

6. Объектив (O) — семантически наиболее нейтральный падеж, падеж чего-либо, что может быть обозначено существительным, роль которого в действии или в состоянии, идентифицируемом глаголом, определяется семантической интерпретацией самого глагола. Объектив бывает только у названия вещей, которые

затрагиваются состоянием или действием, идентифицируемым глаголом. Объектив не надо путать ни с прямым дополнением, ни с именем поверхностного падежа, являющимся просто синонимом для аккумулятива (винительного падежа).

Ни один из этих падежей нельзя интерпретировать как прямое соответствие поверхностным синтаксическим отношениям — подлежащему, прямому и косвенному дополнениям. Так, во фразах *Джон открыл дверь*, *Дверь была открыта Джоном* и *Ключ открыл дверь* существительное *Джон* независимо от своей синтаксической функции соответствует агентиву, а все три подлежащих представляют разные роли. Так, несмотря на сходство предложений *Джон открыл дверь* и *Ключ открыл дверь*, в первом из них подлежащее *Джон* — это агентив, а подлежащее второго предложения *ключ* — это инструменталис.

В падежной рамке конкретного предложения один и тот же глубинный падеж не должен повторяться.

Падежная грамматика получила широкое распространение в лингвистике, с ее помощью описаны различные языки. При этом она постоянно подвергалась критике, направленной прежде всего на отсутствие операциональных определений ролей и критериев их выделения. В результате окончательный общепринятый набор падежей так и не был установлен.

12.3. Имплицитные смыслы

12.3.1. Пресуппозиция и импликация

Значение предложения — пропозиция — представляет собой заведомо неэлементарную, более того, достаточно сложную структуру. Пропозициональные компоненты (эксплицитные и имплицитные), составляющие сложную пропозицию, находятся между собой в определенных отношениях и образуют определенную иерархию.

Анализ логической структуры предложения — это по существу анализ основной эксплицитно выраженной пропозиции. Он дополняется анализом имплицитных смыслов, содержащихся в предложении. К имплицитным смыслам относят пресуппозиции (презумпции), следствия (импликации), коннотаций, имплицатуры и т. п. Наиболее важными среди них следует считать **пресуппозиций** и **импликаций**, как бы обрамляющие основную пропозицию и в определенном смысле само высказывание¹. Можно сказать, что

¹ Точнее говорить о пресуппозиции и импликации именно высказывания, а не предложения, поскольку при их определении используются понятия аномальности, истинности и ложности, связанные с актуализацией предложения.

пресуппозиция предшествует высказыванию, поскольку определяет условия его уместности, а импликация следует за ним, так как выводится из его значения.

Понятие пресуппозиции было введено в философской логике. Фактически его использовал Г. Фреге, а позднее Б. Рассел, хотя они и не употребляли соответствующего термина. Сам термин и подробное определение пресуппозиции ввел П. Стросон. Некоторые лингвисты (например, Е. В. Падучева) используют в этом значении термин **презумпция**.

Существуют различные определения пресуппозиции, основанные на разных ее свойствах. Основным содержательным определением пресуппозиции является следующее.

Пресуппозицией называется такой пропозициональный компонент высказывания, ложность которого делает все высказывание неуместным (аномальным).

На существование аномальных высказываний обратил внимание Б. Рассел. Он говорил о том, что высказывание *Король Франции лыс* не может интерпретироваться ни как истинное, ни как ложное. Это вытекает из следующего рассуждения. В предложении содержится утверждение о короле Франции, т. е. оно подразумевает существование человека, которого мы можем сейчас называть королем Франции. Используя современную терминологию, можно сказать, что у данного высказывания есть пресуппозиция существования короля Франции. Поскольку известно, что в современной Франции короля нет, очевидно, что эта пресуппозиция ложна. Безусловно, что данное высказывание не может считаться истинным. Однако и ложным оно считаться не может, поскольку в этом случае истинным было бы его отрицание: *Не верно, что король Франции лыс*, или в более простом виде — *Король Франции не лыс*. Таким образом, можно сказать, что ложность пресуппозиции (т. е. ложность существования короля Франции) характеризует не только само данное высказывание, но и его отрицание. Поэтому правильно говорить не о ложности высказывания *Король Франции лыс*, а о его аномальности. Таким же образом, аномальным следует признать и соответствующее отрицание *Король Франции не лыс*. Этот факт не случаен, а связан с важнейшим свойством пресуппозиции: пресуппозиция сохраняется при отрицании.

Иногда это свойство кладут в основу определения пресуппозиции, но в действительности, как отмечает Е. В. Падучева, сохранение при отрицании — всего лишь частное проявление более общего свойства: не подвергаться действию никаких подчиняющих операторов, применяемых к предложению. Например, фраза *Я рад тому, что Петя тоже приехал* сохраняет пресуппозицию 'приехал кто-то еще', входящую в смысл исходного предложения *Петя тоже приехал*.

Существуют и более строгие операциональные определения. Так, можно сказать, что **пресуппозицией** называется такой пропозициональный компонент высказывания, истинность которого следует и из самого высказывания, и из его отрицания.

Чтобы убедиться в этом, можно рассмотреть другой пример. Как уже говорилось, фактивные предикаты подразумевают истинность зависимого предложения. Высказывание типа *Филипп знает, что Нью-Йорк — столица США* аномально, поскольку имеет пресуппозицию истинности суждения *Нью-Йорк — столица США*, а оно, напротив, ложно. Точно так же аномальным будет и отрицание высказывания, содержащего данный фактивный предикат и ложное суждение, *Филипп не знает, что Нью-Йорк — столица США*. При замене фактивного предиката *знать* каким-либо нефактивным, например *полагать*, мы получим нормальное высказывание: *Филипп полагает, что Нью-Йорк — столица США*. Оно может быть истинным или ложным в зависимости от реальных знаний Филиппа.

Пресуппозициями могут обладать не только утвердительные высказывания. Так, Ч. Филлмор указал, что просьба *Открой окно* имеет пресуппозицию 'окно закрыто'. В противном случае она аномальна. Точно так же аномально приглашение *Садитесь*, если оно адресовано к уже сидящим людям.

Понятие пресуппозиции было расширено, а именно было введено понятие **прагматической пресуппозиции**. **Прагматической пресуппозицией** высказывания называется пропозициональный компонент, который говорящий считает известным слушающему. Е. В. Падучева рассматривает такой пример. Вопрос *Это ты разбил чашку?* имеет прагматическую пресуппозицию 'чашка разбита'. Если собеседник в действительности не знает этого факта, то его естественной реакцией будет не ответ *Не я*, а что-то вроде *Какую чашку?*

Очевидно, что пресуппозиция возникает в результате каких-либо свойств отдельных слов, конструкций или грамматических категорий. Так, пресуппозиция высказывания *Филипп знает, что Нью-Йорк — столица США* определяется семантическими особенностями глагола *знать*, его фактивностью. Можно сказать, что фактивность является своего рода пресуппозитивным компонентом значения этого глагола, что и отличает его, например, от глагола *полагать*.

Таким образом, можно говорить о пресуппозитивных и асертивных компонентах значения отдельных лексем. Приведем еще один пример. У слова *жена* можно выделить, по крайней мере, два семантических компонента: 'женщина' и 'состоящий в браке'. Они не равноправны, как предполагалось при компонентном анализе. Компонент 'женщина' является пресуппозитивным, а компонент 'состоящий в браке' асертивным. Это видно из анализа

высказываний со словом *жена* в предикатной позиции. В высказывании *Маша — жена Пети* утверждается, что Маша состоит с Петей в браке, а не то, что Маша — женщина. В соответствующем отрицательном высказывании *Маша — не жена Пети* отрицается компонент ‘состоящий в браке’, а компонент ‘женщина’ сохраняется и составляет пресуппозицию высказывания.

В отличие от пресуппозиции импликация (следствие) подчиняется закону контрапозиции. **Импликацией** называется такая имплицитная пропозиция, из отрицания которой вытекает отрицание основной пропозиции.

Е. В. Падучева приводит такие примеры следствий:

Иван женат на Марии → ‘Иван женат’;
Мария съела пирог → ‘Пирог был съеден’.

Различие между пресуппозициями и импликациями Е. В. Падучева демонстрирует вслед за Т. Гивоном на примере предложения с фазовыми глаголами. Так, для предложения *В два часа Джон начал работать* можно выделить следующие имплицитные значения:

пресуппозиция — ‘В некоторый момент до двух часов Джон не работал’;

следствие — ‘В некоторый момент после двух часов Джон работал’.

Понятие импликации используется, в частности, и для определения значения всего предложения. Так, по аналогии с семантическими постулатами Карнапа, определяющими значение слова, можно считать, что значение предложения представляет собой множество его импликаций.

12.3.2. Пресуппозиция и ассерция

Особая роль пресуппозиции состоит в том, что именно она противопоставлена ассерции, или ассертивному компоненту предложения.

Можно говорить о еще одном разбиении значения предложения (точнее, его пропозиции) на два противопоставленных понятия — ассерцию и пресуппозицию. Из них ассерция выделяется, скорее, по остаточному принципу, основное же определение получает пресуппозиция.

Так, **ассерцией** называются прочие пропозициональные компоненты, остающиеся за вычетом пресуппозиции, которые могут быть истинными и ложными, что не приводит к аномальности, и которые отрицаются при отрицании. Таким образом, ассерция — это то, что утверждается, спрашивается, приказывается и т. д. в высказываниях с данной пропозицией.

Особый интерес представляет окказиональное использование пресуппозиции в качестве ассерции, т. е. мена ассерции и пресуппозиции. Р. Сталнейкер, рассматривающий понятие прагматической пресуппозиции, приводит следующий диалог:

— *Какая хорошенькая секретарша!*

— *Да, и ее муж тоже так думает.*

Истинное намерение человека, произнесшего вторую реплику, состоит в том, чтобы довести до сведения собеседника факт 'у секретарши есть муж'. Однако он маскирует этот семантический компонент как пресуппозицию, исходя из соображений вежливости и ненавязчивости, поскольку на пресуппозицию собеседник не обязан реагировать.

12.4. Коммуникативная структура предложения

Коммуникативная структура предложения иногда отождествляется с **актуальным членением** предложения. Термин «актуальное членение» введен чешским лингвистом В. Матезиусом, который и считается основоположником теории актуального членения. Его непосредственным предшественником был французский лингвист А. Вейль, на идеи которого В. Матезиус опирался. В дальнейшем теория актуального членения активно развивалась в рамках Пражской лингвистической школы.

Актуальное членение предложения представляет собой членение его значения на фрагменты в соответствии с их коммуникативными функциями, или ролями¹. В связи с этим актуальное членение называют также коммуникативным. Как правило, предложение членится на две части — **тему** и **рему**. Иногда говорят и о третьем члене. Его называют **связкой** или переходным элементом. Однако наличие третьего члена остается дискуссионным.

Темой называется семантически исходная часть предложения, т. е. предмет сообщения или то, о чем сообщается. Ремой называется то, что сообщается. Можно сказать, что рема и есть основное содержание предложения и тем самым его коммуникативный центр. Эти термины означают то же самое, что и **коммуникативный субъект** и **коммуникативный предикат**.

В предложении *Петя пошел в школу* тема совпадает с подлежащим — *Петя*. Ремой же является сказуемое с зависимыми словами — *пошел в школу*. В таких случаях говорят о совпадении актуального и грамматического членений предложения.

¹ Часто речь идет о членении на фрагменты самого предложения, а не его семантики, как в случае выделения различных рамок, и т. д. По-видимому, это не случайный факт. На то, что коммуникативное членение может быть связано не только с семантическими структурами, но и с поверхностными, указал У. Чейф.

Существуют предложения, которые плохо поддаются актуальному членению или не поддаются ему вовсе. Так, в бытийных предложениях типа *Идет дождь* или *Нет денег* невозможно провести членение на тему и рему. Такие предложения называются нерасчлененными. Однако возможна и другая их интерпретация: они могут рассматриваться как состоящие из одной ремы.

Одной из основных задач в теории актуального членения является описание языковых средств, которые это членение маркируют. Главными средствами передачи актуального членения в русском языке являются порядок слов и интонация. Так, фразы *Папа вошел в комнату* и *В комнату вошел папа* различаются актуальным членением. В первом предложении темой является подлежащее *папа*, а ремой — группа сказуемого *вошел в комнату*. Во втором предложении темой является словосочетание *в комнату вошел*, а ремой — *папа*.

Рема, как правило, выделяется интонационно с помощью фразового ударения. Теме же соответствует повышение тона. Интонация и порядок слов — два формальных признака актуального членения — обычно взаимодействуют. Определяется также максимально нейтральный порядок слов с максимально нейтральной интонацией. Для такого нейтрального типа определяются нормальные позиции темы и ремы. В стилистически нейтральной литературной речи тема нормально предшествует реме, а фразовое ударение находится в конце предложения. В Матезиус использовал для такого порядка слов термин «объективный». Кроме порядка слов и интонации, существуют и другие языковые средства передачи актуального членения. Среди этих средств встречаются как отдельные частицы и наречия, так и конструкции.

Во многих европейских языках существуют особые конструкции, выделяющие рему. В английском языке — это *It is... that*, во французском — *C'est... qui*, в немецком — *Es ist... der*. Рема таким образом выносится вперед и выделяется специальными словами. Для языков с более или менее фиксированным порядком слов этот способ также является весьма важным. Среди частиц и наречий, выделяющих рему, в русском языке следует отметить *только, лишь, именно* и др.: *Именно Петя сегодня прогулял школу* или *Только Петя сегодня прогулял школу*. Напротив, тему выделяют частицы *а* и *же*: *А Петя сегодня прогулял школу*.

Одним из способов различения темы и ремы является исследование вопросно-ответной пары. Можно сказать, что тема содержится в вопросе, а рема — в ответе. В связи с этим особое значение приобретает классификация вопросов, предложенная Ш. Балли и основанная на противопоставлении диктума и модуса. В грамматике различаются два вида вопросов: частичные (*Кто пришел?*) и полные, предполагающие ответы типа *Да* или *Нет* (*Павел здесь?*). Ш. Балли обратил внимание на то, что в действительности пол-

ных вопросов не бывает, так как вопрос не может относиться к диктуму и модусу, вместе взятым. Он предложил различать четыре типа вопросов, получаемых в результате комбинации двух признаков (частичный/полный, диктальный/модальный):

1. Частичный диктальный вопрос, относящийся к неизвестной части диктума и призванный дополнить известную часть: *Кто вышел? — Павел.*

2. Полный диктальный вопрос, относящийся ко всему диктуму: *Что происходит? — Автомобиль задавил прохожего.*

3. Полный модальный вопрос, в котором сформулирован весь диктум и запрашивается подтверждение его действительности. Такие вопросы подразумевают ответы *Да, Нет, Возможно* и подобные им: *Павел уже ушел в школу? — Да.*

4. Частичный модальный вопрос, запрашивающий подтверждение части диктума. Такие вопросы также подразумевают ответы *Да, Нет, Возможно* и т.д.: *Ты ли это сделал? — Да. — В школу ли пошел Павел? — Возможно.*

Такая классификация дает, в частности, представление об актуальном членении вопросов. В частичном диктальном вопросе вопросительное слово указывает на ремю. Полный диктальный вопрос указывает на нерасчлененное предложение (состоящее целиком из ремы). В полном модальном вопросе все предложение является темой, а ремой — его отношение к действительности. Наконец, в частичном модальном вопросе имеет место дополнительное выделение в ремю части диктума.

Исследования по актуальному членению встраиваются в современную лингвистику в рамки лингвистики текста и связываются с изучением коммуникативных и других интенций говорящего.

Однако в действительности актуальное членение не исчерпывает коммуникативной структуры предложения. Можно говорить о различных типах членения предложения или выделения его фрагментов в связи с другими коммуникативными категориями. Целью подобных операций является, как отмечает американский лингвист У.Чейф, приспособление говорящего к текущему сознанию адресата. У.Чейф подчеркивает, что речь идет не о самом содержании сообщения, а о способах его передачи. Для всего комплекса явлений такого рода он использует термин **упаковка**. Однако более распространенными следует считать термины **коммуникативная структура** или **коммуникативная организация предложения**.

Кроме терминов «тема» и «рема», существуют и другие пары противопоставленных терминов и даже отдельные термины. Следует назвать пары **топик** и **комментарий**, **данное** и **новое**, **известное** и **неизвестное**, **фон** и **фигура**, а также термины **эмфаза**, **контрастивность** (и **фокус контраста**), **точка зрения**. Некоторые из них

определены недостаточно четко, некоторые смешиваются друг с другом, тем не менее они заслуживают комментария.

Термин «контрастивность» изначально означал выделение фрагмента предложения с помощью специального фразового ударения: *Рональд приготовил сэндвичи* или *Рональд приготовил сэндвичи*. Поэтому можно говорить о контрастной теме или реме. Содержательно же контрастивные предложения можно рассматривать как ответы на частичные диктальные вопросы по Балли: *Кто приготовил сэндвичи?* или *Что приготовил Рональд?* При этом обязательно подразумевается альтернатива, наличие нескольких возможных кандидатов, из которых выбирается единственный. О нем говорят, что он находится в фокусе контраста. Если определять контрастивность на содержательной основе, то она может выражаться не только фразовым ударением, но и особым порядком слов и специальными конструкциями. При такой интерпретации понятие контрастивности приближается к достаточно нечеткому понятию **эмфазы (выделения)**.

Термин «**топик**» иногда просто заменяет термин «**тема**», а иногда используется как синоним термина «контрастная тема». Соответственно «комментарий» близок к понятию «рема».

Понятия «известное» и «неизвестное» связаны, как следует из внутренней формы самих терминов, с предполагаемыми знаниями адресата. Так, во фразе *Ко мне подошел мой знакомый по имени Ваня* предполагается, что *мой знакомый по имени Ваня* относится к неизвестному. Напротив, во фразе *Ко мне подошел Ваня* объект *Ваня* относится к известному. Категория известности очевидным образом коррелирует с грамматической категорией определенности.

Понятия «**данное**» (или «**старое**») и «**новое**» также связаны со знанием, но не с его наличием, а с его активизацией. Данным называется то знание, которое, по мнению говорящего, присутствует в сознании слушающего во время речевого общения, т.е. знание активизированное. Тема обычно является данным, а рема — новым, хотя это и не обязательно. Так, в тексте *Мы вышли из поезда. Носильщики пробежали мимо, переругиваясь на ходу* подлежащее второго предложения, будучи темой, относится к новой информации.

Понятие «**точка зрения**» определяет, с чьей позиции описывается событие. Здесь играет роль выбор предиката, дескрипции, диатезы. Так, конверсивы описывают событие с разных точек зрения: *Петя продал Ване машину* (позиция Пети) и *Ваня купил у Пети машину* (позиция Вани). С. Куно приводит пример, когда точка зрения определяется выбором дескрипции: *Джон ударил свою жену* (позиция Джона) и *Муж Мэри ударил ее* (позиция Мэри). Участник ситуации, чью позицию выбрал говорящий, находится в фокусе эмпатии.

Термины «фон» и «фигура» используются в когнитивной лингвистике и означают степень значимости, или выделенности, участников ситуации (большей для фигуры и меньшей для фона).

Кроме бинарных противопоставлений, следует отметить понятие **коммуникативного динамизма**, рассматриваемое как градуальная шкала или степень. Это понятие развивалось в Пражской лингвистической школе. Я. Фирбас определяет коммуникативный динамизм элемента предложения как вклад, который данный элемент вносит в развитие коммуникации.

В заключение нужно отметить некоторую неоднородность понятий, относящихся к коммуникативной организации предложения, и их взаимосвязи с другими аспектами семантики предложения, например с референтным и прагматическим.

12.5. Перформативы и перформативная гипотеза

Понятие **перформатива** было предложено английским философом Дж. Остином и легло в основу теории речевых актов (см. об этом подробнее в главе 22). Перформативы (или перформативные высказывания) по своей структуре совпадают с повествовательными предложениями. Однако, в отличие от последних, они не описывают действие, а равносильны осуществлению действия. Произнесение высказывания *Я клянусь в том-то и том-то* является самой клятвой, а не описанием того действия, которое говорящий выполняет в момент речи. Свойством перформативности обладают некоторые глаголы, точнее говоря, глагольные формы изъявительного наклонения настоящего времени первого лица. Их употребление в высказывании делает высказывание перформативом. Таковы, например, формы *клянусь, обещаю, нарекаю, благодарю*. Большинство же глаголов этим свойством не обладает. Так, фраза *Я пишу письмо* очевидным образом именно описывает действие, а не является таковым. Произнесение слов *Я пишу* не может заметить само писание.

Свойство перформативности не является безусловным следствием семантики глагола. Так, не обладают перформативностью многие глаголы выражения чувств и говорения. Например, высказывания со словами *Я благодарю* относятся к перформативным, а высказывания с близким по смыслу словосочетанием *Я чувствую признательность* всего лишь описывают внутреннее состояние.

Интересно, что другие формы перформативных глаголов, как правило, не обладают перформативностью. Например, высказывания с глаголами в форме 3-го лица или в форме прошедшего времени не относятся к перформативным:

Он обещает, что придет к нам в гости (ср. *Я обещаю, что приду к вам в гости*);

Я же еще вчера обещал, что приду к вам в гости.

Тем не менее возможны и перформативные высказывания с другими формами перформативных глаголов (примеры Е. В. Падучевой):

Пассажиров просят пройти на посадку в третью секцию;

Следует заметить, что вопрос не такой простой;

Я попрошу Вас выбирать выражения.

Перформативные высказывания истинны как бы уже в силу их произнесения. Говоря *обещаю*, человек тем самым дает обещание, а говоря *благодарю*, благодарит. Говоря же *Я чувствую признательность*, человек может и обманывать, поскольку это не соответствует его внутреннему состоянию. Точнее сказать, перформативы вообще не могут оцениваться по шкале истинности, поскольку не описывают, а формируют ситуацию.

В качестве альтернативной оценки перформативов Дж. Остин предложил понятие успешности, которая определяется рядом условий:

(A1) Должна существовать общепринятая конвенциональная процедура, приводящая к определенному конвенциональному результату и включающая в себя произнесение определенных слов определенными лицами в определенных обстоятельствах.

(A2) Конкретные лица и обстоятельства в каждом данном случае должны быть пригодны для проведения той конкретной процедуры, к которой мы обращаемся посредством перформатива.

(B1) Процедура должна выполняться всеми ее участниками правильно.

(B2) Процедура должна выполняться всеми ее участниками с требуемой полнотой.

(Г1) Если процедура предназначена для выполнения лицами, движимыми определенными мыслями или чувствами, или является началом нового этапа в последующем поведении любого из участников, тогда каждое лицо, участвующее в процедуре и, следовательно, реально обратившееся к ней, должно действительно испытывать эти мысли и чувства, и все участники должны иметь подлинное намерение совершать соответствующие поступки.

(Г2) Впоследствии они действительно должны вести себя соответствующим образом.

Нарушение любого из этих шести условий приводит к перформативной неудаче. Дж. Остин строит классификацию коммуникативных неудач, опираясь на типы нарушений. Нарушения правил А и В называются осечками, а нарушения правил Г, т. е. нарушения, связанные с неискренностью участников ситуации, называются злоупотреблениями. Осечки, в свою очередь, делятся на нарушения правил применения процедуры (нарушения правил А), ошибки (нарушения правила В1) и препятствия (нарушения правила В2).

Классификация Дж. Остина стала прообразом различных классификаций коммуникативных неудач (см. об этом в главе 22).

Принципиально важным для описания семантики высказывания оказалось сравнение эксплицитных и неэксплицитных (первичных) перформативов. Эксплицитность достигается, например, с помощью глагола в форме 1-го лица. По мнению Дж. Остина, первичное высказывание типа *Я там буду* и эксплицитный перформатив *Я обещаю, что я там буду* имеют одну и ту же коммуникативную цель. Эта цель — обещание, и в эксплицитном перформативе она эксплицируется глаголом *обещать*. Эксплицитность может достигаться и другими средствами, например глагольным наклонением, тоном голоса, частицами типа *хотя, поэтому* и др.

Равнозначность эксплицитных и неэксплицитных перформативов позволила сделать следующий шаг в развитии теории речевых актов. В семантике неэксплицитного перформатива присутствует соответствующий глагол, определяющий иллокутивную цель высказывания (о понятии иллокутивной цели подробнее см. в главе 22). Оказалось возможным также расширение этой процедуры описания на все высказывания. В принципе, любое высказывание можно рассматривать как неэксплицитный перформатив, поскольку любое высказывание имеет коммуникативную цель и иллокутивную силу, а это означает, что в его семантике присутствует перформативный глагол. Иначе говоря, в семантике любого высказывания вычленяется скрытый перформативный предикат.

Такой подход к описанию значения высказывания получил название **перформативной гипотезы**. Суть ее состоит в том, что семантика предложения описывается следующей структурой: 'Я + перформативный глагол + имя адресата + основная пропозиция'. Первые три компонента составляют так называемую **прагматическую рамку**. Прагматическая рамка выражает коммуникативную установку говорящего, или, иначе говоря, его коммуникативные намерения. Это понятие очень близко понятию пропозициональной установки и либо заменяет ее, либо рассматривается как ее составная часть (наряду с модальностью).

Рекомендуемая литература

- Адамец П. Образование предложений из пропозиций. — Прага, 1978.
Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. — М., 1976.
Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. — М., 1988.
Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М., 1955.
Богданов В.В. Моделирование семантики предложения // Прикладное языкознание. — СПб., 1996. С. 161 — 200.
Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. — М., 2000.

Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. — М., 1976.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). — М., 1985.

Сусов И.П. Семантическая структура предложения. — Тула, 1973.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. — М., 1981. С. 369—495.

Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. — М., 1981. С. 496—530.

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. — М., 1972.

Чейф У.Л. Значение и структура языка. — М., 1975.

Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. — М., 1982. С. 277—316.

Vendler Z. *Linguistics in philosophy*. — Ithaca; New York, 1967.

ГЛАВА 13

ТЕКСТ И ДИСКУРС

Существует несколько названий для раздела лингвистики, изучающего языковые знаки, более крупные, чем предложение: **лингвистика текста**, **грамматика текста**, **теория текста** и **анализ дискурса**. За разнообразием названий скрывается и разнообразие подходов, по крайней мере, если сравнить наиболее признанные из них — лингвистику текста и анализ дискурса. Оба основных термина этого раздела лингвистики — текст и дискурс — неоднозначны и по-разному понимаются представителями разных направлений. Однако сам выбор одного из них в качестве главного и исходного является значимым, поскольку определяет круг исследуемых явлений. В лингвистике текста речь идет прежде всего о формальных и семантических закономерностях, в анализе дискурса в большей степени привлекаются факты прагматики (хотя это противопоставление, как будет видно из различных дефиниций, достаточно условно). Соответственно можно назвать разные традиции изучения текста и дискурса: традиционная европейская лингвистика текста, французская школа анализа дискурса и англо-американская школа анализа дискурса. В России в первую очередь представлена лингвистика текста (в работах В. Г. Гака, С. И. Гиндина, Т. М. Николаевой, Е. В. Падучевой и других ученых). Основное развитие всех этих школ и направлений начинается сравнительно поздно — в 60-е годы XX в.

13.1. Объекты исследования. Основные определения

Существует много разных интерпретаций и определений текста. В частности, в нетерминологическом употреблении слово «текст» обозначает нечто написанное (и наоборот, «речь» обозначает произнесение, но не письмо). Однако в лингвистической терминологии это противопоставление, как правило, не используется. Так, говорят и об устной, и о письменной речи и соответственно о письменном и устном тексте. Именно поэтому иногда понятия текста и речи отождествляют. В. Б. Касевич указывает на две интерпретации термина «текст» — широкую и узкую. Текст в широком смысле — то же самое, что речь. Текст в узком смысле — это единица речи, т. е. тем самым единица текста в широком смысле.

Более регулярным следует признать второе употребление, а именно текст в узком смысле. Но и при таком подходе возникает определенная проблема: ведь текст можно рассматривать не только как единицу речи, но и как единицу языка, причем самую крупную. Так, Т. М. Николаева в Лингвистическом энциклопедическом словаре (ЛЭС) определяет **текст** как объединенную смысловой связью последовательность знаков, что не противоречит рассмотрению текста в рамках языка. Тем не менее, если слово понимается прежде всего как единица языка (хотя можно говорить и об актуализованном слове), для ранга предложения/высказывания обе интерпретации по существу равноправны, так что используются два разных термина, текст естественнее рассматривать именно в рамках речи.

Во-первых, в отличие от предложения для текста не существует никаких внеположенных ему схем, которые могли бы заполняться лексически. Соответственно тексты невозможно исчислить и даже инвентаризовать. Для текстов не имеет смысла говорить и о каких-либо ограничениях по длине. Для предложений такие ограничения существуют если не с теоретической, то хотя бы с практической точки зрения. Так, существуют рассказы и другие художественные произведения, состоящие из одного предложения, но это следует рассматривать как художественный прием, нарушение обычного порядка вещей. Возможность продолжения текста часто заложена в самой его природе. Такие тексты, например, как летописи или хроники, подразумевают постоянное дописывание и пополнение. Таким образом, о тексте едва ли можно говорить, что он существует в языке, подобно слову, или строится по определенным правилам, как предложение. Поэтому странно говорить о существовании текста в языковой системе, хотя, безусловно, можно исследовать синтагматические отношения компонентов текста.

Во-вторых, для текста условия его использования оказываются одной из важнейших конституирующих текст характеристик.

Среди основных свойств текста называют **связность** и **цельность**. В ЛЭС полное определение текста дается следующим образом: «Объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность».

Понятие связности основывается на структурных особенностях текста, его правильности или неправильности. Понятие цельности означает единую функциональную направленность текста, т. е., по существу, подразумевает употребление текста, его функционирование в речи. Таким образом, текст является результатом речевого производства (т. е. речи как процесса) и тем самым максимальной единицей речи.

Основным для текста становится его операциональное определение. Это означает выделение критериев, с помощью которых можно выяснить, является ли данный фрагмент речи или данная

последовательность высказываний текстом (об этих критериях будет сказано в п. 13.2).

Как уже говорилось выше, наряду с термином «текст» в различных лингвистических теориях и школах используется термин «дискурс», причем разброс в его употреблении наблюдается еще больший.

Так, П. Серио, представитель французской школы анализа дискурса, различает, по крайней мере, восемь его различных понятий:

1. Эквивалент понятию речь в сосюрвовском смысле, т. е. конкретные высказывания.

2. Единица, по размеру превосходящая фразу, высказывание в глобальном смысле; то, что является предметом исследования «грамматики текста», которая изучает последовательность отдельных высказываний.

3. В рамках теорий высказывания или прагматики «дискурсом» называют воздействие высказывания на его получателя и его вклад в «высказывательную» ситуацию (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания).

4. При специализации значения 3 данный термин обозначает беседу, рассматриваемую как основной тип высказывания.

5. У французского лингвиста Э. Бенвениста «дискурсом» называется речь, присваиваемая говорящим, в противоположность «повествованию», которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания.

6. Иногда противопоставляются язык и дискурс, с одной стороны, как система мало дифференцированных виртуальных значимостей и, с другой — как диверсификация этой системы на поверхностном уровне (т. е. система, более дифференцированная), связанная с разнообразием употреблений, присущих языковым единицам. Различается, таким образом, исследование элемента в языке и его исследование в дискурсе.

7. Термин «дискурс» часто употребляется также для обозначения системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции. Так, когда речь идет о «феминистском дискурсе» или об «административном дискурсе», рассматривается не отдельный частный корпус, а определенный тип высказывания, который предполагается характерным для вообще феминисток или административных работников.

8. Во французском анализе дискурса разграничиваются понятия высказывания и дискурса. Высказывание (в таком понимании) — это последовательность фраз, заключенных между двумя семантическими пробелами, двумя остановками в коммуникации. Дискурс — это высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного

механизма, который им управляет. Таким образом, взгляд на текст с позиции его структурирования «в языке» определяет данный текст как высказывание; лингвистическое исследование условий производства текста определяет его как «дискурс».

Как видно из перечисленного набора дефиниций, в некоторых случаях термин «дискурс» полностью синонимичен термину «текст» (1, 2, 6). Лингвисты, которые употребляют термин «дискурс» подобным образом, как правило, заменяют им термин «текст», так что можно сказать, что реальная синонимия достаточно редка: «текст» и «дискурс» в совпадающих значениях, скорее, существуют в разных терминологических системах. Что же касается остальных значений, то в 3, 4, 5 и 8-м подчеркивается прагматический аспект рассматриваемого явления. Подобное словоупотребление и противопоставление термину «текст» или аналогичным терминам отчасти близко современному употреблению термина «высказывание», которое так же противопоставлено термину «предложение». По сути, обозначая один объект, они подчеркивают разные его стороны, причем прежде всего структурный аспект противопоставлен прагматическому или коммуникативному. Особый интерес представляет дефиниция 7, где существенными оказываются еще и социальный, и культурный аспекты. Такое понимание дискурса представлено и в ЛЭС. Автор статьи о дискурсе Н. Д. Арутюнова определяет его как связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами.

В лингвистике текста используется также термин, обозначающий объект, промежуточный между предложением и текстом, — **сверхфразовое единство**. Этот лингвистический конструкт нужен прежде всего, чтобы изучать семантические механизмы, которые обеспечивают связность текста, абстрагируясь от статуса изучаемого объекта, его цельности, завершенности и под.

Так, сверхфразовое единство — *В комнату вошел человек. В руках он держал стул* — по-видимому, нельзя считать текстом, так как описание событий очевидным образом не завершено и целевая направленность остается неясной. Тем не менее в рамках этого сверхфразового единства можно изучать действие механизмов анафоры (*человек — он*) и коммуникативного динамизма (отношения тем и рем двух предложений). Соединение сверхфразовых единств, будучи актуализованным, может, в принципе, сформировать текст, а из текста, в свою очередь, можно вычленять различные сверхфразовые единства.

Существуют и другие единицы, занимающие промежуточное место между предложением и текстом, например **абзац, параграф, глава** и т. д. В отличие от сверхфразового единства они являются не лингвистическими конструктами, а реальными элементами композиции текста.

13.2. Текстуальность и ее критерии

Главный вопрос, связанный с текстом, состоит в том, какой фрагмент речи или какую последовательность высказываний следует считать текстом. Иногда эту проблему формулируют в иных терминах. Так, говорят о свойстве **текстуальности** (по существу — свойстве ‘быть текстом’) и о свойствах, или критериях, его определяющих. Основным критерием текстуальности принято считать упомянутую выше **связность**.

Существуют попытки определить связность через уже известные лингвистические понятия, например через актуальное членение. Так, согласно одной из гипотез связность определяется движением тем и рем высказываний, причем темы скрепляют текст, а ремы передают новую информацию (ремы одних высказываний, в частности, становятся темами следующих за ними): *Мы вошли в дом. В доме пахло сыростью. Сырость эта, казалось, идет из самой земли.*

Кроме того, текстуальность обеспечивается общим фондом знаний говорящего и адресата, общими пресуппозициями и коммуникативными принципами (см. п. 23.4).

В анализе дискурса (англоязычном направлении) вместо недостаточно четкого термина «связность» используют термины **когезия** (cohesion) и **когерентность** (coherence). Фактически речь идет о внутренней (структурной) и внешней (прагматической) связности. Когезией называется связь элементов текста, при которой интерпретация одних элементов текста зависит от других. Когерентностью называется связность, привносимая чем-то внешним по отношению к тексту, прежде всего знаниями его адресата. На основании этих знаний адресат может конструировать определенные ожидания и достраивать связи, отсутствующие в тексте в явном виде.

Рассмотрим в качестве примера короткий рассказ Д. Хармса «Происшествие на улице».

• Однажды один человек соскочил с трамвая, да так неудачно, что попал под автомобиль. Движение уличное остановилось, и милиционер принялся выяснять, как произошло несчастье. Шофер долго что-то объяснял, показывая пальцами на передние колеса автомобиля. Милиционер ошупал эти колеса и записал в книжечку название улицы. Вокруг собралась довольно многочисленная толпа. Какой-то человек с тусклыми глазами все время сваливался с тумбы. Какая-то дама все оглядывалась на другую даму, а та, в свою очередь, все оглядывалась на первую даму. Потом толпа разошлась и уличное движение восстановилось.

Гражданин с тусклыми глазами еще долго сваливался с тумбы, но наконец и он, отчаявшись, видно, утвердился на тумбе, лег просто на тротуар. В это время какой-то человек, несший стул, со всего размаха угодил под трамвай. Опять пришел милиционер, опять собралась толпа и

остановилось уличное движение. И гражданин с тусклыми глазами опять начал сваливаться с тумбы.

Ну, а потом опять все стало хорошо, и даже Иван Семенович Карпов завернул в столовую.

Основным средством когезии является повтор одних и тех же элементов. Прежде всего выделяется **лексический повтор**. Так, в рассказе Хармса трижды повторяются слова *милиционер*, *тумба* и столько же раз определение *с тусклыми глазами*.

Не менее важную роль играет **семантический повтор**: именные группы *человек с тусклыми глазами* и *гражданин с тусклыми глазами* связаны не только лексическим повтором, но и повтором смысла 'человек', поскольку слово *человек* является гиперонимом по отношению к существительному *гражданин*. Одним из видов семантического повтора является использование в тексте синонимов. Повтор смысла 'транспорт' связывает слова *автомобиль*, *шофер*, *колесо*. Обобщая, можно сказать, что средством когезии является вообще подбор тематической лексики, т. е. лексики, относящейся к одному семантическому полю, и соответственно повтор в тексте интегральных признаков этого поля. По существу любые парадигматические отношения в лексике могут способствовать текстовой когезии. Например, антонимия: *Старые друзья уходят, и это плохо. Новые друзья приходят, и это хорошо*. Когезия обеспечивается параллелизмом конструкций и целым рядом антонимов: *старые — новые, уходят — приходят, плохо — хорошо*.

Для слов *милиционер*, *тумба*, а также именных групп *какой-то человек с тусклыми глазами* и *гражданин с тусклыми глазами* имеют место не просто лексический или семантический повторы, но и совпадение референта этих именных групп. Иными словами, они обозначают одни и те же объекты. Такое отношение между именными группами в тексте называется **корреферентностью**. В это отношение с именными группами *какой-то человек с тусклыми глазами* и *гражданин с тусклыми глазами* вступает и местоимение *он* (см. также пары *какая-то дама* и *первая дама*; *другая дама* и *та*; *передние колеса автомобиля* и *эти колеса*).

Местоимения типа *он*, *та*, *этот*, *это*, *там* и подобные им, будучи употреблены в тексте, как правило, отсылают к какому-то другому фрагменту текста. Синтагматическое отношение между словами или словосочетаниями, состоящее в том, что в смысл одного выражения входит отсылка к другому, называется **анафорическим** (или **анáфорой**). Первый член такого отношения называется **антецедентом**, а второй — **анáфором**. Слова, словарное толкование которых содержит такую отсылку, т. е. предназначенные для участия в таких отношениях, называются **анафорическими**. Анафорическая функция (отсылка к фрагменту текста) может совмещаться с дейктической (отсылка к речевому акту и его условиям; см. п. 23.2). Так, русское местоимение *это* оказывается универсальным ана-

форо-дейктическим словом, которое может отсылать по существу к любому фрагменту текста (от слова до текста) и к любому фрагменту действительности.

Анафора и кореферентность, которую можно рассматривать как частный случай анафоры, также обеспечивают когезию в тексте. Еще одним поверхностным способом выражения когезии следует считать **эллипсис**. Эллипсисом называется пропуск в тексте подразумеваемой языковой единицы. В данной конкретной функции эллипсис восстанавливается на основании предшествующего контекста: *Петя обещал подарить Маше собаку, а она ему — кошку*. Сходную с эллипсисом функцию выполняют неполные ответы и вообще неполные реплики в диалоге:

- *Дети, вы сделали домашнее задание?*
- *Не сделали.*

Обеспечивать связность текста могут и специально предназначенные для этого слова, иногда называемые **дискурсивными**. К ним в первую очередь относятся частицы и союзы. Например, в диалоге:

- *Ты бы шел домой.*
- *Почему?*
- *Ведь уже поздно —*

частица *ведь* обеспечивает когезию двух реплик одного собеседника и связывает их причинно-следственной связью.

В другом тексте союз *а* также обеспечивает его когезию и подчеркивает коммуникативную структуру (тему и рему): *Я ехал в метро. Вдруг входит мужик и говорит мне: «Подвинься». А я ему говорю... А он мне...*

По отношению к рассмотренным явлениям используют термины **межфразовые отношения** и **межфразовые связи**. Это не совсем точно, так как почти все описанные средства когезии могут действовать и в рамках предложения, и вне его. Следует все же сказать, что некоторые из них достаточно редко встречаются в одном предложении и почти не встречаются в простом предложении, например лексический повтор.

Возвращаясь к рассказу Д. Хармса, нужно отметить его связность с точки зрения коммуникативного динамизма. Ремы превращаются в темы следующих предложений, а новая информация и новые объекты вводятся с помощью специальных средств, например местоимений: *один человек, какая-то дама*. В дальнейшем эта информация используется уже как данное. Таким образом обеспечивается когерентность текста. Однако в рассказе есть место, где когерентность нарушается. В последней фразе *...и даже Иван Семенович Карпов завернул в столовую* имя собственное *Иван Семенович Карпов* появляется в тексте в первый раз. При этом оно не предваряется никакими специальными средствами, маркирующими новую информацию. Это означает, что говорящий (в данном случае — автор рассказа) подразумевает, что Иван Семенович

Карпов известен обычному читателю, т. е. вообще является известной личностью, хотя это в действительности и не так. Более того, именно такое использование имени создает эффект неожиданности, который влечет за собой и другие следствия.

Из свойств когезии и когерентности вытекает и одно более частное, но не менее интересное свойство текста. Некоторый фрагмент текста может быть полностью предопределен семантическими связями данного текста. В этом случае говорят об **ожиданиях адресата** или о **горизонте ожидания** (цепочка предсказываемых текстовых элементов).

Кроме внутренней и внешней связности, упоминалось еще одно важное свойство текста и соответственно критерий текстуальности. Свойство цельности, как уже сказано, основывается прежде всего на функциональном аспекте. Однако некоторые элементы структуры текста также определяют его цельность. Речь идет о специфике начального и в меньшей степени конечного фрагментов текста, называемых соответственно **зачином и концовкой**.

В различных языках существуют специальные средства оформления зачина, часто распределенные по разным жанрам. Так, для русской сказки характерны зачины типа *Жили-были...* (*Жил да был...*) или *В тридевятом царстве...*; для английской — *Once upon a time...* Часто в зачине фиксируется место или время, характеризующее описываемые события. Например, в рассказе Д. Хармса используется классический зачин *Однажды...* фиксирующий время, хотя и неопределенное.

В рассказе есть и концовка, своего рода подведение итога: *Ну, а потом опять все стало хорошо...* Проблему снова создает последняя фраза *...и даже Иван Семенович Карпов завернул в столовую*, поскольку содержит не только пресуппозицию известности Карпова (которая, как уже сказано, нарушена), но и пресуппозицию положительной оценки описываемого факта, что также кажется читателю странным. Иначе говоря, с точки зрения структуры рассказ Хармса представляет образцовый пример текстуальности, за исключением последней фразы, нарушающей когерентность и цельность текста.

В анализе дискурса вместо свойства цельности используется несколько более простых свойств: интенциональность, информативность, ситуационность и приемлемость.

Интенциональностью называется сознательное намерение достичь определенных целей с помощью данного текста, т. е. единая целевая установка (аналог иллокутивной силы у высказывания).

Критерий **информативности** означает, что текст в целом должен содержать новую и понятную информацию.

Критерий **ситуационности** означает, что должна быть учтена ситуация, в которой осуществляется речь или с которой данный текст связан.

Особый интерес представляет собой прагматический критерий **приемлемости**. Он означает согласие адресата или определенной аудитории рассматривать данную последовательность предложений в качестве текста. Этот критерий оказывается иерархически важнее всех других, в том числе структурных. Любой, даже несвязный, набор предложений может при определенных условиях оцениваться как текст. При этом главную роль играют параметры речевой ситуации: кто является говорящим, кто — адресатом, какова речевая ситуация. Так, в рассказе Д. Хармса важны личность автора и сам факт публикации рассказа. Как правило, читатель знает, что от писателя Хармса надо ждать нарушения обычной логики и обычной связности. Именно поэтому последняя фраза рассказа, нарушающая связность, не разрушает текстуальность в целом, а, напротив, создает особый комический эффект.

Можно привести примеры и более явных нарушений всех принципов, кроме приемлемости. Таковы, например, диалоги в пьесах Э. Ионеско и других представителей театра абсурда, а также различные речевые ритуалы (см. главу 5), когда аудитория в силу разных причин (сакральность, торжественность, обязательность и т.д.) не вправе прервать непонятную или несвязную речь и вынуждена принимать ее продукт в качестве текста.

Наконец, надо упомянуть еще один важный критерий определения текста — **интертекстуальность**. Он означает наличие определенных формальных и семантических отношений между данным текстом и другими текстами. Данный критерий важен, поскольку обеспечивает возможность объединения текстов в более крупные тексты и даже просто возможность продолжения текста.

13.3. Типология текстов

На сегодняшний день не существует единой и общепринятой классификации текстов, что, по-видимому, обусловлено свойствами текста вообще и невозможностью задать какое бы то ни было исчисление текстов в частности. И все-таки выделены некоторые важные признаки, определяющие соответствующие классы текстов.

В 1950-е годы Э. Бенвенист показал, что времена французского глагола разделяются на две группы — **времена повествования**, абсолютно независимые от пространственно-временных координат говорящего, и **времена дискурса**, которые интерпретируются только с помощью этих координат. Таким образом, учет роли говорящего позволяет выделить два основополагающих типа текстов.

Одну из самых известных классификаций текстов предложил Э. Верлих. Он выделил пять идеальных типов текста: **дескриптивный** (описательный), **нарративный** (повествовательный), **экспланаторный** (объяснительный), **аргументативный** и **инструктивный**. Несмот-

ря на то что в основе данной классификации лежит функциональная установка, каждому из классов соответствуют и специфические структурные черты.

Исследование нарративных текстов (нарратология) оказалось чрезвычайно плодотворным и по сути составило отдельную отрасль науки, выходящую за рамки традиционной семантики и находящуюся на пересечении различных наук: прежде всего семиотики, литературоведения и лингвистики, но также философии, социологии, психологии и др. Первоначально нарратология развивалась французскими специалистами по семиотике, такими, как Р. Барт, К. Бремон, А. Греймас, Ж. Женетт, К. Леви-Стросс, Ц. Тодоров и др., но в основе ее лежат также работы русских формалистов, в первую очередь В. Я. Проппа о русской сказке.

Среди основных терминов нарратологии (не относящихся собственно к лингвистической семантике) — сюжет, персонаж, роль, время, событие, точка зрения, голос, фокализация. Последние три термина (точка зрения, голос и фокализация) близки друг к другу, поскольку отражают позицию говорящего относительно повествования и отдельных персонажей, его знание и видение событий. В принципе, в конкретном нарративе могут присутствовать несколько точек зрения, или голосов, что называется полифонией (термин, заимствованный из музыковедения М. М. Бахтина), т. е. многоголосием.

Рекомендуемая литература

- Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. — М., 2000.
- Гиндин С. И. Связный текст: формальное определение и элементы типологии. — М., 1971.
- Гиндин С. И. Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1948—1975) // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. № 4. С. 348—361.
- Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. — М., 1988.
- Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — М., 1999.
- Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. — М., 1978.
- Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). — М., 1996.
- Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. — М., 2001.
- Шмид В. Нарратология. — М., 2003.**
- Brown G., Yule G. Discourse analysis. — London; New York, 1983.
- Östman J.-O., Virtanen T. Discourse analysis // Handbook of pragmatics. Manual / Ed by J. Verschneen, J.-O. Östman, J. Blommaert Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 239—253.
- Renkema J. Discourse studies. An introductory textbook. — Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Seuren P. A. M. Discourse semantics. — Oxford, 1985.

ГЛАВА 14

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Следует различать понятия грамматического значения и значения грамматической категории. Только первое из них относится к области семантики. Значение же грамматической категории, или **граммема** (термин К. Пайка), например «родительный падеж», «настоящее время», «первое лицо», «причастие», «существительное», может иметь или не иметь семантической интерпретации. Так, категория рода прилагательных в русском языке является исключительно синтаксической, соответственно и ее значения («мужской род», «женский род», «средний род») никакой семантической интерпретации не получают. У существительных же выбор значения категории числа («единственное число», «множественное число») обусловлен в том числе и семантическими причинами. Таким образом, можно говорить о семантической интерпретации граммем числа, в результате чего граммеме приписывается определенное значение, которое и называется грамматическим. Например, граммеме «единственное число» при самом грубом приближении может быть приписано значение 'единственность'. Таким образом, грамматическим значением называется значение граммем (естественно, в том случае, когда оно есть).

Факт существования грамматических значений подтверждается с помощью искусственных примеров, в которых носители лексических значений — корни — заменены некоторыми фиктивными сегментами. Для русского языка известный пример Л. В. Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрѐнка* показывает, что даже при отсутствии в предложении реальных корней и соответственно реальных слов можно получить определенную информацию исходя из значения аффиксов, в том числе грамматических, а также синтаксических конструкций и грамматических категорий. В данном случае можно говорить о том, что *бокр*, — скорее всего, живое существо, с которым некая *куздра* произвела однократное интенсивное действие (*будлануть*). Сама *куздра* обладает определенным свойством (*глокая*), а действие было совершенно определенным образом (*штеко*). В ситуации участвовали одна *куздра* и один *бокр* и т. д.

В лингвистике не существует удовлетворительного описания различий грамматического и лексического значений с содержательной, т. е. семантической, точки зрения. Например, критерий большей абстрактности грамматических значений верен далеко не

всегда (см. главу 11). В различных языках существуют вполне конкретные грамматические значения, например, 'живой', 'говорящий', 'человек' и т.д. Кроме того, лексическое значение одного языка может быть грамматическим в другом и, естественно, наоборот. Наиболее приемлемым следует считать определение грамматического значения с помощью не связанных с семантикой критериев; например, на основе свойства обязательности грамматической категории и подобных В.А. Плуноян, использующий критерий обязательности, утверждает, что грамматическое значение — понятие относительное и конкретно-языковое. Конкретное грамматическое значение может быть определено только для конкретного языка на базе фиксированного класса слов, для которого соответствующая грамматическая категория является обязательной.

Еще более усложняет ситуацию тот факт, что само слово «грамматический» понимается разными лингвистами по-разному. Соответственно этому меняется и понимание грамматического значения. Как отмечает Т. В. Булыгина, традиционное понимание грамматических значений является довольно широким. Грамматическими называются сущности трех типов: 1) значения морфологических категорий знаменательных частей речи, а также значения служебных слов; 2) значения функциональных категорий типа «подлежащее», «дополнение» и т.д.; 3) значения, соответствующие различным коммуникативным типам предложений («повествовательных», «вопросительных» и т.д.). К этому можно добавить и частеречные грамматические значения («существительное», «глагол» и т.д.).

В данной главе ставится задача рассмотреть различные подходы к семантической интерпретации грамматических категорий и граммем. С этой точки зрения больше всего материала накоплено по описанию морфологических категорий. В качестве примера рассмотрим категорию падежа.

А. Вежбицкая утверждает, что в лингвистике существуют четыре типа теорий падежа:

1. Падежи имеют значения, и они многозначны. Большинство падежей имеет много значений, которые нельзя четко отделить друг от друга (А.А. Потебня и др.).

2. Падежи имеют значения. Значений этих немного, и они могут быть четко разграничены (Э. Бенвенист и др.).

3. Падежи имеют значения, но они не многозначны (Р. О. Якобсон и др.).

4. Падежи не имеют значений, «падежная маркировка» чисто поверхностное явление (Ч. Филлмор и др.).

В теории Ч. Филлмора различаются поверхностный и глубокий падежи (см. п. 12.2), причем поверхностный падеж по существу не имеет семантической интерпретации. Тем самым данная

теория категории падежа (рассматриваемого исключительно как поверхностного) не относится к семантике.

Традиционный деструктурный подход к семантике падежа состоит в выделении набора значений. Так, А.А.Потебня выделяет следующие семантические разновидности творительного падежа в русском языке: творительный социативный (общности); творительный места, времени, орудия и средства, деятеля; творительный причины, образа действия, меры, отношения, характерного признака и состояния; творительный предикативный и др. Поскольку значения задаются с помощью семантических ярлыков, остается не вполне понятным, связаны ли они друг с другом, и если связаны, то каким образом. Кроме того, ярлыки, естественно, не содержат инструкций по их использованию, так что не всегда понятно, какое конкретное значение представлено в тексте. Подобного рода описания существуют и сейчас; они, как правило, предлагаются в грамматиках классических языков (латыни и древнегреческого).

Наиболее ярко структурный подход (теории второго и третьего типов по А.Вежицкой) представлен в работах Р.О.Якобсона. Структурный подход заключается в поиске и описании семантической системы как каждого отдельного падежа, так и грамматической категории падежа в целом. В основу семантической системы отдельного падежа Р.О.Якобсон кладет понятие инварианта (общей части всех конкретных значений), описываемого с помощью дифференциальных семантических признаков. Именно эти признаки, распределенные по разным конкретным падежам, и задают семантическую систему всей категории падежа.

Р.О.Якобсон обращает внимание на то, что во всем многообразии вариаций значений творительного падежа всегда обнаруживается общий признак. Так, во фразах:

Он ел ребенком икру;
Он ел пудами икру;
Он ел ложкой икру;
Он ел дорогой икру;
Он ел утром икру;
Он ел грешным делом икру —

творительный падеж обозначает периферийную, побочную роль соответствующего предмета или явления в содержании высказывания. Признак периферийности отличает творительный падеж от именительного, винительного и родительного и объединяет его с дательным и предложным. Кроме признака периферийности, вводятся признаки направленности и объемности. Направленность маркирует имя предмета, на который направлена деятельность. К направленным падежам относятся винительный и дательный. Объемность означает предел участия соответствующего пред-

мета в содержании высказывания. К объемным падежам относятся родительный и предложный. Введение в рассмотрение второго родительного и второго предложного не затрагивает системы в целом. Вторые падежи противопоставлены первым по признаку направленности. Таким образом, Р. О. Якобсон задает трехмерную (основанную на трех признаках) семантическую систему категории падежа, в рамках которой каждый из восьми падежей получает отличное от других описание. Именительный падеж определяется как ненаправленный, необъемный и периферийный, творительный падеж как ненаправленный, необъемный и периферийный, и т. д. Набор из трех характеристик и является инвариантом значения конкретного падежа, постоянного и независимого от множества вариаций.

Критика инвариантного подхода со стороны А. Вежбицкой сводится к нескольким пунктам. По ее мнению, инварианты Р. О. Якобсона непроверяемы, их можно интерпретировать по-разному, чтобы легче приспособить к языковым фактам. Кроме того, инвариантное описание имеет ограниченную предсказательную силу, а получаемые с его помощью прогнозы часто неверны. Человек, не знающий русского языка, не может овладеть употреблением русских падежей, опираясь только на данное описание. Так, в частности, оно не объясняет, почему можно сказать *Иван убил Петра топором* и нельзя **Давид убил Голиафа пращой*. Нельзя также объяснить и конкретные различия в употреблении падежей в языках со сходными падежными системами, например в русском и польском.

А. Вежбицкая предлагает новую теорию падежа, совмещающую некоторые характеристики предшествующих теорий. По ее мнению, падежи имеют значения. Каждый падеж имеет большое количество значений, но все они могут быть четко отграничены друг от друга. Все различные значения падежа взаимосвязаны. Большинство значений связаны друг с другом наличием общих смысловых компонентов. Возможно, хотя и не обязательно, что все значения одного падежа имеют общие компоненты. Различные употребления падежа нельзя рассматривать как простые контекстные варианты одного значения, поскольку формулировка такого значения была бы слишком абстрактной и не имела бы предсказательной силы. Толкованию подлежат не изолированные падежи, а соответствующие им синтаксические конструкции. Значение каждого падежа должно быть представлено в точной и проверяемой формуле, которая обладает предсказательной силой.

Эта теория демонстрируется на примере творительного падежа в русском языке. Основой для семантического описания стало понимание творительного падежа как инструментального.

Основной считается конструкция типа *Иван ударил Петра палкой*. Она толкуется следующим образом:

Нечто произошло с Y
что может мыслиться как нечто происшедшее с IN¹
(например, IN вступил в контакт с Y)
потому что X сделал нечто
что может мыслиться как нечто происшедшее с IN
(например, X привел в движение IN)
не потому что X хотел, чтобы что-то еще произошло с IN
(чтобы нечто могло быть сказано об IN).

А. Вежбицкая выделяет у творительного падежа в русском языке 17 значений. Приведем в качестве примера толкование еще одной конструкции.

Иван харкал кровью =
Нечто произошло с X
что может мыслиться как нечто происшедшее с каким-то IN
я говорю нечто об IN
потому что я хочу сказать нечто об X
не потому что я хочу, чтобы вы могли думать об IN.

Важно отметить, что семантическое описание А. Вежбицкой, если отвлечься от специфической формы, не является чем-то совершенно необычным и уместным только для грамматического значения. Вообще, этот путь — от набора несвязанных значений к инварианту и от инварианта к семантической сети (как менее обязывающему, но более четкому описанию) — характерен для семантических описаний разных языковых явлений. Здесь же следует назвать и служебные слова, и аффиксы, и в определенной мере классическую лексическую полисемию. Несколько позднее (работа А. Вежбицкой относится к 1980 г.) выделение одного из значений в качестве центрального (прототипического), обеспечивающего переход ко множеству разнообразных значений, стало стандартным приемом описания полисемии в когнитивной лингвистике.

С точки зрения семантики можно говорить о более или менее интерпретируемых грамматических категориях. При этом на одном полюсе находятся не интерпретируемые семантически категории (как упомянутый выше род прилагательных и под.), а на другом полюсе — категории, выбор граммем которых полностью или почти полностью обусловлен семантическими причинами. К последним относятся, например, категория числа у существительных или лица у глагола. Категория падежа в этом отношении занимает промежуточное положение. Выбор падежа во многом обусловлен синтаксическими причинами. Именно поэтому А. Вежбицкая говорит

¹ IN — это обозначение инструмента, который А. Вежбицкая интерпретирует таким способом: 'нечто используется как инструмент', означает

Нечто произошло с Y
потому что нечто произошло с IN
потому что X сделал нечто.

о толковании синтаксических конструкций, а не изолированных падежных значений.

Интересно отметить, что для значений семантически интерпретируемых категорий, как правило, не характерна моносемия. В силу обязательности грамматической категории для определенного класса слов наличие у нее только одного значения может привести к различным коммуникативным проблемам. Существуют различные условия, в которых выражение этого единственного значения нежелательно или даже невозможно. В таких ситуациях реализуются другие значения или происходит нейтрализация семантического противопоставления граммем, при которой действуют особые правила выбора граммемы. Так, основное значение граммем числа существительных не может быть реализовано для имен веществ (в силу их несчетности), хотя и для них число все равно остается обязательной грамматической категорией. В этом случае либо возникают *Pluralia* и *Singularia tantum*, существительные с одной постоянной граммемой числа, например *чернила* (но не **чернило*) или *молоко* (но не **молоки*), либо появляется другое семантическое противопоставление граммем: *вино* — *вина* (где «множественное число» выражает идею сортов или видов, ср. *сыры*, *спирты* и т. д.). Нейтрализация может быть конвенциализованным следствием коммуникативных причин, например того факта, что говорящий просто не владеет соответствующей информацией. Во фразе *У него есть дети* слово *дети* может обозначать и одного ребенка, т. е. оно нейтрально с точки зрения главного семантического противопоставления (ср. *На него напали волки*, где также, по-видимому, речь может идти об одном животном, в отличие от предложения *На него напал волк*, где не допускается двойное прочтение). Из этих примеров видно, что, казалось бы, более семантически нагруженное грамматическое значение — «множественное число» — также может выступать в качестве нейтрального.

Нестандартные значения могут выражать и лица глагола в русском языке: *Живешь и не знаешь, что будет дальше* (обобщенноличное употребление, т. е. ситуация, когда не подходит стандартная семантическая интерпретация ни одного лица) и т. д.

Семантическое описание грамматических явлений кладется в основу различных ономаσιологических исследований. Исследование может быть ограничено рамками одного языка, и тогда речь идет о сравнении или комплексном изучении различных способов выражения того или иного грамматического значения или целой семантической категории. Такие исследования характерны для функционального подхода к языку (см. главу 17).

В первую очередь сравнением систем именно грамматических значений, а также изучением различных способов их выражения в языках мира занимается семантическая типология (А. А. Холодович, И. А. Мельчук, В. П. Недялков, В. С. Храковский, В. А. Плунгян и др.).

Рекомендуемая литература

- Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. — Л., 1976.
- Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М., 1997. С. 15—44.
- Вежбицка А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. Современная зарубежная русистика. — М., 1985. С. 303—341.
- Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. — М., 2000.
- Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993. С. 26—203.
- Якобсон Р. К общему учению о падеже // Якобсон Р. Избранные труды. — М., 1985. С. 133—175.
- Якобсон Р. Морфологические наблюдения над славянским склонением // Якобсон Р. Избранные труды. — М., 1985. С. 176—197.
- Bybee J. L. Morphology: a study of the relation between meaning and form. — Amsterdam, 1985.
- Matthews P. H. Morphology. 2nd ed. — Cambridge; New York; Melbourne, 1992.

ЧАСТЬ IV

ОТ СМЫСЛА К ЗНАКУ

ГЛАВА 15

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И СПОСОБЫ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ

В части III рассматривалось значение лексем, морфем, предложений и других языковых знаков. В семантике языковых единиц одного уровня имеются определенные общие черты, и поэтому взгляд на значение с точки зрения того, единицей какого ранга это значение обычно выражается, вполне оправдан. Не менее интересен и взгляд в обратном направлении — не от знака к значению, а от значения к знаку. В этой главе рассматривается семантическая категория, в некоторой степени независимая от того или иного ранга. Ее значения могут выражаться как морфемами, так и словами, и словосочетаниями. Эта категория — пол. Несмотря на кажущуюся простоту, ее устройство весьма интересно и, как будет показано ниже, лингвоспецифично. Изложение материала в данной главе построено в исследовательском ключе и представляет собой пример ономаσιологического подхода.

15.1. Язык и пол

Пол, кажется, одна из немногих действительно важных для человека категорий, восприятие которой почти не зависит от языка и культуры, но только в том смысле, что носители разных языков в принципе одинаково различают два типа существ — женского и мужского пола. В действительности уже вопрос о том, что, собственно, представляет собой каждый из этих полов и пол вообще, приводит к сложной научной и философской проблеме. Очевидно, что с точки зрения культуры противопоставление женского и мужского пола у человека важнее половых различий прочих существ и принципиально отличается от них хотя бы наличием громадного количества культурных ассоциаций, шаблонов поведения и восприятия, связанных с обоими полами. Именно поэтому в применении к человеку в современной науке используется особый термин «гендер», подразумевающий не только физиологические («пол» в чистом виде), но и сопутствующие им социальные и культурные различия.

Тем не менее, отвлекаясь от проблемы дефиниции и содержания, а также вариативности понятия «пол» в зависимости от вида, пренебрегая различными отклонениями (интерсексуальность, унисексуальность, гомосексуальность, транссексуальность и пр.), можно сказать, что пол является естественной категорией, охватывающей все виды существ и задающей удивительно четкое разбиение этих существ на два класса. Эта классификация в силу своей важности отражается так или иначе во всех человеческих языках, но отражается, естественно, по-разному. Вообще для языка можно говорить об универсальной семантической категории пола (копирующей соответствующую естественную категорию), а для конкретных языков — об определенных ее трансформациях, специфике ее выражения и даже об отдельных коррелирующих с ней грамматических категориях. В частности, считается, что в русском языке семантическая категория пола коррелирует с грамматической категорией рода у имен существительных, обозначающих живых существ.

Каково же функционирование семантической категории пола в русском языке, а если говорить более конкретно, то каковы способы выражения значения женского и мужского пола, а также семантическая и формальная структуры лексических групп, образованных словами, значение которых совпадает с точностью до семантического компонента 'пол'? Такие группы можно считать своего рода сексуальными (гендерными) парадигмами слов, обозначающих лица и существа, различающиеся по полу.

Для ответа на этот вопрос нужно обратиться к лексике русского языка, служащей для названия людей и животных. При этом важен не «полный естественно-научный охват» лексики, а быденная точка зрения. Вне рассмотрения можно оставить слова, обозначающие растения, одноклеточных и т. д., т. е. живую природу, с очевидностью бесполою с наивной точки зрения.

15.2. Способы выражения пола

Особый интерес представляют случаи, когда значение женского и мужского пола выражается не самостоятельно, а в сочетании с каким-либо другим значением (например, вид животного, национальность, профессия и т. д.), т. е. когда речь идет не о поле как таковом, а о лице или существе, принадлежащем к одному из полов. В словообразовании значения такого типа называются модификационными: они модифицируют или дополняют основное значение.

Для удобства и под влиянием самого материала изложение делится на две части: категория пола у животных и категория пола у людей (или лиц, включая сюда богов, нечистую силу и т. д.).

Названий животных значительно меньше, и с семантической точки зрения они более однотипны. В подавляющем большинстве это слова со значением вида, к которому может добавляться значение женского или мужского пола. Названия людей гораздо разнообразнее. Здесь можно выделить лишь наиболее представительные типы (профессии, национальности, оценочные слова, термины родства и некоторые другие), но едва ли удастся построить строгую и исчерпывающую семантическую классификацию.

Вместе с тем следует сказать и об общих принципах подхода к описанию семантики пола у животных и людей. Можно сформулировать несколько рабочих гипотез, основанных на здравом смысле и лингвистических универсалиях. Так, значение пола при основном, или ключевом, смысле может быть выражено тремя способами: 1) с помощью отдельного слова или словосочетания (*мужчина, женщина, самец, самка, мужского пола, женского пола*); 2) с помощью регулярного морфологического средства — отдельного суффикса (например, *-их-* или *-к-* для женского пола) и/или стандартной операции над корнем (например, конверсии, результатом которой оказывается перевод слова с ключевым значением в другой тип склонения и другой род: *супруг — супруга*); 3) с помощью нового корня, который одновременно выражает ключевое значение и значение соответствующего пола; иногда говорят, что значение пола в этом случае имеет склеенное выражение. Последний случай можно квалифицировать как супплетивное словообразование (например, *лошадь — кобыла — жеребец*). К третьему же способу можно отнести и различные нестандартные средства (представленные в таких примерах, как вообще плохо членимое слово *козел* или пара *кошка — кот* с нестандартным чередованием и отбрасыванием суффикса для выражения мужского пола).

Вопрос о стандартности словообразовательных средств в действительности достаточно сложен и не может быть решен однозначно. Набор таких средств описывается, например, в «Русской грамматике» (1980, далее РГ), где выделяется только одно модификационное значение пола — «женскость». Оно выражается суффиксами *-к(а)* (*пассажирка, перепелка*), *-иц(а)* (*любимица, медведица*), *-ниц(а)* (*учительница*), *-их(а)* (*повариха, волчиха*), *-ш(а)* (*библиотекариша*), *-/j/-* (*шалунья*), *-н(а)* (в отчествах: *Петровна*), *-ин(я)* (*героиня*), *-есс(а)* (*поэтесса*), *-ис(а)* (*актриса*), нулевым суффиксом (*супруга, возжатая*; фамилии типа *Попова*) (с. 265). На с. 200 — 203 рассматриваемой книги более подробно описаны варианты морфем (например, для *-к-*: *-к/ -овк/ -анк/ -ичк/ -ачк*) и сопутствующие операции над основой (типа усечения *любим/ец — любимица*). Кроме того, упомянуты еще два суффикса: *-ин(а)* (*синьорина, Антонина*) и *-ух(а)* (*оленуха*; сюда же, по-видимому, следует отнести и отглагольные образования типа *стряпуха*, с. 152).

Из приведенных примеров видно, что все суффиксы сочетаются с названиями лиц и только четыре из них: *-к-*, *-иц-*, *-их-* и *-ух-* — с названиями животных (и однократно *-ин-/ -ын-* в слове *гусыня*).

Модификационное значение мужского пола в РГ вообще не выделяется, поскольку, как отмечено, «существительные с модификационным значением женскости используются и вновь образуются при необходимости подчеркнуть половую принадлежность лица. Если же такой необходимости нет, для обозначения лиц женского пола широко используются соответствующие существительные муж. р., лишенные сами по себе указания на половую принадлежность» (с. 204). Однако следом замечается, что существительные муж. р. с суффиксом *-ич-* (*Петрович*, *королевич*) не способны выражать значение лица женского пола. Вопрос о том, означает ли отсутствие соответствующего словообразовательного значения также отсутствие слов со значением мужского пола, остается открытым.

Очевидно, что однозначного соответствия между родом одушевленных существительных и значением пола нет. Как вытекает из сказанного в РГ, даже при наличии словообразовательных пар женского и мужского рода (типа *повариха — повар*) лишь первое из слов включает в себя значение конкретного пола — женского. Правда, нужно упомянуть о специальном семантическом эффекте, возникающем в контексте противопоставления подобных пар. Во фразах *У меня есть кот и кошка* и *У нас работают повар и две поварихи* нейтральные с точки зрения пола слова *кошка* и *повар*, будучи противопоставлены словам *кот* (с семантическим компонентом ‘мужской пол’) и *повариха* (‘женский пол’), приобретают значение противоположного пола. В этом случае происходит подмена семантического противопоставления полов грамматическим противопоставлением родов. Этот прием утрировано использует и В. Маяковский, сталкивая два «бесполох» синонимичных слова разных родов *жираф* и *жирафа* и придавая им тем самым различные значения:

Жираф-длинношейка — ему никак
для шеи не выбрать воротника.
Жирафке лучше: *жирафу*-мать
есть жирафенку за что обнимать.

В связи со сказанным встает проблема четкости границ сексуальных парадигм. В основе сексуальных парадигм животных и людей лежит одна и та же логическая схема. Имеется некий ключевой смысл (вид, профессия, национальность и пр.), сочетающийся, в принципе, со значением пола. Полную сексуальную парадигму представляют, таким образом, три слова со следующими значениями: 1) ключевой смысл; 2) ключевой смысл + ‘женский пол’ (ж); 3) ключевой смысл + ‘мужской пол’ (м), например *гусь* —

гусыня (ж) — *гусак* (м). Эта логическая схема реализуется в искусственном языке идо, одним из создателей которого был О. Есперсен. В идо слово без специального аффикса применимо к обоим полам, аффикс *-ul-* обозначает мужской пол, а *-in-* — женский (*frato* — ‘брат или сестра’, *fratulo* ‘брат’, *fratino* ‘сестра’).

Для естественных же языков предложенная схема является упрощением и идеализацией реального положения дел. Так, в русском языке наряду с полной сексуальной парадигмой существуют и различные дефектные парадигмы, например: *учитель* — *учительница* (ж); *кошка* — *кот* (м); *монтер*. Кроме того, морфемные средства выражения пола не столь единообразны.

Наиболее сложная проблема связана с отсутствием строгих критериев приписывания словам значения конкретного пола. Так, не ясно, о чем свидетельствует возможность употребления слова в упомянутых выше контекстах противопоставления. Может ли значение пола в слове проявляться или зачеркиваться? Можно ли, например, считать, что слово *бригадир* имеет значение мужского пола тогда, когда употребляется по отношению к мужчине? А *шахтер*?

Фактически речь идет о необходимости использовать при семантическом анализе хорошо проверяемые и эффективные операции. В этом качестве могут использоваться тесты на называние людей и животных, применяемые к отдельным словам. Так, можно задать три вопроса, связанных с номинацией отдельной особи: используется ли данное слово для называния особи каждого из полов и особи неизвестного (или не важно какого) пола? К ним добавляется еще один вопрос, связанный с номинацией совокупности: можно ли использовать данное слово во множественном числе для называния совокупности разнополых особей? Слово совершенно нейтрально по полу, если на все четыре вопроса носитель языка отвечает «да» (например, слова *волк* или *доктор*):

1. Можно ли словом *волк* назвать особь мужского пола? — Да.

2. Можно ли словом *волк* назвать особь женского пола? — Да.

3. Можно ли словом *волк* назвать особь неизвестного пола? — Да.

4. Можно ли использовать словоформу *волки* для называния совокупности разнополых особей? — Да.

Наиболее ярко выражено значение пола в словах, используемых только для называния особи соответствующего пола и невозможных в трех других ситуациях (например, *петух* или *мужик*). Возможны и промежуточные случаи. Так, слово *француз* в единственном числе применимо только к мужчине и к неизвестному лицу «французской национальности», но не к женщине, а во множественном числе оно нейтрально.

Не всегда семантически очевидны и критерии отнесения слов к одной парадигме. В частности, это имеет место, когда семанти-

ческое противопоставление полов осложнено различными коннотациями, а стандартные формальные средства отсутствуют.

Даже такая типичная пара, как *муж — жена*, в действительности представляет собой неканоническое противопоставление полов. Ведь здесь оно фактически удваивается, поскольку различается не только пол соответствующих лиц, но и пол тех, по отношению к кому они определены (ср. *гомосексуалист — лесбиянка*). Не ясно также, следует ли отнести к одной парадигме такие слова, как *парень — девица* (или, например, *девка*), *мужик — баба*, и подобные им с очень разными коннотациями и контекстами употребления отдельных членов.

15.3. Пол у животных

Названия животных разбиваются на три класса в зависимости от того, какие способы выражения пола для них возможны. В первый класс попадают названия животных, допускающие выражение пола только с помощью отдельного слова или словосочетания типа *самец* или *женского пола* и т. д. Ко второму классу относятся названия животных, выражающие пол стандартным словообразовательным способом — добавлением морфемы с соответствующим значением (*волк — волчица*). Третий класс объединяет названия животных, для которых значения мужского или женского пола выражаются супплетивно или с помощью нестандартных операций над корнем (*корова — бык*).

Описание каждого из этих классов включает перечисление видов животных, попадающих в этот класс, и описание характерных для них сексуальных парадигм, а также — более конкретно — описание формальных способов выражения пола.

Можно сказать, что эти три класса соответствуют трем степеням идиоматичности выражения пола. В первом случае пол выражается описательно, вне рамок слова. Во втором случае пол выражается в рамках слова, но вне корня — носителя ключевого смысла. И наконец, в третьем случае пол выражается совместно с ключевым смыслом в рамках единой морфемы — корня. Поскольку в выделении классов используется остаточный принцип, корректнее начать изложение с третьего класса.

Это закрытый и сравнительно небольшой класс, в силу чего его удобнее задать списком, т. е. перечислить названия всех животных и вообще все слова, входящие в соответствующие парадигмы. К данному классу относятся слова *корова, кошка, курица, лошадь, овца, свинья, собака, утка*.

Для данного класса характерно несколько парадигм. Первая из них, полная, недефектная, представлена следующими тройками: *собака — сука* (ж) — *кобель* (м) и *лошадь — кобыла* (ж) — *жеребец* (м).

Можно вспомнить и другие названия этих животных. Например, слово *пес*, исторически противопоставленное по полу устаревшему слову *псица*, сейчас нейтрально и противопоставлено *собаке* по семантическим признакам, не связанным с полом. Также нейтрально по полу слово *конь* — квазисиноним слова *лошадь*. Слово же *кобылица*, стилистический вариант *кобылы*, обозначает лошадь женского пола.

Дефектная парадигма с отсутствием названия для самки представлена парами *кошка — кот* (м), *свинья — хряк/кабан* (м), *утка — селезень* (м). Другой тип дефектности — отсутствие общего нейтрального названия — представлен в парах *корова* (ж) — *бык* (м), *курица* (ж) — *петух* (м). Несколько сложнее устроена пара *овца — баран* (м), где *овца*, являясь в единственном числе носителем признака женского пола, во множественном, по-видимому, нейтральна. Впрочем, граница между *овцой*, с одной стороны, и *коровой* и *курицей*, с другой стороны, весьма размыта. Все это названия самок, которые в случае крайней необходимости могут выступать в качестве названий рода и совокупности.

Относительно данного класса легко сделать следующее обобщение. Сюда попадают названия традиционных русских домашних животных, т. е. наиболее важных для русского человека и языка, причем для всех этих животных имеется особое название самца. Мужской пол здесь выделен, и его выражение факультативно с точки зрения говорящего.

Есть еще три домашних животных с аналогичным устройством парадигмы. Правда, их названия образованы от одного корня, но с помощью нестандартных (в области названий животных) морфологических средств. Это *гусь — гусыня* (ж) — *гусак* (м), устроенное семантически, как *собака*, и *индейка* (ж) — *индюк* (м) и *коза* (ж) — *козел* (м), сходное с *овцой*.

В связи со сказанным важно подчеркнуть наличие среди названий домашних животных дефектных парадигм с фактически отсутствующим нейтральным названием, как будто разнополые особи вообще не связаны между собой и относятся к разным видам. Этот языковой факт имеет достаточно ясную культурную интерпретацию: функции разных полов у данных видов абсолютно различны (например, курица несет яйца, а петух выполняет роль производителя и будильника), так что в быту практически не возникает потребности говорить о виде вообще. Иначе обстоит дело с *собакой* и *лошадью*, которые выполняют свои основные функции независимо от пола.

Для второго класса характерна единая парадигма с отсутствующим названием для самца, а название самки образовано от общего названия мужского рода регулярным словообразовательным способом: с помощью суффиксов *-к(а)*, *-их(а)*, *-иц(а)*, *-ух(а)* (*волк — волчица*, *воробей — воробьица*, *заяц — зайчица*, *кролик — крольчица*,

лебедь — *лебедка*, *муравей* — *муравыиха*, *олень* — *оленуха*, *перепел* — *перепелка*, *слон* — *слониха*, *тигр* — *тигрица* и т. д.). Иногда реализуются сразу несколько словообразовательных возможностей, что приводит к возникновению дублетных названий типа *ослиха* и *ослицца*, *олениха* и *оленуха*. К этому же классу относится и пара *павлин* — *пава*, в которой нейтральное слово морфологически сложнее названия самки.

Сюда попадают прежде всего названия диких животных (как правило, достаточно крупных), так или иначе связанных с русским человеком, домашних животных других народов, распространенных птиц и насекомых, иначе говоря, названия всех зверей, попадающих в сферу влияния человека. Относятся к этому классу и названия зверей — героев сказок (*заяц*, *еж*, *лев*, *слон* и т. д.). Существенно, что это открытый класс, пополняемый по мере необходимости и расширения сферы человеческого влияния (даже сферы одного конкретного говорящего). При этом может использоваться и суффикс *-и(а)*, например слово *терьерша* неоднократно употреблялось в газетах во время визита в Москву американской актрисы Лайзы Миннелли для обозначения ее верной спутницы.

В отличие от названий домашних животных для второго класса выделенным и, кроме того, специальным образом маркированным оказывается женский пол.

Наконец, к первому классу относятся такие слова, как *насекомое*, *земноводное*, *гад*, *зверь*, *птица*, *рептилия*, *бульдог*, *гibbon*, *пудель*, *грач*, *кенгуру*, *колибри*, *окапи*, *мышь*, *крыса*, *обезьяна*, *броненосец*, *овод*, *хорек*, *суслик*, *горностаи*, *куница* и др.

Для этого класса характерен единственный тип дефектной парадигмы, которая состоит из одного слова, нейтрального по полу. Названия животных попадают в этот класс и по семантическим, и по формальным морфологическим признакам.

Дефектная парадигма этого типа имеет место в том случае, если нейтральное по полу название животного относится к женскому (*крыса*, *мышь* и т. д.) и среднему родам (*земноводное* и некоторые другие названия типов и классов живых существ) или к разряду несклоняемых существительных (*кенгуру*, *колибри* и т. д.).

Что же касается семантики, то в этот класс попадают невидовые названия, т. е. более абстрактные и более конкретные, чем вид. Это наименования типов, классов и отрядов, которые обычно вообще не употребляются для названия отдельных особей, и наименования подвидов и пород (*зверь*, *грызун*, *шпиц*, *дромедар* и т. д.). Кроме того, только одно общее название имеют экзотические, а также мелкие животные (*броненосец*, *колибри*, *овод* и т. д.). Сюда же относятся и названия детенышей, не различающиеся по полу (*щенок*, *котенок* и т. д.).

Семантические и морфологические признаки могут сочетаться. Так, несклоняемость характеризует названия некоторых экзотических животных, а средний род — названия типов и отрядов.

Из всех рассмотренных классов единственным строго очерченным является замкнутое множество названий домашних животных. За счет новых корней он практически не пополняется. Четкой же границы между классом «близких» (важных) и «далеких» (неважных) животных не существует. Как уже сказано, по мере надобности, например в сказках, может происходить «сексуализация» названия, т. е. образование с помощью продуктивного словообразовательного средства названия для особи женского пола, например *кенгуриха* или приведенное выше *терьерша*.

Впрочем, переход в другой класс почти невозможен для абстрактных названий (типы, отряды и т. д.) и крайне затруднен для слов женского и среднего рода (правда, Е. А. Земская отмечает в современном языке такие слова, как *обезьянниха*, *рысиха* и *акулиха*). Есть и другая возможность окказионального образования маркированных по полу слов, но и *мыш* (иногда встречающееся написание без мягкого знака) и *Крыс* (используемое, например, в переводе сказки К. Грэхема «Ветер в ивах» для персонажа мужского пола) явно находятся вне литературной нормы. Исключение составляют две пары: *лиса/лисица — лис* (м), *канарейка — кенарь/кенар* (м). От последнего слова образовано даже мало кому известное название самки *кенарка*. Важность противопоставления полов у канареек вполне понятна. Эта птица одомашнена человеком ради пения, но поет только самец. Название лисы уникально. По своему семантическому типу оно относится ко второму классу (это очень важное в русской культуре животное), морфологически — к первому, но в результате нестандартной для названий животных морфологической операции (конверсии; ср. квазиполовую пару *змея — змей*) по устройству парадигмы должно быть отнесено к третьему классу, поскольку выделенным оказывается мужской пол.

Следует сказать и о некоторых исключениях и дополнениях к рассмотренным трем классам. В первую очередь речь идет о названиях животных не по виду (или не только по виду), а по какому-либо другому признаку. Если этот признак никак не связан с полом, то слово обычно семантически нейтрально, а названий для особой конкретного пола не существует. Такие названия тем самым относятся к первому классу, например названия детенышей (исключением является пара *телка — телок*) или слова типа *штатун*.

Однако встречаются признаки, предопределяющие пол. Соответствующая им парадигма состоит из одного слова, маркированного по полу, например: *несушка* (ж), *пулярка* (ж), *свиноматка* (ж), *яловица* (ж), *боров* (м), *вол* (м), *каплун* (м), *мерин* (м), *секач* (м) и др.

Отдельно нужно отметить парадигму слова *голубь*, относящуюся ко второму классу. Ее специфика состоит в том, что наряду с морфологически стандартными названиями самки *голубка*, *голубица* существует супплетивный вариант *горлица*.

Еще три по-своему уникальных случая представлены парадигмами *пчела* — *матка* (ж) — *трутень* (м), *гончая* — *выжлица* (ж) — *выжлец* (м), *животное* — *самка* (ж) — *самец* (м). Эти парадигмы принадлежат к третьему классу. Действительно, пчелу естественно рассматривать как домашнее животное, но ситуация с ней осложняется существованием «третьего пола», причем наиболее распространенного — рабочих пчел, так что слово *пчела* оказывается одновременно и нейтральным и маркированным названием. В двух других парадигмах маркированные по полу слова функционируют совершенно независимо от нейтрального слова и иначе, чем оно. *Выжлица* и *выжлец* являются, в отличие от *гончей*, охотничьими терминами, а *животное*, с одной стороны, и *самка* и *самец*, с другой — обладают разной сочетаемостью и разными референтными свойствами. Эти различия подчеркиваются морфологически. Маркированные по полу слова образуются от одного корня и этим противопоставлены нейтральному названию. В этом случае, по-видимому, вообще не имеет смысла говорить о единой парадигме.

15.4. Пол у людей

Количество названий людей, а главное, разнообразие смыслов, представленных ими, не позволяют создать столь же компактное описание, как у названий животных. Именно поэтому имеет смысл сосредоточиться на самых основных и почти неописанных группах, пренебрегая множеством семантических нюансов и исключений. Вне рассмотрения оказываются, в частности, супплетивные пары или тройки (в первую очередь термины родства и названия человека по возрасту, например *брат* — *сестра*, *человек* — *женщина* — *мужчина*). Количество таких парадигм в общей массе названий людей крайне незначительно, а, кроме того, объединение разнокоренных слов в одну сексуальную парадигму часто представляет определенные трудности, поскольку человеческим полам (в данном случае как раз и уместен термин «гендер») сопутствуют многочисленные коннотации. Не затрагиваются и проблемы слов общего рода, обращений, имен собственных, оценочных слов, омонимии типа *докторша* — ‘X женского пола’ и ‘жена X-а’ — и некоторые другие, достаточно подробно обсуждавшиеся в лингвистической литературе.

Среди подавляющего большинства названий людей можно выделить пять классов, которым соответствуют определенные типы сексуальных парадигм. Правда, эти классы не являются в строгом

смысле лексическими. Точнее говорить о прототипических парадигмах и прототипических классах, при том, что некоторые реальные слова способны окказионально переходить из класса в класс и, с точки зрения интуиции носителя языка, находятся как бы между ними. Принадлежность названий к тому или иному классу определяется разными факторами: отчасти их словообразовательной структурой, отчасти их семантикой и даже трудноуловимой общественной традицией. Так, существует слово *киоскерша*, отсутствуют слова **монтерша* и **шахтерша*, *шоферша* же допустимо, хотя стилистически маркировано: *Ах, шоферша, пути перепутаны* (А. Межиров).

Все несупплетивные парадигмы дефектны и состоят либо из словообразовательных пар, либо из единичных названий.

Наиболее распространенный тип парадигмы состоит из нейтрального по полу слова мужского рода и образованного от него слова женского рода, обозначающего женщину: *учитель — учительница*. Существование таких пар безоговорочно признается лингвистической традицией (об этом писали В. В. Виноградов, Н. А. Янко-Триницкая и все русские академические грамматики). Семантические отношения внутри этих пар могут быть различными, степень употребительности и стилистической нейтральности слова женского рода также сильно варьирует, но структура парадигмы сохраняется.

В русском языке существует и другой тип пары, в которой отсутствует нейтральное название: *француз — француженка, крестьянин — крестьянка, баловник — баловница*. К этому же классу относятся и те немногие пары, в которых существительное мужского рода морфологически сложнее, чем существительное женского рода: *дурак — дура, ведьмак — ведьма, вдовец — вдова*.

Маркированность по полу первого члена пары не абсолютна: она выявляется лишь одним-единственным вопросом из предложенного выше теста (см. п. 15.2). Проверка по тесту дает следующий результат: в единственном числе слово мужского рода может называть мужчину и неизвестно или неважно кого. Во фразе *Похоже, что это написал француз* название национальности не обозначает обязательно мужчину, скорее оно свидетельствует о принадлежности к французской нации вообще (ср. также пример В. В. Виноградова с родовым употреблением *Дом крестьянина*). Таким образом, здесь слово *француз* не называет конкретный пол ('неизвестно или неважно кто'). Однако в единственном числе оно никогда не может относиться именно к женщине (**Она — француз*). Во множественном же числе оно нейтрально. Н. А. Янко-Триницкая выделяет в особый класс существительные, обозначающие лицо по национальности, месту жительства, происхождению и по некоторым другим социальным признакам. Для них она также говорит о лексической нейтрализации мужского пола путем прибав-

ления к ним прилагательных *каждый, всякий, рядовой* и *средний: каждый москвич* и т. п. *Каждый москвич* — это любой человек, живущий в Москве, независимо от пола.

Кроме того, в русском языке существует большое количество слов мужского рода и значительно меньшее количество слов женского рода (не рассматриваются оценочные слова, например *подлец, сволоочь, сука* и т. д.), обозначающих человека и не входящих ни в какие пары. Процедура приписывания таким словам той или иной дефектной парадигмы не всегда однозначно разрешима. Так, совершенно ясно, что существительные *пешеход, грибник, пилот* или *президент* нейтральны по полу и могут называть женщину: *...моя мама называется пилот* (А. Барто). Причины же, по которым отсутствует специальное слово для обозначения женщины, различны и не всегда очевидны. В частности, одной из них может стать наличие в языке «квазиполовой» пары — слова с формально стандартным суффиксом женскости, но другим значением — *грибница, пилотка*. Впрочем, для многих слов этого класса, по крайней мере окказионально, возможен переход в первый класс (ср. примеры Е. А. Земской: *дирижерша* и даже более редкие *завка, корифейка, хирургесса*).

Так же очевидно, что слова *бородач, двоеженец* или *евнух* называют лицо мужского пола просто потому, что признаки, составляющие ключевой смысл, характерны только для мужчин.

Главная же сложность состоит в условности границы между общим и чисто мужским признаком, что в социальной сфере усугубляется феминистической экспансией, а в физиологической — различными отклонениями. Так, появляются в языке слова типа *хоккеистка* (стилистически нейтрально), *гроссмейстерша* или *йоги-ня* (стилистически окрашены). Именно поэтому трудно оценить статус слов типа *йог, монтер* или *шахтер*. Они находятся на пути из класса *евнух* в класс *пилот*, а поскольку потенциально допускают стандартное образование деривата со значением женского пола, то и на пути в первый класс (*учитель*).

Сходная ситуация имеет место с непарными словами женского рода *кухарка, свинарка, доярка, коровница, сестра-хозяйка, прачка, роженица, кормилица*, с единственным, но принципиальным отличием, состоящим в том, что образование от них дериватов мужского рода почти всегда затруднено. Следует, однако, отметить встречающиеся все же *дояр* и *медбрат*, а также окказиональные и явно нелитературные *Усатый нянь* в названии кинофильма и *швей* (*Напротив моего дома висит объявление: «Требуется ШВЕЙ»!*; С. Довлатов).

Обычно все названные выше слова обозначают женщин, однако в редких, но возможных жизненных ситуациях могут распространяться и на мужчин, т. е. оказываются нейтральными: *Из него вышла бы неплохая кухарка* (ср. малоупотребительное и стилисти-

чески маркированное *кухонный мужик*). Это особенно хорошо видно в переносных употреблениях: *Он — такая баба* или *политическая проститутка Троцкий* (Ленин).

Иногда одно и то же слово или словообразовательные корреляты выступают в нескольких ипостасях в зависимости от значения и контекста. Так, *работник фабрики* нейтрально и имеет женский коррелят *работница фабрики*. *Работник* вообще или *научный работник* нейтрально и не имеет коррелятов, а *домработница* также самостоятельно составляет отдельную парадигму, но со значением женского пола.

Подводя итог, можно сказать, что для названий людей имеются следующие сексуальные парадигмы: 1) *учитель* — *учительница* (ж); 2) *француз* (м) — *французенка* (ж), в соответствии с тестом мужской пол выражен слабо; 3) *пилот*; 4) *евнух* (м); 5) *роженица* (ж) (следует напомнить, что не рассматривались супплетивные пары и тройки). При этом обычен окказиональный, а иногда и постоянный переход из третьего класса в первый, переход же из четвертого и пятого классов в третий класс заложен в самой природе русского языка, т. е. является продуктивным приемом, и происходит в переносных употреблениях, а также по необходимости при культурно-социальном смещении полов. Для многих слов четвертого класса, в отличие от слов пятого класса, возможно дальнейшее продвижение в первый класс.

15.5. Лингвоспецифичность категории пола

Приведенное описание показывает, что функционирование семантической категории пола в русском языке весьма специфично, что видно даже из анализа парадигм для названий людей и животных в русском языке. Можно с уверенностью сказать, что такого распределения названий людей и животных по выделенным классам нет ни в одном языке мира, и во многом это обусловлено русской культурной традицией. Очевидно, что имеет место избирательная внимательность языка и культуры к полу различных существ. С большой вероятностью можно предположить, что идеальной картины, подобной искусственному языку идо, нет ни в одном естественном языке.

Проиллюстрировать лингвоспецифичность и ее возможные последствия, например, при переводе с одного языка на другой, можно следующим примером. В русском языке существует устойчивое выражение *Вернемся к нашим баранам*, означающее призыв вернуться к теме разговора. Это выражение пришло в русский язык из французского и является переводом фразы: *Revenons à nos moutons*. Французское выражение впервые было употреблено во французской комической пьесе-фарсе, написанной в 1464 году: «Farce de

maître Pierre» (известной также как «Farce de maître Pathelin»). Эту фразу произносит судья во время судебного заседания, обращаясь к пастуху, укравшему и зарезавшему нескольких хозяйских баранов (*moutons*), поскольку он постоянно отвлекается на другую тему.

Принципиальное отличие французской пары названий данного животного *un mouton* (мн. ч. — *moutons*) — *une brebis* (мн. ч. — *brebis*) от соответствующей русской пары *баран* — *овца* состоит в том, что во французском языке нейтральным является слово *mouton* (по крайней мере, для названия совокупности разнополых особей), а слово *brebis* обозначает особь или особей женского пола. В русском же нейтральным, скорее, является слово *овца* (по крайней мере, для названия совокупности разнополых особей) — обычный перевод для слова *mouton*) в применении к животным всегда обозначает самца или соответственно самцов. Французское слово *moutons*, будучи во множественном числе нейтральным, может обозначать особей любого пола, т. е. по существу скрывает их пол.

Таким образом, поскольку точно неизвестно, кого зарезал пастух, в переводе на русский язык правильнее было бы использовать не слово *баран* (маркированный мужской пол), а слово *овца* (нейтральное). Классическая фраза должна была бы в этом случае звучать так: *Вернемся к нашим овцам*. Однако очевидно, что историческую справедливость в данном случае восстановить не удастся.

Следует также сделать несколько общих замечаний.

Различные способы выражения семантической категории пола не случайны и, как правило, обусловлены либо семантическими, либо более глубокими внеязыковыми причинами (в том числе — лингвоспецифической, например русской, картиной мира).

Семантический компонент пола в значении слова может быть выражен более или менее ярко. Так, некоторые слова, в принципе маркированные по полу, в определенных условиях употребляются нейтрально. Возможны и вообще переходы маркированных слов в разряд нейтральных.

Наиболее частый случай дефектной парадигмы — пара, где лишь один член маркирован по полу. Выбор такого маркированного названия в речи означает подчеркивание половой принадлежности референта и тем самым определенную нестандартность ситуации, что иногда приводит к различным стилистическим эффектам. Тот факт, что в качестве единственного маркированного пола чаще (хотя и необязательно) выступает женский, может служить своего рода феминистическим упреком русскому языку. Впрочем, подобный факт характерен для большинства естественных языков.

Наконец, последнее замечание касается различий семантики пола у людей и животных в русском языке. Причин этого достаточно много, но одной из главных является активное социально-

культурное смешение полов в современном человеческом обществе и, напротив, постоянство половых различий и соответствующих им функций в животном мире.

Рекомендуемая литература

Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. — М., 1947.

Есперсен О. Философия грамматики. — М., 1958.

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. — М., 1992.

Русская грамматика. Т. 1—2. — М., 1980.

Янко-Триницкая Н. А. Русская морфология. — М., 1982.

ЧАСТЬ V

СЕМАНТИКА В ТЕОРИЯХ И МОДЕЛЯХ ЯЗЫКА

В части V речь пойдет о том, каким образом представлена семантика в наиболее известных и значительных современных теориях и моделях языка. В этой части описываются семантические идеи, компоненты, уровни и разделы структурализма, модели «Смысл \leftrightarrow Текст», а также функциональной и генеративной грамматик и также когнитивной лингвистики. Особое внимание уделяется тем понятиям, которые остались вне рассмотрения в других частях данной книги.

Отдельный интерес представляет обсуждение того теоретического и практического вклада, который соответствующие теории и модели языка внесли в развитие современной семантики. Вклад этот может быть весьма разнообразен — от отдельных понятий и терминов до целых областей и новых направлений семантических исследований. В особых случаях можно говорить даже о переосмыслении задач семантики и ее методологии.

ГЛАВА 16

СТРУКТУРАЛИЗМ¹

Говорить о роли семантики в структурализме сложно, поскольку он представляет собой множество различных подходов к языку в целом и к отдельным языковым феноменам, объединенным лишь самыми общими теоретическими постулатами и методами. Едва ли можно говорить о том, что структурализм существует как единая теория. Он распадается на несколько школ, причем взгляд на семантику в них весьма различен. Самая же главная сложность состоит в том, что по существу вся современная лингвистика усвоила теоретическую базу структурной лингвистики, ее основные принципы. Это во многом касается и семантики; так что, говоря о современной семантике, как правило, подразумевают именно

¹ Естественно, речь идет о структурализме в лингвистике, поэтому в качестве синонима можно использовать название «структурная лингвистика».

структурную семантику. Даже различные течения, которые обычно связывают с отрицанием структурализма, не вполне его отрицают, а, скорее, показывают его ограниченность¹.

Огромная роль в структурной лингвистике отводится Ф. де Соссюру. Иногда его называют предшественником структурализма, иногда — основателем. Именно Ф. де Соссюр наиболее четко формулирует тезис о системности языка и о важности отношений (противопоставлений), в которые вступает языковой знак, по сравнению с субстанцией, из которой он состоит: «В языке нет ничего, кроме различий». Главной характеристикой знака считается его ценность (значимость), под которой понимается совокупность противопоставлений, в которых он участвует. Ф. де Соссюр задает также ряды противопоставлений, касающихся прежде всего объекта исследования, но вместе с этим часто определяющих и разделение самой науки. Так, он говорит о парадигматических и синтагматических отношениях, о синхроническом и диахроническом аспектах изучения языка (соответственно синхронической и диахронической лингвистике), о языке и речи² (соответственно лингвистике языка и лингвистике речи), внутренних и внешних связях языка (соответственно внутренней и внешней лингвистике).

Среди основных направлений структурализма, усвоивших и развивших идеи Ф. де Соссюра, обычно называют Копенгагенскую (глоссематика), Пражскую (функциональная лингвистика) и Американскую (дескриптивная, или дистрибутивная, лингвистика) школы. С некоторыми оговорками к структурной лингвистике причисляют Женевскую и Лондонскую школы³. Несколько особняком стоят такие французские ученые, как Э. Бенвенист, Ж. Вандриес, Г. Гийом, А. Греймас, А. Мартине, Л. Теньер, каждый из которых создал самостоятельную и оригинальную теорию языка.

¹ Часть из таких течений можно объединить под названием «постструктурализм» (здесь наряду с семиотическими и литературоведческими работами, прежде всего французских ученых М. Фуко, Р. Барта, Ж. Деррида, Ю. Кристевой и др., надо упомянуть лингвистические исследования на русском языке Б. М. Гаспарова). Критика структурализма содержится также в японской школе языкового существования (М. Токиэда), во французской школе анализа дискурса (М. Пешё), в критическом анализе дискурса (Н. Фэрклоу, Р. Водак) и в некоторых других современных лингвистических школах. Среди критики структурализма особое место занимает и так называемая марксистская лингвистика. К ней относятся такие разные, но, пожалуй, наиболее жесткие критики структурализма, как Н. Я. Марр, В. Н. Волошинов, и некоторые другие.

² Строго говоря, Ф. де Соссюр разделяет речевую деятельность, язык и речь (французские термины — «langage», «langue», «parole»).

³ Кроме того, и Московскую (Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров, А. М. Сухотин и др.), и Ленинградскую (Л. В. Щерба, С. И. Бернштейн, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич и др.) фонологические школы, для которых главными объектами исследования были фонетика и фонология.

Для американских дескриптивистов (Л. Блумфилд, Ю. Найда, З. Харрис и др.) характерно ограничение роли значения в языке и в той или иной степени вытеснение семантики за пределы лингвистики. Так, Л. Блумфилд ограничивает роль семантического критерия в языке следующим образом. Вместо полноценного значения он рассматривает только дифференциальное значение, т. е. то, чем языковые знаки отличаются друг от друга (об интерпретации Л. Блумфилдом значения через поведение собеседников и бихевиористском подходе см. главу 6). Наиболее радикальные последователи дескриптивизма основывают лингвистическое исследование исключительно на дистрибуции (распределении) форм без какого бы то ни было обращения к семантике. Существенно тем не менее, что метод дистрибутивного анализа используется и при исследовании значения. Это означает, что результатам поверхностного дистрибутивного анализа приписывается семантическая интерпретация (З. Харрис, Ю. Д. Апресян).

Последовательное развитие идей Ф. де Соссюра имело место в рамках глоссематики. Создателем этой универсальной лингвистической теории стал датский лингвист Л. Ельмслев, а свое развитие она получила в работах его учеников Х. И. Ульдалля и К. Тогебу. Л. Ельмслев разработал учение о плане выражения и плане содержания, причем рассмотрел их параллельно, выделив одинаковые черты и компоненты. Лингвистическая теория строилась не индуктивно (на основании наблюдаемых фактов), а дедуктивно — как исчисление всех мыслимых возможностей. Такой подход позволил французскому лингвисту А. Мартине сравнить глоссематику с башней из слоновой кости. Замкнутость теории и проблематичность ее применения к описанию конкретных языков, безусловно, ограничили влияние Копенгагенской школы на развитие науки, и в частности на развитие семантики. Однако именно наблюдения Л. Ельмслева над параллелизмом планов выражения и содержания легли в основу компонентного анализа (см. п. 10.3).

Для Женевской школы (Ш. Балли, А. Сеше и др.)¹ постсоссюровского периода характерен особый интерес к речи, а также к связям языка с мыслью и к другим психическим и социальным явлениям (см. также о теории Ш. Балли главу 12). Понимание языка в первую очередь как социального явления позволяет отнести Женевскую школу к социологическому направлению в лингвистике.

Понятие значения играет особую роль в исследованиях Лондонской школы (У. Аллен, Ф. Р. Палмер, М. А. К. Халлидей и др.), основоположником которой считается Дж. Р. Фёрс, развивавший контекстуальную теорию значения. Последнее понимается как сложное явление, изучение которого требует привлечения материала разных языковых уровней. Значение языковой единицы опи-

¹ Основателем Женевской школы считается Ф. де Соссюр.

сывается с помощью анализа ее употреблений в различных типах контекстов, среди которых важнейшими считаются ситуационный и социальный.

Наибольшее воздействие на развитие семантических идей и тем самым на современную семантику оказала Пражская лингвистическая школа, ядром которой стал Пражский лингвистический кружок. Он был создан во второй половине 20-х и организационно распался в начале 50-х годов XX в., хотя его традиции до сих пор сохраняются в Чехии и Словакии. Среди организаторов кружка были лингвисты и филологи из Чехословакии — В. Матезиус и его более молодые коллеги Й. Вахек, Б. Гавранек, Я. Мукаржовский, В. Скаличка, Б. Трнка и др. В кружок входили Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой и С. О. Карцевский.

Для Пражской лингвистической школы характерно распространение на область семантики методов и принципов исследования, первоначально проверенных в области фонетики. Особую роль в лингвистическом анализе играет разложение языковых единиц на более простые, а в идеале — на элементарные составляющие. На эту идею, развиваемую также Л. Ельмслевым, опирается не только компонентный анализ, но и различные описания элементарных смыслов, например язык семантических примитивов, предложенный А. Вежбицкой. Основной сферой структурных исследований в семантике первоначально была лексика. Для исследования лексических значений применяется понятие оппозиции, также первоначально разработанное Н. С. Трубецким для описания фонологии. Развитием структурных идей в семантике стало описание лексической полисемии с помощью инварианта, а позднее — с помощью различных схем и семантической сети. Все эти понятия и приемы дают возможность связать определенными отношениями набор не связанных между собой значений.

Можно констатировать, что главным итогом влияния структурализма на исследование лексики стало не применение частных структурных методов, а общий структурный взгляд на лексическую семантику. Понимание лексической семантики как системы означает постоянный поиск и обнаружение ее системных свойств, для чего и используются структурные методы исследования и описания.

Однако именно эта глобальная гипотеза, стимулирующая семантические исследования, стала основным объектом постструктуралистской критики. Аналогия между значением и формой (в частном случае — фонетикой) не может быть абсолютной. Значение оказывается гораздо более сложным явлением, чем звук, фонема или даже любая формальная конструкция. Кроме того, что значение в отличие от формы в принципе ненаблюдаемо, оно еще зависит от множества трудно учитываемых и трудно формализуемых факторов (контекста, ситуации, намерений, знаний и т. д.). В результате применение к такому сложному объекту дискретных ме-

тодов описания приводит к разной степени огрубления реальной картины (иногда значительному). Несмотря на очевидную стимулирующую роль основных постулатов Ф. де Соссюра и развитие их различными школами структурной лингвистики, так и не удалось окончательно выделить язык как автономную систему, независимую от внешних феноменов — психологических и социальных (мышление, культура и под.).

Так, структурный подход к семантике, т. е. взгляд на семантику как на дискретную систему, можно рассматривать в качестве научной идеализации объекта исследования, что, собственно, и позволяет использовать формальные методы для его описания.

Структурный подход применяется не только к лексике, но и к более сложным языковым единицам — предложению и высказыванию, тексту и дискурсу. Среди результатов, полученных непосредственно в рамках основных школ и направлений структурной лингвистики, можно назвать теорию актуального членения (В. Матезиус и др.), теорию высказывания Ш. Балли, теорию функций языка Р. О. Якобсона, типологию текстов Э. Бенвениста, дистрибутивный анализ дискурса З. Харриса и многое другое.

Структурализм изменил облик лингвистики вообще и семантики в частности. Так, именно под влиянием структурализма и непосредственно идей Ф. де Соссюра в XX в. семантика стала наукой синхронической (или синхронной, как теперь принято говорить).

Рекомендуемая литература

Алпатов В. М. История лингвистических учений. — 2-е изд., испр. — М., 1999.

Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. — М., 1966.

Блумфилд Л. Язык. — М., 1968.

Гаспаров Б. Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. — М., 1997.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. — М., 1992.

Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. — М., 1959.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика. — М., 1999. С. 131—256.

Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. — М., 1977.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М., 1977. С. 31—285.

Структурализм: «за» и «против». — М., 1975.

Ульдалль Х. И. Основы глоссематики (Исследование методологии гуманитарных наук со специальным приложением к лингвистике) // Зарубежная лингвистика. — М., 1999. С. 257—303.

Фёрс Дж. Р. Техника семантики // Новое в лингвистике. Вып. 2. — М., 1962. С. 72—97.

Якобсон Р. Избранные работы. — М., 1985.

ГЛАВА 17

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

С понятием «функциональный» связаны различные лингвистические направления и школы. Так, термин «функциональная лингвистика» используется в нескольких смыслах. В наиболее узком смысле он употребляется по отношению к Пражской лингвистической школе (см. главу 16). В «Тезисах Пражского лингвистического кружка» Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой и С. О. Карцевский выдвинули **телеологический принцип**. Согласно ему язык понимается как целенаправленная система средств выражения. Это означает, что язык, являясь знаковой системой, предназначен для выполнения определенных функций, прежде всего для коммуникативной. Следование этому принципу привело, с одной стороны, к созданию различных теорий функций языка (см. главу 5), а с другой стороны, к функциональному подходу в описании различных лингвистических явлений — от фонологии до семантики. Примером такого подхода может служить теория актуального членения, изучающая функциональную перспективу предложения. Исследование социальной функции привело к развитию теории функциональных стилей (разновидностей литературного языка, используемых в определенных социальных условиях).

Функциональный подход характеризует не только Пражскую лингвистическую школу, но и другие направления структурной лингвистики, например Лондонскую и Женевскую лингвистические школы (функциональный структурализм Дж. Фёрса и М. А. К. Халлидея; функционализм А. Фрея и т. п.).

Понятие функциональной лингвистики в наиболее широком смысле (функционализм) выходит за рамки структурализма и основывается на следующем тезисе: языковая система и ее фрагменты подвержены влиянию и даже формируются под воздействием функциональных требований. Таким образом, задача функционализма состоит в объяснении языковой формы через ее функцию. Функционализм в таком понимании противопоставлен формализму, постулирующему языковую структуру независимо от каких-либо функций и отрицающему влияние функций и коммуникативных целей на систему языка. Наиболее влиятельным представителем формализма является Н. Хомский с его генеративной грамматикой. Основной упрек функционализму заключается в нечеткости понятия «функция» в целом и «коммуникативная функция» в частности. Под сомнение ставится сам приоритет коммуни-

кативной функции языка. По сути, подобная критика не отрицает функционального подхода, а лишь показывает его ограниченность и необходимость рассмотрения других языковых функций.

Следует отметить два заблуждения, связанных с функционализмом. Во-первых, функционализм в целом не отрицает существования самостоятельной языковой системы или «языковой формы», а лишь утверждает, что она подвержена функциональному воздействию. Такое предположение верно лишь для наиболее радикальных приверженцев функционализма (У. Чейф и др.), которые полагают, что язык является функционально предопределенной системой. Во-вторых, функционализму далеко не чужды формальные методы описания. Отношение к формальным методам никак не связано с основным пунктом противостояния функционализма и формализма — отношением к роли функции языка и влиянию функции на языковую систему. Дискуссии между формалистами и функционалистами имеют большое значение для развития прежде всего американской лингвистики, где позиции формализма особенно сильны. Именно для американских функционалистов характерно философское и методологическое осмысление недостаточности формального подхода к языку (Р. Д. Ван Валин, Т. Гивон, С. Томпсон и др.). Европейская же лингвистика (и российская, в частности) находится в сфере влияния структурализма, основные направления которого развивают функциональный принцип описания языка. Тем самым функциональный подход является для нее если не обязательным, то, по крайней мере, естественным.

Исследования грамматического строя естественных языков, основанные на функциональном принципе, получили название функциональной грамматики. Описание грамматики строится исходя из содержания и назначения языковых единиц. Подобные исследования представлены в работах Ф. Брюно, О. Есперсена и др. Теоретическую основу функциональной грамматики заложил и развил С. Дик, который говорит о различных видах адекватности грамматики — психологической, типологической и прагматической.

Оригинальную теорию функциональной грамматики разрабатывает А. В. Бондарко. Центральным понятием его теории является функционально-семантическое поле. Это система языковых единиц, категорий и других явлений, объединенных на основе общности функций, обусловленных определенной семантической категорией.

Функциональная грамматика в любой версии предполагает широкое привлечение материала различных языков и опирается на типологические исследования. Наиболее важными в этой связи являются работы по грамматической типологии (Т. Гивон, Б. Комри и др., а также представители Петербургской типологической школы — А. А. Холодович, В. П. Недялков, В. С. Храковский).

Рекомендуемая литература

- Бондарко А. В. Функциональная грамматика. — Л., 1978.
- Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. — СПб., 2001.
- Кибрик А. А., Плунгян В. А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. — М., 1997. С. 276—339.
- Dik S. C. Functional grammar. — Amsterdam, 1978.
- Dik S. C. The theory of functional grammar. Vol. 1. — Dordrecht, 1989.
- Halliday M. A. K. System and function in language. — Oxford, 1976.

ГЛАВА 18

ГЕНЕРАТИВНАЯ ГРАММАТИКА

Генеративная, или порождающая, грамматика возникла под влиянием идей Н. Хомского в 50—60-е годы XX в. (книга Н. Хомского «Синтаксические структуры» появилась в 1957 г.) и прошла сложный и изменчивый путь. Выделяют следующие основные этапы ее развития, всякий раз связанные с появлением новых основополагающих работ Хомского: стандартная теория (1965), расширенная стандартная теория (1977), теория управления и связывания (1981) и минималистская программа (1993). В настоящей главе кратко рассматриваются две семантические теории, разработанные в рамках генеративной грамматики в 60—70-е годы XX в. — интерпретирующая семантика и порождающая семантика.

В основе генеративной грамматики лежит представление о врожденной языковой способности человека, называемой **языковой компетенцией** (*competence*), которая **независима от речевой деятельности** (*performance*). Генеративная грамматика моделирует способность человека порождать правильные предложения¹. Изначально ее базовым компонентом является исчисление. Оно состоит из конечного числа правил, составляющих структуры, в результате действия которых начальный символ предложения *S* разветвляется в бесконечное число различных правильных схем. Эти схемы представляют собой деревья непосредственных составляющих и в стандартной теории называются глубинными структурами. К глубинным структурам применяются трансформационные правила, в результате чего появляются поверхностные структуры. В глубинных структурах используются индексы референции, выражающие кореферентность отдельных узлов дерева. К поверхностным структурам применяются фонологические правила. Результат их действия — фонетическое представление поверхностных структур. В стандартной теории вводится семантический компонент: глубинные структуры подвергаются воздействию лексических правил, вследствие чего возникают семантические представления этих структур. Семантическое представление описывается в виде дерева, которое содержит семантические признаки и категориальные пометы. Ме-

¹ В первоначальном варианте, соответствующем «Синтаксическим структурам», речь шла исключительно о грамматической правильности, которой, в частности, соответствовал знаменитый пример *Colorless green ideas sleep furiously* 'Бесцветные зеленые идеи яростно спят'.

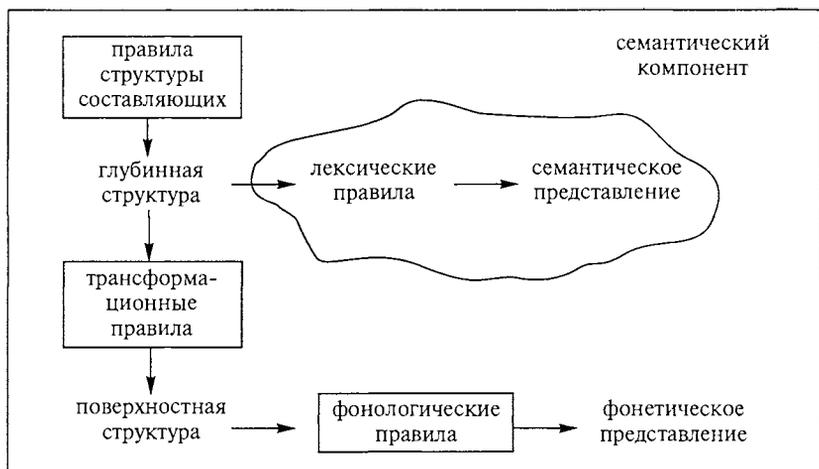

Схема 13. Стандартная теория

ханизм генеративной грамматики согласно стандартной теории изображен на схеме 13.

В стандартной теории выполняется **гипотеза Катца — Постала**, которая предполагает, что трансформации не влияют на значение структуры. Значение глубинной структуры, таким образом, совпадает со значениями соответствующих ей поверхностных структур.

С конца 60-х годов XX в. развивается еще одна разновидность генеративной грамматики, которая получает название порождающей (генеративной) семантики¹. Ее основы излагаются в работах Дж. Лакоффа, Дж. Мак-Коли, П. М. Постала, Дж. Р. Росса и других американских ученых, но не получают поддержки со стороны Н. Хомского. В это же время Н. Хомский, Р. Джакендофф и др. в противовес порождающей семантике развивают интерпретирующую семантику. В течение почти десяти лет в рамках генеративной грамматики ведутся ожесточенные дискуссии между сторонниками этих двух направлений. И в порождающей, и в интерпретирующей семантиках по сравнению со стандартной теорией повышается роль семантического компонента, однако реализуются эти изменения по-разному.

Среди основных принципов порождающей семантики можно назвать следующие. Синтаксис не может быть автономен от семантики, т.е. они в принципе неразделимы. Следовательно, семантическая структура имеет ту же природу, что и синтаксическая, и задается в виде дерева непосредственных составляющих. Таким образом, отбрасывается понятие особой синтаксической

¹ Термин предложен Дж. Лакоффом.

глубинной структуры. Семантическая структура появляется в результате действия базисных, а не интерпретационных правил (семантическая структура порождается, отсюда и название — порождающая семантика). Отсутствие глубинных структур означает также возможность применения трансформационных правил к еще не завершённой семантической структуре. Так, вводятся особые долексические трансформации, т. е. трансформации, действующие до лексического наполнения структур.

В порождающей семантике отвергается понятие абсолютной грамматической правильности предложения. Грамматическая правильность определяется только относительно конкретного значения и класса контекстов. Таким образом, грамматическая правильность по существу совпадает с осмысленностью предложения. В порождающей семантике выполняется гипотеза Катца — Посталя. Все семантические различия между двумя выражениями существуют на самом глубоком уровне их представления, называемом семантическим. Сторонники порождающей семантики исходят из универсальности семантических структур, их независимости от конкретного языка.

Если порождающая семантика пытается решить все семантические проблемы в рамках семантической структуры, то интерпретирующая семантика разносит их по разным компонентам. Она сохраняет глубинную структуру, однако усложняет ее и, кроме того, отказывается от гипотезы Катца — Посталя, так что трансформации могут изменять значение предложения (например, пассивизация), т. е. также выполняют определенную семантическую функцию.

Семантической интерпретации подвергаются не только глубинные, но и поверхностные структуры. В результате семантической интерпретации последних устанавливается соответствие между их семантическим и фонетическим представлениями.

Особую роль в интерпретирующей семантике играет и лексикалистская гипотеза, предложенная Н. Хомским. Он обращает внимание на тот факт, что деривация не всегда продуктивна и, например, некоторые отглагольные имена имеют идиоматическое значение. Это значит, что существует чисто лексическая деривация, заложенная в лексиконе, а не получаемая в результате трансформаций. Таким образом, и лексикон берет на себя определенную семантическую нагрузку.

Усложнено в интерпретирующей семантике и семантическое представление. Оно состоит из четырех частей. Во-первых, это функциональная структура, основанная на свойствах предиката и семантических ролей. Во-вторых, модальная структура, описывающая условия уместности предложения в коммуникации, а также модальные элементы в широком смысле слова. В-третьих, таблица кореферентности. В-четвертых, коммуникативная структура,

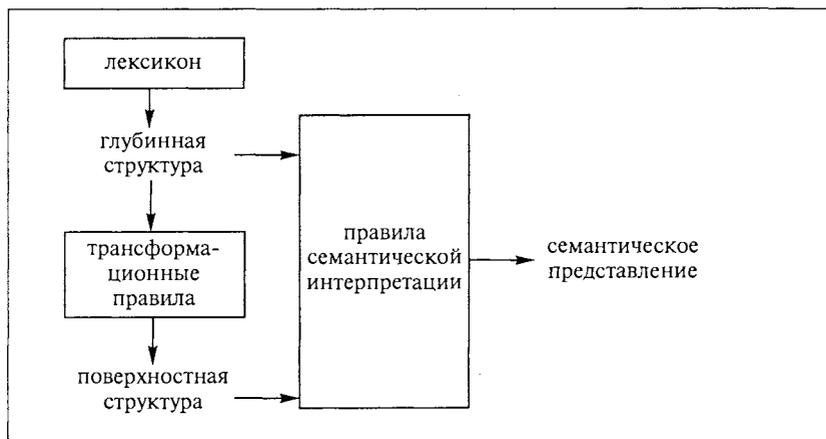

Схема 14. Расширенная стандартная теория (фрагмент)

выделяющая фокус и фон, старую и новую информацию. Только функциональная структура предопределяется глубинной структурой. Модальная структура и таблица кореферентности выявляются в процессе трансформаций. Коммуникативная структура определяется только на основе интерпретации поверхностной структуры.

Во второй половине 1970-х годов интерес к порождающей семантике резко падает, а интерпретирующая семантика включается в расширенную стандартную теорию и, по существу, остается единственным подходом к семантическим проблемам, практикуемым в генеративной грамматике.

Основные элементы расширенной стандартной теории, связанные с семантикой, представлены на схеме 14.

Рекомендуемая литература

Бейлин Дж. Краткая история генеративной грамматики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. — М., 1997. С. 13—57.

Демьянков В.З. Тетради новых терминов. № 23. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Порождающая грамматика. — М., 1979.

Катц Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. — М., 1981. — С. 33—49.

Мак Коли Дж.Д. О месте семантики в грамматике языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. — М., 1981. С. 235—301.

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. — М., 1972.

Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 2. — М., 1962. С. 412—527.

Katz J.J. Semantic theory. — New York, 1972.

МОДЕЛЬ «СМЫСЛ \Leftrightarrow ТЕКСТ»

Модель, или теория, «Смысл \Leftrightarrow Текст» была разработана в СССР в 60—70-е годы XX в. прежде всего усилиями И. А. Мельчука, Ю. Д. Апресяна и А. К. Жолковского. Наиболее полно и последовательно ее теоретические основы изложены в книге И. А. Мельчука в 1974 г. (второе издание в 1999 г.; см. рекомендуемую к данной главе литературу). Данная модель опирается на понимание естественного языка как механизма, преобразующего заданные смыслы в соответствующие им тексты и заданные тексты — в соответствующие им смыслы. Более разработан в модели переход от смыслов к текстам, т.е. языковой синтез. Модель предполагает систему уровней и правил перехода между ними. Непосредственно к семантике относятся описание семантического уровня и правил перехода к синтаксическому уровню, а точнее, к глубинно-синтаксическому. Система правил, обеспечивающая такой переход в модели, называется **семантическим компонентом**. Особенно интересны с семантической точки зрения такие компоненты модели, как толково-комбинаторный словарь и система перифразирования, и такие понятия, как лексические функции и модель управления.

Семантический уровень включает в себя особого рода семантическое представление (обычно используется сокращение СемП) связного фрагмента речи без расчленения его на предложения и слова. Семантическое представление состоит из семантического графа и сведений о коммуникативной организации (см. схему 3 в главе 7). Семантический граф состоит, в свою очередь, из вершин (точек) и соединяющих их дуг. Вершины помечаются символами элементарных смысловых единиц (семи), а дуги — символами связи между семами.

При синтезе к семантическому представлению применяется действие семантического компонента. Семантический компонент производит следующие основные операции:

1. Расчленяет семантический граф на фрагменты, которые соответствуют фразам, и устанавливает последовательность фрагментов (соответственно и фраз в будущем тексте).

2. Подбирает лексику на абстрактном уровне. Подбор обобщенных слов заключается в вычленении таких фрагментов семантического графа, которым в данном языке может соответствовать отдельное слово. Подбирает грамматические средства на абстракт-

ном уровне, а именно вычленяет такие фрагменты семантического графа, которые в данном языке выражаются с помощью грамматики, и перерабатывает их в предварительные грамматические характеристики при обобщенных словах.

3. Определяет общее синтаксическое строение фраз на абстрактном уровне (с помощью глубинно-синтаксических отношений).

И. А. Мельчук отмечает, что именно на этом этапе происходит первоначальное «национальное» оформление заданного смысла.

При анализе семантический компонент выполняет обратные операции.

Следует отметить важную роль семантического представления, которое при синтезе подается на вход модели и соответствует множеству синонимичных текстов, получаемых в результате ее работы. При анализе же семантическое представление является конечным продуктом действия модели.

Описание семантического уровня подразумевает наличие семантического языка, который состоит из:

- словаря, включающего элементарные семантические единицы (семы), промежуточные семантические единицы, соответствующие словам естественного языка, и символы-характеристики коммуникативной организации;

- правил образования, с помощью которых из единиц словаря строятся семантические представления;

- правил преобразования, задающих равносильность двух семантических представлений (путем свертывания фрагментов графа в промежуточные единицы и развертывания последних).

Особую роль в работе семантического компонента играет словарь лексики естественного языка, называемый толково-комбинаторным словарем (часто используется сокращение ТКС). Именно с помощью этого словаря вычленяются обобщенные слова. Словарь содержит различную информацию о слове, распределенную по нескольким зонам (по версии, соответствующей книге И. А. Мельчука 1974 г., в словарной статье 11 зон). Среди главных с семантической точки зрения зон — толкование, модель управления, стандартные и нестандартные лексические функции. Толкования и модель управления подробно рассматриваются в главе 10. Следует только отметить, что одно из важнейших достижений модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» состоит в различении семантических и синтаксических валентностей и актантов. В модели управления семантические и синтаксические валентности одного слова сопоставляются друг другу.

Для каждого слова в ТКС в идеале приводятся все слова, связанные с ним по смыслу. Это, во-первых, его **парадигматические варианты**, или **замены**, т.е. те языковые средства, которые заменяют данное слово в определенных контекстах при определенных условиях, и, во-вторых, его **синтагматические партнеры**, или **па-**

раметры, т.е. те языковые средства, которые идиоматично выражают различные смыслы при данном слове. Все эти средства называются **лексическими коррелятами**. Связи слов с коррелятами описываются с помощью функций, называемых лексическими. **Лексическая функция** сопоставляет множеству слов множество лексических коррелятов, так что между любым словом и его коррелятом имеет место одно и то же отношение.

Особый интерес для описания разнообразия лексической сочетаемости представляют лексические функции с фразеологически связанными выражениями. Среди таких функций различаются стандартные и нестандартные. Стандартная лексическая функция удовлетворяет двум требованиям: во-первых, она должна иметь широкую лексическую сочетаемость, а именно — вступать в комбинации с большим числом разных смыслов, во-вторых, она должна иметь большое количество языковых выражений. Каждой стандартной лексической функции с фразеологически связанными выражениями дается имя, обычно сокращение латинского слова. **Лексическая функция Magn (от лат. magnus ‘большой’), которой соответствует смысл ‘очень’, вместе с аргументами и значением записывается следующим образом:**

Magn (*брюнетка*) = *жгучая*;

Magn (*рана*) = *тяжелая*;

Magn (*знать*) = *назубок; как свои пять пальцев...*

Magn (*дождь*) = *проливной* и т.д.

Семантическое отношение между аргументами лексической функции Magn (*брюнетка, рана, знать, дождь* и т.д.) и соответствующими значениями (*жгучий, тяжелый* и т.п.) постоянно и равно смыслу ‘очень’. Данная функция имеет чрезвычайно широкую лексическую сочетаемость и огромное количество языковых выражений. Среди основных функций-замен можно назвать Syn (синоним), Conv (конверсив), Anti (антоним), Gener (гипероним), Der (синтаксический дериват — слово, совпадающее с аргументом по смыслу, но принадлежащее к другой части речи). Не трудно заметить, что эти функции представляют основные парадигматические отношения, рассмотренные в п. 10.8.

Особенно много лексических функций вводится для слов, представляющих ситуацию. Значением таких функций являются прежде всего типовые актанты и сирконстанты (*экзамен — экзаменатор* и *борьба — арена*), а также типовые метафоры (*страсть — пламя*). Сюда же относится упомянутая выше функция Magn и некоторые другие.

Среди основных функций-параметров нужно назвать три следующих типа — Oper_i (‘операция с ...’), Func_i (‘функционирование’) и Labor_{ij} (‘обработка’). И.А. Мельчук описывает их таким образом. Значением данных лексических функций являются гла-

голы, связывающие название ситуации с одним или двумя ее актантами (номер актанта обозначается индексом при названии функции). Op_{eg_i} ставит в соответствие названию ситуации глагол, присоединяющий название в качестве прямого дополнения (*любовь* — *питать*, *доклад* — *читать*). $Func_i$ представляет глагол, имеющий название ситуации в качестве подлежащего (*отчаяние* — *охватить*, *безмолвие* — *царить*). $Labo_{g_{ij}}$ представляет глагол, имеющий название ситуации вторым дополнением, а названия актантов — подлежащим и первым дополнением (*побои* — *осыпать*, *уважение* — *окружать*). Среди других параметров можно упомянуть $Caus$ ('делать так, чтобы': *свитер* — *вязать*, *костер* — *разжечь*).

Индексы, используемые при названиях функций, обозначают номера актантов, участников соответствующих ситуаций (нулевой индекс обозначает безличные Op_{eg} и $Labo_{g}$ или не имеющий дополнений $Func$). Так, Op_{eg_1} от слова (названия ситуации) *травма* является глагол *наносить*, а лексической функцией Op_{eg_2} от этого же слова будет уже глагол *получать*, поскольку *наносит травму* первый участник ситуации (актант), а *получает травму* — второй. Другие примеры: Op_{eg_1} (*помощь*) = *оказывать*, $Func_0$ (*мороз*) = *стоять*, $Func_0$ (*война*) = *идти*, $Func_1$ (*тоска*) = *глотать* (*Поэта гложет тоска*), $Func_2$ (*возмездие*) = *настигать*, $Labo_{g_{12}}$ (*побои*) = *осыпать*, $Labo_{g_{12}}$ (*наказание*) = *подвергать*, $Labo_{g_{21}}$ (*цель*) = *ставить себе* (*Игорь поставил себе целью стать чемпионом мира*).

Наряду с простыми функциями существуют также и сложные, получающиеся с помощью комбинирования простых, например $AntiMagn$ (*аплодисменты*) = *жидкие*, $CausOp_{eg_2}$ (*рабство*) = *ввергать в*.

Набор лексических функций позволяет упорядочить описание сочетаемости слов и отделить его от описания значений. Аппарат стандартных лексических функций используется и при формулировании лексических правил системы перифразирования. Хотя правила системы перифразирования применяются к глубинно-синтаксическим структурам, они, безусловно, представляют семантический интерес. Речь в этом случае идет о синонимических средствах языка, о появлении различных способов выражения одного и того же смысла.

Среди простейших лексических правил перифразирования можно назвать замену слова на синоним: $C_0 \leftrightarrow Syn(C_0)$, например, *Характер у бегемота спокойный* — *Характер у гиппопотама спокойный*; или — на сочетание гиперонима с дериватом: $C_0 \leftrightarrow Gener(C_0 + Der(C_0))$, например, *прошептать* = *сказать шепотом*.

В модели вводится более 50 лексических правил перифразирования, наряду с которыми используются и синтаксические, т.е. такие преобразования синтаксических конструкций, которые не меняют смысла всего выражения.

Многие из рассмотренных в этой главе понятий (модель управления, семантическая валентность и т. д.) оказались полезными и вне рамок модели «Смысл \Leftrightarrow Текст», они вошли в общий теоретический и терминологический фонд семантики.

Рекомендуемая литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1995.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М., 1995.

Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». — Вена; М., 1995.

Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». — 2-е изд., доп. — М., 1999.

Толково-комбинаторный словарь русского языка. — Вена, 1984.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Когнитивная лингвистика представляет собой подход к исследованию естественного языка, при котором язык понимается как инструмент для организации, обработки и передачи информации и при этом как разновидность способности человека к познанию (наряду с другими способностями). Формальная структура языка рассматривается как отражение законов категоризации и общей понятийной организации.

Когнитивная лингвистика сложилась во многом благодаря психолингвистическим исследованиям категоризации в языке, проведенным Э. Рош (см. главу 10). Когнитивная лингвистика объединяет весьма значительно различающиеся между собой концепции и теории языка. К наиболее влиятельным представителям когнитивной лингвистики относят Р. Джакендоффа, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Л. Талми, Ч. Филлмора.

В когнитивной лингвистике семантика безусловно занимает главное место, а значение рассматривается как основной объект исследования. Одной из главных теоретических проблем является соотношение семантики с действительностью. Лингвистическое значение непосредственно связано с действительностью, но действительность особым образом преобразована и структурирована, что обусловлено как познавательными способностями человека, так и спецификой различных культур.

Можно выделить наиболее привлекательные с точки зрения когнитивной лингвистики темы. К ним относится изучение лексики как естественного способа категоризации. Когнитивных лингвистов интересуют прежде всего такие явления, как прототипичность, регулярная полисемия, когнитивные модели и метафора в качестве универсального когнитивного приема. Переход от исследования лексики к подобному исследованию грамматики осуществлен в когнитивной грамматике Р. Лангакера и грамматике конструкций Ч. Филлмора.

Рассмотрим некоторые из тем и проблем когнитивной лингвистики.

Понятие прототипа, введенное Э. Рош, является ключевым для описания семантических категорий и соответственно языковых значений. **В категории выделяются прототип и периферия**. Прототип наилучшим образом соответствует данной категории, что означает его лучшую распознаваемость, более быструю идентифи-

кацию, большую частотность и т.д. Прототипическая организация значения обусловлена в первую очередь ограниченностью ресурсов человеческой памяти при том, что множество познаваемых и подлежащих категоризации объектов и ситуаций бесконечно. Прототипический подход позволяет системным образом решить проблему полисемии. Полисемия описывается с помощью понятия **семантической сети**, в центре которой находится прототипическое значение. Прототипическое значение может быть абстракцией, которая никогда не реализуется в конкретном контексте. Его центральная роль обусловлена тем, что именно оно связывает семантическую сеть. Конкретные значения языковой единицы возникают в результате применения к прототипическому значению определенных и регулярных операций. Часто в качестве прототипического выбирается наиболее конкретное, например пространственное, значение.

Особое место в когнитивной лингвистике благодаря работам Дж. Лакоффа заняла теория метафоры. Лакофф рассматривает метафору как один из основных типов когнитивной модели, т.е. механизма мышления и образования концептуальной системы. Метафоры концептуализируют различные области путем переноса в них концептуальной системы из другой области. В этом случае говорится о переходе из области-источника в область-мишень. Область-источник, как правило, более знакома, привычна, более конкретна, понятна и описана через непосредственный физический опыт.

Так, характерная для разных языков метафора *Время — деньги* позволяет применить к абстрактному понятию вполне конкретные операции. *Время*, как и *деньги*, можно *использовать*, *тратить*, *терять* и т.п.

Таким образом, метафора оказывается важнейшим познавательным механизмом, позволяющим познавать сложное через простое, абстрактное через конкретное, неизвестное через известное. Метафорический механизм важен не только для лексики, но и для грамматики.

Наиболее последовательно когнитивные принципы применительно к грамматике естественного языка реализованы в теории Р.Лангакера, называемой когнитивной грамматикой. Лангакер исходит из того, что язык не может быть описан как автономная система, независимая от когнитивных процессов. Кроме того, он полагает, что лексика, морфология и синтаксис, даже дискурсивные модели представляют собой континуум, единую связанную знаковую систему.

Р.Лангакер разработал особый семантический метаязык. Значения описываются с помощью рисунков-схем с возможными языковыми ярлыками, помечающими роли различных элементов схем (см., например, схему 4 в главе 7). Среди ролей могут быть

ориентир, движущийся объект, наблюдатель и др. В основе описания лежит понятие когнитивной области, по отношению к которой происходит предикация. Концептуализация подразумевает процесс выделения понятия на основе имеющихся представлений — **профилирование**. Так, слово *ладья* определяется на базе концепта шахматной доски и множества фигур, из которых выделяет одну, слово *колени* опирается на концепт ноги, выделяя один сустав, и т. д.

Идея выделенности является для когнитивных исследований ключевой и описывается в различных теориях с помощью терминов **фигура и фон, профиль и основание**.

Когнитивную лингвистику иногда сближают с функционализмом. Это сближение оправдано, скорее, способом «от противоположного». Оба эти направления противопоставлены идейно и исторически генеративной грамматике. Тем не менее общей характеристикой обоих подходов можно считать исследование и описание языковой системы в неразрывной связи с определенной функцией и соответствующим явлением. Для функциональной лингвистики — это коммуникативная функция и коммуникация, для когнитивной лингвистики — это когнитивная (познавательная) функция и мыслительная деятельность.

Рекомендуемая литература

Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996.

Рахилина Е. В. Основные идеи когнитивной лингвистики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. — М., 1997. С. 370—389.

Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. — М., 1997. С. 340—369.

Geeraerts D. Cognitive linguistics // Handbook of pragmatics. Manual / Ed. by J. Verschueren, J. -O. Östman, J. Blommaert. — Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 111—116.

Jackendoff R. Semantics and cognition. — Cambridge, 1983.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. — Chicago, 1980.

Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1. — Stanford, 1987.

Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Vol. 2. — Stanford, 1991.

ЧАСТЬ VI

«РАСШИРЕНИЯ» СЕМАНТИКИ

В этой части рассматриваются области знания, находящиеся в разных отношениях к семантике. Так, теория референции, бесспорно, является частью лингвистической семантики. Теория речевых актов часто рассматривается как один из разделов семантики. Однако так же обычно ее отнесение к основным направлениям прагматики. Некоторые же ученые считают ее самостоятельной дисциплиной. Безусловно, самостоятельный статус имеет прагматика. Эта самостоятельность восходит к классическому противопоставлению синтаксиса, семантики и прагматики в рамках семиотики, хотя современная прагматика довольно сильно отличается от своего семиотического идеала.

Однако и в развитии этих трех дисциплин, и в их связях с классической лингвистической семантикой (т. е. теорией значения) есть много общего. Их источником была семантика, но не лингвистическая, а философская и логическая. Соответствующие идеи пришли в лингвистику сравнительно поздно, уже во второй половине XX в. Одной из основных причин их вхождения в лингвистику стало осознание недостаточности традиционных лингвистических средств для описания использования языка в реальной коммуникации. Вместе с тем вскоре стало понятно, что новые задачи и объекты исследования существуют не отдельно от старых, а переплетаются и вместе составляют единую исследовательскую область. Даже говоря о двух разных разделах лингвистики — семантике и прагматике, не всегда возможно четко разнести по этим разделам существующие проблемы. Область взаимодействия семантики и прагматики достаточно велика. Это прежде всего значение группы слов, которые можно было бы назвать прагматически ориентированными. К этой группе относятся слова, названные в главе I индексами: *я, ты, здесь, сейчас* и некоторые другие. Кроме того, в эту область включается исследование прочих языковых средств, служащих прагматическим целям.

Точно так же в лингвистической теории референции преобладает интерес именно к значению «референциально ориентированных» слов и других языковых средств выражения референции. Теория же речевых актов вообще начиналась с выделения языковых средств (прежде всего ряда глагольных форм 1-го лица насто-

ящего времени), обладающих совершенно особым «перформативным» значением.

Таким образом, расширяя область своих интересов, задачи и цели исследования, классическая семантика интегрировала новые элементы в старую систему, сохраняя в качестве основной цели исследование значения языковых знаков.

ГЛАВА 21

ТЕОРИЯ РЕФЕРЕНЦИИ

21.1. Историческая справка

В основе теории референции лежит понятие **референции** (от английского *reference* — ссылка, соотношение), т. е. процесс соотнесения единиц речи (прежде всего имен существительных и именных групп) с внеязыковой действительностью, а также результат такого соотнесения. Хотя референциальная проблематика имеет весьма древнюю историю (ее можно обнаружить в древнекитайской философии минцзя — школа имен, в немецкой лингвистической концепции «Слова и вещи» и др.), свое классическое воплощение она получила лишь в XIX—XX вв. сначала в логико-философских работах Дж. С. Милля, Б. Рассела, Г. Фреге, Р. Карнапа, а затем в более поздних логических и лингвистических работах С. Крипке, У. Куайна, Л. Линского, Б. Парти, Дж. Сёрла, П. Стросона, А. Тарского, Я. Хинтикки и др. В развитии лингвистической теории референции в 70—90-х годах XX в. большую роль сыграли также работы российских лингвистов Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелёва.

Особую роль теории референции в рамках семантической науки наиболее отчетливо сформулировал У. Куайн, противопоставив слабую (теория значения) и сильную (теория референции) семантику. К первой относятся такие проблемы и понятия, как значимость (или наличие значения), синонимия (или тождество значения) и аналитичность (или истинность в силу значения), ко второй же — именование, истинность высказывания, денотация, экстенционал и т. д.

Однако в лингвистической семантике строго провести эту границу не удается. Лингвистическая теория референции по сути сводится к нескольким проблемам. Первая из них — изучение семантики так называемых референциальных слов, или актуализаторов, в первую очередь местоимений и артиклей. В связи с этим в лингвистической теории референции исследуются также соответ-

ствующие типы кванторных значений (всеобщность, существование и т. д.) и определенность/неопределенность. Важной задачей является создание классификации типов референции именных групп в речи. И наконец, исследуется предрасположенность именных групп к тому или иному типу референции.

В отличие от смысла референция присуща не имени как таковому, а его употреблению. Смысл может определять лишь предрасположенность имени к тому или иному типу референции. Знание референции конкретных имен, так же как и знание их смысла, обеспечивает понимание конкретного текста.

Референция имени обусловлена не только его смыслом, но и контекстом, а также прагматическими факторами. Интерес к прагматике особенно характерен для современных теорий референции (Л. Линский, С. Крипке, Дж. Сёрл и др.).

21.2. Основные понятия

В истоках теории референции лежат размышления о двойственной природе имен. Уже в знаменитом треугольнике Огдена — Ричардса (символ, мысль, референт), изображающем знаковую ситуацию, представлена попытка расщепить план содержания языка на две составные части: понятийную (мысль, смысл, понятие и т. д.) и предметную (денотат, референт и т. д.)¹.

Действительно, слово (в качестве типичных слов в логической традиции, как уже сказано, рассматривались имена) обладает двумя способностями — значить и называть (или обозначать). Один и тот же реальный объект может быть назван различными именами, с точки зрения смысла далеко не тождественными, например *Аристотель*, *воспитатель Александра Македонского*, *автор «Метафизики»*, *древнегреческий философ* и т. д. И наоборот, одно и то же имя может называть разные объекты.

Существенно, однако, что способностью значить имя обладает независимо от своего употребления, а способность обозначать проявляется только для актуализованного имени, т. е. употребленного в реальном тексте. Иначе говоря, имя обладает смыслом уже в языке, а референтом (объект во внеязыковой реальности, который данным именем обозначен) имя начинает обладать, только будучи употребленным в речи. Тем не менее и в языке имя имеет определенный референциальный потенциал. Одним из возможных способов его описания является введение понятия экстенционала, т. е. множества всех потенциальных референтов (или просто множество всех объектов, которые можно назвать данным именем) и интенционала, подробно рассмотренных в главах 6 и 10.

¹ См. об этом также главы 6 и 10.

При таком подходе механизмы референции, действующие в речи, понимаются как различные операции над экстенционалами и интенционалами актуализованных слов. Например, конкретная референция означает выделение одного или нескольких элементов экстенционала, соответствующих данному слову в речи и называемых его референтом. Определенная конкретная референция, в свою очередь, означает известность этих референтов, а неопределенная соответственно неизвестность. Такой понятийный аппарат позволяет описать и так называемые нереферентные употребления. Слову в этом случае сопоставляются не элементы экстенционала, а непосредственно интенционал, свойство, лишенное конкретных носителей.

21.3. Референциальные противопоставления и минимальные пары

Понятия теории референции пришли в лингвистику из логики сравнительно поздно — лишь во второй половине XX в. Этот приход был вызван тем, что традиционная лингвистическая семантика (теория значения) оказалась недостаточной для описания определенных семантических противопоставлений. Наиболее чистым случаем подобных противопоставлений являются высказывания, различающиеся лишь референцией употребления одной и той же именной группы, своего рода минимальные референциальные пары. Наиболее известное противопоставление — референтных и атрибутивных употреблений — ввел К. Доннелан для определенных дескрипций в позиции подлежащего, т. е. имен, экстенционал которых состоит из одного единственного объекта: *автор «Евгения Онегина»; убийца Смита; третий президент США* и т. д.

Во фразе *Автор «Евгения Онегина» — гениальный писатель* мы сталкиваемся с достаточно трудноуловимой неоднозначностью. При одном понимании именную группу *автор «Евгения Онегина»* можно заменить на собственное имя, причем общий смысл фразы не изменится: *Александр Сергеевич Пушкин — гениальный писатель*. При таком понимании референтом имени *автор «Евгения Онегина»* является великий русский писатель А. С. Пушкин, который может быть назван разными способами. Утверждение о его гениальности может быть сделано на основании знания всего его творчества, а не только «Евгения Онегина». При втором понимании это высказывание можно перифразировать следующим образом: *Написать «Евгения Онегина» мог только гениальный писатель*. Это означает, что из одного свойства ‘быть автором «Евгения Онегина»’ вытекает другое свойство ‘быть гениальным писателем’. В этом случае важен не конкретный референт со всеми его свойствами, а само названное свойство. Первое утверждение использует имя

референтно и содержит утверждение о конкретном лице, выделенном с помощью данной дескрипции, второе же утверждение использует имя **атрибутивно** и содержит утверждение о связи свойств. Аналогичным образом могут быть проанализированы омонимичные высказывания *Убийца Кеннеди — сумасшедший* или *Жена Цезаря вне подозрений*. Их референтное прочтение подразумевает знание конкретных лиц *убийцы Кеннеди* и *жены Цезаря*, а утверждение их свойств подразумевает какую-либо внеязыковую процедуру, например психиатрическое обследование в первом случае или наличие конкретного преступления и алиби — во втором. Атрибутивное прочтение означает вывод соответствующих свойств не на основании анализа действительности, а лишь исходя из семантики имен. Поэтому эти предложения могут быть перефразированы следующим образом: *Убить Кеннеди мог только сумасшедший* и *Будучи женой Цезаря, нельзя находиться под подозрением*.

Омонимия, связанная с противопоставлением атрибутивных и референтных употреблений, может сниматься с помощью контекста. Так, в контексте глаголов, обозначающих конкретные актуальные действия, возможным оказывается лишь референтное прочтение именных групп: *Автор «Евгения Онегина» родился в 1799 г. или Убийца Кеннеди уже зарядил винтовку*.

К противопоставлению референтных и атрибутивных употреблений примыкает противопоставление конкретности и неконкретности, затрагивающее неопределенные дескрипции в контексте отрицания, модальных и некоторых других глаголов. Так, во фразе *Банк ищет кассира* также имеет место омонимия. Именно поэтому возможен вопрос *Какого? Старого или нового?* **Конкретное употребление** означает, что речь идет о конкретном человеке, например о кассире, сбежавшем с крупной суммой денег и потому разыскиваемом банком. В случае же **неконкретного употребления** речь идет о вакантной должности и поисках кандидатуры на ее замещение. При этом имеется в виду лишь само свойство, а не какой-либо конкретный человек.

При конкретном употреблении имен, так же как и при референтном употреблении, возможна замена имени на другое, обозначающее тот же самый референт (например, *Банк ищет человека по фамилии Сидоров, сбежавшего в неизвестном направлении*). Такая замена не приводит к изменению смысла высказывания в целом и его истинностной оценки. Употребления именных групп, допускающих замену на имена с тождественным референтом, называются **прозрачными**, так же как и контексты, в которых такая замена в принципе возможна. Соответственно, если такая замена невозможна, говорится о **непрозрачных** употреблении именных групп и непрозрачных контекстах. Это означает, что для смысла всей фразы существует именно смысл имени, а не его референт. Поэтому замена данного имени на другое с тождественным рефе-

рентом приводит к искажению смысла высказывания и изменению его истинности. Непрозрачными являются, в частности, модальные контексты, контексты знания или мнения и некоторые другие. Так, во фразе *Царь Эдип хотел жениться на Иокасте*, описывающей ситуацию древнегреческого мифа, замена имени Иокаста на другую дескрипцию — *мать Эдипа* — приводит к искажению смысла и делает истинное высказывание ложным: *Эдип хотел жениться на своей матери*. Эдип хотел жениться на Иокасте, не зная, что она является его матерью, поэтому использование соответствующего имени неуместно. Невозможна замена имен и в контексте предикатов знания во фразе *Петя знает, что Париж — столица Франции*. Например, замена названия *Париж* на *столица Франции* приводит к бессмысленному высказыванию: *Петя знает, что столица Франции — столица Франции*.

Особый вид непрозрачности представлен контекстами, требующими так называемого **автономного употребления**, т. е. когда имеет место референция имени к самому себе. Например, в высказывании *Соколовы назвали ребенка Иваном* имя *Иван* не может быть заменено ни на какую другую дескрипцию. Такая замена также влияет на смысл и истинность высказывания. Так, предложение *Стол — это существительное* оказывается истинным только при автономном прочтении слова *стол*. Наоборот, высказывание *Стол — это предмет мебели* истинно только при неавтономном употреблении *стола*. Автономное употребление не допускает даже замены слова на его синоним. Истинное предложение *В бегемоте семь букв* при замене слова *бегемот* на синонимичное *гиппопотам* становится ложным.

Таким образом, непрозрачность означает, что замена имени на «тождественное» имя, т. е. имя с тем же самым референтом, невозможна или приводит к изменению смысла и истинности высказывания.

Однако противопоставление атрибутивных и референтных, неконкретных и конкретных и т. д. употреблений не абсолютно. Нельзя с полной определенностью сказать, что в одних случаях существенным оказывается референт имени и его свойства, а в других — смысл имени, при том что референт не существует или не важен. Не верно, что имя соотносится либо только с референтом, либо только со смыслом. Точнее описывать такие противопоставления с помощью двух признаков — референтный/нереферентный и атрибутивный/неатрибутивный. Смысл имени может быть важен и тогда, когда оно соотносится с конкретным объектом. Так, в предложениях *Вор будет наказан*, или *Я пристыдил лгуна*, или *Критик высоко ценит автора «Евгения Онегина»*, с одной стороны, безусловно имеются в виду конкретные люди (некий вор, некий лгун, автор «Евгения Онегина»), с другой стороны, смысл этих именных групп тоже важен, поскольку он взаимодействует со смыслами других слов: ‘наказание за воровство’, ‘при-

стыдить за ложь', 'высокая оценка «Евгения Онегина»'. Таким образом, в этих высказываниях представлены одновременно и референтные и атрибутивные именные группы. Это означает, что в конкретном высказывании при прочтении именной группы существенным оказывается не одно противопоставление смысла и референции, а два независимых противопоставления — наличие/отсутствие смысла и наличие/отсутствие референта.

Сказанное означает, что семантика текста складывается не только из смыслов слов, но и из их референции. Без знания референции актуализованных имен невозможно понимание текста. Фраза *Мальчики любят вышивать крестиком, девочки любят играть в футбол* кажется, по крайней мере, странной. Действительно, если речь идет об обычных мальчиках и девочках (о мальчиках и девочках вообще), то это не соответствует реальности. Однако в определенных контекстах эта фраза может быть истинной. Например, *У Ивана трое сыновей и две дочери. Мальчики любят вышивать крестиком, девочки любят играть в футбол*. Вполне возможно, что это высказывание истинно (если таковы на самом деле дети Ивана). Что же изменилось? Используются те же самые слова, и говорить о каком-то их новом словарном значении кажется странным. Изменилась же их референция в конкретном тексте. *Мальчики* и *девочки* — это уже не вообще мальчики и вообще девочки, а совершенно конкретные дети, для которых оказываются характерны нетипичные для соответствующих классов в целом свойства.

21.4. Понимание текста и типы референции

Понимание текста в целом подразумевает знание референции отдельных именных групп. Именно поэтому особую роль приобретает описание возможных **типов референции** и создание соответствующей классификации. Чтобы определить, с чем соотносится слово в каждом конкретном случае, желательно знать, с чем вообще могут соотноситься слова, — нужна классификация типов соотношения языковых единиц с внешним миром (кроме термина, тип референции используется также термин **денотативный статус**, введенный Е. В. Падучевой). Такая классификация строится на основании различных референциальных противопоставлений, в том числе и приведенных выше. Сегодня не существует единой общепринятой классификации, можно лишь говорить об отдельных достаточно подробно исследованных и описанных типах референции. Одна и та же именная группа в зависимости от контекста и прагматических условий может иметь разную референцию.

Например, слово *ягуары* в предложении *Ягуары нежно терлись о ее руки* обозначает конкретных зверей (имеет место конкретный тип референции или конкретно-референтное употребление). В пред-

ложении *Ягуары вымирают* речь идет о ягуарах как виде животных (родовой тип референции). В предложении же *Эти звери — ягуары* слово *ягуары* обозначает свойство, приписываемое субъекту предложения (предикатный тип референции). Наконец, в предложении *Ягуары — форма множественного числа* имеет место описанный выше автономный тип референции. Слово соотносится с самим собой.

Наиболее общая классификация типов референции именных групп, которая по возможности охватывает все релевантные признаки, принадлежит Е. В. Падучевой. Она различает **субстантивные** (такие, при которых именная группа вводит в рассмотрение внеязыковые объекты), **предикатные** (такие, при которых именная группа не соотносится ни с какими объектами) и **автономные** (именная группа обозначает саму себя) употребления. Субстантивные, в свою очередь, делятся на **референтные** (при которых объект индивидуализируется) и **нереферентные** (не обозначающие никакой объект) употребления. Референтные употребления по признаку определенности для говорящего и адресата делятся на три группы: **определенные**, **слабоопределенные** и **неопределенные**. Нереферентные употребления делятся на **экзистенциальные** (которые бывают **дистрибутивными**, **неконкретными** и **общеекзистенциальными**), **универсальные**, **атрибутивные** и **родовые**.

21.5. Слова с референциальным значением: местоимения и артикли

Определение типа референции конкретного имени, как видно из некоторых примеров, иногда представляет достаточно трудную задачу. Поэтому особая лингвистическая проблема состоит в описании языковых средств, помогающих установлению типа референции, — маркеров референции. Наиболее важным классом таких средств являются лексические средства: специальные слова — **актуализаторы именных групп**¹. К ним прежде всего относятся артикли и местоимения. Причем в языках, где нет артикля (например, русском), функции артикля (в смысле выражения категории определенности/неопределенности) принимают на себя местоимения. Если вновь обратиться к омонимичным фразам, то можно заметить, как снимается омонимия с помощью местоимений (а, например, в английском языке и с помощью выбора определенного или неопределенного артикля).

Так, в высказывании *Петя хочет жениться на французженке* имеет место омонимия конкретного и неконкретного употребле-

¹ Наряду с лексическими средствами в качестве маркеров референции используются интонация, порядок слов и др.

ния. При конкретном употреблении имеется в виду конкретная женщина, которую говорящий называет француженкой (например, потому что не знает ее имени). При неконкретном употреблении никакой конкретной женщины не существует, а есть лишь мечта жениться на такой женщине, которая была бы француженкой. Можно расширить контекст, так что станет возможным либо только конкретное прочтение имени, либо только неконкретное. Очевидно, что во фразе *Петя хочет жениться на француженке, с которой он познакомился в круизе* имеется в виду совершенно конкретный референт. Здесь возможно только конкретное прочтение. Напротив, во фразе *Петя хочет жениться на француженке, потому что читал, что они самые красивые женщины в мире* запрашивается неконкретное прочтение (что усиливается рассогласованием анафорического местоимения *они* с антецедентом по числу). Но снять омонимию можно не только с помощью расширения контекста, но и включив в именную группу то или иное местоимение. Так, с одной стороны, местоимение *какой-нибудь* (и вообще местоимения с *-нибудь*) предопределяет неконкретное, атрибутивное и подобные прочтения, связанные со свойством, а не с конкретным объектом действительности. Поэтому фраза *Петя хочет жениться на какой-нибудь француженке* как раз и означает отсутствие конкретного референта и желание найти любую женщину, обладающую данным свойством ('быть француженкой'). С другой стороны, местоимения с *-то* (в частности, *какой-то*) или местоимение *один* актуализируют именную группу как конкретно референтную. Соответственно фразы *Петя хочет жениться на какой-то француженке* или *Петя хочет жениться на одной француженке* означают, что существует не просто абстрактное желание, но и конкретная женщина, варьируется только степень известности референта для говорящего и адресата высказывания (ср. также эту же фразу, но с использованием местоимения *некий*).

Аналогично противопоставляются местоимения всеобщности *всякий* и *каждый* (см. подробный анализ их семантики в п. 10.8.1). Если модифицировать высказывание *Жена Цезаря вне подозрений* для множества объектов — *Жена султана Мохаммеда вне подозрений* и подставить в него данные местоимения, мы получим такое же семантическое различие. Во фразе *Каждая жена султана Мохаммеда вне подозрений* речь идет о конкретном преступлении и наличии собственного алиби у всех жен султана. *Каждый* указывает на референтное прочтение именной группы. Во фразе же *Всякая жена султана Мохаммеда вне подозрений* делается более общее утверждение. В ней связываются свойства 'быть женой султана Мохаммеда' и 'быть вне подозрений' независимо от конкретных лиц и конкретных событий.

Значения местоимений *всякий* и *каждый* не исчерпываются описанным противопоставлением, они включают в себя также

семантический компонент общности. В некоторых же словах референциальная функция оказывается единственной. Таково, например, местоимение *это*. Описать его значение вне референциальной (соотносительной) функции почти невозможно. Оно может означать, вообще говоря, все что угодно. Именно поэтому в толковых словарях вместо непосредственного толкования подобных слов указывается следующее: «Употребляются для...» Это означает, что в словарях описывается не столько значение, сколько употребление местоимений и артиклей.

Носители русского языка, изучавшие английский, немецкий, французский и другие «артиклевы́е языки», знают, как трудно научиться правильно использовать артикли. Хотя формулировка значения у артиклей очень проста и выучивается легко, в речи же избежать ошибок невозможно. Это связано прежде всего с тем, что общая формулировка значения является недостаточно точной и, следовательно, плохой инструкцией для употребления артиклей. Множество же частных правил, регулирующих употребление/неупотребление или выбор того или иного артикля, сложно не только усвоить, но и даже сформулировать (употребление артикля зависит от огромного количества семантических и прагматических факторов). Кроме того, они значительно различаются в разных языках, так что носитель «артиклевого языка» все равно будет делать ошибки в употреблении артикля в чужом языке (скажем, итальянец, говорящий по-английски), хотя, возможно, и реже, чем носитель «безартиклевого языка» (например, русский, говорящий по-английски).

В свою очередь, иностранцу чрезвычайно сложно правильно использовать весь спектр русских местоимений, многообразие семантики которых, как уже сказано, отчасти компенсирует отсутствие категории артикля. В частности, иностранцы допускают много ошибок в различении и употреблении таких неопределенных местоимений, как *кто-то*, *кто-нибудь*, *кто-либо*, *некто* и *кое-кто* и под.

Проблемы с местоимениями возникают не только у иностранцев, но и у маленьких детей. Дети усваивают местоимения значительно позже предметных слов, имен и т. д. Это касается и личных местоимений, о которых будет сказано ниже в п. 23.2 (дети часто называют себя и собеседника просто по имени: *Саша не хочет кашу*, а также иногда путают личные местоимения *я* и *ты*). Таким образом, овладение местоимениями и артиклями представляет определенные трудности. Но зато потом мы получаем в пользование мощный аппарат, облегчающий понимание речи и выражение мыслей.

Местоимения и артикли относятся к языковым средствам, устанавливающим связь между различными фрагментами текста, между текстом и речевым актом, между текстом и внешним ми-

ром. Именно они в первую очередь обеспечивают анафорические и дейктические отношения в тексте. Не будь их в языке, люди могли бы порождать только общие сентенции типа *Человек смертен*, но общаться по-настоящему, обсуждать происходящее уже не сумели бы.

Изучение местоимений и артиклей с точки зрения их референциальных свойств и является одной из главных задач лингвистической теории референции. Можно сказать, что местоимения и артикли — слова с референциальной семантикой, поскольку в их значении заключена идея соотнесения речи с внешним миром.

21.6. Референциальная характеристика имени

Достаточно часто тип референции именных групп устанавливается и без лексической подсказки со стороны местоимений и артиклей. Так, в предложении *Ягуары вымирают* сам глагол предопределяет тип соотнесения имени. В предложении *Эти звери — ягуары* важно, что *ягуары* — сказуемое, т. е. синтаксическая функция тоже связана с референцией. Но особую роль играет семантический тип именной группы, поскольку различные именные группы имеют различный референциальный потенциал.

Совершенно особый класс имен с точки зрения семантики представляют имена собственные. В традиционном понимании у них вообще отсутствует смысл. Действительно, какой смысл можно приписать имени *Анна*? Возможно, у некоторых людей есть свои представления о том, каким должен быть обладатель этого имени, но они настолько субъективны, что их невозможно рассматривать в качестве значения слова в языке. И хотя у обладателей этого имени есть общее свойство, но оно совпадает, в частности, с общим свойством носителей имени *Мария* и соответствует в русском языке смыслу словосочетания *человек женского пола*. Таким образом, имена собственные сами по себе не имеют никакого смысла. Бесмысленны поэтому фразы типа *Эта девочка похожа на Оль*, если не подразумеваются конкретные *Оли*, имеющие общее свойство, которое, по мнению говорящего, есть и у этой девочки. Отсутствие смысла делает невозможным включение имен собственных в толковые словари: им невозможно приписать ни какое-либо толкование.

Тем не менее имена собственные успешно выполняют свою основную функцию — называть. Правда, их употребление должен предварять некий акт именования. Например, родители называют своего ребенка, записывают его имя в метрику и сообщают его знакомым. Если человек хочет, чтобы незнакомые люди знали его имя, он должен сделать так, чтобы его представили им, или представиться сам. Следовательно, имена собственные своим суще-

ствованием в языке свидетельствуют: способностью называть вещи слова могут обладать и независимо от своего смысла; эта способность не вторична, а как бы параллельна способности что-то значить. С точки зрения теории референции имена собственные не имеют интенционала (смысла), но имеют экстенционал — множество носителей данного имени. Иногда, правда, различия между именами собственными и прочими именами почти нейтрализуются. Это происходит, если речь идет об уникальном объекте. Действительно, что такое *Солнце*? Это собственное имя нашего светила? Или это понятие, под которое подпадает только одно астрономическое тело?

Имена собственные вместе с определенными дескрипциями послужили основным языковым материалом, на котором поначалу строилась теория референции.

В языке существуют и именные группы с противоположными свойствами, т.е. имеющие смысл и не имеющие экстенционала. К ним относится, например, именная группа *король Франции*. Эта именная группа вполне осмысленна, однако в современном мире ее экстенционал пуст: Франция — республика, и, следовательно, в ней нет королей. В п. 12.3.1 приводится анализ фразы *Король Франции лыс*, сделанный Б. Расселом, в результате которого утверждается, что она не может быть оценена с точки зрения истинности, поскольку является высказыванием о несуществующем объекте. Так же ни истинным, ни ложным нельзя считать и ее отрицание: *Король Франции не лыс*. Б. Рассел предложил считать такие высказывания (как сами утверждения, так и их отрицания) аномальными.

Однако употребление подобных именных групп далеко не всегда делает высказывание аномальным. Они могут встречаться даже в истинных высказываниях, если с *королем Франции* связаны какие-то представления, например *Ты себя ведешь, как король Франции*. Таким образом аномальность высказывания зависит от позиции данной именной группы и возникает тогда, когда она оказывается темой высказывания. Но даже и это верно не всегда, точнее, не для всех именных групп с пустым экстенционалом.

Никому не придет в голову считать фразу *Одиссей умен* или *Сатиры злобны* аномальными или даже ложными на основании того, что ни Одиссея, ни сатиров не существует в реальном мире. Имена, называющие объекты, не существующие в реальном мире вообще, или, по крайней мере, в наше время, часто употребляются, если речь идет о каких-то других временах или возможных мирах. В существовании короля Франции, или Одиссея, или Пегаса, или единорога нет никакого внутреннего противоречия (в отличие, например, от существования круглого квадрата, что в принципе невозможно из-за взаимоисключаемости свойств 'быть круглым' и 'быть квадратным'). Поэтому в логической теории рефе-

ренции (С. Крипке, Я. Хинтиikka) и возникло понятие возможных миров, в которых предполагается существование таких и подобных объектов (см. главу 3). Для имен *Одиссей* или *самир* такие возможные миры хорошо и подробно описаны. Это миры художественных произведений Гомера и древнегреческих мифов. Поэтому высказывания типа *Одиссей умен* оказываются истинными, но только в рамках того возможного мира, в котором существует Одиссей.

Более того, мы иногда не знаем, существует ли тот или иной объект, но вполне можем разговаривать о нем, допуская его существование, т. е. исходя из презумпции наличия соответствующего возможного мира. Можно говорить о летающих тарелках или снежном человеке, даже не веря в то, что они есть, но и не исключая абсолютно соответствующей возможности. Таким образом, имена, которые имеют смысл, вообще говоря, обладают и способностью называть. Другое дело, что в конкретном реальном мире может не быть подходящего объекта. Но если такой объект появится или если мы предположим его существование, соответствующее имя свою способность реализует.

Кроме названных классов имен, демонстрирующих определенную редукцию одного из двух семантических свойств имени, существуют и другие имена, тяготеющие к тому или иному типу референции. Прежде всего это касается противопоставления конкретно-референтных и предикативных употреблений.

Оценочные имена (*болван, дурак, молодец, симпатия* и т. д.) оказываются неспособными или почти неспособными соотноситься с конкретным референтом и тяготеют к позиции предиката. Так, вполне нормальные фразы *Какой он болван (дурак)!* или *Он такой молодец (симпатия)!* и едва ли допустимы *Болван (дурак) вошел в комнату* или *Симпатия (молодец) вчера рассказал мне одну историю*. Последнее возможно только в том случае, если говорящий как бы цитирует какие-то предыдущие высказывания и фактически употребляет оценочные имена как своего рода клички. Совершенно нормально референтное употребление оценочных имен вместе с местоимениями-актуализаторами: *Этот болван вчера такое придумал!*

Наоборот, затруднительно употребление в предикативной позиции некоторых так называемых актуальных имен и соответствующих именных групп, к которым относятся, например, слова *всадник, роженица*. Сомнительны фразы *Он — всадник* или *Она — роженица*, хотя вполне нормально конкретно-референтное употребление этих имен: *Всадник пустил лошадь в галоп* или *Роженица пронзительно закричала*. Выделение таких «референциально ориентированных» имен также является задачей лингвистической теории референции, как и последующая классификация существительных в соответствии с их референциальным потенциалом.

21.7. Референция высказывания

Все предыдущие рассуждения касались референции имен, т. е. имен существительных и именных групп. Но понятия референции, денотата и референта часто распространяются и на другие языковые единицы. Прежде всего следует более подробно сказать о референции всего высказывания (см. об этом также главу 12).

Само понятие высказывания (во всяком случае, в современном его употреблении) связано с теорией референции. Оно противопоставлено понятию предложения точно так же, как понятие актуализованного имени противопоставлено просто имени, или имени в языке. Предложение и имя относятся к единицам языка, а высказывание и актуализованное имя — к единицам речи. Как уже говорилось в главе 12, высказывание — это предложение, употребленное в речи.

Именно в речи предложение (по крайней мере, утвердительное или повествовательное) приобретает истинностную оценку. Так, предложение *Идет дождь* невозможно оценить с точки зрения истинности. Но, будучи употреблено в речи, т. е. став высказыванием, оно может быть охарактеризовано как истинное или как ложное. Действительно, оно употреблено в конкретной ситуации в определенном месте и в определенное время. Значение предложения (утверждение о наличии дождя), присущее ему независимо от его употребления, представляет собой условия истинности соответствующего высказывания. Если в тот самый момент в том самом месте, когда и где произносится соответствующее высказывание, выполняются его условия истинности, т. е. 'идет дождь', высказывание оказывается истинным. Если же условия истинности не выполняются, то оно ложно.

Референция имен связана, таким образом, с истинностной оценкой высказывания, поэтому изменение референта имени может повлечь за собой изменение истинностной оценки всего высказывания. Учитывая это, Г. Фреге предложил считать денотатом (в смысле современного термина «референт») высказывания его истинностную оценку. Он исследовал различные референциальные свойства высказывания по аналогии с соответствующими референциальными свойствами имени.

В современных работах по референции часто принимается другое понимание референта высказывания. Если имена в речи соотносятся с конкретными объектами внешнего мира, то высказывания соотносятся с целыми ситуациями или даже с наборами ситуаций (см. также о ситуационной семантике Дж. Барвайса в главе 3).

21.8. Теория референции и теория значения

В лингвистике долгое время проблема понимания и значения в речи сводилась к описанию значений слов. Но постепенно стало ясно — и причиной были многие из приведенных языковых фактов, — чтобы понять сказанное, недостаточно знать смысл слов или каких-то других языковых единиц. То, что слова называют вещи, так же важно для понимания речи, как и то, что слова имеют смысл. Причем смысл обеспечивает связь языка с мыслью, а референция — связь языка с миром.

Так в лингвистике появились два самостоятельных раздела семантики — теория значения и теория референции. Теория значения изучает смыслы языковых единиц, способы их комбинирования и отношения между ними, т. е. язык, оторванный от его употребления и окружающего мира. Теория референции исходит из того, что есть язык и его употребление, и изучает связи языка с внешним миром, а именно те языковые механизмы, которые эту связь осуществляют. Таким образом, теория значения отвечает за связь языка с мыслью, а теория референции — за связь языка с миром. Разорвать эти две теории невозможно, поскольку мысль также связана с миром. Но такое разделение позволяет четче представить функционирование языка.

Рекомендуемая литература

А р у т ю н о в а Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. — М., 1976.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Теория референции. — М., 1982.

П а д у ч е в а Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). — М., 1985.

Ш м е л е в А. Референциальные механизмы русского языка. — Тампере, 1996 (Slavica Tampere 4).

ГЛАВА 22

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

22.1. Историческая справка

Теория речевых актов возникла и сформировалась в рамках лингвистической философии, прежде всего в работах представителей оксфордской школы (Дж. Остин, П. Стросон) и близких к ним философов (Дж. Сёрл и др.). Создателем теории речевых актов стал английский философ Дж. Остин. Основные идеи новой теории он изложил в лекциях, прочитанных в Гарвардском университете в 1955 г. В 1962 г. они были опубликованы отдельной книгой под названием «How to do things with words» (Oxford; в русском переводе «Слово как действие»). Обратив внимание на совершенно конкретное явление, которое он назвал перформативным высказыванием, Остин выделил свойство перформативности и далее обобщил его для всех высказываний. Он рассмотрел понятие речевого акта и разложил его на три сущности: локутивный, иллюкутивный и перлокутивный акты. Основное внимание Остин и его последователи сосредоточили на иллюкутивном акте. Дж. Остин построил классификацию речевых актов, в основу которой легло понятие цели.

Дж. Сёрл предпринял попытку эксплицировать правила, управляющие речевым актом, а также описать механизмы передачи намерения от говорящего к слушающему в процессе коммуникации.

Теория речевых актов явилась одним из самых принципиальных шагов при переходе от описания семантического значения к значению прагматическому. Этот переход подразумевается даже в лекциях Дж. Остина, не использующего эти термины. Отталкиваясь от понятия перформативности — особого типа значений, он обобщает его по существу до понятия прагматической рамки, уже, безусловно, выражающего внешнюю по отношению к смыслу прагматическую надстройку. Теория речевых актов, будучи разделом семантики, стала одним из источников современной прагматики.

22.2. Речевой акт и его аспекты

Содержание этой главы частично пересекается с содержанием главы 12, посвященной значению предложения и высказывания, поскольку именно теория речевых актов предоставила и осуществила программу исследования семантики этих языковых единиц.

В основу теории Дж. Остина легло понятие **речевого акта** — минимальной единицы речевого общения. Речевым актом называется производство конкретного предложения в условиях реальной речевой коммуникации. Такое понятие речевого акта совпадает с современным пониманием термина «высказывание».

Интересно, что Дж. Остин практически не рассматривал тот объект, который он называл целостным речевым актом. Он предложил рассмотреть отдельно три грани речевого акта и даже говорил о трех разных типах актов: локутивном, иллокутивном и перлокутивном.

Локутивным называется собственно акт говорения, или, точнее, произнесения. По Остину, локутивный акт также может быть интерпретирован в трех разных ипостасях. Локутивный акт реализуется, во-первых, как фонетический акт, т.е. просто произнесение определенных звуков. Во-вторых, выделяется фатический акт, т.е. произнесение определенных слов, понимаемых как определенные звукосочетания, принадлежащих конкретному словарю и соответствующих конкретной грамматике. Наконец, в-третьих, следует говорить о ретическом акте, т.е. о произнесении языковых знаков, определенных слов со свойственными им значением и референцией. Фатический и ретический акты различаются, в частности, при цитации, их передаче другим лицом. Фатический акт передается прямой речью: *Он сказал: «Уходи!»*, где *Уходи!* представляет собой фатический акт. Ретический акт передается с помощью косвенной речи: *Он сказал, чтобы я уходил.*

Локутивный акт сопровождается осуществлением **иллокутивного акта**. Для иллокутивного акта характерны намеренность, целенаправленность и конвенциональность. Иллокутивный акт осуществляется в ходе говорения и противопоставлен самому говорению. Именно иллокутивный акт и стал основным объектом исследования, и часто, говоря о речевом акте, имеют в виду именно эту его сторону — иллокутивный акт. Можно выделить разные намерения, с которыми произносится та или иная локуция (результат, или продукт, локутивного акта). Это может быть вопрос или ответ, информация или предупреждение, объявление приговора или решения, призыв или критика и т.п. Таким образом, локуции, будучи сами по себе нецеленаправленны, могут использоваться в разных функциях. Дж. Остин называл их функциями языка, что несколько расходится с принятой в структурной лингвистике терминологией (см. главу 5). Впрочем, он предложил и новый термин для этого понятия — **иллокутивная сила**. Иллокутивная сила является важнейшей характеристикой речевого акта (читай: иллокутивного акта).

Однако и локутивный, и иллокутивный акты могут играть служебную роль. Это происходит тогда, когда говорение осуществляется с целенаправленным намерением воздействовать на мысли и

чувства слушающих. Эту сторону речевого акта Дж. Остин назвал **перлокуцией** или **перлокутивным актом**. Он проиллюстрировал различия между тремя сторонами целостного речевого акта на примере использования различных глаголов. Так, фраза *Он сказал, что...* иллюстрирует локутивный акт, фраза *Он доказывал, что...* — иллюкутивный, а фраза *Он убедил меня, что...* — перлокутивный.

Таким образом, можно определить три типа актов в зависимости от точки зрения их рассмотрения. Целостный речевой акт, рассматриваемый с точки зрения его субстанции и языкового состава, — это локутивный акт. Иллокутивным же актом называется речевой акт, рассматриваемый с точки зрения его цели и условий реализации. Наконец, перлокутивным называется речевой акт, рассматриваемый с точки зрения его результата и воздействия на слушающих.

В фокусе внимания исследователей оказался, как уже сказано, иллюкутивный акт. По существу переход от локутивного акта как объекта исследования к иллюкутивному акту — это переход от традиционного семантического исследования к исследованию прагматическому. Одной из задач ранних работ по теории речевых актов стало более строгое отграничение иллюкутивных актов от двух прочих видов. П. Стросон, обобщая наблюдения Дж. Остина, назвал основным критерием отличия иллюкутивного акта от локутивного наличие признака целенаправленности. Основным же признаком, отличающим иллюкутивный акт от перлокутивного, является его конвенциональность.

Дж. Остин рассмотрел три вида результатов, порождаемых иллюкутивным актом. Во-первых, осуществление иллюкутивного акта подразумевает обеспечение усвоения. Слушающие должны понять значение локуции и иллюкутивную силу. Во-вторых, иллюкутивный акт воздействует особым конвенциональным способом, который отличается от обычного установления какого-либо положения дел вмешательством в ход событий. Например, результатом высказывания *Я нарекаю это судно «Королева Елизавета»* становится своего рода щечение корабля и невозможность называть его как-то иначе. В-третьих, многие иллюкутивные акты вызывают какую-то ответную реакцию — ответ или практическое следствие.

Последняя характеристика сближает иллюкутивные акты с перлокутивами, однако все же следует различать действия, вызывающие определенные последствия (*Я приказал ему, и он подчинился*) и действия с особой перлокутивной задачей (*Я заставил его подчиниться*).

Дж. Сёрл поставил задачу экспликации понятия иллюкутивного акта с помощью конкретного механизма. Исходными понятиями описания он объявил «правило», «суждение» и «значение». Он отнес производство иллюкутивного акта к тем формам поведения, которые регулируются правилами. Сёрл различал правила **регуля-**

тивные (регулирующие формы поведения, уже существующие; например, этикет) и **конститутивные** (создающие новые формы поведения; например, правила игры). Языковая семантика, по мнению Сёрла, может рассматриваться как ряд систем конститутивных правил, а речевые акты происходят в соответствии с этими правилами. Задачей исследования речевых актов было объявлено выявление и описание таких правил.

22.3. Классификация иллокутивных актов и иллокутивных сил

Выделение различных иллокутивных сил и создание соответствующей этим силам классификации иллокутивных актов стали одной из основных задач теории речевых актов.

Первая классификация принадлежит Дж. Остину. Он исходил из предположения, что наличие того или иного перформативного глагола (способного в первом лице единственного числа настоящего времени действительного залога породить перформативное высказывание) означает существование соответствующей иллокутивной силы. При таком понимании перформативные глаголы эксплицируют различные иллокутивные силы. Таким образом, Дж. Остин пришел к следующей процедуре, целью которой является классификация иллокутивных актов. Сначала выделяются все перформативные глаголы, а затем они разбиваются на классы. Эти классы и представляют одновременно классификацию перформативных глаголов и иллокутивных актов.

В результате такой процедуры Дж. Остин выделил пять классов. Он назвал их: вердиктивы; экзерситивы; комиссивы; бехабитивы; экспозитивы.

Автор классификации предложил определения для каждого класса и проиллюстрировал их соответствующими глаголами.

Вердиктивы представляют собой официальные или неофициальные сообщения очевидного или выведенного суждения об оценке или факте. Они являются своего рода судебскими актами, которые могут быть обоснованны или необоснованны, справедливы или несправедливы. В английском языке вердиктивы выражаются такими глаголами, как *acquit* 'оправдывать, признавать невиновным', *convict* 'осуждать, признавать виновным', *characterize* 'характеризовать', *value* 'производить оценку' и др. Вердиктивы являются реализацией оценочного суждения.

Экзерситивы означают принятие решения или пропаганду в пользу или против чего-либо. С помощью экзерситивов осуществляются власть, права или влияние; в частности, к ним относятся назначение на должность, голосование, приказ, совет и т. д. В английском языке они выражаются глаголами *appoint* 'назначать',

command ‘приказывать’, *name* ‘именовать’, *resign* ‘подавать в отставку’, *plead* ‘умолять’, *proclaim* ‘объявлять’ и др. Экзерситивы — это проявление влияния или осуществление власти.

Главное свойство **комиссивов** состоит в том, что они обязывают говорящего к определенной линии поведения. Наиболее типичными представителями этого класса являются обещания и другие обязательства. В эту же группу попадают заявления о намерениях и различные выражения поддержки. Для этого используются английские глаголы *consent* ‘соглашаться’, *guarantee* ‘гарантировать’, *promise* ‘обещать’, *vow* ‘клясться’ и др. Комиссивы выражают принятие обязательств или заявление о намерениях.

Бехабитивы означают реакцию на поведение других людей и события, которые с ними происходят. Бехабитивы — смешанная группа, связанная с общественным поведением и взаимоотношениями людей. К ним, в частности, относятся извинение, оскорбление, поздравление, похвала, приветствие, соболезнование и т. д. В английском языке они выражаются глаголами *apologize* ‘извиняться’, *congratulate* ‘поздравлять’, *thank* ‘благодарить’ и др. Для этого класса важна не только успешность акта, но и искренность говорящего. В целом бехабитивы выражают отношение.

Экспозитивы показывают, какое место занимает высказывание в речевой коммуникации. Они используются при объяснении, ведении дискуссии и развитии точки зрения. Это самый многочисленный класс иллокутивных актов. Ему соответствуют английские глаголы *affirm* ‘подтверждать’, *deny* ‘отрицать’, *state* ‘утверждать’, *answer* ‘отвечать’, *mention* ‘упоминать’, *inform* ‘информировать’, *report* ‘докладывать’ и др. Экспозитивы в самом общем смысле являются разъяснениями оснований, аргументов и сообщений.

Дж. Остин признает, что у его классификации есть определенные недостатки. Так, не всегда очевидны границы между классами. Один и тот же иллокутивный акт может попасть сразу в несколько классов, такое совмещение особенно характерно для экспозитивов.

Данная классификация подверглась и внешней критике. Ее упрекали в расплывчатости формулировок, а главное, в привязке классов к перформативным глаголам, т. е. по существу к конкретному языку, в то время как необходима универсальность классификации иллокутивных актов. Наиболее жестко критиковал классификацию Дж. Остина Дж. Сёрл. Он настаивал на различении классификации перформативных глаголов и иллокутивных актов и на введении более строгих оснований классификации.

Дж. Сёрл предложил свою классификацию иллокутивных актов, которая является наиболее представительной и в определенной степени общепринятой.

В основу своей классификации Дж. Сёрл положил 12 критериев, среди них — три основных: иллокутивная цель, направление

приспособления и выраженное психологическое состояние. Иллокутивная цель — это главная часть иллокутивной силы, но последняя ею не исчерпывается. Так, иллокутивная цель просьб и приказаний совпадает: они представляют собой попытку побудить слушающего что-то сделать. Иллокутивные же силы у них различаются.

Второй основной критерий различает два направления иллокутивных актов: приспособление слов к миру и наоборот. Приспособление слова к реальности происходит, например, в утверждениях, описаниях и т. д. Приспособление реальности к словам происходит в требованиях, приказах и др.

Психологические состояния типа намерения, желания, убеждения и т. д. оказываются условием искренности речевого акта.

Основываясь на этих и некоторых других критериях, Дж. Сёрл осуществляет независимую от конкретного языка классификацию иллокутивных актов. Он выделяет пять базисных типов: репрезентативы (или ассертивы), директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации.

Цель **репрезентативов** состоит в том, чтобы зафиксировать ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, т. е. за истинность выражаемого суждения. Репрезентативы могут оцениваться по шкале «истина — ложь». Для них характерно приспособление слов к реальности, а выражаемое ими психологическое состояние — убеждение.

Директивы служат для того, чтобы добиться совершения чего-либо от слушающего. Для них характерно приспособление реальности к словам, а выражаемое психологическое состояние — желание. Их пропозициональное содержание состоит в том, что слушающий совершит в будущем некое действие. Сюда относятся и вопросы, и приказы, и просьбы и др.

Класс **комиссивов** по содержанию (но не вполне точно по объему) повторяет соответствующий остиновский. Их цель — возложить на говорящего обязательство совершить какое-то действие или же следовать определенной линии поведения. Для комиссивов характерно приспособление реальности к словам, а выражаемое психологическое состояние — намерение. Сюда, в частности, относятся обещания.

Цель **экспрессивов** — выражение психологического состояния относительно положения дел, которое определено пропозицией. Сюда относятся благодарности, поздравления, извинения и проч. Они не имеют направления приспособления, и им соответствуют различные психологические состояния.

Наконец, цель **деклараций** — установление соответствия между пропозициональным содержанием и реальностью. Им не соответствует никакое психологическое состояние, зато для них характерны оба направления приспособления.

Дж. Сёрл подкрепил свою классификацию и чисто синтаксическими свидетельствами. Он связал отнесенность речевого акта к тому или иному классу с синтаксическими особенностями используемых в этих актах глаголов.

Попытки создания новых классификаций иллокутивных актов сводятся, по сути дела, к различным модификациям классификаций Дж. Остина и Дж. Сёрла.

22.4. Косвенные речевые акты

Классификация иллокутивных актов, по Сёрлу, универсальна и не зависит от какого-либо конкретного языка. Однако, безусловно, существует корреляция между типом речевого акта и языковыми средствами, в нем использованными. Прежде всего это касается связи между иллокутивной силой и семантикой соответствующего глагола, который эту силу эксплицирует (*Я утверждаю... Я приказываю... Я умоляю...*). Если такой глагол в речи отсутствует, иллокутивная сила может эксплицироваться особой синтаксической структурой или интонацией (ср. *Петя пришел и Петя пришел?*).

Вместе с тем в речи используются и так называемые косвенные речевые акты, в которых отсутствуют специальные языковые маркеры соответствующей им иллокутивной силы и даже, возможно, присутствуют маркеры какой-либо другой иллокутивной силы. Некоторые из таких высказываний конвенциональны, т. е. регулярно используются для выражения определенной иллокутивной силы, несмотря на то что содержат языковые маркеры, характерные для других типов иллокуций. Так, вопрос *Простите, у вас нет часов?* регулярно используется как просьба сообщить, который час. Вопрос *Не могли бы вы передать мне соль?* является в действительности просьбой передать соль, а не вопросом о физических возможностях собеседника. Высказывание *Я хочу поздравить тебя с днем рождения*, скорее всего, уже является поздравлением, а не сообщением о своих желаниях.

Дж. Сёрл выдвинул гипотезу, что независимо от того, конвенциональны косвенные речевые акты или нет, в основе их понимания лежат одни и те же механизмы. Используя косвенные речевые акты, говорящий рассчитывает на языковые и экстралингвистические знания собеседника. Под последними понимаются как знания о принципах общения (в частности, постулаты Грайса; см. о них подробнее в главе 23), так и различные энциклопедические знания о реальном мире. Для упомянутого выше вопроса о соли Дж. Сёрл разрабатывает логическую процедуру (вывод), состоящую из 10 шагов, пройдя которые адресат сумеет правильно интерпретировать вопрос как просьбу, т. е. распознает, что перед

ним косвенный речевой акт. Естественно, если соответствующий косвенный речевой акт становится конвенциональным, слушающий не должен каждый раз осуществлять эту процедуру, а может просто перейти к ее результату. Тем самым в случае конвенциональности, т. е. стандартности такого употребления, результат процедуры интерпретации речевого акта можно рассматривать и в качестве его иллокутивной силы.

• Итак, X, обращаясь к Y, произносит: «*Не могли бы вы передать мне соль?*»

Шаг 1: X задал мне вопрос о том, обладаю ли я способностью передать соль (факт, касающийся данного диалога).

Шаг 2: Я предполагаю, что в рамках данного диалога он ведет себя по законам взаимодействия и что, следовательно, его высказывание имеет некоторую цель или направленность (принципы кооперации в речевом общении).

Шаг 3: Обстановка речевого общения не предполагает у собеседника абстрактного интереса к моей способности передать соль (фактологическая фоновая информация).

Шаг 4: Более того, он, по-видимому, уже знает, что ответ на этот вопрос будет положительным (фактологическая фоновая информация).

Шаг 5: Следовательно, его высказывание представляет собой не просто вопрос. По-видимому, оно обладает некоторой скрытой иллокутивной целью (умозаключение на основе первых четырех шагов). Какой может быть эта цель?

Шаг 6: Подготовительным условием для любого побудительного иллокутивного акта является способность адресата осуществить этот акт.

Шаг 7: Следовательно, X задал мне вопрос, из положительного ответа на который следует, что выполнено подготовительное условие для просьбы передать соль (умозаключение на основе шагов 1 и 6).

Шаг 8: Сейчас мы обедаем; люди за обедом обычно пользуются солью; они передают соль друг другу, просят других передать соль и т. д. (фоновая информация).

Шаг 9: Следовательно, он подразумевал выполнение подготовительного условия для просьбы, условия выполнения которой он связывает со мной: он хочет, чтобы я был готов ее выполнить (умозаключение на основе шагов 7 и 8).

Шаг 10: Следовательно, в силу отсутствия какой-либо другой разумной иллокутивной цели он просит меня передать ему соль (умозаключение на основе шагов 5 и 9).

Одна из наиболее частых причин использования косвенных речевых актов — вежливость. Во многих естественных языках существуют различные способы избегать прямых просьб, которые считаются невежливыми. Прямые просьбы заменяются, например, на вопросы о возможности или желании совершить данное действие. Как правило, замены такого рода конвенциональны, так что можно говорить о весьма представительном классе конвенциональных вежливых косвенных речевых актов.

22.5. Коммуникативная неудача

Среди частных направлений теории речевых актов следует выделить исследование неуспешных речевых актов, приведшее к определению понятия коммуникативной неудачи. **Коммуникативной неудачей** называется такой речевой акт, при котором намерение говорящего (в частности, иллокутивная сила) было неправильно понято слушающим, в результате чего реакция слушающего оказалась неадекватной. Впрочем, в некоторых случаях слушающий лишь делает вид, что не понял намерения говорящего и сознательно реагирует неадекватно. Это особенно очевидно в случае конвенциональных косвенных речевых актов, когда неадекватная реакция воспринимается как издевательство. Возвращаясь к приведенным выше примерам косвенных речевых актов, можно смоделировать соответствующие коммуникативные неудачи.

Простите, у вас нет часов? — Есть [вопрос понимается как вопрос, а не как просьба сообщить время].

Не могли бы вы передать соль? — Мог бы [соль не передается; очевидная просьба интерпретируется как вопрос в соответствии с синтаксической и семантической структурой].

Я хочу поздравить тебя с днем рождения. — Ну что же, поздравляй [косвенный речевой акт поздравления интерпретируется как выражение желания].

Одной из основных задач, связанных с понятием коммуникативной неудачи, стало создание соответствующей классификации, называемой также типологией коммуникативных неудач. Первая классификация коммуникативных неудач, связанных с неправильным употреблением перформативов, принадлежит Дж. Остину (см. 12.5). На материале русского языка типология коммуникативных неудач была предложена, в частности, О. П. Ермаковой и Е. А. Земской. В их совместной работе ставится задача построения классификации типов коммуникативных неудач, в основу которой кладется типология причин возникновения коммуникативных неудач. В самом общем виде авторы выделяют три основные причины и соответственно три основных класса коммуникативных неудач: 1) порождаемые устройством языка, 2) порождаемые различиями собеседников в каком-либо отношении, 3) порождаемые прагматическими факторами. При этом подчеркивается, что в естественном диалоге действует, как правило, не какой-либо одиночный признак, а их комплекс. Тем не менее можно привести примеры, достаточно точно иллюстрирующие отдельные признаки.

Так, среди коммуникативных неудач, связанных с самим устройством языка, выделяется, в частности, подкласс коммуникативных неудач, порождаемых неоднозначностью языковых единиц. Например, отмечаются коммуникативные неудачи, возника-

ющие из-за возможности неоднозначного толкования слова *как* (вопросительное местоимение — наречие образа действия — вопросительная частица, выражающая изумление), в подтверждение чего приводятся конкретные диалоги:

А. Ты знаешь, что Димка ударил И. П.?

Б. Как?!

А. Я не знаю как, знаю, что ударил.

Б. Тьфу! Что я спрашиваю «каким способом»? Я просто поверить не могу.

А. А говоришь «как»!

Возникновению коммуникативных неудач, связанных с различиями в индивидуальных (психических и физических) свойствах собеседников, обычно способствуют и какие-то языковые факторы. Лишь в немногих случаях такие коммуникативные неудачи не получают опоры в языке. Это может быть обусловлено различиями картин внутреннего мира собеседников, приводящих к различной оценке определенных явлений, а также различиями в психологических свойствах говорящих. В качестве иллюстрации приводится диалог — приглашение на дачу, в ходе которого обсуждается отсутствие у хозяев машины, что сами хозяева интерпретируют как неудобство, а приглашенные — как достоинство дачной жизни (отсутствуют шум и грязь). И лишь в конце разговора собеседники приходят к пониманию.

Среди прагматических факторов, приводящих к коммуникативным неудачам, выделяется, в частности, игнорирование говорящим прагматического компонента в семантике слов, в то время как для слушающего он оказывается более сильным, чем предметно-логическое содержание слова: в деревне разговаривают двое мужчин: молодой горожанин (А.) и пожилой сельский учитель, пенсионер, выросший в деревне (Б.):

А. А что, здесь только приезжий народ теперь? Аборигенов уже нет?

Б. А вы поубавьте спеси-то! Какие они вам аборигены! Это сельчане! Труженики полей!

А. Да я ничего плохого не имел в виду. Я в смысле «коренные жители»...

В связи с рассматриваемой проблемой авторы отмечают принципиальные особенности реального общения. В естественной, неподготовленной речи собеседники почти никогда не следуют прагматическим постулатам, сформулированным П. Грайсом (о его теории см. главу 23). Часто, говоря одно, люди хотят дать понять совсем другое; речь их бывает избыточна, малоинформативна и т. д. Коммуникативные неудачи оказываются результатом взаимодействия сложного комплекса человеческих факторов с явлениями языка. Существен, однако, тот факт, что наличие коммуникатив-

ных неудач, хотя и мешает общению, все же достаточно редко приводит к полному непониманию. Обычно оно снимается в ходе беседы.

Из приведенных примеров видно, что непонимание иллокутивной силы высказывания лишь одна из многих причин коммуникативной неудачи. Именно поэтому теория коммуникативных неудач выходит за рамки теории речевых актов и относится к прагматике в целом.

22.6. Тенденции и перспективы развития теории речевых актов

Одно из важных методологических следствий теории речевых актов состоит в том, что множество способов использования языка (правда, в рамках коммуникативной функции) не бесконечно. Возможность исчисления иллокутивных сил, а также языковых способов их выражения позволяет создать своего рода надстройку над классической семантикой предложения. Количество различных действий, исчисленных в рамках теории речевых актов, оказывается не слишком велико. Так, Дж. Сёрл выделял следующие основные типы: мы сообщаем другим, каково положение вещей; мы пытаемся заставить других совершить нечто; мы берем на себя обязательство совершить нечто; мы выражаем свои чувства и отношения; мы с помощью высказываний вносим изменения в существующий мир. Впрочем, иногда с помощью одного и того же высказывания совершается несколько таких действий.

Развитие теории речевых актов отчасти привело к ее растворению в более общих теориях, с одной стороны, прагматики и, с другой стороны, когнитивной лингвистики.

Механизм вывода, предложенный Дж. Сёрлом в рамках исследования косвенных речевых актов (см. выше), оказался удобным и мощным инструментом исследования когнитивной деятельности вообще. Вывод иллокутивной силы высказывания стал частным случаем вывода, который использует слушающий, чтобы получить максимум возможной информации о намерениях говорящего. На базе этого понятия возникла теория особой семантики слушающего, или, в более широком понимании, теория когнитивной деятельности слушающего.

Однако исследователи уделяли внимание не только слушающему, но и говорящему. Ключевыми в семантике говорящего стали понятия намерения и интенциональности (от англ. *intention* 'намерение'). **Интенциональность** противопоставлена конвенциональности и означает все те субъективные моменты, которые говорящий включает в высказывание. П. Грайс вводит также понятие **значения говорящего**, включающего намерение и цели говоря-

щего, которые он преследует при произнесении высказывания. При таком подходе иллокутивная сила также может рассматриваться как частный случай более общего феномена, а именно намерения говорящего и связанных с ним понятий. Очевидно, что говорящий использует не только иллокутивные маркеры (средства выражения иллокутивности), но и многое другое (пресуппозицию, метафору, риторические приемы и т. д.) для достижения своих целей. Теория речевых актов стала, таким образом, одним из источников и, соответственно, частей прагматики. Теория речевых актов сыграла важную роль в развитии других лингвистических дисциплин: лингвистики текста, социолингвистики, теории аргументации и в исследованиях в области искусственного интеллекта.

Рекомендуемая литература

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. — М., 1986.

Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. — М., 1993. С. 30—64.

Философия, логика, язык. — М., 1987.

Searle J.R. Speech acts: an essay in the philosophy of language. — London, 1969.

23.1. Историческая справка

Классическое определение прагматики (от греческого *prágma* — дело, действие) дал Ч. Моррис в 1938 г. Речь шла о разделе семиотики, противопоставленном синтаксису и семантике и исследующем отношения между знаками и их интерпретаторами, или пользователями.

По сравнению с этим определением реальные границы современной прагматики значительно расширились. Сегодня под прагматикой понимается когнитивное, социальное и культурное исследование языка и коммуникации. По существу прагматика является междисциплинарной областью, использующей методы и теории разных наук. В современном научном мире она занимает одно из ведущих мест по интенсивности развития и влиянию на другие области знания. Иногда, говоря о собственно лингвистической прагматике, ее задачи несколько сужают и оставляют за ней изучение функционирования языковых знаков в речи, а также исследование связи между речевым актом и значением языковых знаков. По-видимому, такой более узкий, «лингвистический», подход к прагматике распространен в России.

Одним из главных источников прагматики, кроме собственно семиотических идей Ч. Морриса и Ч. С. Пирса, стало основанное на идеях последнего американское философское направление — прагматизм, среди представителей которого следует назвать У. Джемса, К. И. Льюиса, Дж. Дьюи, Дж. Г. Мида и позднее Р. Рорти.

Другим важным источником была теория речевых актов, разработанная в рамках лингвистической философии (см. главу 22), прежде всего в работах Дж. Остина и Дж. Сёрла.

Особую роль в формировании непосредственно лингвистических задач прагматики сыграла теория П. Грайса, называемая иногда логикой речевого общения или прагматической теорией значения, и дальнейшее развитие ее, в частности, в работах Дж. Лича. Взгляды П. Грайса будут подробно обсуждены в этой главе.

Наконец, надо отметить работы Э. Гоффмана, посвященные общим проблемам речевого взаимодействия: речевым ритуалам, стратегиям в диалоге и под. Его идеи легли, в частности, в основу современной теории диалога.

На основании фундаментальных идей Э. Гоффмана, П. Грайса и Дж. Лича возникла лингвистическая теория вежливости, занявшая в современной прагматике чрезвычайно важное место. Ее со-

здателями следует считать П. Браун и С. Левинсона, чьи идеи активно применяются к различным языковым культурам, критикуются и развиваются.

23.2. Прагматика и значение слова

Связь и, более того, неразделимость семантики и прагматики проще всего продемонстрировать на примере лексической семантики. Значение многих слов не может быть четко сформулировано, или, точнее сказать, окончательно фиксировано без обращения к прагматическим факторам, т.е. к условиям речевого акта. Среди условий речевого акта, понимаемых в самом широком смысле слова, надо назвать участников речевого акта (говорящего и адресата), а также его место и время. Связь между значением слова и речевым актом может формулироваться по-разному. Так, можно говорить о влиянии речевого акта на значение слова, о прагматической ориентации лексического значения, наконец, об отсылке к речевому акту, которая содержится в значении слова.

Наиболее очевидный пример такого влияния представляют собой индексальные языковые знаки. Можно с полной уверенностью сказать, что в значении таких слов, как *я*, *ты*, *здесь*, *сегодня*, *сейчас*, и некоторых других фактически содержится отсылка к речевой ситуации. Кроме семиотического термина **индексы**, для обозначения этих слов используются и другие названия. Наиболее распространенными являются термин **дейктические слова**, который использовали Карл Бругман, К. Бюлер и У. Вайнрайх, и термин **шифтеры**, предложенный О. Есперсеном и Р. О. Якобсоном. Все эти термины используются несколько шире. Так, дейктическими могут быть не только слова, но и другие элементы текста, связанные с речевым актом, а **дейксисом** называется отношение между элементом текста (или дискурса) и речевой ситуацией. Также и термины индекс и шифтер используются по отношению не только к лексике, но и к грамматическим категориям, связанным с речевым актом, например шифтерами или индексами являются категории лица и времени.

В главе 21 уже говорилось, что дети с определенным трудом усваивают местоимения первого и второго лица. Им, только осваивающим родной язык, трудно уследить за переходами референта при употреблении этих слов, поэтому они нередко называют себя и тех, к кому обращаются, собственными именами или такими словами, как *мама*, *папа*, *дядя*, иначе говоря, используют знаки с постоянным значением. Вместо фразы *Я тебя люблю* получается, например, *Света любит маму*, а вместо *Я хочу есть* можно услышать *Коля хочет есть*. Значения местоимений *я* и *ты* являются по

существо переменными, заполняемыми особым образом для каждой отдельной речевой ситуации.

В действительности, их значения, а точнее, правила употребления, формулируются достаточно просто. Личное местоимение 1-го лица *я* обозначает человека, произносящего это слово, а во время разговора так называют себя все собеседники. Слово *я* как бы перемещается от говорящего к говорящему, называя попеременно то одного, то другого. Считать, что значением *я* является что-то вроде 'говорящий', неправильно. Так, фразы *Говорящий должен смотреть в лицо собеседнику* и *Я должен смотреть в лицо собеседнику* очевидным образом означают совершенно разные вещи, т. е. *я* и *говорящий* никак не являются синонимами.

Личное местоимение 2-го лица *ты* по основным своим свойствам очень похоже на *я*, но связано уже не с говорящим, а с адресатом, т. е. с человеком, к которому обращаются. Это слово во время беседы тоже относится к разным людям, ко всем собеседникам, и его значение тоже не может быть описано просто как 'собеседник'.

В значении слов встречаются и другие переменные (или отсылки) — места и времени речевого акта. Так, чтобы установить содержание слова *здесь*, надо знать место, где оно было произнесено. *Здесь*, сказанное в театре, отличается от *здесь*, сказанного на стадионе, *здесь* дома не то же, что *здесь* в школе. Слово *сейчас* обозначает переменное время. Время, фиксируемое этим словом, всегда совпадает с моментом его произнесения. *Сейчас*, произнесенное утром, обозначает другое время, нежели *сейчас*, сказанное вечером; *сейчас* в наши дни отличается от *сейчас* в древнем мире. Так же ведет себя слово *сегодня* с той лишь разницей, что промежуток времени здесь точно задан: это день, когда произносится данное слово. Значение слова *сегодня* состоит из переменной и постоянной частей, или, иначе говоря, сочетает отсылку к речевому акту с обычной семантикой. Таких слов достаточно много.

Таким образом, чтобы зафиксировать в тексте точный смысл слов, имеющих в своем значении переменную (или отсылку), надо эту переменную заполнить информацией о конкретном речевом акте (иначе говоря, осуществить отсылку): для местоимения *я* — это информация о том, кто это говорит, для *ты* — кому это говорят, для *здесь* — где это говорят, для *сегодня* и *сейчас* — когда это говорят. Другими словами, надо знать условия употребления данных знаков. Если же эти условия неизвестны или неясны, возникают недоразумения и путаница. Конечно, ситуации общения, в которых остаются неизвестными некоторые из главных параметров (участники, место и время), достаточно редки, но все-таки возможны.

Для личных местоимений такими станут ситуации, когда один из собеседников не узнает другого. Например, ситуация: звонок в

дверь. Вы спрашиваете: «Кто там?» — и в ответ слышите: «Я». Если вы не узнаете голоса говорящего, такой ответ вам ничего не скажет: ведь любой находящийся за дверью в принципе может так ответить. Правильно было бы в этой ситуации назвать свое имя. Ответ «я» допустим только, если говорящий уверен, что его голос наверняка узнают. Именно поэтому таким ответом обычно пользуются в общении между собой только очень близкие люди.

Другой ситуацией проиллюстрируем проблемы с местоимением 2-го лица. Вам должен позвонить знакомый. Раздается телефонный звонок. Вы быстро снимаете трубку и сразу же спрашиваете: «Это ты?» Вопрос неточный — ведь любой человек на другом конце провода имеет право ответить: «Да», и вы ровным счетом ничего не узнаете. Если вы так торопитесь, что не можете дождаться первых слов собеседника, следует хотя бы назвать имя знакомого: «Это ты, Вася?»

Еще один странный, но вполне возможный разговор по телефону. Мама спрашивает у сына: «Где ты?», на что он честно отвечает: «Здесь», но при этом ничего не сообщает о месте, где находится. Нужно назвать конкретное место, например «в гостях», «в школе» и т. п.

Еще труднее представить себе ситуацию речи, при которой было бы неизвестно время порождения текста. Однако и это возможно, если между отправлением и получением сообщения существует разрыв во времени. Вы получили письмо от знакомого, в котором написано «Сегодня купил билеты. Через неделю приеду», но по рассеянности знакомый забыл указать дату покупки билета. Когда он придет, таким образом, остается неясным. Непонятно, от какого числа надо начинать отсчитывать неделю, ведь само по себе слово *сегодня* не обозначает никакого конкретного дня. Напиши знакомый «Сегодня, первого сентября», и все стало бы ясно.

Итак, использование дейктических слов, или шифтеров, т. е. переменных языковых знаков, подразумевает определенные ограничения. Если говорящий хочет, чтобы собеседник его понял и получил конкретную информацию, он должен позаботиться о том, чтобы собеседнику были известны все необходимые параметры речевой ситуации.

Однако не только дейктические слова следует считать прагматически ориентированными. Семантика многих слов, хотя и не содержит прямой отсылки к условиям речевого акта, в большой степени зависит от того, кто использует данное слово, от различных характеристик говорящего.

Индивидуальный жизненный опыт и индивидуальные характеристики, безусловно, влияют на использование языка. В той или иной степени это касается всего лексикона. Конечно, колебания в употреблении оценочных прилагательных типа *хороший* и *плохой*, *вкусный* и *невкусный* более значительны, чем колебания в упо-

треблении прилагательных цвета типа *красный*, *синий* и *желтый*. Однако и для последних колебания все же имеют место, по крайней мере, в переходных областях. Тем не менее необходимо признать, что в количественном, да и в качественном отношении эти колебания различны.

Под колебаниями в употреблении имеется в виду следующее. Один и тот же пищевой продукт разные носители языка могут оценивать и как вкусный, и как невкусный в зависимости от их собственного более или менее постоянного вкуса, от жизненного опыта и даже от состояния в момент речи. Так, больному человеку часто кажутся невкусными «вкусные в другое время» продукты. Так же оценка человека как *хорошего* или *плохого* в значительной степени зависит от различных постоянных и временных характеристик самого говорящего (от его этической системы и т. п.). Оценка по своей природе субъективна, то есть семантика оценочных слов включает некий субъективный (или прагматический компонент): ‘по мнению говорящего’.

Состояние или определенные характеристики человека могут влиять и на употребление прилагательных цвета. Однако, если, например, дальтоник называет красный цвет зеленым, такое употребление оценивается как неправильное. Колебания в употреблении, которые не оценивались бы как неправильные, возможны лишь в переходных случаях, когда мы находимся между синим и зеленым, желтым и красным цветами. В случае цвета мы имеем дело с достаточно «объективным» значением. Колебания в употреблении либо оцениваются как неправильные, либо ограничиваются небольшой «промежуточной» областью. Таким образом, можно говорить о разделении лексических значений прилагательных (и не только прилагательных) на субъективные и объективные.

Параметрические прилагательные на первый взгляд относятся к «объективным» словам. Очевидно, что в языке и в коллективном опыте присутствуют различные параметрические нормы. Однако, с другой стороны, эти нормы в сильной степени зависят от жизненного опыта носителей языка и достаточно изменчивы. Точнее говоря, постоянные видовые нормы (и нормы пропорции) существуют только для ограниченного круга объектов. Так, видимо, понятие *короткого карандаша* достаточно неизменно и может быть выражено в абсолютных единицах, понятие *короткой юбки* значительно изменилось вместе с развитием моды (ср. также *длинные ноги*), а понятие *большого дома* сильно зависит от жизненного опыта говорящего, речевой ситуации и других трудно учитываемых параметров. Значительно различаются нормы размера домов в деревне, провинциальном или столичном городе и т. п. Иначе говоря, нормы размера у дома без уточнения ряда характеристик как самого дома, так и говорящего не существует.

Среди подобного прагматического разнообразия особый интерес представляет достаточно четко выделяющийся критерий установления нормы, который сочетает в себе максимальные субъективность и объективность одновременно. Он субъективен, поскольку характеризует особым образом каждого конкретного участника коммуникации, и объективен, поскольку для фиксированного участника коммуникации он вычисляется однозначным способом. Речь идет о принятии в качестве нормы параметров самого участника коммуникации.

Естественно прежде всего рассмотреть параметрические прилагательные, которые характеризуют человека, например рост, возраст, вес, силу и некоторые другие. Совершенно очевидно, что в качестве нормы говорящий часто предлагает не некий среднестатистический параметр, например возраст тридцать—сорок лет, рост метр семьдесят—метр семьдесят пять (для мужчины) и т. п., а собственные возраст, рост, вес и т. д.

— А Наташа что-нибудь конкретное говорила о кавалере?

— Что именно?

— Возраст, например.

— Нет, упомянула только, что старый, ну вот, как вы, например.

Тяжелый вздох вырвался из моей груди. Светочке небось только-только исполнилось восемнадцать, и я, справивший сорокалетие, должен казаться ей Мафусаилом. (Д. Донцова)

Представленное в этом абзаце употребление слова *старый* ни в коем случае нельзя считать неправильным (как в случае примера с дальтонизмом), хотя автор вместе со своим сорокалетним героем и иронизирует по этому поводу. Но это как раз и показывает существование различных способов фиксации нормы. Иронический же эффект возникает, поскольку автор в качестве нормы предлагает возраст героя (сорок лет). Очевидно, что, во-первых, автор не моложе своего героя, а во-вторых, он рассчитывает на читателя также старше этого возраста, что, по-видимому, верно для читателя «иронических детективов». Едва ли такой абзац возможен в прозе действительно молодого автора, обращенной к молодым читателям.

Такого рода употребления совершенно нормальны (то есть обычные, естественны и понятны), причем имеют место и более сильные сдвиги. Например, *старым* могут назвать и девятнадцатилетнего юношу, если его обсуждают две пятнадцатилетние школьницы, хотя в соответствии со среднестатистической нормой он должен быть признан молодым. Возможны и обратные сдвиги. Так, для девяностолетнего мужчины естественно считать и называть восьмидесятилетнего человека молодым. Для баскетболиста ростом за два с лишним метра естественно считать мужчину ростом метр девяносто невысоким и т. д.

Все приведенные примеры характеризуют прежде всего позицию говорящего. Параметры адресата в данных ситуациях менее важны. Так, девятнадцатилетнего юношу школьница, в принципе, может назвать старым и в разговоре со своими родителями. Таким образом, мы можем говорить о норме говорящего. Другое дело, что принятие (или непринятие) этой нормы адресатом и соответственно отношение ко всему высказыванию зависит от собственных параметров адресата.

Наряду с нормой говорящего следует ввести и норму адресата, которая опирается на прагматический постулат вежливости. Многие из параметрических прилагательных, будучи применены по отношению к человеку, становятся оценочными. Несмотря на относительность такой оценки, можно сделать следующие утверждения. В современной европейской культуре на шкале возраста положительная оценка скорее приписывается молодости, на шкале роста — высокому, на шкале толщины — худобе и т. д. Это означает, в частности, что невежливо называть человека *старым*, *низким*, *толстым*, *слабым*. Кстати, в приведенном выше диалоге, где сорокалетний герой назван старым, постулат вежливости как раз нарушается.

Более того, невежливо так называть и людей, совпадающих с адресатом или близких к нему по возрасту, росту и полноте. Фактически говорящий в соответствии с постулатом вежливости настраивает норму по параметрам адресата. Такая настройка может производить не только эффект вежливости, но и подобострастности. Так, в частности, происходит, если адресат высок, молод и силен, а третье лицо сравнивают с ним. Например, боксеру говорят о его противнике, что он *невысок*, *стар* и *слаб*, что верно только в сравнении с адресатом.

Параметрических прилагательных, которые характеризуют человека, не так много. Однако они ни в коем случае не относятся к языковой периферии, напротив, чрезвычайно важны для языка и частотны в речи. Более того, приведенными примерами дело не ограничивается. Речь идет не только о параметрических прилагательных, характеризующих человека в целом, но и о характеристиках его отдельных частей: *длинные ноги*, *длинные пальцы*, *длинный нос*, *короткие руки*, *короткие пальцы*, *толстые ноги* и т. д.

Кроме того, прагматические критерии оказываются важными при употреблении прилагательных, для которых норма определяется относительно человеческих параметров. Так, по-видимому, определяются понятия *высокий забор*: ‘забор выше человеческого роста’; *толстое дерево*: ‘дерево, которое нельзя обхватить руками’ и под. Соответственно, значительно различаются нормы высоты забора или толщины дерева для взрослого и ребенка. Отсюда проистекает и понятный не только психологически, но и лингвистически эффект, когда большие, высокие и т. д. по детским вос-

поминаниям предметы и существа оказываются по прошествии многих лет маленькими и низкими.

Прагматическая норма определяется ситуацией речи, а точнее, параметрами говорящего или адресата. Нормы возраста, длины, высоты — семантические переменные — заменяются переменными прагматическими: 'молод по сравнению со мной/для меня', 'высок по сравнению со мной/для меня', 'тяжел по сравнению со мной/для меня' и т. д.

23.3. Понимание текста и речевая ситуация

От параметров речевой ситуации зависит в действительности понимание не только шифтеров или, более широко, прагматически ориентированных слов, но по существу и любого текста, независимо от того, присутствуют ли в нем подобные слова. В парадоксальной форме эту идею выразил Х.Л. Борхес в рассказе «Пьер Менар, автор «Дон Кихота»». По форме рассказ представляет собой рецензию на роман «Дон Кихот» (точнее, фрагменты романа), написанный в XX в. неким Пьером Менаром и текстуально совпадающий с «Дон Кихотом» М. Сервантеса. Однако, как показывает рецензент, это два совершенно разных произведения, поскольку современный автор сумел вложить в тот же текст значительно более глубокое содержание. Если отвлечься от весьма оригинальной задачи создать (именно создать, а не скопировать!) художественное произведение, уже созданное ранее другим человеком, то внешне парадоксальные выводы окажутся если не бесспорными, то, по крайней мере, понятными. Действительно, обладая совершенно другими знаниями о мире и о литературе, современный автор вкладывает в текст другое содержание. В зависимости от авторства значительно различаются и читательские стратегии. Условно говоря, подпись под текстом, а также время его написания и другие сведения влияют на восприятие.

В обыденной коммуникации (а не только в придуманной литературной ситуации) мы достаточно часто сталкиваемся с различным восприятием текста в результате реальной или потенциальной смены его авторства. Так, услышав в телевизионной программе фразу о возможной революции в стране, слушающий понимает ее и реагирует совершенно по-разному в зависимости от того, выражает ли она мнение самого ведущего или он цитирует кого-либо. Но и в последнем случае существенно, цитирует ли он президента, оппозиционного политического деятеля или случайного прохожего.

Понимание отдельной фразы или всего текста зависит от контекста в самом широком смысле слова, т. е. от речевой ситуации, от фонда знаний говорящего и слушающего, от их целей и страте-

гий поведения в данный момент. Все эти критерии постоянно меняются. Произносятся одно и то же, два человека могут иметь в виду совершенно разное, даже если не подозревать их во лжи, издевательстве или иронии. Это же можно сказать и об одном человеке: говоря одно и то же, но в разное время или разным людям, он имеет в виду разные вещи.

Принципиально важно, что семантика текста зависит не только от говорящего (автора), но и от его адресата. Можно снова обратиться к литературным примерам. Широко известны многочисленные интерпретации «Божественной комедии» Данте. Диапазон их чрезвычайно велик — от религиозного произведения до политической сатиры. А ведь текст остается одним и тем же. Толкования другого текста — Библии — значительно превышают объем самого Священного Писания, хотя речь идет всего лишь о передаче содержания.

Говорить о единственности интерпретации не приходится. Литературоведы, критики, толкователи понимают текст каждый по своему. Их понимание не зависит непосредственно от намерений автора (ведь не зря говорят, что автор не хозяин своего произведения), а в большей степени определяется свойствами самого читателя. В принципе, читатель может «вчитать» в текст любое содержание.

Множество интерпретаций допускают не только сложные тексты, но и самые простые, не только тексты литературные, но и любые сказанные слова.

Аналогию с пониманием текста представляет восприятие произведений невербального искусства. Так, восприятие черного квадрата безусловно зависит от того, где мы его видим: в музее, на улице или в тетрадке ученика. Существенно и то, кто его нарисовал. Наконец, восприятие знаменитого «Черного квадрата» К. Малевича в музее также зависит от субъекта восприятия. Кто-то вообще не воспринимает его как предмет искусства, кто-то, напротив, вчитывает в него сложное и глубокое содержание.

Принципиальным может оказаться и время порождения текста. Например, приказ об увольнении сотрудника, вывешенный первого апреля, может восприниматься как шутка, и основным фактором, определяющим восприятие текста, оказывается не его семантика, а традиция обманывать собеседников в этот день.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что собственно значение текста, т.е. его семантическое представление, выполняет роль одного из факторов, влияющих на его понимание, однако ни в коем случае не предопределяет его. Для описания этого факта подходят разные модели.

Можно считать, что существуют разные семантики и соответственно разные значения. Так, говорят о значении в языке и значении в речи, о значении говорящего и о значении слушающего,

просто о значении и о прагматическом значении. Можно также считать, что значение текста в языке претерпевает определенные изменения в результате реальной коммуникации (актуализации текста). Среди факторов, влияющих на эти изменения, — уже упомянутые выше условия речевой ситуации и различные характеристики говорящего и адресата: фонды их знаний, общая часть фондов знаний, коммуникативные стратегии и т. д.

Одно из фундаментальных описаний стратегии речевого поведения и возможных отклонений от «прямого» смысла принадлежит П. Грайсу. Оно и легло в основу современных подходов к прагматике.

23.4. Постулаты Грайса

В небольшой статье «Logic and conversation» (1975, русский перевод в: «Новое в зарубежной лингвистике». — Вып. 16. — 1985. С. 217—137)¹ П. Грайс сформулировал принципы прагматического подхода и отчасти определил дальнейшее развитие прагматики.

П. Грайс пишет, что диалог обычно представляет собой совместную деятельность его участников. В нормальной ситуации участники диалога признают общую цель или направление диалога. В соответствии с ними они следуют некоторому общему принципу, который П. Грайс называет **принципом кооперации** и объясняет следующим образом: «Коммуникативный вклад участников на каждом шаге диалога должен соответствовать тому, что требует совместно принятая цель (направление) диалога».

Кроме достаточно общего принципа кооперации, выделяются более конкретные **постулаты общения**, обращенные к говорящему, соблюдение которых в целом и означает соблюдение этого принципа. Они подразделяются на четыре категории: количество, качество, отношение и способ.

К категории количества относятся два постулата:

✓ Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога).

✓ Твое высказывание должно содержать не больше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога).

К категории качества относится общий постулат:

✓ Старайся, чтобы твое высказывание было истинным.

Этот постулат раскрывается двумя частными постулатами:

✓ Не говори того, что ты считаешь ложным.

✓ Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований.

К категории отношения относится один постулат:

¹ В действительности П. Грайс высказал эти идеи раньше, в лекциях, прочитанных в конце 60-х годов.

✓ Не отклоняйся от темы.

К категории способа принадлежит один общий постулат:

✓ Выражайся ясно.

Этот постулат раскрывается четырьмя частными постулатами:

✓ Избегай непонятных выражений.

✓ Избегай неоднозначности.

✓ Будь краток (избегай ненужного многословия).

✓ Будь организован.

П. Грайс отмечает, что список постулатов в принципе не закрыт. Кроме того, существуют постулаты и иной природы — эстетические, социальные и моральные, например «Будь вежлив» и т. д. Среди предложенных постулатов присутствуют более или менее важные. Так, многословный человек подвергается меньшему осуждению, чем лжец.

Все эти постулаты исходят из того, что главной целью речевой коммуникации является максимально эффективная передача информации, и все они призваны такую коммуникацию обеспечить. Впрочем, очевидно, что язык может использоваться и для других целей: обмана, манипуляций сознанием и т. д. Так, в соответствии с транзакционным анализом Э. Берна сформулированные постулаты обеспечили бы только процедурное использование языка (см. главу 5).

Таким образом, ни один из постулатов не является безусловным. Однако их нарушение может быть разным: сознательным и бессознательным, с целью ввести собеседника в заблуждение и без такой цели. Иногда демонстративное нарушение того или иного постулата несет дополнительную информацию и оказывается одним из возможных коммуникативных приемов. Чтобы объяснить механизмы этого приема, П. Грайс вводит понятие **коммуникативной имплицатуры**. Поясняя понятие имплицатуры, он приводит следующий диалог. *А* и *Б* разговаривают о своем общем приятеле *В*, работающем в банке. *А* спрашивает, как дела у *В* на работе, и *Б* отвечает: «Думаю, более или менее в порядке: ему нравятся сослуживцы и он еще не попал в тюрьму». После этой фразы для *А* было бы естественно поинтересоваться (если он, конечно, не находится в курсе происходящих событий), что именно означают его слова и на что конкретно намекает *Б*. *Б* может пояснить свои слова в таком духе, что *В* не тот человек, чтобы устоять перед искушением, предоставляемым его профессией, или что его сослуживцы — крайне неприятные и вероломные люди.

На этом примере хорошо видно, как подразумеваемое, т. е. то, что действительно имеется в виду, может отличаться от того, что сказано. То, что имеется в виду, выводится по определенным правилам и из того, что сказано, и из того, в какой ситуации и в каком контексте это сказано.

Коммуникативные импликатуры возникают в том случае, когда осознанно и демонстративно нарушается (или якобы нарушается) какой-нибудь из постулатов общения. В этом случае собеседник выводит некий смысл из факта квазинарушения принципа кооперации вообще и отдельного постулата в частности. Используя терминологию Грайса, следовало бы сказать, что говорящий имплицитует нечто.

Общая схема вывода коммуникативной импликатуры, по Грайсу, такова: «Он сказал, что p ; нет оснований считать, что он не соблюдает постулаты или, по крайней мере, принцип кооперации; он не мог сказать p , если бы он не считал, что q ; он знает (и знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что q ; он хочет, чтобы я думал — или хотя бы готов позволить мне думать — что q ; итак, он имплицитовал, что q ».

П. Грайс иллюстрирует понятие коммуникативной импликатуры большим количеством примеров, которые разбивает на три группы.

В первую группу входят примеры, когда все постулаты соблюдаются или хотя бы не очевидно, что какой-либо постулат нарушен.

А стоит около своей машины. Между ним и прохожим *Б* происходит следующий диалог.

А. У меня кончился бензин.

Б. Тут за углом есть гараж.

Очевидная семантическая несвязность диалога означает, что *Б* фактически имплицитует, что гараж может быть открыт и что в нем может продаваться бензин.

Во вторую группу входят примеры, в которых постулаты вступают в конфликт и один из них нарушается.

А разрабатывает вместе с *Б* маршрут путешествия по Франции. *А* хочет навестить их общего знакомого *В*.

А. Где живет *В*?

Б. Где-то на юге Франции.

Нет оснований считать, что *Б* уклоняется от ответа. Однако его ответ менее информативен, чем хотелось бы *А*. Несоблюдение постулата количества вызвано желанием избежать нарушения постулата качества: «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований». *Б* имплицитует, что он не знает, в каком городе живет *В*.

Наконец, в третью группу входят примеры, когда говорящий сознательно нарушает постулат с целью породить импликатуру. По мнению П. Грайса, к нарушению постулата количества отно-

сятся фразы типа *Женщина есть женщина* или *Война есть война*, поскольку на семантическом уровне они не информативны. Однако такая точка зрения не бесспорна, поскольку конструкции «*X есть X*» можно приписать особое значение.

К нарушению постулатов качества относятся различные речевые фигуры: ирония, метафора, гипербола и т.д. Такова, например, фраза некоего *A* о *B*: «Он — настоящий друг», в том случае, если всем хорошо известно, что *B* только что предал *A*. Чтобы избежать предположения, что *A* демонстративно и неуспешно лжет, слушатели должны приписать этой фразе другой смысл.

В качестве примера нарушения постулата отношения П. Грайс рассматривает такой случай. На приеме *A* заявляет: «Миссис *X* — старая карга». Ответная реплика *B*: «Не правда ли, погода этим летом была восхитительная?» Идя на откровенное нарушение постулата отношения, *B* имплицитно, что слова *A* не следует обсуждать и что *A* совершил социальную оплошность.

Нарушение постулата способа усматривает П. Грайс в употреблении фразы *Мисс X испускала последовательность звуков, соответствующую песенке «Home sweet home»* вместо синонимичной фразы *Мисс X пела «Home sweet home»*. Явное многословие можно объяснить тем, что говорящий хотел подчеркнуть разницу между поведением мисс *X* и тем, которое обычно обозначается глаголом *петь*. Так говорящий имплицитно, что в пении мисс *X* был какой-то дефект.

Вычисление коммуникативных имплицатур, т.е. особых прагматических компонентов смысла, строится на презумпции соблюдения принципа кооперации. Прагматические компоненты оказываются результатом взаимодействия семантики произносимого текста с некоторыми параметрами речевой ситуации (под этим подразумеваются и различные характеристики ее участников).

Свое развитие грайсовская теория получила в работах Дж. Лича. Он предложил дополнить принцип кооперации еще рядом принципов, среди которых следует отметить принцип вежливости. Этому принципу также соответствует ряд постулатов, важнейшим из которых является постулат такта (наряду с ним отмечаются постулаты щедрости, скромности и др.). Такт, по существу, рассматривается как частный случай вежливости, а соответствующий постулат формулируется в отрицательной форме: «Не делай того (в том числе, не говори того), чего не хочет твой собеседник». Дж. Лич обосновывает важность принципа вежливости, и особенно постулата такта, в речевой коммуникации и их влияние на речевое поведение коммуникантов, в том числе и на саму речь, и на выбор речевых стратегий, включая стратегии понимания текста.

Особую теорию речевого взаимодействия создал Э. Гоффман, рассматривая речь в рамках более широкой теории человеческого поведения. Он уделил большое внимание различным типам рече-

вого взаимодействия (по существу, различным функциям языка), прежде всего ритуальному, и обратил, в частности, внимание на ритуальный характер вежливости. Он писал также об игровом взаимодействии и исследовал конкретные формы диалога: реплики, вопросы и др.

С осознанием роли вежливости для речевого общения и для прагматики вообще возникла необходимость создания фундаментальной теории вежливости. Ее авторами следует считать П. Браун и С. Левинсона, опиравшихся прежде всего на упомянутые теории П. Грайса, Дж. Лича, Э. Гоффмана. Они рассматривают вежливость как способ защиты от агрессии (и говорящего, и адресата) и способ ее устранения или смягчения.

Теория вежливости, безусловно, является междисциплинарной областью исследования. Она относится и к лингвистике, и к психологии, и к социологии, и к культурологии. Среди важнейших понятий, лежащих в основе теории, нужно назвать понятие **лица** (*face*, по существу, это — мнение о себе; иногда в русской терминологии используется другой термин — **имидж**), которое связывается с уважением и, напротив, унижением. Так, можно *потерять лицо* или *сохранить лицо*. Обращаясь к теории речевых актов, авторы вводят понятие **актов, угрожающих лицу** (*face-threatening acts*, **ФТА**), играющих ключевую роль в теории вежливости (таким актом может быть, например, просто побуждение адресата высказывания к чему-либо, возможно, вопреки его желанию). Вежливость, таким образом, становится способом минимизации угрозы лицу в рамках ФТА (в текстах по теории вежливости, как правило, используется именно эта аббревиатура). В теории вежливости выделяется несколько стратегий осуществления ФТА. В качестве основных стратегий надо назвать **позитивную** и **негативную вежливость**. Позитивной вежливостью следует считать выражение в рамках речевого акта солидарности с адресатом, а негативной — выражение определенных ограничений и сохранение дистанции.

В заключение следует повторить, что прагматика, безусловно, является самостоятельным разделом лингвистики. Правда, ее границы и задачи не всегда точно определены, ее нельзя считать компактной и цельной научной отраслью. Некоторые современные прагматические исследования находятся вне области традиционной лингвистики и, скорее, относятся к психологии или социологии. Что же касается границы между лингвистической семантикой и лингвистической прагматикой, то ее не всегда возможно четко провести. Некоторые явления, в том числе и рассмотренные выше, имеет смысл считать областью пересечения их интересов.

Полное и адекватное описание речевой деятельности, бесспорно, подразумевает не только уровни семантики и прагматики, но и описание механизмов их взаимодействия.

Рекомендуемая литература

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. — М., 1985.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. — М., 1986.

Brown P., Levinson S.C. Politeness: some universals in language usage. — 2nd ed. — Cambridge, 1987.

Goffman E. Interaction ritual: essays on face-to-face behavior. — New York, 1967.

Handbook of pragmatics. Manual / Ed. by J. Verschueren, J.-O. Östman, J. Blommaert. — Amsterdam; Philadelphia, 1995.

Leech G. N. Principles of Pragmatics. — London; New York, 1983.

Levinson S. C. Pragmatics. — Cambridge, 1983.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение необходимо, по-видимому, еще раз вернуться к тезису о неполноте и принципиальной открытости семантики как науки. Семантика развивается и изменяется значительно быстрее, чем более консервативные разделы лингвистики, такие, как фонология, морфология или синтаксис. Предугадать все направления развития семантики в XXI в. едва ли возможно. В этом заключается ее сложность и ее привлекательность. С уверенностью можно сказать, что семантика неисчерпаема, и это отличает ее от многих других наук, предел развития которых уже виден.

Если все же попытаться сформулировать тенденции и направления современных семантических исследований, то придется отметить, что они связаны с общими направлениями лингвистики. В первую очередь речь идет об интересе к лингвистическим «макрообъектам» — тексту и его разновидностям, диалогу и т. п., значительно менее изученным, чем слово или предложение.

Другая характерная тенденция связана с развитием прагматики и ее влиянием на лингвистику в целом. Семантика становится все более прагматически и функционально ориентированной. Внимание с языка и его системных свойств переключается на его функции и употребление, или, используя сосюрвовское противопоставление, с языка — на речевую деятельность.

Еще одной тенденцией современной науки является усиление роли междисциплинарных исследований. Уже сейчас очевидно пересечение лингвистической семантики с психолингвистикой, социолингвистикой, культурологией, литературоведением, нейролингвистикой и др.

Развитие лингвистики неизбежно зависит и от развития ее инструментария и методов. Влияние компьютеризации на семантику ощущается достаточно давно, однако именно сейчас стали более чем реальны корпусная лингвистика и возможность «инструментальной революции». Кстати, все эти направления и тенденции семантических исследований способствуют выдвиганию на первый план относительно нового объекта (по крайней мере, по сравнению со словом, предложением и текстом) — дискурса.

Дискурс, безусловно, макрообъект, представляющий язык в его употреблении и включающий социальный и психологический аспекты. Последовательное его изучение становится возможным сейчас именно благодаря развитию технических средств: аудио-

визуальной аппаратуре и компьютерам как средству записи, хранения и обработки информации.

Сверхсложность объекта и его очевидная популярность, безусловно, создают определенные проблемы. Существуют различные и не вполне совместимые определения и интерпретации дискурса. мода, в частности в литературной критике, приводит к еще большей нечеткости и неоправданному расширению понятия. И все же очевидно, что этот термин уже стал одним из основных в лингвистике, а изучение дискурса приобретает статус одной из главных лингвистических и, естественно, семантических задач.

Наконец, следует сказать, что, как бы ни развивалась семантика, она сохранит две свои основные черты, определяющие ее центральное место в лингвистике. Их роль по отношению к лингвистике в целом позволяет говорить о внутренней и внешней функции семантической науки. С одной стороны, семантика пронизывает все явления языка, и, таким образом, ни один из разделов лингвистики не может избежать обращения к ней. С другой стороны, именно семантика является своего рода пересечением лингвистики с другими науками.

Итак, семантика обеспечивает внутренние и внешние связи и отношения лингвистики. И эта ее функция останется неизменной.

ТЕКСТОВЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

Текстовые задачи — это задачи, в которых предлагается некий текст (или компоненты текста) и требуется заданным образом преобразовать его так, чтобы получился новый текст. Например, требуется составить из данных компонентов текста связный текст, или исправить «порченный» текст таким образом, чтобы получился текст правильный, или, наконец, отталкиваясь от текста одного рода, создать какой-либо другой текст.

Текстовые задачи часто имитируют вполне полезную профессиональную деятельность, например редактирование, реферирование, конспектирование текста и др. Есть также более сложные и менее формальные задачи, такие, как рецензирование текста, переписывание текста в другом жанре и т.д. Возможны текстовые задачи, которые имитируют переводческую деятельность (в том числе художественный перевод), но для их решения требуется знание какого-либо иностранного языка. Решение текстовых задач опирается на одну из главных языковых способностей — понимание текста, а также на умение производить с текстами различные интеллектуальные операции. Крайне важно, что при решении текстовых задач происходит экспликация языковой интуиции и соответствующих языковых способностей. При решении необходимо объяснять свои лингвистические действия, т.е. указывать те языковые явления, которые помогают решать задачу. Таким образом, решение текстовой задачи подразумевает лингвистические способности в двух смыслах. Во-первых, нужно иметь хорошую языковую интуицию и способности к языковому творчеству, во-вторых, нужно уметь анализировать собственную языковую деятельность. Человек, решающий текстовую задачу, выступает сразу в двух ипостасях: просто носителя языка и лингвиста, изучающего язык.

В качестве примера рассматриваются две задачи. Одна достаточно проста, а другая, напротив, чрезвычайно сложна. Обе они относятся к той разновидности текстовых задач, в которых «дано: набор фраз; требуется: составить правильный текст». Эта разновидность очень похожа на игру в пазл, только труднее объяснить, что именно склеивает отдельные фразы.

Ниже приводятся задачи и их подробные решения.

Задача о Винни-Пухе и Кристофере Робине

Фразы разговора медвежонка Винни-Пуха и его друга Кристофера Робина выпали из книги и перепутались. В книге фразы Винни-Пуха и Кристофера Робина чередовались: сначала говорил один, потом другой. Расставьте их в таком порядке, чтобы получился диалог. Запишите, кто какую фразу произносит.

1. Я хожу!
2. Воздушного шара?

3. Доброе утро, Винни-Пух!
4. Мед.
5. Доброе утро, Кристофер Робин!
6. Да, я как раз шел и думал: «Нет ли у Кристофера Робина случайно воздушного шара?» Мне было просто интересно.
7. Кто же ходит за медом с воздушными шарами?
8. Зачем тебе понадобился воздушный шар?
9. Интересно, нет ли у тебя случайно воздушного шара?

Решение

Как подойти к этой задаче? С чего начать? Очевидно, что впереди находятся фразы (3) и (5), однако порядок их неясен. Конечно, диалог (а в данном случае мы имеем дело не просто с текстом, а с диалогом, у которого есть свои собственные законы) должен начинаться с *Доброго утра*, встречающегося именно в этих двух фразах. Если говорить точнее, хотя далеко не всякий диалог начинается с *Доброго утра*, но уж если фразы с *Добрый утром* в нем есть, они должны быть в самом начале. Это — правило диалога, и даже шире — правило речевого этикета: приветствие должно быть в начале разговора. Вот мы и сделали первое наблюдение при решении задачи, первое небольшое открытие и тем самым сформулировали первое лингвистическое правило. Теперь хочется сразу упорядочить эти две фразы, однако правильнее подождать и подумать о диалоге вообще.

Из двух фраз «*Я думаю: «Локомотив» и «Кто сегодня победит: «Спартак» или «Локомотив?»*» первой в диалоге должна идти вторая, а вторая — первой. Варианты исключены. Почему? Да потому что перед нами вопрос и ответ на него. А вот как выбирать из двух вопросов «*Кто сегодня победит: «Спартак» или «Локомотив?»*» и «*А ты как думаешь?»*» Ведь их последовательность для нас также очевидна. Все дело в том, что «*А ты как думаешь?»* — это своего рода вопрос на вопрос или, по крайней мере, вопрос по поводу чего-то уже сказанного. Среди пары «*Я думаю: сегодня победит «Спартак» и «Ты уверен?»*» вторым должен быть как раз вопрос, а не утверждение. Утверждение в этом случае никак не является ответом на вопрос «*Ты уверен?»*. Но про эти пары мы изначально предполагаем, что они следуют друг за другом. А как выявить фразы-соседи из 11 фраз, данных в условии? Здесь действует одна достаточно общая закономерность: соседние фразы, как правило, связаны между собой по смыслу. Иначе говоря, общностью смысла следующих друг за другом фраз обеспечивается связность диалога. И хотя в реальной жизни достаточно часто встречаются абсолютно бессвязные диалоги, когда каждый говорит о чем-то своем и не слушает собеседника, мы будем принимать во внимание только «правильные» тексты, и в частности «правильные» диалоги. Итак, вернемся к правильному диалогу между Винни-Пухом и Кристофером Робинсом.

Что же может следовать за обменом приветствиями? Странными здесь кажутся утверждения типа (1) *Я хожу!* или (4) *Мед*. Они, конечно, возможны в начале разговора, но только в определенных, довольно специфических ситуациях. Например, «*Я хожу!*» может внезапно воскликнуть

больной, до этого прикованный к постели. Связность текста в данном случае будет обеспечена внешними по отношению к языку причинами (сопутствующей ситуацией или знаниями говорящего и слушающего). Человек как бы говорит: «Ты, наверное, думал, что я болен, а, посмотри, я хожу!»

Совершенно неуместен следом за приветствиями вопрос (2) *Воздушного шара?* Это на самом деле вопрос-переспрос, который должен идти за фразой с упоминанием воздушного шара. Странно выглядят в начале разговора и вопросы (7) *Кто же ходит за медом с воздушными шарами?* и (8) *Зачем тебе понадобился воздушный шар?* Последнее возможно, если один из собеседников видит в руках у другого шар и начинает разговор с попытки разрешить свое недоумение. Но здесь опять возникает необычная (нестандартная) ситуация, а мы будем исходить из того, что связность в данном случае обеспечивается самим текстом, а не ситуацией, в которой находятся собеседники. Тогда этим репликам должно что-то предшествовать.

Реплике (6) *Да, я как раз шел и думал: «Нет ли у Кристофера Робина случайно воздушного шара?»* Мне было просто интересно мешают оказаться в начале диалога слова *да* и *как раз*. Они также отсылают к сказанному выше.

По существу остался единственный вариант. После обмена приветствиями следует фраза (9) *Интересно, нет ли у тебя случайно воздушного шара?* И только после этой фразы возможен переспрос (2) *Воздушного шара?*, поскольку в предшествующей ему фразе не только должно говориться о воздушном шаре, но и должна присутствовать соответствующая форма (родительный падеж). Этот переспрос выражает удивление неожиданным вопросом, и за ним должно следовать подтверждение (именно подтверждение, потому что вопрос уже прозвучал). Это подтверждение *да* вместе с большим текстуальным повтором содержит реплика (6), в которой, в частности, упомянут Кристофер Робин. Значит, ее произнес Винни-Пух, и, учитывая условие «В книге фразы Винни-Пуха и Кристофера Робина чередовались, сначала говорил один, потом другой», можно восстановить порядок первых фраз.

Итак, Винни-Пух:

Да, я как раз шел и думал: «Нет ли у Кристофера Робина случайно воздушного шара?» Мне было просто интересно.

Перед этим Кристофер Робин:

Воздушного шара?

Перед этим Винни-Пух:

Интересно, нет ли у тебя случайно воздушного шара?

Слово — Кристоферу Робину, и, следовательно:

Доброе утро, Винни-Пух!

Таким образом, мы выясняем, что первым заговорил Винни-Пух:

Доброе утро, Кристофер Робин!

Вернемся к нормальному течению времени. После реплики (6) слово снова переходит к Кристоферу Робину. Поскольку речь идет пока исключительно о воздушном шаре (ни слова о меде!), следующим может быть только вопрос (8) *Зачем тебе понадобился воздушный шар?*, на что безусловно подходящего ответа нет. По остаточному принципу (остальное во-

обще никуда не годится) подбираем ответ Винни-Пуха: «Мед». За этим кратким ответом скрывается более развернутый смысл — что-то вроде: «Причиной этому является мед». Однако для естественных разговоров характерна такая (и вообще всяческая) компрессия — максимальное сжатие текста. Вообще говоря, в реальном диалоге милновско-заходеровских героев здесь была еще пара реплик. Удивленный нестандартным ответом, Кристофер Робин восклицал: «Что-о?» А Винни-Пух так же эмоционально подтверждал: «Мед!» Эти реплики были исключены из задачи, поскольку однозначно расставить по местам реплики «Мед» и «Мед!» невозможно, и тем самым возникало два альтернативных решения. Впрочем, их можно и оставить, поскольку диалог без них утратил некоторую естественность, а наличие нескольких решений не является для текстовых задач большим недостатком.

Итак, следом за ответом «Мед» идет новый вопрос Кристофера Робина, осмысляющий всю ситуацию: «Кто же ходит за медом с воздушными шарами?» И наконец, гордый ответ Винни-Пуха завершает разговор: «Я хожу!» В результате мы имеем следующий диалог.

5. Винни-Пух: *Доброе утро, Кристофер Робин!*

3. Кристофер Робин: *Доброе утро, Винни-Пух!*

9. Винни-Пух: *Интересно, нет ли у тебя случайно воздушного шара?*

2. Кристофер Робин: *Воздушного шара?*

6. Винни-Пух: *Да, я как раз шел и думал: «Нет ли у Кристофера Робина случайно воздушного шара?» Мне было просто интересно.*

8. Кристофер Робин: *Зачем тебе понадобился воздушный шар?*

4. Винни-Пух: *Мед.*

[Кристофер Робин: *Что-о?*

Винни-Пух: *Мед!*]

7. Кристофер Робин: *Кто же ходит за медом с воздушными шарами?*

1. Винни-Пух: *Я хожу!*

Это только один простой пример, из которого видно, насколько внимательным к слову и другим элементам текста приходится быть при решении текстовых задач и насколько непросто объяснять очевидное — собственную языковую интуицию.

Вторая задача значительно сложнее. Речь идет о двух более или менее замкнутых (вообще говоря, это понятие требует подробного обсуждения) отрывках из романов двух писателей. Основным содержанием отрывков являются женские портреты, т.е. тема одна и та же. Каждый из этих отрывков «разрезан» на предложения, а затем предложения перемешаны между собой. По сравнению с предыдущей задачей процедура решения существенно усложнена. Надо сначала разбить все предложения на две группы, а потом упорядочить их внутри каждой группы. Причем окончательно решить первую часть задачи удается, лишь начав упорядочивать (связывать друг с другом) предложения. Попутно предлагается сформулировать максимум информации об авторах этих текстов.

Принципиальное отличие этой задачи от предыдущей состоит в том, что в ней, по-видимому, невозможно единственное решение. Поэтому важно не дать какой-либо один единственный ответ, а скорее, задать исчисление возможностей и подробно проанализировать языковые дан-

ные — свидетельства того или иного порядка. Решающий эту задачу вновь, как и при решении первой задачи, должен совместить позиции носителя языка и лингвиста, но здесь роль лингвиста значительно важнее.

Задача о двух портретах, или Правильный нос в России реже маленькой ножки

Соберите из данных предложений два связанных отрывка, основным содержанием которых являются женские портреты. Произведите частичную атрибуцию, например оцените время написания, пол авторов и т. д.

1. Правильный нос в России реже маленькой ножки.
2. Словесный портрет не получался.
3. Даже большой лысоватый лоб не прибавлял ему ни доброты, ни мудрости.
4. Нос прямой, недлинный.
5. Туфель он не запомнил.
6. А лицо? — спросил себя.
7. Лицо никуда не годилось.
8. Она, то есть порода, а не юная Франция, большею частью изобличается в поступи, в руках и ногах; особенно нос очень много значит.
9. А я не заглядываюсь, — ответил он зеркалу, закрутил краны и вошел в кабинет.
10. Необыкновенная гибкость ее стана, особенное, ей только свойственное, наклонение головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив ее слегка загорелой кожи на шее и плечах, и особенно правильный нос — все это было для меня обворожительно.
11. Бывают же такие вывески! — вздохнул он, вспомнив, что за стенкой девушка читает его реферат.
12. А волосы?
13. Такие лица, наверное, бывают у солдат, когда они раскатывают «Ура!» вблизи колючей проволоки.
14. Хотя в ее косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное, хотя в ее улыбке было что-то неопределенное, но такова сила предубеждений: правильный нос свел меня с ума; я вообразил, что нашел Гётеву Миньону, это причудливое создание его немецкого воображения, — и точно, между ими было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни...
15. Решительно, я никогда подобной женщины не видывал.
16. Кажется, красивая...
17. Он поглядел в зеркало.
18. Попытался представить себе сидящую на диване гостью.
19. Кажется, ботинки, отороченные мехом.
20. Но сейчас, содрав пот и усталость, Курчев чувствовал, что девушка ему нравится.
21. Его сработали словно бы наскоро, и оно ничего не могло выразить, хотя очень хотело, и его раздирало, как от немого крика.
22. Лицо было нескладное, но совсем не сиротливое.
23. А его лицо, казалось Курчеву, молча кричало и кричало.

24. Каштановые, что ли?
25. В ней было много породы... порода в женщинах, как и в лошадях, великое дело; это открытие принадлежит юной Франции.
26. Женись, дурак, на Вальке и Бога благодари, — сказала зеркало. — И не заглядывайся на аспиранток. Они не для тебя.
27. Но если солдаты остаются живы, лица их принимают обычный вид.
28. Она была далеко не красавица, но я имею свои предубеждения также и насчет красоты.
29. Она была в сером домашней вязки свитере с высоким воротом и в длинной шерстяной юбке.
30. Вроде бы овальное, продолговатое.
31. Но вот про лицо, которое смотрело на него из большого зеркала, укрепленного над умывальником, он этого сказать не мог.
32. Моей певунье казалось не более восемнадцати лет.

Решение

Итак, изначально имеется два более или менее связанных и замкнутых отрывка из романов двух писателей. Здесь естественно задать вопрос, что такое замкнутость (или цельность) и связность. К сожалению, простого и короткого ответа наука не дает. Что же касается ненаучных объяснений, то вот они. Замкнутым (цельным) считается отрывок, у которого есть начало и конец и в котором нет отсылки к предшествующему и последующему текстам. Понимание замкнутого отрывка не требует знания прочего текста, не подразумевает обращения к нему. Конечно, подобрать совершенно замкнутый отрывок внутри романа не всегда возможно. Часто можно говорить лишь о большей и меньшей замкнутости — ведь замкнутость понятие относительное.

Сложнее обстоит дело с понятием **связности текста** (см. главу 13), которое лежит в основе этой задачи и вообще является ключевым для лингвистики текста. Как и многим основным лингвистическим понятиям, ему не так-то просто дать четкое определение, хотя интуитивно оно кажется понятным. Текст типа *«Вчера я был у зубного врача. Мне вырвали два зуба. До сих пор с трудом открываю рот»* безусловно связный. И наоборот, текст *«Вчера я был у зубного врача. Волга впадает в Каспийское море. Хороши весной в саду цветочки»*, безусловно, несвязный. В первом тексте оправдываются наши ожидания. Если в первом предложении речь идет о посещении зубного врача, то дальше мы ждем рассказа о лечении зубов, а затем весьма вероятно информация о последствиях лечения (положительных или отрицательных). Именно так и строится этот текст. Можно сказать, что он связан единими темой и сюжетом, развивающимися по стандартным законам. А вот во втором тексте наши ожидания все время нарушаются. После первого предложения мы ждем продолжения «зубной» темы, а слышим прописную истину о Волге. Далее неожиданно возникают цветочки. Это несвязный текст. Однако стоит перед ним сказать что-то вроде: *«Сейчас я произнесу три предложения»*, как все встанет на свои места. Эта фраза обеспечит связность всего текста в целом, хотя никаких новых связей между тремя исходными предложения-

ми не появится. Надо сказать, что в языке существуют специальные слова, обеспечивающие связность текста. Это, например, анафорические местоимения. В их значении заложена отсылка к какому-то тексту. Например, возьмем текст «*Я выглянул в окно и увидел девочку. Она несла букет цветов*». Здесь связность обусловлена, в частности, местоимением *она*, отсылающим к ближайшему предтексту, а именно к слову женского рода. Если заменить местоимение *она* на местоимение *он*, текст сразу станет несвязным («*Я выглянул в окно и увидел девочку. Он нес букет цветов*»), поскольку обнаружить в предтексте подходящее слово мужского рода не удается. Таким образом, в тексте существуют как бы микро- и макросвязи. Микросвязи имеют место между отдельными словами и другими языковыми единицами, а макросвязи пронизывают весь текст. Это общая тема, сюжет, повторяющиеся образы и т. д.

Первый портрет

После этого отступления можно вернуться к самой задаче. Итак, основным содержанием отобранных отрывков являются описания двух женщин, иначе говоря, женские портреты, т. е. тема одна и та же. Тем интереснее сравнить их, определить отличия и попытаться найти этому хоть какие-нибудь причины, понять, кто их авторы, когда они написаны и т. д.

В этой задаче, как уже сказано, важно не дать какой-либо один ответ, а задать исчисление возможностей и подробно проанализировать языковые данные — свидетельства того или иного порядка. Для восстановления единственного авторского варианта языковых данных может не хватать. Из предложенного набора предложений, вполне возможно, склеиваются несколько различных связных текстов. Решающий эту задачу должен сыграть роли носителя языка и лингвиста, причем носитель языка оценивает правильность полученных текстов, а лингвист пытается предложить различные интерпретации, установить причины связности или несвязности.

Но это все потом. Ведь каждый из этих отрывков «разрезан» на предложения, а затем предложения перемешаны между собой. Сначала надо разделить их на две кучки, и только затем расположить в правильном порядке. По-видимому, окончательно решить первую часть задачи удается, лишь начав упорядочивать (связывать друг с другом) предложения.

Тем не менее, по крайней мере, предварительное разбиение предложений на две группы не должно вызвать особых трудностей. В первую группу попадают предложения:

1. Правильный нос в России реже маленькой ножки.

8. Она, то есть порода, а не юная Франция, большую частью изобличается в поступи, в руках и ногах; особенно нос очень много значит.

10. Необыкновенная гибкость ее стана, особенное, ей только свойственное, наклонение головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив ее слегка загорелой кожи на шее и плечах, и особенно правильный нос — все это было для меня обворожительно.

14. Хотя в ее косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное, хотя в ее улыбке было что-то неопределенное, но такова сила пред-

убеждений: правильный нос свел меня с ума; я вообразил, что нашел Гётеву Миньону, это причудливое создание его немецкого воображения, — и точно, между ими было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего бесполойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни...

15. Решительно, я никогда подобной женщины не видывал.

25. В ней было много породы... порода в женщинах, как и в лошадях, великое дело; это открытие принадлежит юной Франции.

28. Она была далеко не красавица, но я имею свои предубеждения также и насчет красоты.

32. Моей певунье казалось не более восемнадцати лет.

Остальные предложения, с большой вероятностью, относятся ко второму отрывку. Причем про большую часть из них это можно сказать с полной определенностью. Что отличает предложения этой группы от других? Во-первых, есть общая тема, точнее, повторяющийся (даже несколько назойливо) образ — «правильный нос». Во-вторых, есть авторское «Я», представляющее человека, уверенного в себе, склонного к рассуждениям и обобщениям. В-третьих, эти предложения в среднем немного длиннее предложений из другой группы. Наконец, в-четвертых, в них есть какие-то иногда почти неуловимые языковые странности. Так сейчас не говорят, а это значит, что текст был написан довольно давно. Многое из сказанного позволит составить определенное мнение об авторе или хотя бы о герое, от лица которого ведется повествование. Но сначала попробуем расположить предложения в разумном порядке.

Поскольку речь шла о достаточной степени замкнутости этого отрывка, можно определить вероятных кандидатов на начало (зачин) и конец (концовка). Начинать отрывок могут только предложения 1, 15, 32. В других содержится отсылка к непосредственному предтексту. Завершать же отрывок могут предложения 15, 10, 14 и, может быть, 1. Интересно, что часто некое общее утверждение может претендовать и на то, чтобы быть концовкой текста, и на то, чтобы быть его зачином. Логика построения текста в этих случаях различная. Если некая сентенция открывает текст, то возможны различные варианты развития текста: например, она может быть отправной точкой рассуждений или дальнейший текст является ее обоснованием. Заклучая же текст, она, скорее всего, оказывается его выводом. Но, например, предложение 1, хотя в принципе и могло бы завершать какой-либо текст, выводом из данных предложений быть никак не может.

Некоторые микросвязи в данном тексте устанавливаются очень легко. Предложение 8 должно следовать непосредственно за 25-м, поскольку местоимение *она* отсылает к слову *порода*. Более того, автор обыгрывает тот факт, что в предыдущем предложении есть еще одно слово женского рода, к которому могло бы относиться местоимение: *Франция*. Предложение 1 следует за 8-м, поскольку в нем повторяется тема носа, она уточняется: формулируется главная характеристика носа — правильность, которая и получает окончательную оценку.

Предложения 10 и 14 должны находиться рядом, потому что именно они и содержат портрет конкретной женщины, и при этом следовать

(необязательно непосредственно) за предложением 8: в них снова возникает правильный нос, т. е., описывая конкретное лицо, герой подразумевает, что читатель знаком с его общей позицией. Точно так же повтор слова *предубеждения* в предложении 14 отсылает к предложению 28-му.

Итак, сначала излагается теория, а потом практика. Сначала — общие представления героя о женской красоте, а затем — конкретный портрет. Если же мы хотим упорядочить предложения 10 и 14, то придется порассуждать о правилах построения словесного портрета. Содержание предложения 10 — внешность, а 14 — внешность и поведение. Кроме того, различается оценка отношения героя к героини: в 10-м — «все это было для меня обворожительно», в 14-м — герой уже сходит с ума. Кажется, естественнее перейти от описания внешности к описанию поведения, а не наоборот. И кроме того, герой описывает развитие своего чувства, а не угасание его. Оба эти довода позволяют расположить предложение 10 перед 14-м.

Нам осталось разместить три предложения 15, 28 и 32. Решающим является определение места для 28-го. В принципе, оно может непосредственно предшествовать и 25-му, и 10-му. Однако кажется естественным раскрытие *предубеждений* из 28-го в следующих предложениях. Таковым раскрытием можно считать рассуждение о породе и правильном носе в предложениях 25, 8 и 1. Таким образом, мы получаем две цепочки: 28-25-8-1 и 10-14. Перед предложением 28 обязательно должно находиться либо 15-е, либо 32-е. Допустимы оба варианта. Но что может обеспечить переход от 1-го к 10-му? Предложение 15 здесь явно не годится. Слишком много эмоций после умозрительного и холодного рассуждения о породе. Сюда помещаем 32-е, а 15-е по остаточному принципу — располагается в самом начале.

Следуя логике и почти не имея выбора, мы пришли к такому тексту.

15. Решительно, я никогда подобной женщины не видывал.

28. Она была далеко не красавица, но я имею свои предубеждения также и насчет красоты.

25. В ней было много породы... порода в женщинах, как и в лошадях, великое дело; это открытие принадлежит юной Франции.

8. Она, то есть порода, а не юная Франция, большею частью изобличается в поступи, в руках и ногах; особенно нос очень много значит.

1. Правильный нос в России реже маленькой ножки.

32. Моей певунье казалось не более восемнадцати лет.

10. Необыкновенная гибкость ее стана, особенное, ей только свойственное, наклонение головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив ее слегка загорелой кожи на шее и плечах, и особенно правильный нос — все это было для меня обворожительно.

14. Хотя в ее косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное, хотя в ее улыбке было что-то неопределенное, но такова сила предубеждений: правильный нос свел меня с ума; я вообразил, что нашел Гётеву Миньону, это причудливое создание его немецкого воображения, — и точно, между ими было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни...

Конечно, читатель имеет право иначе оценить интуитивную очевидность тех или иных решений. Тем не менее кажется, что это наиболее естественное решение. Оно совпадает с авторским. Не надо думать, что так бывает всегда. Во всяком случае, в наше время дело обстоит не совсем так. Вообще в XX в. появилась определенная мода на несвязность. Впрочем, еще не решена даже половина задачи. Ведь требуется что-то сказать по поводу автора этого произведения. Пол героя, а скорее всего и автора, мужской, судя по очень эмоциональному описанию конкретной женщины и одновременно очень холодному и несколько свысока рассуждению о женщинах вообще. Интересно попробовать определить время написания этого романа. Но, может быть, пора снять хотя бы одну маску. Наверняка кто-то уже узнал и автора, и героя, и даже героиню. Да, это лермонтовская контрабандистка из «Тамани». Однако это знание лишь помешает решать задачу: определять время надо исходя из текста, а не из знания дат жизни Лермонтова и написания романа.

Что же в самом тексте выдает время его написания? Во-первых, язык. Отметим случаи «как сейчас не говорят»: *наклонение головы* (вместо *наклон*), *между ими, поступь* (вместо *походка*), *изобличается* и т. д. Любопытны и сдвиги в значении и употреблении таких слов, как *решительно* (практически не употребляется сейчас в качестве вводного слова), *косвенный взгляд* (в значении ‘непрямой’) и *предубеждения* (в значении ‘изначально имеющиеся убеждения’). Все эти лингвистические данные показывают, что текст написан давно, скорее всего в XIX в. Более точную временную оценку позволяют дать различные содержательные соображения. Понятно, что текст моложе Гётевой Миньоны. Еще более точное указание дает нам словосочетание *юная Франция*. Почему *юная*? Потому что это послереволюционная Франция. Революция произошла, но относительно недавно. И последнее, самое точное, указание дает фраза *Правильный нос в России реже маленькой ножки*. Что это? Конечно, полемический диалог с Пушкиным. Итак, время написания можно ограничить XIX в. и еще точнее: не ранее 30-х годов и не позже 50-х. М. Ю. Лермонтов включил в текст множество лингвистических и экстралингвистических примет времени. Со вторым текстом дело обстоит иначе.

Второй портрет

В результате определенной процедуры были отобраны восемь предложений, для которых был возможен практически единственный порядок. Правда, была сделана оговорка, что единственность решения условна настолько, насколько условно понятие «связный текст». Ведь реальные тексты — устные или письменные — часто бывают недостаточно связны, а мы вынуждены удовлетворяться ими. Но, поскольку речь шла об отрывке из лермонтовской «Тамани», т. е. из классического произведения первой половины XIX в., критерий связности работал достаточно хорошо. Авторский вариант оказывается в этом случае на порядок более связным, чем другие способы соединения предложений. Иначе обстоит дело с современными текстами. Конечно, во многих авангардистских текстах или, например, в диалогах театра абсурда связность вообще от-

существует. Но тогда и подобная лингвистическая задача теряет смысл. Поэтому был взят вполне традиционный текст.

После выделения лермонтовского текста осталось 24 предложения, в среднем существенно более коротких и отрывистых. Если лермонтовский герой говорил «полными и правильными» фразами, то здесь осталось много «обрубленных» и неполных, с точки зрения синтаксического анализа предложений. Но, по-видимому, они существенно ближе к реальной разговорной речи.

2. Словесный портрет не получался.
3. Даже большой лысоватый лоб не прибавлял ему ни доброты, ни мудрости.
4. Нос прямой, недлинный.
5. Туфель он не запомнил.
6. А лицо? — спросил себя.
7. Лицо никуда не годилось.
8. А я не заглядываюсь, — ответил он зеркалу, закрутил краны и вошел в кабинет.
11. Бывают же такие вывески! — вздохнул он, вспомнив, что за стенкой девушка читает его реферат.
12. А волосы?
13. Такие лица, наверное, бывают у солдат, когда они раскатывают «Ура!» вблизи колючей проволоки.
16. Кажется, красивая...
17. Он поглядел в зеркало.
18. Попытался представить себе сидящую на диване гостью.
19. Кажется, ботинки, отороченные мехом.
20. Но сейчас, содрвав пот и усталость, Курчев чувствовал, что девушка ему нравится.
21. Его сработали словно бы наскоро, и оно ничего не могло выразить, хотя очень хотело, и его раздирало, как от немого крика.
22. Лицо было нескладное, но совсем не сиротливое.
23. А его лицо, казалось Курчеву, молча кричало и кричало.
24. Каштановые, что ли?
26. Женись, дурак, на Вальке и Бога благодари, — сказала зеркало. — И не заглядывайся на аспиранток. Они не для тебя.
27. Но если солдаты остаются живы, лица их принимают обычный вид.
29. Она была в сером домашней вязки свитере с высоким воротом и в длинной шерстяной юбке.
30. Вроде бы овальное, продолговатое.
31. Но вот про лицо, которое смотрело на него из большого зеркала, укрепленного над умывальником, он этого сказать не мог.

Наконец, последняя оговорка состоит в том, что и замкнутость этого отрывка более условна, чем лермонтовского. После этого можно перейти к установлению порядка.

Заметно, что эти предложения не слишком однородны. Здесь есть речь героя (типа предложения 24. *Каштановые, что ли?*) и автора (типа 31. *Но вот про лицо, которое смотрело на него из большого зеркала, укрепленного*

над умывальником, он этого сказать не мог), а также что-то промежуточное или смешанное. Именно герой пытается составить (вспомнить!) женский портрет, а автор этот процесс комментирует, рисуя нам самого героя.

Довольно очевидно, что к женскому портрету и соответственно к внутреннему диалогу героя относятся мучительные воспоминания в виде вопросов и ответов:

4. Нос прямой, недлинный.

5. Туфель он не запомнил.

6. А лицо? — спросил себя.

12. А волосы?

16. Кажется, красивая...

19. Кажется, ботинки, отороченные мехом.

24. Каштановые, что ли?

29. Она была в сером домашней вязки свитере с высоким воротом и в длинной шерстяной юбке.

30. Вроде бы овальное, продолговатое.

Эти предложения более или менее легко упорядочиваются следующим образом: 29-5-19-6-30-4-12-24. Портретирование начинается с более крупных деталей: с фигуры, с одежды и ботинок, а затем переходит к лицу и волосам. Здесь, наверное, действуют универсальные законы человеческой психологии и восприятия (а не собственно лингвистики). Так же и в лермонтовском тексте сначала шло описание внешности, а затем поведения героини. От статичного — к динамичному, от крупного — к мелкому. Эту гипотезу можно проверить и на других произведениях.

С предложением 16 дело обстоит несколько сложнее — оно может быть и впереди и сзади. Можно также с уверенностью сказать, что вся цепочка должна предваряться авторской фразой 18. *Попытался представить себе сидящую на диване гостью*, а завершаться словами то ли автора, то ли героя, признающими безуспешность мучительных воспоминаний — 2. *Словесный портрет не получался*.

Также «про девушку» предложения 11 и 20. Причем в 11-м девушка фактически вводится в рассмотрение, точнее, герой о ней вспоминает, и, следовательно, это предложение предшествует 18-му, а в 20-м дается некоторая оценка отношения героя к девушке, которая более естественна после того, как он хотя бы попытался ее вспомнить. Здесь, правда, смущает начальный противительный союз *Но...* но он как раз и противопоставляет окончательную оценку *нравиться* отсутствию отчетливых воспоминаний, т. е. следует непосредственно за 2-м. Итак, 11-18-29-5-19-6-30-4-12-24-2-20 и где-то ближе к началу или к концу 16-го.

Среди оставшихся предложений намечаются следующие связи: 21-13-27-23 (сквозная тема крика и солдат) и 26-9 (диалог героя с зеркалом). Кроме того, если исходить из предложения 11, мужской портрет должен предшествовать женскому (будем все-таки считать, что *вывеска* может быть в устах героя метафорой только по отношению к собственному — мужскому — лицу), а если исходить из 31-го, то мужской портрет следует за женским. Иначе к чему относится противопоставление? Ведь он не мог сказать о своем лице, смотрящем на него из зеркала, то, что мог сказать о чем-то. О чем же? Естественно, о женском лице или

самой женщине (больше ничего подходящего в тексте не встречается). Что же он о ней говорит? Только то, что она ему нравится. Таким образом, 31-е должно следовать непосредственно за 20-м. Итак, мы имеем дело с кольцевой конструкцией. Мужчина оценивает свое лицо, вспоминает девушку, признает, что она ему нравится, понимает, что о себе такого сказать не может, и, по-видимому, заканчивается все грубовато-ироничным диалогом с зеркалом (с самим собой). Почти все ясно, однако предложение 11 не слишком подходит для самого начала. С чего вдруг мужчина (Курчев) говорит о собственной «вывеске». Скорее всего, потому что он смотрит на себя, т.е. в зеркало. Таким образом, в начале должно быть предложение 17.

В результате задача почти решена, однако осталось еще несколько предложений (3. *Даже большой лысоватый лоб не прибавлял ему ни доброты, ни мудрости* и 22. *Лицо было нескладное, но совсем не сиротливое*; не вполне определено и место 16-го. *Кажется, красивая...*). Приходится признать, что единственного варианта определения их места в тексте нет.

Про 22-е даже не вполне ясно, к мужскому или женскому лицу оно относится. Но разброс этих предложений все же не велик. Про 16-е уже сказано: оно либо в начале, либо в конце «воспоминаний» мужчины. 22-е может быть вставлено в эти же воспоминания после 6-го, а может находиться после 17-го (если оно относится к лицу Курчева). Наконец, 3-е может быть и в начале после 22-го, и в конце, после 23-го. Так что возможны варианты. В заключение имеет смысл все-таки привести авторский вариант (хотя он и не единственно возможный):

17. Он поглядел в зеркало.
22. Лицо было нескладное, но совсем не сиротливое.
11. — Бывают же такие вывески! — вздохнул он, вспомнив, что за стенкой девушка читает его реферат.
16. Кажется, красивая...
18. Попытался представить себе сидящую на диване гостью.
29. Она была в сером домашней вязки свитере с высоким воротом и в длинной шерстяной юбке.
5. Туфель он не запомнил.
19. Кажется, ботинки, отороченные мехом.
6. А лицо? — спросил себя.
30. Вроде бы овальное, продолговатое.
4. Нос прямой, недлинный.
12. А волосы?
24. Каштановые, что ли?
2. Словесный портрет не получался.
20. Но сейчас, содрвав пот и усталость, Курчев чувствовал, что девушка ему нравится.
31. Но вот про лицо, которое смотрело на него из большого зеркала, угреленного над умывальником, он этого сказать не мог.
7. Лицо никому не годилось.
21. Его сработали словно бы наскоро, и оно ничего не могло выразить, хотя очень хотело, и его раздирало, как от немого крика.
13. Такие лица, наверное, бывают у солдат, когда они раскатывают «Ура!» вблизи колючей проволоки.

27. Но если солдаты остаются живы, лица их принимают обычный вид.

23. А его лицо, казалось Курчеву, молча кричало и кричало.

3. Даже большой лысоватый лоб не прибавлял ему ни доброты, ни мудрости.

26. «Женись, дурак, на Вальке и Бога благодари, — сказала зеркало. — И не заглядывай на аспиранток. Они не для тебя».

9. «А я не заглядываюсь», — ответил он зеркалу, закрутил краны и вошел в кабинет.

Кроме некоторой произвольности, в частности, места предложения 16, можно предъявить определенную пуристскую претензию и к 31-му. В нем фактически вводится в рассмотрение зеркало (... *большого зеркала, укрепленного над умывальником*), что несколько странно, если взглянуть в самое начало, в предложение 17, где это зеркало уже имеет место. Можно только предположить, что, мучительно вспоминая девушку, герой совершенно забывает о зеркале, так что его приходится как бы вводить заново. Наконец, претензия к автору задачи (т.е. самому себе): этот отрывок не вполне замкнут, ведь начинается он с анафорического местоимения *он*. Но все-таки задача решена. Осталось определить «время и место» и вообще высказаться об авторе и его герое. Проще это сделать в сравнении.

Два предложенных текста отличаются по языку, стилю, наконец, характеру героев. Уверенный в себе, смело рассуждающий и утверждающий Печорин и неуверенный, неспособный даже вспомнить только что увиденную женщину, рефлектирующий Курчев. Присмотревшись к тексту о Курчеве мало, и они почти ничего не дают для его локализации (аспирантура, колючая проволока, ботинки с мехом...). Важнее оказываются некоторые языковые свидетельства. Метафора «вывеска — лицо», бесспорно, относит нас к XX в. Язык современный, а стиль уж тем более. С одной стороны, своеобразный поток сознания (значит, после Джойса), а с другой стороны, «телеграфный стиль» — короткие, обрубленные фразы. Последнее означает, что текст написан не только после хемингуэвской прозы, но и под ее влиянием. Учитывая пик влияния Хемингуэя на русскую культуру, можно говорить об авторе-шестидесятнике. В действительности так и есть. Это современный русский поэт В. Н. Корнилов и его роман «Демобилизация» (действие романа относится к 1954 г., а первые опубликованы он был на Западе в 1976 г.).

Итак, перед нами было два женских портрета и два героя из двух романов двух русских поэтов, также писавших прозу и разделенных веком с лишним. Различий оказалось значительно больше, чем сходств. В современном тексте меньше связности, меньше рассуждений о мире и больше рефлексии (хотя Печорин — один из самых рефлектирующих героев своего века). Современный герой больше видит себя, чем женщину, которую он описывает. Вообще говоря, из предложенного портрета читатель почти ничего не узнает, кроме того, что герой не запомнил девушку, но она ему нравится. Четкость мыслей и языка у Печорина противопоставлены в задаче их же неопределенности у Курчева.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Справочная литература

Демьянков В.З. Тетради новых терминов. № 23. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Порождающая грамматика. — М., 1979.

Русская грамматика. Т. 1—2. — М., 1980. (РГ)

Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. (ЛЭС)

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. — М., 1981—1984. (СРЯ)

Толково-комбинаторный словарь русского языка. — Вена, 1984.

Ducrot O., Todorov Tz. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage. — Paris, 1972.

Encyclopedic dictionary of semiotics. 2nd edition revised and updated. 3 vols. — Berlin; New York, 1994.

Gordon W.T. Semantics: a bibliography. 1965—1978. — Metuchen; New York; London, 1980.

Gordon W.T. Semantics: a bibliography. 1979—1985. — Metuchen; New York; London, 1987.

Greimas A.-J., Courtés J. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage. — Paris, t. 1 — 1979, t. 2 — 1986.

Handbook of contemporary semantic theory / Ed. by S. Lappin. — Oxford, 1996.

Handbook of pragmatics. Manual / Ed. by J. Verschueren, J.-O. Östman, J. Blommaert. — Amsterdam; Philadelphia, 1995.

Roget P.M. International thesaurus of English words and phrases. — London, 1852 (abridged and revised, London, 1953).

Semiotik: ein Handbuch zu den zeichentheoretischen Grundlagen von Natur und Kultur / Hrsg. von R. Posner, K. Robering, T.A. Sebeok. Bd. 1—4. — Berlin; New York, 1997—2004.

Semantik: ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / Hrsg. von A. von Stechow, D. Wunderlich. — Berlin; New York, 1991.

Sprachphilosophie: ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / Hrsg. von M. Dascal, D. Gerhardus, K. Lorenz, G. Meggle. Berlin; New York, 1992 (1. Halbbd.), 1995 (2. Halbbd.).

Обязательная литература

Алпатов В.М. История лингвистических учений. 2-е изд., испр. — М., 1999.

Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. — М., 1966.

Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Лексическая семантика. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1995.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. — М., 1976.

Блумфилд Л. Язык. — М., 1968.

Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М., 1997.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1996.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. — М., 1985. С. 217—237.

Есперсен О. Философия грамматики. — М., 1958.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. — М., 1992.

Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. — М., 2003.

Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». — М., 1974.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. — М., 1982.

Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. — М., 1986. С. 22—129.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). — М., 1985.

Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993. С. 26—203.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М., 1977. С. 31—285.

Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. — М., 1960. С. 135—168.

Филмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. — М., 1981. С. 369—495.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 35. Opera selecta. 1997. С. 351—380.

Фреге Г. Понятие и вещь // Семиотика и информатика. Вып. 35. Opera selecta. 1997. С. 380—396.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. — М., 1972. С. 95—113.

Lyons J. Semantics. 2 vols. — London; New York, 1977.

Дополнительная литература

Адамец П. Образование предложений из пропозиций. — Прага, 1978.

Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. — М., 1967.

Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М., 1995.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. — М., 1988.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М., 1955.

- Бейлин Дж. Краткая история генеративной грамматики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. — М., 1997. С. 13—57.
- Берн Э. Игры, в которые играют люди. — М., 1988.
- Блэк М. Лингвистическая относительность (Теоретические воззрения Бенджамена Л. Уорфа) // Новое в лингвистике. Вып. 1. — М., 1960. С. 199—212.
- Богданов В. В. Моделирование семантики предложения // Прикладное языкознание. — СПб., 1996. С. 161—200.
- Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. — М., 1996.
- Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. — Л., 1976.
- Бондарко А. В. Функциональная грамматика. — Л., 1978.
- Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. — СПб., 2001.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) — М., 1997.
- Бюлер К. Теория языка. — М., 1993.
- Вежбицкая А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. Современная зарубежная русистика. — М., 1985. С. 303—341.
- Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. — М., 1947.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. — М., 1994. С. 1—73.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. — М., 1994. С. 73—319.
- Воронин С. В. Основы фоносемантики. — Л., 1982.
- Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. — М., 2000.
- Гаспаров Б. Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. — М., 1997.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. — М., 1992.
- Гиндин С. И. Священный текст: формальное определение и элементы типологии. — М., 1971.
- Гиндин С. И. Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1948—1975) // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. — № 4. С. 348—361.
- Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. — М., 1959.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика. — М., 1999. С. 131—256.
- Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. — М., 1993. С. 30—64.
- Журавлев А. П. Фонетическое значение. — Л., 1974.
- Залевская А. А. Введение в психолингвистику. — М., 1999.
- Звегинцев В. А. Семасиология. — М., 1957.
- Иванов Вяч. Вс. Очерки по истории семиотики в СССР. — М., 1976.
- Из работ московского семиотического круга. — М., 1997.

- Исследования по семантике предлогов. — М., 2000.
- Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. — М., 1976.
- Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. — М., 1981.
- Карнап Р. Значение и необходимость. — М., 1959.
- Карцевский С.И. Язык, война и революция. Всеобщая библиотека. № 47. — Берлин, 1923.
- Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. — М., 1988.
- Катц Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. — М., 1981. С. 33—49.
- Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — М., 1999.
- Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. — М., 1997. С. 276—339.
- Кибрик А.Е. Методика полевых исследований (К постановке проблемы). — М., 1972.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. — М., 2000.
- Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. — М., 1976.
- Козлова М.С. Аналитическая философия // История философии: Запад—Россия—Восток. — М., 1998 (Кн. 3. Философия XIX—XX в.). С. 212—246.
- Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или Азбука общения. — М., 1997. [2-е изд. — М., 2004]
- Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Проблемы референции. — М., 1982. С. 340—376.
- Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. — М., 1998.
- Куайн У.В.О. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 18. Логический анализ естественного языка. — М., 1986. С. 24—98.
- Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996.
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. — М., 1999.
- Льюис К.И. Виды значения // Семиотика. — М., 1983. С. 211—224.
- МакКоли Дж.Д. О месте семантики в грамматике языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. — М., 1981. С. 235—301.
- Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». — Вена; М., 1995.
- Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления. — М., 1998.
- Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. — СПб., 1996.
- Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. — М., 1978.
- Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Теория референции. — М., 1982.
- Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. — М., 1985.
- Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. — М., 1986.

- Павиленис Р. И. Проблема смысла. — М., 1983.
- Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. — М., 1974.
- Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). — М., 1996.
- Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. — М., 2000.
- Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. — М., 2001.
- Рассел Б. Описания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Проблемы референции. — М., 1986.
- Рахилина Е. В. Основные идеи когнитивной лингвистики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. — М., 1997. — С. 370—389.
- Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. — М., 1977.
- Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). — М., 1928.
- Селищев А. М. Труды по русскому языку. Язык и общество. Т. 1. — М., 2003.
- Семантические типы предикатов. — М., 1982.
- Семиотика. — М., 1983.
- Семиотика и информатика. Вып. 32. — М., 1991.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993.
- Степанов Ю. С. Семиотика. — М., 1971.
- Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. — М., 1975.
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М., 1985.
- Структурализм: «за» и «против». — М., 1975.
- Сусов И. П. Семантическая структура предложения. — Тула, 1973.
- Тондл Л. Проблемы семантики. — М., 1975.
- Ульдалль Х. И. Основы глоссематики (Исследование методологии гуманитарных наук со специальным приложением к лингвистике) // Зарубежная лингвистика. — М., 1999. С. 257—303.
- Уорф Б. Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Новое в лингвистике. — Вып. 1. — М., 1960. С. 169—182.
- Уорф Б. Л. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. Вып. 1. — М., 1960. С. 183—198.
- Фёрс Дж. Р. Техника семантики // Новое в лингвистике. Вып. 2. — М., 1962. С. 72—97.
- Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. — М., 1981. С. 496—530.
- Философия, логика, язык. — М., 1987.
- Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. — М., 1984.
- Фрумкина Р. М. и др. Семантика и категоризация. — М., 1991.
- Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. — М., 1980.
- Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 2. — М., 1962. С. 412—527.

- Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. — М., 1972.
- Хомский Н. Язык и мышление. — М., 1972.
- Чейф У.Л. Значение и структура языка. — М., 1975.
- Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. — М., 1982. С. 277—316.
- Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. — М., 1997. С. 340—369.
- Черч А. Введение в математическую логику. — М., 1960.
- Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова. — М., 1996.
- Шафф А. Введение в семантику. — М., 1963.
- Шмелев А. Референциальные механизмы русского языка. — Тампере, 1996. (Slavica Tampereusia 4)
- Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. — М., 1977.
- Шмид В. Нарратология. — М., 2003.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974.
- Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. — М., 1998.
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М., 1975. С. 193—230.
- Якобсон Р. Избранные работы. — М., 1985.
- Якобсон Р. К общему учению о падеже // Якобсон Р. Избранные работы. — М., 1985. С. 133—175.
- Якобсон Р. Морфологические наблюдения над славянским склонением // Якобсон Р. Избранные работы. — М., 1985. С. 176—197.
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). — М., 1994.
- Янко-Триницкая Н.А. Русская морфология. — М., 1982.
- Allan K. Linguistic meaning. 2 vols. — London; New York, 1986.
- Andrews E. The semantics of suffixation: agentive substantival suffixes in contemporary standard Russian. München [i. e.] Unterschleissheim; Newcastle, 1996. (LINCOS Studies in Slavic Linguistics 5)
- Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. — Berkeley, 1969.
- Bréal M. Les lois intellectuelles du langage: fragment de sémantique // Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques. — 1883, 17. P. 132—142.
- Bréal M. Essai de sémantique. Science des significations. — Paris, 1897.
- Brown G., Yule G. Discourse analysis. — London; New York, 1983.
- Brown P., Levinson S.C. Politeness: some universals in language usage. 2nd ed. — Cambridge, 1987.
- Bybee J.L. Morphology: a study of the relation between meaning and form. — Amsterdam, 1985.
- Cann R. Formal semantics. — Cambridge, 1993.
- Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen, 3 Bd. — Berlin, 1923.
- Chase S. The tyranny of words. — New York, 1938.
- Chase S. The power of words. — New York, 1954.

- Cruse D.A. *Lexical Semantics*. — Cambridge; New York, 1986.
- Dik S.C. *Functional grammar*. — Amsterdam, 1978.
- Dik S.C. *The theory of functional grammar*. Vol. 1. — Dordrecht, 1989.
- Formal semantics: the essential reading / Ed. by P. Portner, B. H. Partee. — Oxford, 2002.
- Frawley W. *Linguistic semantics*. — Hillsdale, 1992.
- Geeraerts D. *Cognitive linguistics // Handbook of pragmatics*. Manual / Ed. by J. Verschueren, J.-O. Östman, J. Blommaert. — Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 111—116.
- Goffman E. *Interaction ritual: essays on face-to-face behavior*. — New York, 1967.
- Greimas A.-J. *Sémantique structural. Recherche de méthode*. — Paris, 1966.
- Halliday M.A. K. *System and function in language*. — Oxford, 1976.
- Harris Z. *Methods in structural linguistics*. — Chicago, 1951.
- Hayakawa S.I. *Language in thought and action*. — New York, 1949.
- Hofmann T.R. *Realms of meaning: an introduction to semantics*. — London; New York, 1993.
- Hurford J.R., Heasley B. *Semantics: a course-book*. — London; New York, 1983.
- Jackendoff R. *Semantics and cognition*. — Cambridge, 1983.
- Katz J.J. *Semantic theory*. — New York, 1972.
- Korzybski A. *Science and sanity: an introduction to non-Aristotelian systems and general semantics*. — Lancaster, 1933.
- Kronasser H. *Handbuch der Semasiologie: kurze Einführung in die Geschichte, Problematik und Terminologie der Bedeutungslehre*. — Heidelberg, 1952.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. — Chicago, 1980.
- Langacker R. *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 1. — Stanford, 1987.
- Langacker R. *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 2. — Stanford, 1991.
- Language in culture. — Chicago, 1956.
- Leech G.N. *Semantics*. — Harmondsworth, 1974.
- Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. — London; New York. 1983.
- Levinson S.C. *Pragmatics*. — Cambridge, 1983.
- Locke J. *An essay concerning human understanding*. Book 3. — London, 1660.
- Lyons J. *Language, meaning and context*. — London, 1981.
- Lyons J. *Linguistic semantics: an introduction*. — Cambridge, 1995. [рус. перевод — см. в разделе «Обязательная литература»: Лайонз, 2003]
- Matthews P.H. *Morphology*. 2nd ed. — Cambridge; New York; Melbourne, 1992.
- Morris Ch.W. *Foundations of the theory of signs*. — Chicago, 1938.
- Ogden Ch.K., Richards I.A. *The meaning of meaning*. — London, 1923.
- Östman J.-O., Virtanen T. *Discourse analysis // Handbook of pragmatics*. Manual / Ed. by J. Verschueren, J.-O. Östman, J. Blommaert. — Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 239—253.

- Palmer F.R. Semantics. 2nd ed. — Cambridge, 1981.
- Peirce Ch.S. Collected papers. Vol. 1—6. — Cambridge, 1931—1935.
- Reisig Ch.C. Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft. — Leipzig, 1839.
- Renkema J. Discourse studies. An introductory textbook. — Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Saeed J.I. Semantics. — Oxford, 1997.
- Searle J.R. Speech acts: an essay in the philosophy of language. — London, 1969.
- Seuren P.A.M. Discourse semantics. — Oxford, 1985.
- Ullmann S., The principles of semantics. A linguistic approach to meaning. — 2nd ed. (with additional material). — Glasgow; Oxford, 1959 [1st ed. — 1951; 2nd ed. — 1957]
- Ullmann S. Semantics. An introduction to the science of meaning. — Oxford, 1962.
- Vendler Z. Linguistics in philosophy. — Ithaca; New York, 1967.
- Wierzbicka A. Lingua mentalis: the semantics of natural language. — London; New York, 1980.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

В предметный указатель включены прежде всего термины, имеющие непосредственное отношение к семантике. Вне указателя осталась общелингвистическая терминология (*слово, морфема, предложение, надеж, грамматическая категория, интонация* и т. п.). Кроме того, для наиболее частотных терминов (*значение, смысл, семантика* и др.) в указателе отмечаются только самые важные употребления, в основном те, когда речь идет о дефиниции или сопоставлении с другим термином. В указатель включены названия школ, теорий и некоторых научных отраслей и не включены названия таких самостоятельных наук, как философия, логика и др.

- Абзац 218
агенс 201
агентов 202, 203
административный дискурс 217
аднекс 154
адресат 18, 19, 164, 210, 219, 223, 288, 296, 300, 301
адьюнкт 154
— неограничительный/нерестриктивный 155
— ограничительный/рестриктивный 154, 155
акт именованья 277
акт, угрожающий лицу (FTA) 308
актантная структура 185
актантно-предикатные отношения 156
актуальное членение 194, 207—209, 219, 251
аллолексия 67
анализ дискурса 215, 217, 219, 222, 248
аналитическая истина 39
аналитическая философия 24—26, 33, 63, 81, 111
аналитические предложения (суждения) 29, 33
аналитичность 268
анафор 220
анафора 218, 220, 221
анафорическое отношение 220, 277
анафорическое слово 220, 317, 324
анкета 76
анкетирование 74, 76
аномальность 38, 203, 204, 206, 278
антецедент 220
антонимия 140, 146, 147, 153, 184, 220
— векторная 146
— комплементарная 146, 147
— контрарная 146
антонимы 146, 150, 151, 220, 261
аргументативный текст 224
асемантическая 48
ассертивный компонент 205, 206
ассерция 181, 194, 206, 207
ассоциативное поле 151
ассоциативные отношения 150, 151
ассоциация 112, 151, 164
— семантическая 112, 151
атомарные/элементарные предложения 27—29
- Базисный уровень категоризации 116, 148
«балда» 47
бехабитивы 285, 286
бихевиоризм 55, 56
бытийная связка 44
- Венский кружок 24, 27—31, 92
вежливость 289, 300, 308
— негативная 308
— позитивная 308
вердиктивы 285
верификация 29, 30, 43
внешний метод 76
внешняя форма 86
внутренний метод 76
внутренняя форма слова 86, 114, 151
внутренняя форма языка 86
возможность 196
возможный мир 38, 39, 279

вопрос 198, 208, 312
— полный диктальный 209
— полный модальный 209
— частичный диктальный 209, 210
— частичный модальный 209
вопросительное предложение 198
вопросительность 197
вопросно-ответная пара 208
времяпрепровождение 50—52
врожденные идеи 68
всеобщность 169
вставление 155
вторичная моделирующая система 16
выражение 18, 57, 58
выстрел 22

Гадание 16

гендерная (феминистская) лингвистика 93, 94
генеративная/порождающая грамматика 7, 65, 84, 108, 193, 247, 252, 255, 256, 266
гипероним 147—149, 220, 262
гипонимия 116, 147—150, 153, 159, 161
гипоним 147—149
гипотеза Катца—Постала 256, 257
гипотеза лингвистической относительности 85
гипотеза Сепира—Уорфа 85—87, 90—92, 94
глава 218
глоссематика/Копенгагенская школа 248, 249
глубинная структура 202, 255, 256, 258
глубинный падеж (см. *семантический падеж*)
говорящий 19, 49, 82, 164, 198, 221, 223, 281, 284, 295—298, 300—303
голос 224
горизонт ожидания 222
грамматика конструкций 264
грамматика Монтегю 40, 41, 55
грамматика текста 215, 217
грамматическая типология 253
граммема 220, 230
граф 60, 61, 259, 260
гудок 21

Данное/старое 209, 210, 221

дата 44
датив 202
движущийся объект 61, 62, 266
двухвалентная система оценок 43
двуязычный словарь 62, 82
дейксис 295

дейктическое слово 221, 295, 297
действие 79
декларации 287
деконструкция 77, 82
денежная система 22
денотат 25, 35, 54, 57, 58, 118, 129, 269, 280
денотативный статус 104, 273
деньги 18
дерево 60, 255
дериват 264
деривационные отношения 150, 151
десемантизация 161
десигнат 57, 58
дескриптивизм 74, 249
дескриптивная/дистрибутивная лингвистика 248
дескриптивные методы 74, 76, 77
дескриптивный текст 223
дескрипция 26, 210, 271, 272
— неопределенная 26
— определенная 26, 278
дешифровка 15
деятельность 85, 200
диалог 294
дизъюнкция 36
диктум 197, 208
директивы 287
дискретность значений 124
дискурс 215—218, 223, 309, 310
дискурсивное слово 221
диспут 51
дистрибутивный анализ 249, 251
диффузность значений 124, 125, 180
дорожные знаки 16, 18, 21
достижение 200
достижимость 39

Женевская школа 248, 249, 252
жесты 15, 18, 21, 22

Закон контрапозиции 206

замена 260
замкнутость 316, 318
зачин 222, 318
звонок 22
звукоподражания (см. также *идеофоны*) 21
звукосимволизм 99
злоупотребление 212
знак 14, 17—22, 54, 55, 57, 58, 64, 101, 103, 232, 248
— вкусовой 21
— длительный 21
— зрительный 21

- индексальный (см. *индекс*)
- моментальный 21
- неэлементарный 21
- обонятельный 21
- осязательный 21
- простой 21
- сложный 21
- слуховой 21
- стабильный 21
- элементарный 21
- знаки различия 18
- знаковая (семиотическая) система 15, 17, 21, 22, 252, 265
- первичная 16
- знаковый процесс (см. также *семиозис*) 18
- значение 3, 13, 18, 25, 35, 41, 53—59, 69, 77, 102—104, 107, 112, 113, 117, 126, 128, 146, 148, 152, 163, 179, 232, 249, 250, 280, 284
- атомарное (см. также *смысл атомарный*) 65, 111
- главное 127
- глубинной структуры 258
- горящего 32, 53, 292, 302
- грамматическое 102, 103, 141, 225, 226, 229
- деривационное 168
- дифференциальное 249
- имплицативное 182
- конкретно-реляционное 168
- лексическое 102, 103, 107, 113, 114, 166, 168, 225, 250, 295
- модификационное 233—235
- непредикатное 159
- основное/конкретное 168
- переносное 118
- предикатное 110, 112, 159
- прототипическое 61, 127, 229, 265
- словоизменительное 102
- словообразовательное 177, 178
- слушающего 53, 302
- частеречное 102, 141, 226
- чисто реляционное 168
- элементарное 110
- значимость/ценность 248, 268

Игра 40, 41, 50—52

идеальный язык 31

идеографический словарь 131

идеофоны 21

идиолект 73, 75

избыточность (см. также *плеоназм*) 153

известное 209, 210

икона (иконический знак) 20, 21

иллокутивная сила 81, 194, 213, 222, 283—289, 292—293

иллокутивная цель 52, 213, 286, 287

именование 33, 268

имидж (см. *лицо*)

импликатура 32, 203, 304—306

импликация 36, 151, 181—183, 203, 204, 206

- строгая 38

инвариант 53, 126, 128, 163, 170, 177, 179, 181, 228, 229

- перевода 82
- перекодирования 54
- синонимического перифразирования 54, 81, 146

индекс (индексальный знак) 20, 21, 40, 295

индекс (в общей семантике) 44

индексальное слово 40

инструктивный текст 224

инструменталис 202, 203

интегральный словарь 68

интенционал 30, 33, 58, 59, 104—107, 118, 144, 148, 269, 270, 278

интенциональность 222

интенциональность 292

интервьюирование 74, 76

интерпретирующая семантика 255—258

интертекстуальность 223

интроспективная оценка 73, 75

интроспекция 72—74, 76

информативность 222

информация 18, 49, 52, 68, 69, 116—120, 141, 222, 304, 310

- лингвистическая 117, 118, 120
- научная 117
- обыденная 117
- экстралингвистическая 117
- энциклопедическая 117, 118, 120

искусственный интеллект 54, 69, 293

искусственный язык 15

исполнение 200

истинностная оценка 35, 36, 38, 40, 192, 195, 280

истинность 33, 38, 203, 268, 272, 280

исчисление предикатов 200

- расширенное 30

итерация 153

Кавычки 44

каламбур 52, 124, 126

канал связи 18

карта 44

картина мира/языковая картина мира 30, 43, 84—86, 92, 148

- наивная 117
- научная 117
- карточная игра 16
- касания 22
- категоризация 77, 78, 148, 264
- категория 77, 115, 131, 148
 - естественная 78, 233
 - природная 114
 - семантическая 10, 115, 131, 232, 245, 253, 264
- квазисинонимия 145
- квазисинонимы 142, 144, 145
- квантор 36, 41
 - квантор всеобщности 36, 41
 - квантор существования 36, 41
- кембриджская школа 25
- классема 153
- классификация/классифицирование 33, 77, 78, 131, 139
- кластер 116, 155
- когезия 219—222
- когерентность 219, 221, 222
- когипонимы 147, 151
- когнитивная грамматика 264, 265
- когнитивная лингвистика 61, 84, 127, 129, 148, 179, 211, 229, 247, 264—266, 292
- когнитивная модель 61, 264, 265
- когнитивная область 267
- когнитивная психология 69, 114
- когнитивная семантика 27
- когнитивное пространство 62
- код 18, 19
- комиссивы 285—287
- комментарий 209, 210
- коммуникативная компетенция 193
- коммуникативная неудача 213, 290—292
- коммуникативная организация 209, 259
- коммуникативная парадигма 195
- коммуникативная рамка 194, 196, 202
- коммуникативная структура 194, 207, 209, 221, 257, 258
- коммуникативная установка 213
- коммуникативная цель 196, 213, 252
- коммуникативное членение 81, 194, 207
- коммуникативные постулаты (см. также *постулаты Грайса*) 22, 32
- коммуникативные принципы (см. также *постулаты Грайса*) 219
- коммуникативный динамизм 211, 218, 221
- коммуникация 21, 22, 49, 74—76, 99, 103, 119, 211, 257, 266, 282, 303
- компонент значения/смысла (см. *семантический компонент*)
 - компонентный анализ 65, 79, 81, 107—109, 249, 250
 - компрессия 314
 - конвенционализм 29, 86, 92
 - конвенциональность 283, 284
 - конвенция 20, 29
 - конверсивность 150
 - конверсия 150
 - конверсивы 150, 201, 210, 261
 - конкатенация/соположение 65
 - коннотация 94, 96, 112—114, 116, 151, 164, 203, 237, 241
 - конститутивные правила 285
 - контакт 50, 51
 - контекст 40, 56, 66, 72, 75, 141, 143, 164, 179, 190, 237, 250, 271—273, 301
 - знания 25, 272
 - неэкстенциональный 25
 - контекстуальная теория значения 249
 - контрастивность 209, 210
 - контрастивный анализ 87, 91
 - конфигурация 61, 62, 155
 - конфликт 50
 - концепт 54, 61
 - концептуализация 84, 85, 266
 - концовка 222, 318
 - конъюнкция 36
 - кореферентность 220, 221, 257, 258
 - корпус текстов 74, 75
 - корпусная лингвистика 74, 75, 309
 - корпусный анализ 74—77
 - критическая лингвистика 45, 93
 - критический анализ дискурса 45, 93, 248
 - круг (в толковании) 63, 110, 111
 - культура 47, 84—88
 - культурный сценарий 91
- Лексикализация 101
- лексикалистская гипотеза 257
- лексико-семантический вариант 114, 121—124, 130
- лексическая функция 82, 260—262
 - стандартная 260, 261
- лексические универсалии 69
- лексический коррелят 261
- лексический повтор 220, 221
- Ленинградская фонологическая школа 248
- лестница абстракций 45
- лингвистика текста 209, 215, 293
- лингвистическая гипотеза 72, 75
- лингвистическая философия 29, 31—33, 117, 282, 294
- лингвистический агностицизм 86

- (лингвистический) эксперимент 72, 76
лингвистический переворот в философии 24, 26, 29
лингвопроектирование 25
лингвоспецифичность 244
лицо (имидж) 308
логика речевого общения 294
логицизм 25
логическая структура 27, 194, 195, 203
логические связи 36, 65
логический анализ 31, 33
— естественного языка 9
— языка науки 29
логический атомизм 27
логический позитивизм 29—31, 33
логический синтаксис 30, 42
логический эмпиризм 29, 30
логический язык 25, 29, 33, 36, 62, 65
логическое ударение 194
ложность 203
локатив 202
Лондонская школа 248, 249, 252
львовско-варшавская логическая школа 24, 29, 36
- Марксизм 7, 31
марксистская лингвистика 9, 248
машинный перевод 16
межфразовое единство 221
межфразовые отношения (связи) 221
меронимия 150, 151
мерцание 125
метаязык 70
метафора 89, 115, 125, 129, 174, 261, 264, 265, 293, 324
метафорическая связь 130
метафорический перенос 62, 129, 188
метафункция 63, 70
метаязык 13, 25, 36, 37, 46, 47, 60—71, 107, 108, 116
— вербальный 60, 62
— естественный 62
— искусственный 62
— невербальный 60
— неформальный 62
— семантический/семантический язык 61, 66—68, 70, 91, 110, 260, 265
— универсальный 65
— формальный 14, 62
метонимическая связь 130
метонимический перенос 129, 130, 174
метонимия 129
метонимическое отношение 129
микрокосм 89
мимика 21, 22
- минималистская программа 255
минимальная пара 79, 108, 109, 136, 270
минцзя 5, 268
мифология 16, 17
многозначность (см. *полисемия*)
модализация 155
модальная логика 38
модальная парадигма 195
модальная рамка 194, 196, 202
модальная структура 257, 258
модально-коммуникативная парадигма 197
модальность 194—196, 213
— объективная 196
— субъективная 196
модальный глагол 197
модальный субъект 197
модель 35, 38, 53, 82, 108, 172
— естественная 38
— когнитивная (см. *когнитивная модель*)
модель «Смысл ↔ Текст» 60, 64, 81, 141, 159, 171, 201, 247, 259, 260, 263
модель управления 157, 201, 260, 263
модус 197, 208
моизм 5
моносемия 121, 231
Московская семантическая школа 9, 27, 111, 117, 119
Московская фонологическая школа 248
Московско-тартуская (Тартуско-московская) школа 15—17
мыслительная деятельность 266
мыслительный мир 89
мысль 54, 55, 196, 249, 269, 281
мышление 47, 84—87, 92
- Наблюдатель 266
наблюдение 74, 76
награды 18
намеренность 283
направление приспособления 286, 287
нарратив (повествование) (см. *нарративный текст*)
нарративный (повествовательный) текст 223
нарратология 224
нарушение правил применения процедуры 212
настройка 166
невербальная символическая система 15
невербальная система коммуникации 16
невозможность 196
невроз 43
неизвестное 209, 210

- нейролингвистика 101, 309
 нейтрализация 143—145
 нексус 154
 необходимость 38, 39, 196
 неогумбольдтианство 85, 86
 неопозитивизм 24, 31, 92
 неперево́димость 33, 91
 несовместимость 150, 151
 несогласование 153
 нетривиальная общая часть значения 123, 130
 новое/новая информация 209, 210, 221
 новояз 93
 номинация 6, 114, 165
 норма 62, 87, 106, 298—301
 нулевой эффект 178, 190
- Область-источник 265
 область-мишень 265
 общая семантика 13, 43, 45, 92
 объект базисного уровня 116, 148
 объектив 202, 203
 объем понятия 25, 30, 59
 обыденный язык 27, 32, 33
 ограничение 155
 однозначность (см. *моносемия*)
 ожидания адресата 222
 означаемое 18—21, 57, 58
 означающее 18—21, 57, 58
 оксфордская школа 25, 32, 33, 282
 омографы 122
 омонимия 22, 121—124, 182, 271, 274
 омонимы 121, 122
 омофоны 122
 ономасиология 6, 165
 операционализм 41
 оппозиция 250
 опрос 75, 76
 оптативное/желательное предложение 198
 ориентир 61, 62, 266
 осечка 212
 основание 266
 остенсивное определение 55
 осцилляция (см. *мерцание*)
 отмеченность 75, 76
 отправитель (сообщения) 18, 19, 49
 отрицание 36, 151
 отрицательный языковой материал 72, 73, 75
 оттенок значения 128, 143
 ошибка 212
- Падежная грамматика 156, 201—203
 падежная рамка 100, 194, 201—203
- падежно-ролевой подход 201
 параграф 218
 парадигматика 140, 152, 165, 178
 парадигматические отношения 22, 139, 140, 145, 150, 152, 153, 159, 164, 165, 184, 248, 261
 парадокс 26
 — брадобрея 26
 — о множестве множеств 26
 параметр 260, 261
 партиципant 201
 пациенс 201
 перевод 46, 63, 64, 82, 311
 переводимость 68, 91
 периферия 69, 115, 116, 264
 перифразирование 52, 54, 77, 81, 82, 201, 259, 262
 персонаж 224
 перспектива 150
 — коммуникативная 150
 перформатив/перформативное высказывание 32, 196, 211—213, 282, 285, 290
 — первичный 213
 — неэксплицитный 213
 — эксплицитный 213
 перформативная гипотеза 197, 213
 перформативная неудача 212
 перформативность 32, 282
 перформативный глагол 211—213, 285, 286
 Петербургская типологическая школа 253
 план выражения 249
 план содержания 3, 46, 249
 плеоназм 153
 побудительное предложение 198
 повествование (см. также *нарративный текст*) 217, 223
 повествовательное предложение 198
 подстановка 82
 подчинение 154
 познание 85—87, 92, 264
 поэзы 21
 полевые исследования 74
 полисемия 121—124, 127, 229, 250, 265
 — радиальная 126—128
 — радиально-цепочечная 128
 — регулярная 130, 264
 — цепочечная 127, 128
 политическая корректность 93
 полифонией (многоголосие) 224
 положение дел 27, 197
 получатель (сообщения) (см. также *адресант*) 18, 19

понимание 28, 81, 119, 273
понятие 25, 26, 54, 55, 59, 101, 118, 131, 269
— абстрактное 44
— врожденное 68
— общее 44
— универсальное 68
порождающая грамматика (см. *генеративная грамматика*)
порождающая/генеративная семантика 108, 255—258
постпозитивизм 31
постструктурализм 248
постулат такта 308,
постулаты Грайса 288, 303—306
постулаты значения/семантические постулаты 30, 64, 65, 108, 148, 206
постулаты общения (см. *постулаты Грайса*)
правила избыточности 108
правила комбинирования 19, 21, 22, 36, 64, 105
правила функционирования 19, 21, 22
«правило-на-правило» 39
правильность 53, 72, 73
прагматизм 33, 294
прагматическая рамка 32, 194, 196, 213, 282
прагматические постулаты 22, 291
Пражская лингвистическая школа 49, 207, 211, 240, 250, 252
Пражский лингвистический кружок 16, 250
предикат 37, 80, 144, 155—157, 192, 194, 198—201, 210
— авалентный 156
— коммуникативный 207
— логический 199
— нефактивный 198, 205
— перформативный 253
— пропозициональный 197
— реляционный 199
— таксономический 199
— фактивный 198, 205
— характеризующий 199
предикативное отношение 200
предикативность 192, 195
предикация 155, 156, 192, 199, 266
презумция (см. также *пресуппозиция*) 203, 204
препятствие 212
пресуппозитивный компонент 205
пресуппозиция 25, 27, 32, 194, 203—207, 222, 293
— прагматическая 205

приемлемость 222, 223
признак 77, 115, 116, 131—133, 136, 138, 140, 159, 181, 190, 191, 255
— дифференциальный 131—133, 136, 227
— интегральный 131—133
принцип вежливости 306
принцип верификации 29, 30
принцип взаимозаменяемости 25
принцип интегральности 165, 166
принцип композициональности (композиционности) 36, 101, 152
принцип кооперации 32, 289, 303, 305, 306
принцип тернарной семантики 125
принцип толерантности (терпимости) 30
принцип фальсифицируемости 30
принцип Фреге (см. *принцип композициональности*)
продукт деятельности 85
произвольность языкового знака 21
пропозициональная установка 195—198, 213
пропозициональная функция 200
пропозициональное отношение 196, 198
пропозиция 194—203, 206, 213
противоречивое предложение (высказывание) 28, 38
противоречивость 38
протокольный язык 27, 29, 30
прототип 69, 114—117, 127, 264
прототипический подход 116
прототипическое значение (см. *значение прототипическое*)
прототипическое описание 69, 107, 116
профилирование 266
профиль 266
процедура 50, 52
пучок (см. также *кластер*) 116, 155
психолингвистика 84, 100, 151, 309
психологическое состояние 287
психология культуры 91

Радикальный конвенционализм 30
разговорная речь 74
разложение 77, 81, 82, 108, 250
рассогласование 153
расширенная стандартная теория 255, 258
реакция 56
— речевая 56
регламентация 62
регулятивные правила 284

- рема 61, 207—210, 218, 219, 221
 — контрастная 210
 репрезентативы/ассертивы 287
 референт 25, 35, 55, 58, 59, 104, 105, 107, 118, 134, 160, 163, 220, 269—272, 275, 279, 280
 референциальная характеристика 104
 референция 104, 106, 107, 160, 268, 269, 273, 280, 281
 — конкретная 104, 160, 270
 — неопределенная 270
 — определенная 270
 — предикатная 104
 реципиент 201
 речевая деятельность 41, 74, 193, 249, 255
 речевая коммуникация 31, 49, 119, 283, 286, 304
 речевое взаимодействие 50, 51, 306, 307
 речевое общение 22, 33, 40, 41, 283, 291
 речевой акт (акт речи) 19, 49, 52, 81, 164, 193, 276, 282—289, 295
 — иллокутивный/иллокутив 282—288
 — косвенный 288—290, 292
 — локутивный/локутив 282, 283
 — перлокутивный/перлокутив 282—284
 речевой этикет 164, 312
 ритуал 16, 50—52, 294
 ролевая структура 141, 150
 роль 156, 201, 202, 224, 257, 265
- Сверхфразовое единство 218
 связка 207
 связность 154, 216, 218, 219, 223, 313, 316, 322
 — внешняя 219
 — внутренняя 219
 сема 81, 180, 133, 259
 семантика 3, 5, 6, 10, 13, 19, 35, 46, 57, 58
 — возможных миров 38
 — диахронная (диахроническая) 6, 7
 — звуков 99
 — модальная 38
 — сильная 33, 35, 39, 41, 268
 — синтаксиса 100
 — синхронная (синхроническая) 6, 7, 251
 — ситуационная 40, 280
 — слушающего 292
 — слабая 33, 35, 36, 39, 268
 — теоретико-игровая 40, 41, 51
 — теоретико-истинностная 38
 — теоретико-модельная 38
 — условий истинности 38
 — формальная 30, 36, 38, 40, 55
 семантическая аура 114
 семантическая валентность 112, 136, 141, 156—159, 161, 200, 201, 260, 263
 — обязательная 134
 (семантическая) мотивировка 86, 114
 семантическая пропорция 77, 79, 81, 177
 семантическая сеть 128, 178, 179, 229, 250, 265
 семантическая структура 13, 23, 194, 195, 207
 семантическая типология 138, 230
 семантически опустошенная основа 176
 семантически пустая основа 176
 семантические задачи 10
 семантический актанта 156, 157, 190, 192, 201, 260, 261
 семантический анализ 10, 19, 41, 81, 101, 120, 186, 194, 195
 семантический компонент/компонент значения 64, 73, 79, 81, 107—110, 132, 133, 136, 164, 195, 245, 276
 семантический компонент модели 247, 255, 259, 260
 семантический множитель 108
 семантический/глубинный падеж 201—203, 226
 семантический повтор 220
 семантический примитив 27, 66—68, 92
 семантический уровень 259, 260
 семантический шаблон 191
 семантический язык (см. *метаязык*)
 семантическое поле 69, 77, 79, 130—132, 138, 139, 220
 семантическое правило 39
 семантическое представление 36, 59, 61, 70, 101, 109, 111, 166, 191, 202, 255, 256, 258—260
 семантическое сходство 123
 семантическое сходство 63
 семасиология 5, 6, 165
 сематология 6
 семиозис 18, 19, 22, 49, 52
 семиология 14, 15
 семный анализ (см. также *компонентный анализ*) 81
 семология 6
 сентенционная форма 110, 156
 сигналы 18
 сигнификат 57, 58

- сигнификант 57, 58
 символ (символический знак) 14, 20, 55, 86, 269
 синекдоха 131
 синонимия 22, 33, 140, 141, 145, 147, 153, 184, 268
 синонимы 132, 140—145, 261, 262, 272
 — неточные 142, 143
 синтагматика 140, 152, 153, 165, 178
 синтагматические отношения 22, 140, 152—154, 156, 159, 165, 186, 190, 220, 248
 синтактика 18, 19
 синтактика знака 18, 164
 синтетические предложения (суждения) 29, 33
 сирена 21
 сирконстант 261
 система языка 49
 ситуационность 22
 ситуация 40, 41, 52, 56, 69, 70, 73, 106, 161, 212, 222, 250, 280
 ситуация общения 40, 297
 склеивание 125
 скрипт 69, 70
 слова-отношения 134, 160
 словарь 22, 59, 101, 130, 159, 166, 259, 260
 слот 69
 слушающий 19, 49, 282, 301
 смысл 18, 25, 33, 35, 36, 46, 54, 57, 58, 61, 104, 107, 133, 157, 268, 272, 273, 276—279, 281, 296, 303, 305
 — атомарный/элементарный 64, 68, 250
 собственное имя 26
 событие 70, 80, 88, 224
 согипоним (см. также *когипоним*) 147
 согласование 153
 содержание 18, 20, 21, 57, 58
 содержание понятия 30, 58
 соединение 155
 сокращение 153
 сообщение 18, 19, 164
 соположение (см. *конкатенация*)
 сопоставление 77, 79, 81
 состояние 80, 200
 социолингвистика 293, 309
 сочетаемость 67, 141—143, 158, 164, 186
 — лексическая 141, 261
 — морфосинтаксическая 141
 — семантическая 141, 142
 сплав 125
 среда 18, 19
 средневропейский стандарт 87—89
 стандартная теория 255, 256
 статистические методы 74
 стереотип 91, 112, 114, 116
 — культурный 114
 стимул 56
 — речевой 56
 структура знаков 19
 структура значения 124, 126, 128, 130
 структурализм 247, 248, 250
 структурная лингвистика 16, 31, 74, 107, 247, 248, 283
 структурные методы 16
 структурный дифференциал 45
 субъект 155, 192, 194, 200, 201
 — коммуникативный 200, 207
 — логический 199, 200
 — семантический 200
 суждение 155, 195, 284
 сфера действия 158
 схема 62, 69, 250, 265
 сцена 69, 70
 сценарий 69, 70
 сюжет 224, 316
 Тавтология 28, 38, 63
 таксономия 77
 тезаурус 131, 165
 текстовая задача 311, 314
 текстуальность 219, 222, 223
 телеологический принцип 49, 252
 тема 61, 200, 207—210, 218, 219, 221, 278
 — контрастная 210
 теория аргументации 293
 теория вежливости 294, 307
 теория дескрипций 26
 теория истины 32
 теория Катца 108
 теория референции 13, 32, 33, 36, 41, 42, 55, 99, 103, 107, 267—270, 277—281
 теория речевых актов 13, 32, 42, 52, 213, 267, 282, 285, 290, 292—294
 теория текста 215
 теория типов 26
 теория управления и связывания 255
 теория условных рефлексов 43
 теория функциональных стилей 252
 тип референции (см. также *референция*) 104, 163, 269, 273, 274, 277, 279
 — автонимный 104, 274
 — конкретный 104, 273
 — предикатный 104, 274
 — родовой 274
 типология текстов 223, 251

толкование 59, 62—67, 81, 82, 107, 109, 111—114, 116, 117, 119, 120, 131, 144, 150, 156—161
— научное 147
толковый словарь 62, 63, 82, 101, 104, 118, 121, 122, 124, 127, 164, 179, 184
топик 209, 210
торговля 51
точка зрения 209, 210, 224
траектория 61
транзакционный анализ 50, 304
треугольник Огдена — Ричардса 55, 103, 269

Умножение 153
упаковка 209
употребление 56, 75, 141, 193, 269
— автономное 141, 272
— атрибутивное 270—272, 274
— дистрибутивное 274
— конкретное 271, 272, 274, 275
— конкретно-референтное 273, 279
— неконкретное 271, 272, 274, 275
— неопределенное 274
— непрозрачное 271
— нереперентное 274
— общеэкзистенциальное 274
— определенное 274
— предикатное 274, 279
— прозрачное 271
— референтное 270—272, 274
— родовое 274
— слабоопределенное 274
— субстантивное 274
— универсальное 274
— экзистенциальное 274
условия искренности 289
условия истинности 36—38, 40, 41, 194, 280
успешность 212
утверждение 32, 195, 196, 198, 199, 312

Фактивитив 202
фактивность 205
фактическая истина 39
фальсификация 30
феминистская лингвистика (см. *гендерная лингвистика*)
феминистский дискурс 217
фигура 209, 211, 266
физикализм 29
философия здравого смысла 31
(философия) логического анализа 24, 25, 29, 31—33
философский язык 25, 69

флирт 51
фокализация 224
фокус 260
фокус контраста 209, 210
фокус эмпатии 210
фольклор 17
фон 209, 211, 266
фоносемантика 99
форма 18, 20, 21, 57, 58
формат (семантического описания) 69, 159, 163, 164
формализм 48, 252, 253
формальный язык 13, 33, 34, 39
фрейдизм 31
фрейм 69, 70
функционализм 48, 252, 253, 266
функциональная грамматика 9, 48, 247, 253
функциональная лингвистика 248, 252, 266
функциональная перспектива 252
функциональная структура 257, 258
функционально-семантическое поле 253
функциональный структурализм 252
функция высказывания 53
функция языка 47—50, 53, 63, 251—253, 266, 283
— апеллятивная 49
— денотативная 50
— когнитивная 49, 50, 266
— коммуникативная 49, 51, 193, 252, 266
— конативная 49
— контактоустанавливающая 49
— метаязыковая 49, 50, 63
— номинативная 50
— поэтическая 49
— прагматическая 50
— репрезентативная 49
— референтивная 50
— синтаксическая 50
— социальная 252
— фатическая 49, 50
— экспрессивная 49, 50
— эмотивная 49
— эмоциональная 49

Целевая установка 222
целенаправленность 283
цельность 216, 218, 222, 316
ценность (см. *значимость*)
центр (см. также *прототип*) 115

Шифтер 164, 295, 297, 301
школа языкового существования 74, 248

Экзерситивы 285, 286
экспериментальные методы 75, 76
экспланаторный (объяснительный) текст 223
экспликация значения 46
экспозитивы 285, 286
экспрессивы 227
экстенционал 30, 33, 58, 104—107, 144, 148, 163, 268—270, 278
экстенционализация 44, 45
элементарные предложения (см. *атомарные предложения*)
эллипсис 221
эмфаза 209, 210
энантиосемия 146
энциклопедия 218
этнограмматика 91
этнолингвистика 86
этносинтаксис 91
эффект ван Схоневелда (см. также *нулевой эффект*) 178

Юнкция 154
Ядро 70
язык жестов 22
язык животных 15
язык науки 24, 29, 32
язык-объект 37, 44, 60, 63, 70, 71
язык первого порядка 36
язык второго порядка 60
язык третьего порядка 60, 70
язык семантических примитивов (*Lingua mentalis*) 64, 65, 68, 81, 91, 92, 250
языки программирования 22
языковая игра 31, 40, 41, 51, 56, 124, 126
языковая интуиция 71—77, 115, 311
языковая компетенция 120, 193, 255
языковой опыт 73
языковые данные 119
языковые свидетельства 119

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аванесов Р. И. 248
Адамец П. 201, 213, 326
Айдукевич К. 30
Аллен У. 249
Алпатов В. М. 138, 251, 325
Андрус Э. 179
Апресян Ю. Д. 8, 11, 64, 68, 79, 83, 110—112, 117, 121, 123, 124, 141, 143, 145, 146, 153, 156, 157, 165, 166, 191, 249, 251, 259, 263, 325, 326
Аристотель 5
Арутюнова Н. Д. 8, 11, 78, 198, 199, 213, 218, 268, 281, 326
- Базжина Т. В. 4
Байби Дж. 169
Балли Ш. 150, 151, 153, 197, 208—210, 213, 249, 251, 326
Барвайс Дж. 40, 280
Барт Р. 15, 224, 248
Бартлетт Ф. 69
Бартминьский Е. 112
Бахтин М. М. 224
Бейлин Дж. 258, 326
Беляев А. 4
Бенвенист Э. 217, 223, 226, 248, 251
Берг А. И. 16
Берлин Б. 90, 91
Берн Э. 50, 52, 304, 327
Бернштейн С. И. 248
Бирвиш М. 146
Блаженный Августин 15
Бланш-Бенвенист К. 74
Блумфилд Л. 55, 56, 59, 249, 251, 326
Блэк М. 97, 327
Боас Ф. 87
Богатырёв П. Г. 16
Богданов В. В. 201, 213, 327
Богуславский И. М. 158, 166, 327
Бондарко А. В. 231, 253, 254, 327
Борхес Х. Л. 78, 301
Браун П. 295, 307
Бреаль М. 5
Бремон К. 224
Бругман Карл 198, 295
Бругман Клаудиа 179
- Брюно Ф. 253
Булыгина Т. В. 78, 79, 97, 200, 226, 231, 268, 326, 327
Бурас М. М. 4
Бурмейстер А. 4
Бюлер К. 49, 52, 295, 327
Вайнрайх У. 155, 295
Вайсгербер Л. 86, 130
Валеева Н. Т. 4
Ван Валин Р. Д. 253
Ван Дейк Т. 93
Вандриес Ж. 87, 248
Вахек Й. 250
Вежбицкая (Вежбицка) А. 27, 66—68, 71, 91, 92, 97, 117, 119, 142, 149, 166, 171, 191, 226—229, 231, 250, 326, 327
Вейль А. 207
Вендлер З. 33, 198, 200
Верлих Э. 223
Виноград Т. 69
Виноградов В. В. 78, 171, 242, 246, 327
Винокур Г. О. 171
Витгенштейн Л. 24, 26—29, 31, 34, 41, 44, 47, 50, 51, 56, 64, 75, 92, 111, 327
Водак Р. 93, 248
Волошинов В. Н. 248
Воронин С. В. 99, 327
Выготский Л. С. 84
- Гавранек Б. 250
Гадамер Г. 33
Гак В. Г. 153, 197, 213, 215, 224, 327
Ган Г. 28
Гаспаров Б. М. 15, 17, 248, 251, 327
Гёдель К. 28
Гемпель К. 28
Гивон Т. 206, 253
Гийом Г. 248, 251, 327
Гиндин С. И. 215, 224, 327
Гинзбург Е. Л. 149, 171
Глебкин В. В. 4
Глисон Г. 251, 327
Гончар Л. А. 64
Городецкий Б. Ю. 8, 11
Гоффман Э. 294, 306, 307

- Грайс П. 32—34, 288, 291, 292, 294,
 303—307, 326
 Греймас А. 8, 15, 108, 153, 224, 248
 Губернатис А. де 5
 Гумбольдт В. фон 15, 49, 85, 86
 Гуссерль Э. 33
- Дальгарно Дж. 165
 Дармстетер А. 165
 Дейвидсон Д. 33, 38
 Декарт Р. 25, 68, 84, 165
 Демьянков В. З. 258, 325
 Депре И. 4
 Деррида Ж. 33, 82, 248
 Джакендофф Р. 256, 264
 Джемс У. 294
 Дик С. 253
 Диц Ф. 165
 Доннеллан К. 270
 Дыбо А. В. 4
 Дьюи Дж. 29, 294
- Евгеньева А. П. 325
 Ельмслев Л. 15, 17, 46, 57, 107, 140,
 249—251, 327
 Ермакова О. П. 171, 290, 293, 327
 Есперсен О. 150, 154, 155, 163, 166,
 198, 236, 246, 253, 295, 326
- Женнетт Ж. 224
 Жолковский А. К. 16, 54, 68, 146, 259
 Журавлёв А. П. 99, 327
- Залевская А. А. 4, 327
 Зализняк Андрей А. 16
 Зализняк Анна А. 4, 125
 Звегинцев В. А. 6, 7, 11, 327
 Земская Е. А. 74, 169, 171, 172, 190,
 191, 240, 243, 246, 290, 293, 326, 327
 Зиндер Л. Р. 248
- Иванов Вяч. Вс. 15—17, 22, 327
 Иомдин Л. Л. 161
 Иорданская Л. Н. 112
 Ипсен Г. 130
 Исаченко А. В. 179
- Караулов Ю. Н. 131, 166, 327
 Карнап Р. 17, 24, 28—30, 34, 38, 39,
 41, 42, 51, 65, 71, 92, 108, 148, 206,
 268, 328
 Карттунен Л. 40, 198
 Карцевский С. О. (С. И.) 15, 49, 97,
 250, 252, 328
 Касевич В. Б. 215, 224, 328
- Кассирер Э. 14, 86
 Кастлер К. 4
 Кастлер Л. 4
 Катц Дж. 8, 65, 108, 109, 256—258, 328
 Кей П. 90, 91
 Кибрик А. А. 254, 328
 Кибрик А. Е. 74, 83, 328
 Кипарский К. 198
 Кипарский П. 198
 Кирилл 92
 Кнорозов Ю. В. 169
 Кобозева И. М. 4, 9, 11, 328
 Ковтунова И. И. 214, 328
 Кожибский А. 43—45, 92
 Козлова М. С. 34, 328
 Коллин К. 6
 Комри Б. 253
 Крейдлин Г. Е. 4, 17, 22, 112, 149, 328
 Крессвелл М. Дж. 40
 Крипке С. 39, 42, 268, 269, 279, 328
 Кристева Ю. 248
 Кронассер Х. 5, 6, 7
 Кронгауз М. А. 22, 191, 328
 Куайн У. 31, 33—36, 268, 328
 Кубрякова Е. С. 71, 171, 266, 328
 Кузнецов П. С. 248
 Куно С. 210
 Курилович Е. 123, 127
 Кюльоли А. 163, 178
- Лайонз Дж. 8, 11, 101, 108, 147, 150,
 326, 331
 Лакофф Дж. 112, 116, 179, 256, 264,
 265
 Лангакер Р. 264, 265
 Левин Ю. И. 17, 161
 Левинсон С. 295, 307
 Леви-Строс К. 15, 224
 Лейбниц Г. 25, 38, 68, 165
 Лекомцева М. И. 17
 Леонтьев А. А. 4, 328
 Леонтьева Н. Н. 54, 146, 153
 Линский Л. 268, 269
 Лич Дж. Н. 8, 294, 306, 307
 Локк Дж. 5, 15, 54
 Лопатин В. В. 171
 Лотман Ю. М. 15—17
 Лурия А. Р. 84
 Льюис Д. 40
 Льюис К. И. 35, 42, 294, 328
- Мак-Коли (МакКоли) Дж. Д. 201, 256,
 258, 328
 Маркс К. 15
 Марр Н. Я. 248

- Мартемьянов Ю. С. 16, 54, 146
 Мартине А. 248, 249
 Маслов Ю. С. 86, 114, 200
 Матезиус В. 207, 208, 250, 251
 Матусевич М. И. 248
 Мелиг Х. Р. 200
 Мельчук И. А. 18, 48, 60, 64, 68, 109—112, 121, 156, 157, 166, 171, 230, 253—261, 263, 326, 328
 Мефодий 92
 Мид Дж. Г. 294
 Милье Дж. С. 268
 Минский М. 69
 Минц З. Г. 16
 Монтегю Р. 39—41, 55
 Моррис Ч. 14, 15, 18, 29, 294
 Мукарежовский Я. 15, 250
 Мур Дж. 24, 31
 Муравенко Е. В. 4

 Найда Ю. 108, 249
 Недялков В. П. 230, 253
 Нейрат О. 28, 29
 Никитин М. В. 9, 11, 328
 Николаева Т. М. 16, 17, 125, 215, 216
 Нисио М. 74
 Новиков Л. А. 9, 11, 146, 166, 326
 Норен А. 6

 Огден Ч. 53, 55, 103, 269
 Ожегов С. И. 64
 Оруэлл Дж. 93
 Остин Дж. Л. 25, 32, 34, 211—213, 282—288, 290, 294, 326

 Павилёнис Р. И. 9, 11, 42, 328
 Павлов И. П. 43
 Падучева Е. В. 9, 11, 16, 78, 161, 166, 200, 201, 204—206, 212, 214, 215, 224, 268, 273, 274, 281, 326, 328
 Пайар Д. 163, 178, 179
 Пайк К. 225
 Палмер Ф. Р. 249
 Панини 201
 Панов М. В. 154, 171, 190
 Парти Б. 40, 268
 Паршин П. Б. 4
 Пешё М. 248
 Пирс Ч. С. 14, 15, 20, 294
 Платон 5, 54
 Плунгян В. А. 4, 179, 183, 191, 226, 230, 231, 254, 328, 329
 Подлеская В. И. 4
 Покровский М. М. 131, 165, 171
 Поппер К. 30, 31, 47

 Постал П. М. 65, 108, 256, 257
 Потебня А. А. 84, 86, 114, 190, 226
 Поттёе Б. 108, 153
 Пропп В. Я. 15, 224, 329
 Пятигорский А. М. 16

 Райзиг К. 5
 Райл Г. 32
 Рапопорт А. 43
 Рассел Б. 24, 26, 27, 29, 34, 41, 64, 111, 204, 268, 278, 329
 Рахилина Е. В. 4, 119, 179, 266, 329
 Ревзин И. И. 16, 251, 329
 Рейхенбах Х. 28
 Реформатский А. А. 248
 Ричардс А. 52, 55, 103, 269
 Роже П. М. 131
 Розенцвейг В. Ю. 16
 Розина Р. И. 149
 Рорти Р. 31, 294
 Росс Дж. 256
 Рош Э. 69, 114—116, 127, 148, 264
 Рудзка-Остин Б. 179

 Санников В. З. 161
 Сахно С. Л. 114
 Свифт Дж. 54
 Селиверстова О. Н. 78, 179
 Селищев А. М. 96, 97, 329
 Сепир Э. 85—87, 90—92, 94, 97, 168, 191, 231, 326, 326
 Серио П. 217
 Сёрл Дж. 25, 32, 268, 269, 282, 284—288, 292, 294
 Сеше А. 249
 Сибата Т. 74
 Сидоров В. Н. 248
 Скаличка В. 250
 Смирницкий А. И. 121, 171
 Соссюр Ф. де 7, 14, 15, 17, 20, 23, 51, 57, 140, 248, 249, 251, 326
 Сталнейкер Р. 207
 Степанов Ю. С. 9, 11, 17, 22, 50, 78, 83, 329
 Стросон П. Ф. 25, 32, 204, 268, 282, 284
 Сусов И. П. 214, 329
 Сухотин А. М. 248
 Сухотин Б. В. 16, 169
 Схоневелд К. ван 163, 178, 179, 190

 Талми Л. 264
 Тарский А. 30, 33, 36—39, 41, 268
 Телия В. Н. 112
 Теньер Л. 156, 201, 248

- Тихонов А. Н. 171
 Товчигречко А. 4
 Тогебю К. 249
 Тодоров Ц. 224
 Токиэда М. 248
 Толстой Н. И. 17
 Томпсон С. 253
 Тондл Л. 9, 11, 42, 329
 Топоров В. Н. 15—17
 Трир Й. 130
 Тринка Б. 250
 Трубецкой Н. С. 15, 49, 250, 252
 Тынянов Ю. Н. 15
 Тютчев Ф. И. 44
- Уайтхед А. 26
 Уилкинс Дж. 165
 Уисдом Дж. 32
 Ульманн С. 6, 7
 Улуханов И. С. 171
 Ульдалль Х. И. 249, 251, 329
 Уорф Б. 85—92, 94, 97, 98, 326, 329
 Успенский Б. А. 15—17
 Успенский В. А. 16
- Фёдорова Л. Л. 4
 Фёрс Дж. Р. 249, 251, 252, 329
 Филипук О. 4
 Филлмор Ч. 69, 116, 156, 201, 202, 205, 214, 226, 264, 326, 329
 Фирбас Я. 211
 Фодор Дж. 65, 108, 109
 Фреге Г. 24—26, 32, 34—36, 41, 42, 54, 58, 59, 101, 204, 268, 280, 326
 Фрей А. 252
 Фрейд З. 15
 Фрумкина Р. М. 83, 116, 149, 166, 329
 Фуко М. 248
 Фэрклоу Н. 93, 248
- Хабермас Ю. 33, 93
 Хайдеггер М. 82
 Халлидей М. А. К. 249, 252
 Харрис З. 249, 251
 Хаякава С. 43, 45
 Хинтиikka Я. 40—42, 51, 268, 279, 329
 Холодович А. А. 230, 253
 Хомский Н. 48, 65, 84, 98, 155, 193, 214, 252, 255—258, 329
 Храковский В. С. 230, 253
- Чаунер А. 165
 Цивьян Т. В. 16, 17
- Чейз С. 43, 45
- Чейф У. 209, 211, 216, 257, 334
 Ченки А. 266, 330
 Чернов И. А. 16
 Чёрч А. 42, 330
- Шаронов И. А. 4
 Шатуновский И. Б. 111, 166, 330
 Шафф А. 6, 7, 11, 330
 Шенк Р. 69
 Шеннон К. 54
 Шлик М. 28, 92
 Шмелёв А. Д. 4, 97, 231, 268, 281, 326, 327, 330
 Шмелёв Д. Н. 9, 11, 124, 166, 330
 Шмелёва Е. Я. 4
 Шмид В. 224, 330
 Штехов А. фон 101
- Щерба Л. В. 72, 78, 83, 171, 225, 248, 330
- Эйхенбаум Б. М. 15
 Эко У. 15, 22, 330
- Якобсон Р. О. 15, 16, 21, 49, 52, 54, 63, 92, 107, 163, 164, 167, 226—228, 231, 250—252, 295, 326, 330
 Яковлева Е. С. 98, 330
 Янда Л. 61, 178
 Янко Т. Е. 4
 Янко-Триницкая Н. А. 171, 242, 246, 330
- Allan К. 8, 11, 330
 Andrews E. (см. также Андрус Э.) 191, 330
- Berlin В. (см. также Берлин Б.) 98, 330
 Blommaert J. 112, 224, 266, 308, 325, 331
 Bréal М. (см. также Бреаль М.) 5, 11, 330
 Brown G. 224, 330
 Brown P. (см. также Браун П.) 308, 330
 Bybee J. L. (см. также Байби Дж.) 191, 231, 330
- Canp R. 42, 330
 Cassirer E. (см. также Кассирер Э.) 6, 11, 22, 330
 Chase S. (см. также Чейз С.) 45, 330
 Courtés J. 8, 12, 23, 325
 Cruse D. A. 167, 330
- Dascal M. 34, 325

- Dik S.C. (см. также Дик С.) 254, 330
Ducrot O. 8, 11, 325
Dunkling L. 94
- Frawley W. 8, 11, 331
- Geeraerts D. 266, 331
Gerhardus D. 34, 325
Goffman E. (см. также Гоффман Э.) 308, 331
Gordon W.T. 7, 12, 12, 325
Greimas A.-J. (см. также Греймас А.) 8, 12, 23, 325, 331
- Halliday M.A.K. (см. также Халлидей М.А.К.) 254, 331
Harris Z. (см. также Харрис З.) 83, 331
Hayakawa S.I. (см. также Хаякава С.) 45, 331
Heasley B. 8, 12, 331
Hofmann T.R. 8, 12, 331
Hurford J.R. 8, 12, 331
- Jackendoff R. (см. также Джакендофф Р.) 266, 331
Johnson M. 266, 331
- Katz J.J. (см. также Катц Дж.) 8, 12, 167, 258, 331
Kay P. (см. также Кей П.) 98, 330
Kozzybcki A. (см. также Кожибский А.) 45, 331
Kronasser H. (см. также Кронассер Х.) 5, 6, 12, 331
- Lakoff G. (см. также Лакофф Дж.) 266, 331
Langacker R. (см. также Лангакер Р.) 266, 331
Lappin S. 42, 325
Leech G.N. (см. также Лич Дж.Н.) 8, 12, 308, 331
Levinson S.C. (см. также Левинсон С.) 308, 330, 331
Locke J. (см. также Локк Дж.) 5, 12, 331
Lorenz K. 34, 325
Lyons J. (см. также Лайонз Дж.) 8, 12, 167, 326, 331
- Matthews P.H. 191, 231, 331
- Meggle G. 34, 325
Morris Ch.W. (см. также Моррис Ч.) 23, 331
- Ogden Ch.K. (см. также Огден Ч.) 59, 331
Östman J.-O. 12, 224, 266, 308, 325, 331
- Palmer F.R. (см. также Палмер Ф.Р.) 8, 12, 331
Partee B. (см. также Парти Б.) 42, 331
Peirce Ch.S. (см. также Пирс Ч.С.) 23, 331
Portner P. 42, 331
Posner R. 12, 23, 325
- Reisig Ch.C. (см. также Райзиг К.) 5, 12, 331
Renkema J. 224, 332
Richards I.A. (см. также Ричардс А.) 59, 331
Robering K. 12, 23, 325
Roget P.M. (см. также Роже П.М.) 131, 167, 325
- Saeed J.I. 8, 12, 332
Saussure F. de (см. также Соссюр Ф. де) 23
Searl J.R. (см. также Сёрл Дж.) 293, 332
Sebeok T.A. 12, 23, 325
Seuren P.A.M. 224, 332
Stechow A. von (см. также Штехов А. фон) 12, 325
- Todorov Tz. (см. также Тодоров Ц.) 8, 11, 327
- Ullmann S. (см. также Ульманн С.) 6, 12, 332
- Vendler Z. (см. также Вендлер З.) 34, 214, 332
Verschueren J. 12, 224, 266, 308, 325, 331
Virtanen T. 224, 331
- Wierzbicka A. (см. также Вежбицкая А.) 167, 325
Wunderlich D. 12, 325
- Yule G. 224, 330

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
0.1. О названии науки и ее истории	5
0.2. Книги о семантике	7
0.3. Структура книги	10
Часть I. СЕМАНТИКА В РАМКАХ ДРУГИХ НАУК	13
Глава 1. Семиотика	15
Глава 2. Философия	24
Глава 3. Логика	35
Глава 4. Общая семантика	43
Часть II. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ПРОБЛЕМЫ	46
Глава 5. Функции языка	47
Глава 6. Значение	53
Глава 7. Метаязык	60
Глава 8. Методы семантики	72
8.1. Источник и оценка языкового материала	72
8.2. Методы и приемы	77
Глава 9. Язык, культура и мышление	84
9.1. Концептуализация мира языком, или Языковая картина мира	84
9.2. В. фон Гумбольдт и неогумбольдтианство	85
9.3. Гипотеза Сепира— Уорфа (на примере понятий времени и цвета)	86
9.4. «Правка» языка	92
Часть III. ЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ	99
Глава 10. Слово	100
10.1. Лексема и словоформа	102
10.2. Значение в речи и в языке	103
10.3. Формы представления значения	107
10.4. Типы информации в толковании	117
10.5. Полисемия и омонимия	121
10.6. Структура значения лексемы	126
10.7. Семантическое поле	130
10.8. Парадигматические отношения	139
10.8.1. Синонимия	140
10.8.2. Антонимия	146
10.8.3. Гипонимия	147
10.8.4. Конверсивы	150
10.8.5. Меронимия и другие парадигматические отношения	150

10.9. Синтагматические отношения	152
10.10. Толкование слов разных типов	159
10.11. Полнота описания лексики	165
Глава 11. Морфема	168
11.1. Словообразование и семантика	171
11.2. Системные исследования в морфемной семантике	177
11.3. Значение морфемы как семантическая сеть	178
11.4. Парадигматические отношения морфем	184
11.5. Синтагматические отношения морфем	186
Глава 12. Предложение и высказывание	192
12.1. Логическая структура предложения	195
12.1.1. Пропозиция, пропозициональная установка и модальность	195
12.1.2. Модально-коммуникативная парадигма	197
12.1.3. Классификации предложений	198
12.2. Структура пропозиции и падежная грамматика	201
12.3. Имплицитные смыслы	203
12.3.1. Пресуппозиция и импликация	203
12.3.2. Пресуппозиция и ассерция	206
12.4. Коммуникативная структура предложения	207
12.5. Перформативы и перформативная гипотеза	211
Глава 13. Текст и дискурс	215
13.1. Объекты исследования. Основные определения	215
13.2. Текстуальность и ее критерии	219
13.3. Типология текстов	223
Глава 14. Грамматическая категория	225
Часть IV. ОТ СМЫСЛА К ЗНАКУ	232
Глава 15. Семантические категории и способы их выражения	232
15.1. Язык и пол	232
15.2. Способы выражения пола	233
15.3. Пол у животных	237
15.4. Пол у людей	241
15.5. Лингвоспецифичность категории пола	244
Часть V. СЕМАНТИКА В ТЕОРИЯХ И МОДЕЛЯХ ЯЗЫКА	247
Глава 16. Структурализм	247
Глава 17. Функциональная грамматика	252
Глава 18. Генеративная грамматика	255
Глава 19. Модель «Смысл ↔ Текст»	259
Глава 20. Когнитивная лингвистика	264
Часть VI. «РАСШИРЕНИЯ» СЕМАНТИКИ	267
Глава 21. Теория референции	268
21.1. Историческая справка	268
21.2. Основные понятия	269
21.3. Референциальные противопоставления и минимальные пары	270
21.4. Понимание текста и типы референции	273
21.5. Слова с референциальным значением: местоимения и артикли	274

21.6. Референциальная характеристика имени	277
21.7. Референция высказывания	280
21.8. Теория референции и теория значения	281
Глава 22. Теория речевых актов	282
22.1. Историческая справка	282
22.2. Речевой акт и его аспекты	282
22.3. Классификация иллокутивных актов и иллокутивных сил	285
22.4. Косвенные речевые акты	288
22.5. Коммуникативная неудача	290
22.6. Тенденции и перспективы развития теории речевых актов	292
Глава 23. Прагматика	294
23.1. Историческая справка	294
23.2. Прагматика и значение слова	295
23.3. Понимание текста и речевая ситуация	301
23.4. Постулаты Грайса	303
Заключение	309
Приложение. Текстовые семантические задачи	311
Библиографический список	325
Предметный указатель	333
Именной указатель	344

Учебное издание

Кронгауз Максим Анисимович

Семантика

Учебник

Редактор *А. В. Птухина*

Технический редактор *Е. Ф. Коржуева*

Компьютерная верстка: *С. Ф. Блудова*

Корректоры *Г. М. Махова, Н. В. Козлова*

Диапозитивы предоставлены издательством

Изд. № А-1381-П. Подписано в печать 18.03.2005. Формат 60 × 90/16.
Гарнитура «Гаймс». Печать офсетная. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 22,0
Тираж 5100 экз. Заказ № 14570.

Издательский центр «Академия».

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.004796.07.04 от 20.07.2004.
117342, Москва, ул. Бултерова, 17-Б, к. 360. Тел./факс: (095) 330-1092, 334-8337.

Отпечатано на Саратовском полиграфическом комбинате.
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Кронгауз Максим Анисимович – профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, директор Института лингвистики РГГУ. Автор научных монографий, учебников, статей по семантике, прагматике, культурологии, русистике.

СЕМАНТИКА

ISBN 5-7695-2016-7

Издательский центр «Академия»

М. А. Кронгауз

СЕМАНТИКА

2-е издание

Учебник

Учебник

Языкознание